

Александр Владимирович Гуров Ученик некроманта. Игры Проклятых

Ученик некроманта – 1

Текст предоставлен автором <http://www.litres.ru>

«Ученик некроманта. Игры Проклятых»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0398-1

Аннотация

Тихо в стране мертвецов. Тихо и во владениях живых. Давно отгремели битвы и отыграли горны, оплакали свое матери и отмолили жрецы. В мире воцарился покой, и людям можно не волноваться, но лишь до тех пор, пока не исполнится пророчество, которое предрекает власть некромантам.

Он – ученик темного мага, они – воспитанники жрицы. Он наполовину мертв внешне, они – изнутри. Что общего между ними и зачем судьба пытается их свести? Что за пророчество прозвучало из уст Видящей и суждено ли ему сбыться?

Кто узнает ответы на эти вопросы, тому станет известно будущее человечества.

Александр Гуров Ученик некроманта. Игры Проклятых

Автор благодарит Диану Удовиченко за неоценимую помощь и дружескую поддержку.

*Не хочешь чувствовать боли – умри.
Хочешь вечной боли – стань бессмертным.*

Прорицание первое

В храмовом саду резвилась ребятня. Кто играл в прятки, кто в лова. И лишь двое сорванцов, нарушая обычаи культа Симионы, играли с вытесанными из ясеня мечами. За ними неотрывно наблюдала Третья матушка. Суровая и бескомпромиссная, она заслужила среди адептов славу «злой ведьмы». Но сейчас в ее глазах не читалось ни гнева, ни недовольства, лишь радость и умиление.

– Умелые ребяташки, – прошептала прорицательница Вёльва. Она подошла бесшумно, словно паря над землей. – Но судьба не наградит их ни победами, ни воинской славой. Им суждено вырасти храмовниками, верными последователями Симионы-созидательницы.

– Из всех подкидышей, сирот и оборванцев получатся хорошие сановники, – натягивая казенную хладнокровность, выговорила Ливия, но голос дрогнул. Она всегда неловко чувствовала себя в обществе прорицательницы. Быть может, потому что Вёльва читала людей, как открытую книгу, а Ливии было что скрывать от Храма.

– Назарин и Аарон, – тихо, словно боясь этих имен, прошептала Вёльва. – Они не останутся при Храме, им уготовлены пути паломника и просветителя.

Ливия полным отчаяния взглядом посмотрела на мальчишек, двух подкидышей, сирот с еще живыми родителями. Она не хотела расставаться с ними: они стали смыслом ее жизни, единственными дорогими в мире людьми. Все их считали родными братьями, но одной Ливии было известно, что это не так... не совсем так. Один из них был ее сыном...

Десять лет назад, когда Ливия разъезжала по городам и странам в компании бродячих артистов, она забеременела от хозяина труппы. Им был статный и красивый Визимир, не по возрасту умелый фехтовальщик и на редкость образованный муж. Вокруг него всегда толпились девушки, желающие ощутить его ласки. Среди них была и Ливия. По глупой молодости она посчитала, что своей красотой затмит всех остальных и станет для него той единственной, с которой он пройдет через всю жизнь. Она ошиблась. Следующим же вечером он был уже с другой. А спустя девять месяцев Ливия родила мальчика. Через несколько дней разрешилась и ее подруга Лэйла. Как и многие в труппе, она тоже была одной из пассий Визимира.

Узнав о рождении детей, Визимир не церемонился. Поставил двух матерей перед выбором: либо он и труппа, либо дети и изгнание, а как следствие – голод, холод и дорога в никуда. Позже Ливия корила себя за совершенный выбор, но тогда он казался единственно верным: она бросила ребенка.

Спустя два года одумалась. Сбежала из труппы и вернулась в Храм, в который когда-то подкинула двух малышек. Мечтая только о том, чтобы больше никогда не расставаться с сыном, она прошла посвящение в жрицы. Но Назарин и Аарон были настолько похожи на отца, что сама Ливия не смогла распознать, кто из них ее сын. Она осталась при Храме и с одинаковым материнским теплом любила обоих.

– Какая судьба их ждет? – с замиранием сердца спросила Третья матушка.

– Ливия, моя дорогая Ливия, я всегда восхищалась твоим мужеством. Ты не спрашиваешь, можно ли пойти с ними, не спрашиваешь, кто из них твой сын... – Вёльва жестом остановила вопрос Ливии и продолжила: – Да, я знаю твой секрет. Такое трудно скрыть от Видящей. Я могу разрешить тайну, которая гложет тебя уже много лет, и сказать, кто из них твой сын.

По телу Ливии пробежал холодок. Один вопрос – и она узнает, кто ее плоть и кровь. Она сможет убежать с сыном из Храма и поселиться там, где их не настигнет ни одна опасность...

– У меня двое сыновей, – взяв себя в руки, уверенно ответила Ливия.

– Я знала, что ты ответишь именно так, – улыбнулась Вёльва на мгновение, но тут же приняла привычно серьезный вид: – Они не узнают, кто их отец, не узнают, кто их мать, – они родились и умрут сиротами.

Ливия тяжело вздохнула. Она думала, что уже смирилась с этой мыслью, но слова

Вёльвы пронзили материнское сердце, словно острие клинка. Для Назарина и Аарона она всегда останется матушкой, но не матерью.

– Лишь бы у них все было хорошо...

– Боюсь, хорошего мало, – покачала головой Вёльва. – Мне было видение. Они умрут от руки колдуна, не достигнув возраста в двадцать весен.

«Им осталось жить десять лет», – содрогнулась Ливия и в то же мгновение почувствовала слабость – голова закружилась, а ноги подкосились. Светлейшая прорицательница за всю свою долгую жизнь не ошиблась ни разу: ее видения сбывались с безупречной точностью. Если... если она сама не вмешивалась в судьбу и не помогала ее изменить. Но такое случалось всего дважды...

– Чтобы спасти жизни твоим... сыновьям, я возьму их в ученики и обучу всему, что знаю сама. Надеюсь, эти знания помогут им выжить.

Полуобморочное состояние жрицы миг улетучилось, она упала на колени и принялась целовать прорицательнице ноги.

– Прекрати! Прекрати, Ливия. Нас могут увидеть, – встревожилась Видящая, но Ливия, пропуская ее слова мимо ушей, твердила свое:

– Спасибо, Вёльва, я этого никогда не забуду.

– Ты этого никогда не вспомнишь, – ответила Видящая, опускаясь на колени рядом с Ливией и целуя ее в лоб. – Ты должна забыть этот разговор. И о Назарине и Аароне тоже. Теперь они не твои сыновья, а мои ученики.

– О лучшей участи для них... я не могла и помыслить, – сквозь всхлипы и слезы говорила мать, однажды уже отдавшая сына в чужие руки и вновь совершающая ту же ошибку. Но она еще не догадывалась, что повторно раскается в своем деянии...

* * *

– Читаешь? – она ласково провела рукой по волосам сына и улыбнулась. На лице проступили тонкие морщины, вызванные никак не возрастом. Мальчик оторвался от книги и посмотрел на мать. От ее доброй улыбки всегда становилось тепло на душе. – Читай, милый. – Она поцеловала его в макушку и, незаметно смахнув с лица покотившуюся слезинку, прошла на кухню: сын не должен видеть ее слез.

Сандро вернулся к чтению. Мать научила его читать и писать, но в их доме была всего одна книга, написанная самой матерью. Сказки. Сандро любил эти сказки и не обращал внимания на то, что знал, чем закончится каждая из них. Он не в первый раз вчитывался в знакомые строки, которые уже знал наизусть, но продолжал прилежно листать страницы изо дня в день. Это было его любимым вечерним занятием. Но... если бы Сандро знал, что сегодня видит мать в последний раз, то провел бы этот вечер иначе.

* * *

В комнате царил полумрак. В тусклом свете единственной свечи тонкая пелена пыли, осевшая на книжных стеллажах и картинах, казалась серебром... или плесенью. С книгой в руках в центре комнаты застыл некромант, укутанный в темно-красный плащ. Он опустился на колени и уверенным движением начертил на полу круг, затем вписал в него гептаду, корявым почерком добавил к ней несколько символов и замер.

В полной тишине комнаты послышались тихие приглушенные нашептывания. Огонек свечи часто замигал и застыл, словно неведомая сила остановила ток времени. Из магического круга повеяло мертвым холодом, и от центра гептады к ее краям поползла тонкая корка льда. Вскоре она достигла границы круга, но, не останавливаясь, устремилась дальше.

Чернокнижник отложил том заклинаний и потянулся к висящему на шее ламену. Он взял его костяной рукой и, направив на круг, что-то тихо прошептал. Изморозь остановилась, выйдя за грани круга лишь на миллиметр. В тот же миг послышался женский плач, мольбы о помощи и проклятья. Вскоре утихли и они, оставив от себя лишь приглушенное эхо, еще бродившее от стены к стене.

– Слушаю тебя, повелитель... – окатил комнату низкий утробный голос.

– Видящая, – указал некромант рукой на забившуюся в углу женщину в разорванном, измазанном кровью платье, – мечтает рассказать о прорицании, но послушники Храма отрезали ей язык и сломали пальцы, чтобы она не могла передать знания. Ты станешь ее языком.

Невидимый дух, не задумываясь, выполнил приказ. Скользнул к женщине, оставляя за собой тонкий путь изморози, проник в ее тело, захватывая сознание. Пленница застонала от резкой боли и холода, заскрежетала переломленными пальцами о каменный пол и, не выдержав пытки, упала в обморок. Ее глаза закатились, а спина изогнулась дугой, и в следующий миг она заговорила языком духа:

– Когда воскреснет живой и оживет дважды мертвый, когда рабыня станет королевой, а бессмертный король добровольно оставит свой трон... Тогда и только тогда власть над самим собой станет для раба властью над миром.

Видящая замолчала. Некромант на мгновение задумался. Поняв, что с такими условиями ему не видать власти, рванулся вперед и, на ходу обнажив сталь клинка, вонзил его в горло Видящей.

– Я исполню пророчество, сколь бы сумасшедше оно ни звучало... – прошипел он сквозь сомкнутые зубы и вынул клинок из горла жертвы. – Или найду другую Видящую – выдавлю из нее другое прорицание...

Глава 1 Полумертвый

Кто пришел сюда, в страну коней...

Рыба плывущая...

Птица поющая...

Он погиб коварной смертью.

Эггьюмская надпись

Серпантином вилась неторная тропа, скрытая от людских глаз холмами и предгорьями. С обеих сторон ее обступили кустарники с красными, словно кровь, шипами. Жалящий ветер играл с пылью, поднимал ее, закручивая вихрем.

Прикрывая глаза руками, безлюдной тропой брел человек. Капюшон скрыл лицо, серый плащ поглотил худощавое тело. За безликими одеяниями скрылся пятнадцатилетний мальчик, который боялся собственной внешности, как огня...

Близились сумерки. Темнело по-осеннему быстро.

Повинуясь уходящим закатным лучам, путник ускорил шаг. Время не ждало.

Вскоре за холмом показалась небольшая деревня. Из старых ветхих дымоходов неуверенно валили бледные клубы дыма. Сквозь ставни просачивался мерцающий свет, слабо освещая пустынные лабиринты улочек.

Путник вошел в деревню. Почувяв незнакомца, со всех дворов в один голос залаяли собаки, но хозяева не решались выходить из домов и успокаивать живность: все понимали, кто к ним пожаловал, и уже знали, у какого дома остановится незваный гость.

Среди ясного неба неистово гроыхнуло. Облака быстрыми теньями скрыли закатное солнце, поглотили свет. Угрюмо опустили черные кудрявые брови боги грома и молний – сковали небо непроглядными тучами. Дождь роем жалящих капель низвергся с небес, и

ветер, заглушив песнь дождя, взревел неистовым воем, забарабанил каплями в закрытые ставни.

Странник неуверенно прошел через поселение. Вышел к почерневшим от сажи и копоти развалинам.

Выгадав время, из ближнего дома выскочил мальчик, который до сих пор не верил маминым сказкам об оживших мертвецах. Его любопытные глазки с воодушевлением изучали серую фигуру, надеясь распознать в незнакомце повелителя мертвых. Следом за сыном, вооружившись вилами, выбежал испуганный отец. Безликим силуэтом за спиной мужа возникла женщина, за уши потащила непослушное чадо домой. А сорванец, едва заметно сопротивляясь, бросал на странника косые взгляды:

– Маловат для некроманта! – резюмировал озорной голосок.

Путник обернулся. Последние отсветы уходящего солнца бликами отразились на костяной руке, порыв колючего ветра сорвал с лица капюшон. Пришлый не был человеком. Нет, когда-то был, но сейчас лишь наполовину. Левая часть лица была людской, на правой же не было ни кожи, ни плоти – темная магия прогрызла ее до белесого черепа. Но в этом монстре еще теплилась жизнь, слабое сердце билось, разнося кровь по уцелевшим жилам.

Непослушный ребенок в одно мгновение внял родителям, тихо, словно полевая мышь, юркнул в теплый и надежный дом. С этого дня он не усомнится в правдивости родительских слов.

Взрослые задержались лишь на секунду. Обменявшись немymi взглядами, поспешили вслед за сыном. Сегодня они зададут неслуху немалую трепку: выместят на нем злобу и страх.

...Некромант перевел взор на развалины, оставшиеся от отчего дома.

Небо оплакивало прошлое мириадами мелких капель, оживляя в памяти разъяренный пожар: огонь, который окутывал спящих, дым, который стелился удушливым облаком у ног, крики отца и вопли матери, – ошибку судьбы и людскую беспомощность. В глазах отразилось пламя, но даже оно не смогло сжечь скрытые каплями дождя слезы.

– Это они виновны... – Оголенная костяшка челюсти уродски шевелилась, выталкивая сквозь безгубый рот плаксивые слова. Уцелевшие при пожаре глаза ненавидяще смотрели на пепелище, оплакивая прошлое и презирая настоящее. Он – некромант, мертвец, и ненавидит живых, а живые ненавидят его. Так заведено в этой стране, так должно быть! Но все обстояло иначе... Мальчик не был мертв, и он любил жизнь, любил живых, наплевав на правила, наплевав на людское презрение.

– Они виновны... – с ненавистью к себе подобным прошептал полуживой некромант – ошибка даже для темной магии.

Ладони против воли сжались в кулаки. Левая рука задрожала от напряжения, правая – рука скелета – противно скрипнула, словно ржавый меч, вырывааемый из ножен.

– Я отомщу! – поклялся он себе. – Я найду, кому и...

Зов Хозяина. Зов сотен труб, слившийся воедино, вырвал его из плена прошлого. Жалкие угрозы умерли на устах, так и не слетев с языка.

Мальчик впился беспомощным взглядом в руины, в которых сгорели свобода и счастье. Он сопротивлялся чужой магии изо всех сил, отчаянно надеялся, что воля и разум переборют Зов! Но расслабил руки. Отвернулся от пепелища.

Зов сильнее воли...

* * *

Замок Бленхайм стоял на отшибе.

Единственная ведущая к нему дорога круто извивалась, огибая многочисленные овраги и впадины, постепенно задиралась ввысь, поднималась на предгорье, где прошибала насквозь безлюдный гарнизон – и бежала дальше, резко обрываясь у древней крепости.

Издали Бленхайм напоминал резную тиару, зубцами которой служили тонкие минареты башен. Широким ожерельем его обвили монолитные крепостные стены, скрыв от глаз основание замка. Ворота, которые никогда не закрывались, напоминали разинутый рот, подъемный мост походил на язык. И стоило монарху в тройной короне проглотить новую жертву, как она попадала в другой мир – мир смерти, мир ее царства.

Вблизи Бленхайм менялся.

Из красочной короны превращался в уродливого клеща, который намертво присосался к земле, питался ее соками, вырастая в высоту и вширь. Из крепкого тела замка повылезали шипы башен, почерневшие от времени стены обвил старательный плющ, лицевую сторону крепости усеяли ваяния гротескных демонических существ с дырами вместо глазниц.

Мальчик прошел в пасть каменного монстра, которым по праву считал крепостные фортификации Бленхайма, и ловушка захлопнулась.

Десятки демонических глаз наблюдали за вошедшим мальчиком, заседали на него каменными взглядами. Вечное безмолвие, столетие за столетием царившее в этих стенах, влилось в уши кричащим надрывом сотен умерших голосов. Тишина. Унылая, навевающая беспредельный ужас, грубая, кладбищенская. Тишина.

Мальчик поднялся по небольшой лестнице и вошел в крепость, свернул из мрачного парадного зала и прошел на ненужную в Бленхайме кухню. Остановился в дальнем углу комнаты у кухонного шкафа. Уверенным движением прокрутил ручку по часовой стрелке, потянул на себя. Дождался щелчка и повернул рычаг обратно.

Без малейшего звука дверные створки разошлись, открывая мрачную винтовую лестницу. словно заведя спасение, из подземелья вырвался душный воздух – настолько тяжелый и грязный, что вдыхать его ополовиненными легкими было до рези больно.

Темнота, окутавшая узкую прорезь туннеля, казалось почти живой, она играла пылью в тонких лучах лунного света, переливалась сотней оттенков. Из прохода мутным облаком поднимался алхимический туман, покрывал тьму серой кромкой, придавая ее очертаниям еще более живой характер.

Не колеблясь, мальчик ступил во тьму, в безликую душу тумана. Медленно зашагал по идеально ровным, не поддавшимся разрушительному времени ступеням. Шаги гулким эхом разносились вокруг, отражались от стен, набрались силы и звучали все громче, все крепче. Тишина недовольно сжималась, покидала насиженное место и сползала все ниже, ниже, ниже...

Все ниже и ниже спускался мальчик. Разум слышал Зов Хозяина, и ноги покорно повиновались. Каждый шаг отзывался воплем в душе, каждый шаг был ненавистен и противен, но Зов слишком силен, чтобы не внимать ему. Надо идти, идти надо...

Внизу забрезжили блики свечей, превращая властную тьму в слабovolьную серость. Вскоре мальчик вышел в яркое и светлое помещение. Тысячи магических свечей, которые никогда не истлевали, утыкали резные ниши в стенах залы. Свечи тихо потрескивали, пытаясь создать подобие уюта, но общая атмосфера залы наталкивала на гнетущие мысли. В стеклянных сосудах замерли в вечном покое заспиртованные эмбрионы и органы. Многочисленные колбы с жидкостями, коробки с порошками и другими ингредиентами для опытов бесконечной чередой осели на высоких стеллажах. В дальнем углу лаборатории на полках пылились старинные фолианты и пожелтевшие пергаменты.

– Где тебя носило? – послышался скрипучий голос, обладатель которого скрылся за рабочим столом, уставленным химическими принадлежностями.

– Я гулял, снаружи... – виновато ответил мальчик. Его взгляд, мечась по сторонам от страха, остановился на мрачном полу, который украшали – делали еще уродливее – рисунки давно минувших битв.

– Опять ходил в деревню, – выговорил Арганус Д'Эвизвил, резко выныривая из-за стола, словно крокодил, атакующий добычу. – Сколько можно повторять, чтобы ты там не показывался? Слова перестали на тебя действовать? С этого дня я запрещаю тебе ходить в деревню – это приказ.

– Учитель, пожалуйста... не надо приказов... – Сандро оторвал взор от пола, всмотрелся в огненные глаза Хозяина. Их взгляды пересеклись всего на мгновение, но для мальчика оно показалось веком. Ученик потупил взор, опять уставился на напольную мозаику, где в иллюзии движения сражались альвы и некроманты.

– Ты меня слышал, – обрубил Д’Эвизвил. – Я приказал и не привык повторять дважды.

– Вы звали, – отчеканил Сандро, лишив голос всяческих эмоций, лишив себя чувств, став истинным слугой, покорно ожидающим приказа.

– Звал, – согласился лич. – Сегодня я создал новое зелье, даже не зелье – жидкий газ, который превращает человека в зомби без затрат Силы и приковывающих заклинаний.

– Великолепно, – сухо проговорил Сандро.

– Я не вижу радости, – наседали Арганус, словно требуя от мальчика немедленных торжественных вскриков и аплодисментов.

– Вы бы не показывали мне этот газ, если бы он работал безупречно, – хладнокровно выговорил мальчик пятнадцати лет, пять из которых провел в учениках некроманта. – Мне надо закончить работу?

– Да, – кивнул Д’Эвизвил. Как и многие чародеи, он предпочитал долгим и малоэффективным изысканиям в алхимии более совершенную темную магию. Зато старательный ученик проявил к тяжелой науке особое рвение, без конца изучал трактаты и сводки, делал это в ущерб практическим занятиям некромантии, но такой ход вещей устраивал Аргануса. Лич редко находил для ученика время, редко занимался с ним магией, зато всегда с удовольствием следил за развитием его алхимических талантов.

– Приступай, – отдал очередной приказ Арганус.

– Слушаюсь, учитель, – отозвался мальчик, несмело поднимая взгляд.

Некромант прошел к выходу из лаборатории, грубо стуча железными ботинками о каменные плиты. Арганус часто облачался в доспехи, маскируя свое естество. Но тонкие пластины слишком плотно облегали хрупкую стать, чтобы скрыть сущность скелета.

– Учитель! – крикнул вслед Хозяину мальчик.

– Что? – замер лич у выхода из лаборатории.

– Какого эффекта не хватает? Над чем мне нужно работать? Какие ингредиенты вы использовали? Я не могу работать вслепую... – вспыхнув, громко заговорил Сандро, но к концу повествования перешел на шепот.

– Записи на столе, – не оборачиваясь, бросил Арганус и, шагнув на первую ступень, исчез во тьме винтовой лестницы.

Мальчик небрежно взял в руки пергамент. Почерк писца был коряв и неразборчив, попытки научиться каллиграфии так и не увенчались успехом: иногда недостаточно даже многовековой практики, чтобы совладать с бесталанностью.

– «Элифир обживания»... – недовольно пробурчал Сандро, коверкая и без того неразборчивый, но уже привычный почерк. Мальчик без труда разбирал каракули лича, но, уединясь, позволял себе посмеяться над учителем.

Сандро наскоро пробежался по тексту, несколько секунд помолчав, заключил:

– Простейшая формула. Связка, конечно, интересная, но уже не диковинная...

Ученик изобрел эту «новинку» годом раньше, но так и не показал Арганусу, опасаясь, что эликсир причинит вред людям. Сейчас же он получил приказ, которого не ослушаться, не исполнить на треть или половину. Работу должно выполнить наилучшим образом.

Юный ученик взял толстое гусиное перо, макнул в чернильницу, вырезанную из «черного дерева» в виде человеческого черепа. Двумя уверенными мазками исправил ошибки в формулах учителя, подписал заклинание, без которого эликсир, несмотря на утверждение Аргануса, терял силу. После чего отложил в сторону перо и исписанный пергамент.

Быстро разобравшись с заданием, Сандро не спеша прошел к книжным полкам в дальнем углу лаборатории. Присел на корточки, аккуратно отодвинул кусок мозаики и вытащил из тайника колбочку с эликсиром, который останавливал рост живых клеток.

Мальчик убивал в себе взросление. Только так он мог предотвратить искажение собственного организма, мертвая часть которого не менялась, а живая продолжала расти.

Одним большим глотком Сандро выпил зелье. Едко-зеленая жидкость обожгла нёбо, теплом прочертила маршрут от горла к желудку. В голове закрутились сотни мыслей, заученные долгими ночами формулы, бесконечные заклинания и алхимические заметки. Побочным эффектом от зелья было повышение умственной активности, и Сандро пользовался этим сполна: изучал алхимию и некромантию, надеясь, что знания в конце концов помогут оборвать связь с Хозяином, вернуть свободу, а возможно, и... человеческий облик...

Пересилив привычную боль от эликсира, мальчик поднялся и прошел к бесконечным книжным стеллажам. Вытащил первый попавшийся трактат, которым оказалась историческая сводка «Путь Трисмегиста».

Пропустив первые главы, которые редко раскрывали суть, веером пролистал книгу до середины.

Альберт Трисмегист. Друид и наставник магии. Его руке принадлежит труд «Все об эликсире бессмертия», в котором Трисмегист изложил многолетние изыскания по созданию Эликсира Жизни. Также в книге изложены все три формулы эликсира. Но ни одна из них не принесла желаемого результата. Последнее испытание дало невероятный сбой: друид лишился плоти, но магия скрепила его кости, не позволяя умереть; ум и сознание развеялись вокруг скелета невидимой аурой, рассудок друида ожесточился, темная сторона сущего поглотила Трисмегиста, и он стал порождением зла, смерти и насилия.

Зато трансформация многократно увеличила колдовские способности Альберта, дала невероятные возможности, наделила нечеловеческой силой...

Сандро зашуршал страницами. Даже в середине книга не отличалась интересным повествованием, поэтому он решил начать с конца. Открыл последнюю страницу, вник в ее суть:

И начал он творить зло, плодить подобных себе. И бывшие друзья стали ему рабами, и цветущий лес превратился в каменную пустыню. И крепости отстраивались одна выше и крепче другой, и строили их безвольные скелеты, в которых превратил Трисмегист всех людей и альвов, живших в округе. И когда его могущество стало велико и безгранично, он начал войну.

...Огни и пожарница изувечили лицо матери-земли, исказили его в болезненной гримасе. Легион нежити был несокрушим. Казалось, дни мира сочтены, но в решающем сражении люди одержали победу и оттеснили некромантов к их исконным владениям.

Бессмертный король сложил голову в Последней битве, ознаменовав гибель непобедимого войска. Но объединенные силы людей и альвов не смогли закончить начатое. Их силы истаяли. Стало ясным, что окончательную победу не одержать. Тогда все маги, друиды и ведуны соединили силы и сковали магическими оковами обезглавленное войско, запечатали неуспокоенных в границах Хельхейма, не позволяя им выходить за магическую черту.

Под «купол» попала и людская страна, Стигия, которая в Последней войне сражалась на стороне нежити и была таким образом проклята собратьями-людьми. Некроманты стали пленниками своих земель, узниками мертвой страны. Но они жили, существовали с мыслью, что когда-то их план господства все же осуществится и они под командованием первого приверженца и сильнейшего мага из ныне живущих – Балор Дота – выйдут из Хельхейма и несокрушимой волной боли и ужаса сотрут с лица земли все живое.

Сандро закрыл запыленный фолиант. Ничего нового он не узнал – разве что название книги: «Все об эликсире бессмертия». Оно крутилось в голове, не давая покоя.

Юный алхимик задумался. Трисмегист создал эликсир, стал родоначальником некромантов. Возможно, где-то между строк затерялось указание на обратный эликсир, который сможет вернуть мальчику утраченную сущность? Сандро не мог не воспользоваться таким случаем. Тем более он уже видел книгу с таким названием. Видел – и с помощью выпитого зелья легко вспомнил, где именно.

Быстро пробежав изучающим взглядом по книжным стеллажам, его взор остановился на нужном трактате. Чтобы вытащить фолиант, Сандро пришлось подняться на лестницу. Это не заняло много времени. Вскоре он уже взял в руки книгу, попытался открыть, но жуткий, обволакивающий и пронзающий сознание Зов ворвался в голову, затмевая малейшее проявление воли и мысли.

Юный некромант сорвался с лестницы, упал на пол и скрючился в припадке боли.

Подобный сирене Зов волнами прибывал его к земле, вгоняя в пучину забвения. Тонкий звук ввинчивался в голову, крючком выворачивал мозги, перемалывал в жерновах мысли.

– Хватит! Я иду!.. Иду... – истошно закричал мальчик, но его никто не услышал, кроме заставленных стеллажами стен.

Сандро прошептал заклинание, избавляющее от боли, но ничего не изменилось. Пересилив себя, он все же поднялся. Сжавшись в комок, со всех ног бросился бежать – бежать к Хозяину, чтобы тот разжал тиски своего Зова.

Глава 2 Зов Трисмегиста

*В неподвижной туманной мгле
Призрак делает нервный шаг,
Полыхает дрожащий след.
В старом доме играет маг...
Эллон Синев. «Тени города»*

В окно впорхнул ветер, неся за собой капли дождя. Свет догорающей на комодке свечи недовольно замерцал, заиграл безликими тенями на серых стенах.

– Тише, – попросила у ветра девушка, прикрывая ладонью дрожащий огонек. Дождавшись, когда пламя выпрямится и ярче озарит темную келью, она убрала руку от свечи, взяла прореженный гребень, похожий на рот, расплывшийся в щербатой улыбке, и продолжила расчесывать пряди огненно-рыжих волос.

Неутомимый ветер опять влетел в комнату, потревожил огонек свечи, пробежался от стены к стене, окутывая келью едва ощутимой прохладой.

Девушка отложила гребень и, улыбнувшись, посмотрела в окно, за которым бушевала дождливая поздняя осень.

Став пленницей некроманта, Энин полюбила дождь. Полюбила его гром за то, что он нарушал извечную тишину, его ветер за то, что он освежал затхлый воздух кельи, его молнии за то, что они разукрашивали антрацитовое небо яркими узорами. Но самое большое достоинство дождя было в том, что у него не было повелителей и хозяев – он принадлежал себе и только себе и этим отличался от двух сестер, которые волей рока стали рабынями некроманта.

– Анэт, – тихо шепнула Энин, чтобы не напугать близняшку-сестру, которая лежала на кровати и задумчиво смотрела в потолок. – Сестра! – Не получив ответа, она позвала громче.

– Что? – недовольно отозвалась Анэт.

– Хочешь, я причешу тебя? – предложила Энин, глядя на растрепанные желто-золотые волосы сестры.

– Позже, – отмахнулась та и задумчиво спросила: – Ты скучаешь по дому?

Энин задумалась. Вспоминала тяжелую работу в поле, вечные домашние тяготы,

присмотр за младшим братом. Ее лицо озарила улыбка. Сколь бы ни были тяжелы эти дни, они всегда наполнялись родственным теплом и домашним уютом. Но память скользнула дальше, вернув картину, когда слуги некроманта оторвали их от семьи. Вспомнились слезы матери, плач младшего брата и неправдоподобно спокойное лицо отца.

Улыбка сменилась гримасой.

Больше всего ей запомнился именно отец – его неуверенные извинения, сбивчивые оправдания, лишенное эмоций лицо. Он молил о прощении, молил, чтобы дочери не корили его за судьбу, на которую он их обрек. Но его пустой взгляд говорил о другом. Он мечтал только о том, чтобы покинуть Стигию, уйти из-под власти некромантов. И это желание было настолько велико, что он без зазрений совести продал дочерей некроманту, выменял на свободу для себя, жены и младшего сына. Энин ненавидела отца, ненавидела самой лютой ненавистью, которая только могла родиться в людском сердце.

– Как ты думаешь, у нашей семьи все хорошо? – спросила Анэт, вырвав сестру из пелены черных мыслей.

– Не знаю... не знаю, о какой семье ты говоришь?! Отец нас продал! Здесь мы из-за него... – Энин хотелось закричать, выплеснуть в мир всю ту ненависть, которая ее переполняла, но вместо этого она отстранилась от зеркала и прикрыла одной рукой глаза, скрывая выступающие слезы.

– У него не было другого выбора... – безразлично сказала Анэт.

– Был! Был! Мы могли жить, как все...

– Умирать и становиться бродячими мертвецами, – закончила за Энин сестра.

– Пусть так, но уж лучше бы все было как раньше, чем как сейчас... – Энин уже не сдерживала слез.

– Не плачь... – Анэт подошла к сестре и обняла за плечи. – Тише, родная... не надо, чтобы нас слышали... будь сильной...

Двери со скрипом распахнулись. В проеме показался уродливый скелет. Его тощую, почти хрупкую фигуру скрывали начищенные доспехи и темно-красный плащ, казавшийся на сером фоне замковых стен шутовским, но такое впечатление вмиг улетучивалось, когда взор останавливался на его обладателе – Арганусе Д'Эвизвиле, хозяине замка Бленхайм.

Арганус уставился на обнявшихся сестер и едва слышно приказал:

– Не медлите, я спешу.

Девушки испуганно переглянулись. Они знали, что означает этот приказ, приказ, исполнять который не хотелось. Они бы не повиновались, будь у них силы. Но сил не было, были только ненависть и страх...

Пришлось подчиниться.

Анэт скользнула волосами по груди сестры. Извиваясь, поднялась выше. Нежным движением отодвинула рыжие локоны и тихо шепнула:

– Не плачь, нежить не должна видеть наших слез.

Губы Энин изогнулись в подобии улыбки. Девушка ласково взяла сестру за плечи, поцеловала в шею, прикусила мочку уха и прошептала в ответ:

– Сегодня я твоя...

Анэт встала и помогла встать сестре. Провела ее к расстеленному ложу и замерла в нерешительности. Движения Анэт были вымеренными, отточенными, словно их делал не человек, а бездушный механизм. Она не была собой – это была пустота с лицом Анэт. Девушка, пересилив внутренние противоречия, нежно прикоснулась к сестре, к ее хрупкой женственной спине. Незаметным движением опустила бретельки, провела руками, повторяя контуры девичьей фигуры. Легкое атласное исподнее тихо зашуршало у ног, оседая на матово-черном полу. Анэт уверенно, но ласково уложила любовницу на кровать. Энин прижалась к ложу, сжала в кулаки простыню, в душе ненавидя и презирая любовные утехы с сестрой, которые, впрочем, были так же неизбежны, как само рабство.

Анэт медленно сняла с себя платье, обнажая хрупкую фигуру. Неуверенно, осторожничая, легла рядом. Нежно провела рукой, повторяя изящные изгибы сестринского

тела, но, не совладав с эмоциями, которые выплеснулись через незримый край, хищной кошкой запрыгнула на сестру. Крепко сжала ногами ее ягодицы, своим телом прижалась к изящной женской стати, прикоснулась к ней губами. Ненасытно, но скупое целовала нагое тело, спускаясь все ниже и ниже. Дойдя дорогой холодных, как лед, поцелуев до крепких ягодиц сестры, она властно развернула Энин и принялась ласкать любовное место. Не переставая, ублажала: нежно, играючи...

Привычно.

Энин тяжело дышала, возбужденно изгибалась, поддаваясь ласкам, воображая вместо сестры истинного любовника, которого так никогда и не знала. Представив давнюю, первую и единственную любовь, она мечтательно-желанно прижала к себе сестру. И в этот миг потеряла над собой контроль. Она уже не замечала лица, неотрывно наблюдавшего за ними, ее уже не волновали свобода и рабство: она получала удовольствие и отдавалась ему всецело.

Некромант внимательно наблюдал за любовной картиной. Самым сладостным в ней была девичья неуверенность, их обманные, лживые ласки, неумело прикрытые маски, скрывающие ненависть и злобу. Это возбуждало в лице самые сокровенные, едва не людские, мечты и желания. В эти мгновения он вспоминал прошлую жизнь, возвращался в человеческое тело, мысленно одаривая неумелых любовниц собственными нежно-грубыми ласками.

Но за удовольствие приходилось платить, и Арганус из раза в раз выкупал у отцов их дочерей, суля свободу всему семейству. Люди получали то, чего желали – шанс покинуть Стигию, а вместе с подвластной страной и домен Хельхейм, но слова Аргануса оказывались ложью: на границе людей ждала смерть. Некромант никого не выпускал из своих владений. Приграничные лорды умерщвляли посланных к ним людей и превращали их в нежить.

А ничего не знающие о судьбе семьи наложницы радовали лица своей красотой и молодостью. Но по прошествии лет, потеряв молодость и былую привлекательность, наложницы присоединялись к своей семье. После смерти. А на смену старым приходили другие. И история повторялась. Уже тысячу лет...

Двери резко распахнулись, глухо ударяясь о стену. На пороге застыл в искореженной позе перепуганный мальчик.

Девушки невольно остановились. С отвращением посмотрели на вошедшего, чье лицо скрыл серый, опущенный едва ли не на нос, капюшон. Это был маленький, серый комочек, от которого веяло могилой еще больше, чем от покойника.

Энин упорно смотрела на неизвестного. Она все еще глубоко дышала от возбуждения, но хрупкая аура любви уже разбилась о твердь ненависти, а страсть растворилась в дымке страха.

– Вон отсюда! – гаркнул на ученика некромант.

– Хозяин... Зов... перестаньте... – прошипел сквозь стиснутые зубы Сандро и, не выдерживая боли, упал на колени.

Арганус с хрустом сжал кулаки и шагнул к Сандро, намереваясь заткнуть его крик ударом. Но в последний момент передумал и, вместо того чтобы заглушить одно страдание другим, спокойно прикоснулся к голове ученика, снимая тянущую боль, превращая чужую слабость в свою Силу. В противовес бытующему мнению, что некромантия не способна ни на что, кроме убийства и поднятия мертвецов, эта магия обладала куда большими возможностями – начиная от снятия боли и заканчивая излечением тяжелых, порой и смертельных, ран.

Магия некроманта подействовала моментально. Боль быстро отступила, а темная пелена, стоявшая перед глазами, рассеялась. Первым, кого увидел мальчик, когда тьма истаяла, был учитель, сложивший на груди костяные руки. Арганус молчал, но и без слов было ясно, что он в ярости. Но не это сейчас заботило Сандро. Он перевел взгляд в глубь комнаты и увидел существо, способное затуманить своей красотой рассудок любого.

Девушка с волосами цвета солнца, не шевелясь, лежала на кровати и смотрела на Сандро. Рядом с нею была еще одна девушка, но юный некромант старательно ее не замечал. Все его внимание было отдано рыжеволосой красавице. Он не мог отвести от нее взгляда: она покорила его сознание и разум, мысли и мечты, заставила слабое сердце полуживого некроманта то стучаться в невероятном ритме, то замирать. Ему казалось, что нет ничего блаженнее, чем просто смотреть на девушку и наслаждаться ее неповторимой красотой...

Но блаженство длилось недолго:

– Убирайся. – Голос Аргануса прозвучал словно гром посреди ясного неба.

Сандро вздрогнул, приходя в себя, и посмотрел в кроваво-красные глаза Хозяина. Их взгляды пересеклись. Казалось, еще чуть-чуть – и ученик победит своего учителя в незримой схватке, разорвет магические путы, связавшие с Хозяином, не выполнит приказа, останется рядом с девушкой и никуда не уйдет...

Но он покорно опустил взор и тихо прошептал:

– Я закончил работу над эликсиром.

– Иди в лабораторию, – приказал лич, и его раб не смог не подчиниться.

Уходя, Сандро еще раз посмотрел на рыжеволосую девушку и проклял Хозяина за то, что он с ним сотворил, проклял свою внешность, которую приходилось скрывать от людей, внешность, не вызывающую ничего, кроме отвращения.

Арганус с ухмылкой проводил взглядом ученика и посмотрел на рабынь. Быстро и скупно распрощавшись с наложницами, закрыл двери в келью на замок и пошел следом за Сандро.

* * *

Узкий туннель облюбовала ненасытная, всепоглощающая темнота.

Арганус спускался по ступеням неправдоподобно легко и быстро. Следом за ним, не успевая и напрасно пытаясь подстроиться под походку учителя, семенил Сандро. Вскоре они вышли в лабораторию, и непроглядная тьма сменилась ярким светом. Некромант прошел к рабочему столу и уселся в глубокое мягкое кресло. Взял в руки хрустящий пергамент, на котором недавно писал формулы ученику, и быстрым взглядом пробежал по новым заметкам.

– Зачем заклинание? – только и спросил он.

– Усиление действия газа: более прочная связь «цели» с «хозяином», более полный контроль над «мишенью», – отрапортовал ученик.

– Хорошо, – холодно похвалил Арганус. – Идеальный газ, превращающий людей в зомби...

– Простите, учитель, я не говорил, что человек становится зомби. Он остается собой, но превращается в безропотную куклу в руках Хозяина. Простите... – Сандро не мог позволить некромантам превращать людей в зомби, тем более с помощью собственных творений, но это вряд ли понравится учителю.

– Так даже лучше, – одобрил Арганус. – Стоит монарху вдохнуть этот газ, и он станет безвольной марионеткой. Целая страна без войн и разрушений падет ниц, преклоняя колена перед силой Хельхейма, – рассуждал лич. – Власть в нашей жизни – все, а это зелье...

Мертвая, всепоглощающая тишина окутала лабораторию. Сандро слышал удары собственного сердца, тихие потрескивания многочисленных свечей, но не слова хозяина: они пролетали мимо его ушей. Мальчик винил себя за непростительную глупость. Желая меньшего зла, он сделал большее. Лишний раз поставил под угрозу людское существование. И не важно, что нежить скована магическим куполом: людские маги не смогут поддерживать его вечно. Рано или поздно некроманты вырвутся на свободу и смогут воспользоваться изобретением.

– За хорошую службу принято вознаграждать. Проси чего хочешь... – приходя в себя,

услышал ученик.

Мысли хаотично закружились в голове мальчика. Чего он хочет? Избавиться от рабских оков? Покинуть замок и вернуться к людям? Быть среди них изгоем?

«Уж лучше быть изгоем, чем рабом», – мелькнула отчаянная мысль. Сандро уже открыл рот, собираясь выпрашивать свободу, но вспомнил очаровательную рыжеволосую девушку, и ее обворожительный образ тут же предстал перед ним. Мальчик закрыл глаза и открыл их снова, помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения, но рыжеволосая рабыня стала лишь более явной – она ожила в его воображении, покорила своей красотой внутренний мир мальчика...

Ее лицо озаряла улыбка, девушка смотрела на некроманта без страха и ненависти. Она элегантно повела оголенным плечом. Выписала изящное «па» и пустилась в пляс. Она двигалась красиво и грациозно, она жила танцем, каждое вымеренное движение было продолжением бесконечной пляски.

Словно из ниоткуда, вокруг возникли люди. Море людей. Они, как и Сандро, наблюдали за плясуньей, хлопали в ладоши, на лицах каждого читались радость и веселье.

Но картина быстро перерисовалась. В одно мгновение растворились все люди, танцовщица остановилась, улыбка пропала с ее лица – теперь на нем читались лишь грусть и усталость. Воображение скользнуло дальше: девушка сидела в темнице, жалостливо и умоляюще смотрела на некроманта через тюремные решетки.

– Я жду, – донесся издалека голос учителя.

Сандро встрепенулся. Видение исчезло, но образ девушки продолжал жить в мыслях – мальчик не мог и не хотел расставаться с ним.

– Мне нужны рабыни, которых я сегодня видел, – потребовал Сандро, сам удивляясь своей просьбе.

– Мальчик повзрослел? – сверкнув глазами, выговорил Арганус. – Для любовных утех я найду тебе других, а эти будут принадлежать мне и дальше.

– Другие мне ни к чему, – стоял на своем Сандро.

– Торгаш! – повысил голос некромант, но быстро сменил гнев на милость: – Ты хорошо потрудился, они твои...

– Благодарю, учитель, – низко поклонился мальчик.

– В ближайшее время я буду занят. Если понадобится – позову.

Арганус встал с кресла и торопливой походкой вышел из лаборатории. Он так и не вспомнил о провинности ученика, так ничего и не сказал про Зов. Сандро уже засомневался в том, что учитель вообще звал его: теперь ему казалось, что кто-то посторонний проник в его сознание, вызывая звук, отдаленно напоминавший Зов.

* * *

Как только силуэт Хозяина скрылся в темноте винтовой лестницы, Сандро подошел к рабочему столу, достал с внутренней полки короткий жезл, увеличивающий колдовские способности. Без особых усилий окунулся в магические потоки, проверил энергетические линии на момент недавней волшбы. С головой погрузился в переплетения различных аур, но так ничего и не обнаружил. Даже предназначенный для поисков жезл не выудил из эфирных сгустков никаких намеков на колдовство.

От досады Сандро отшвырнул бесполезную деревяшку в другой конец лаборатории. Повторил попытку без посторонней помощи – она далась гораздо сложнее, но результат не превзошел предыдущего.

Чародей не отчаивался. Собрался с силами, готовясь к третьей попытке, но его прервал усталый старческий голос:

– Боюсь, милейший, твои труды бесполезны.

Сандро окинул лабораторию молниеносным взглядом, даже просмотрел ее через магические потоки, пытаясь найти невидимого собеседника, но это ничего не дало. В зале никого не было.

– Кто ты? – спросил он пустоту.

– Ответ тебя немало удивит, – протянул неизвестный.

– Говори, меня нелегко заставить врасплох, – задрал подбородок, уверил Сандро.

– Что ж, я все же постараюсь: я тот, кто открыл три формулы Вечности, тот, кому ведомы пути между сферами бытия, тот, кто изобрел...

– Хватит загадок, – прервал Сандро монотонный говор собеседника. – Достаточно сказать имя.

– Тот, кто изобрел, – не обращая внимания на слова мальчика, продолжал невидимка, – эликсир бессмертия, тот, кто стал первым некромантом. Я – Альберт Трисмегист.

– Ты лжец, – не поверил Сандро. – Альберт умер второй смертью, и для него нет пути обратно.

– Я бы с удовольствием развеял твои сомнения, но недосуг, тем более что ты способен на это и сам, – продолжал заунывный голос. – Надеюсь, тебе доводилось слышать о Филакретии?

– Доводилось, – пробурчал Сандро и нарочно заговорил с интонацией лектора: – Некромант перед трансформацией оставляет часть своей души в кристалле, чтобы воскреснуть после смерти. Полная чушь.

– Отнюдь, – не согласился тот, кто назвал себя Трисмегистом. – Филакретия реальна, как ты или я. Если пошевелишь мозгами, то поймешь это без посторонней помощи.

Сандро невольно задумался, выуживая из глубин памяти все знания о трансформации в лича. Он уже и не помнил, в какой книге прочел эти строки, но они слетели с уст сами собой:

– Познавший абсолютное знание, способен воссоздать свою душу – если у него достанет сил – и поместить ее в «предмет», чтобы после смерти вернуться обратно...

– Но для этого ему нужен живой проводник, который сольется с «вернувшимся» в едином сознании, – закончил фразу Трисмегист и от себя добавил: – Ты стал моим проводником.

– Так это был твой Зов?! Ты меня чуть не убил! – возмутился Сандро, но, быстро взяв себя в руки, не спеша прошелся по лаборатории, обдумывая, что делать дальше.

– Таковой была плата за твою мертвую половину, но иначе я бы не прошел сквозь сферы.

– Это должно меня утешить? Мне не нужны ни ты, ни твои сферы. – Сандро поднял с пола короткий жезл и, зачерпнув энергии, прошептал кончиками губ изгоняющее заклинание.

Но не успела магия набрать силы, как чародей упал на колени, выпустил из рук оружие и что было мочи сжал голову. Тонкий, как струна, и острый, словно заточенная сталь, звук пронзил лабораторию, проник в каждый угол, каждую щель. Ввинтился в сознание чародея грубой силой, немилосердно прибил к полу, скрючивая некроманта в три погибели.

– Хватит! – вскрикнул мальчик, и словно по команде звук утих, растворился так же быстро, как и возник.

– Не терпишь боли, юный некромант? – прошуршал в голове уже знакомый голос.

– Почему магия не подействовала? – едва справляясь с последствиями боли, прорычал чародей.

– Подействовала, – опроверг Трисмегист, – но попытки изгнать меня тщетны.

– Но... ясно, – догадался мальчик, с трудом поднялся на ноги и, гордо выпрямив спину, прошел к стеллажам. – Я изгнал тебя, но это и впрямь бесполезно: ты будешь возвращаться до тех пор, пока цела Филакретия, и каждое возвращение будет для меня болезненной пыткой. Но ведь Филакретия – всего лишь книга... – Рукой из плоти и крови Сандро

вытащил с полки тяжелый фолиант. Прошептал заклинание, и мертвую ладонь окутало магическое пламя.

– А книги – хрупкий материал, – ухмыльнулся чародей.

– Стой! – вскрикнул доселе спокойный и расчетливый дух. – Поразмысли: трактат не должен лежать на полке, ты его уронил на...

– Мне это не интересно, – отмахнулся Сандро и поднес к фолианту охваченную огнем кисть.

В тот же миг запахло паленым. Но даже магическое пламя не справилось с твердым переплетом. Кожа зашипела, медленно обугливаясь, нехотя поддаваясь огню.

– Сандро! – воскликнул Трисмегист, и чародей повернулся на зов. Заметил мчащийся на него жезл – и в тот же миг ощутил тяжелый удар. Словно подкошенный, он повалился на пол, в глазах потемнело, комната заходила ходуном, потом поплыла... Закончилось все тем, что ее окутал полный мрак.

* * *

Вскоре зрение прояснилось, открывая мальчику неправдоподобную картину: вокруг его рук и ног быстро заплеталась в несколько узлов светящаяся пеньковая удавка. Казалось, сама собой. Без чьей-либо помощи. Да, и магией в лаборатории не пахло. Все выглядело так, словно некий дух сковывает веревкой своего пленника.

Сандро попытался пошевелиться, но ничего не вышло. Недолго думая, он сплел заклинание, которое должно было освободить от оков, но и оно не помогло.

– Не мучайся, магия неактивна, – донесся из ниоткуда голос духа.

Сандро тяжело вздохнул и как можно спокойнее спросил:

– Что ты со мной сделал?

– Связал, – констатировал и без того очевидный факт Трисмегист, после чего уточнил: – Нитью Ориона. Она блокирует твои магические способности.

– Откуда она здесь? – Некромант выкручивал руки, пытаясь ослабить узлы, но вместо этого веревки еще сильнее сдавливали кисти.

– Видимо, ты забыл, что Бленхайм – мой замок, моя вотчина. Испокон веков Нить вили только здесь, а схроны и тайники известны лишь мне – и никому больше, – нарочито важно ответил Трисмегист.

– Забыл, не забыл – какая разница? – Сандро пыхтел от злости, закипал, словно чан с бурлящей водой, ворочался, елозил по полу, безрезультатно пытаясь освободиться. А Нить Ориона лишь крепче сковывала запястья.

– Не крутись! Этим ты сделаешь только хуже, – запоздало предупредил дух, когда веревка уже впилась, будто стальная проволока, в запястья, рвано раздирая кожу и плоть на левой руке.

– Чего тебе надо? – скрипнул некромант зубами от безысходности и боли.

– Ситуация не идеальная для просьб, но мне нужна твоя помощь.

– И поэтому ты меня связал?

– Ты меня вынудил: чуть не сжег Филакретию, – напомнил Трисмегист. – Я освобожу, если ты поклянешься помочь.

– Помочь? В чем? – спросил Сандро, думая не об исполнении клятвы, а о том, как избавиться от заколдованных веревок.

– Не в чем ином, как в уничтожении некромантов.

– Ты ничего не напутал? Я и есть некромант, – съязвил Сандро, скрывая за язвительностью злобу и слабость. Он едва сдерживался, чтобы не впасть в истерику или – того хуже – разрыдаться.

– Ты отличаешься от них. В тебе немало – очень немало – осталось от человека.

– Ага, ровно половина. – Мальчик тщетно выворачивал руки, лишь сильнее раздирая

кисть, но не мог заставить себя остановиться, не мог не вырываться: жажда свободы глубоко укоренилась в рабском сердце.

– Твоя душа не изменилась после трансформации. В отличие от личей, ты не стал ненавидеть живое.

– Я ненавижу *немертвое*, – до хруста стиснул зубы Сандро.

– Именно поэтому я и прошу тебя о помощи...

– Отпусти! – взревел некромант, не вытерпев боли.

– Поклянись помочь.

– Клянусь! Отпусти! – теряя самообладание, еще громче закричал мальчик.

Веревки ослабли словно под действием волшебства. Упали на пол и змейками поползли к стеллажам. Чародей мутным взглядом проследил за Нитями Ориона и не поверил своим глазам, когда они вползли в стену, скрываясь в толще камня.

Мальчик лежал, не шевелясь. Силы покинули его, изменили: заколдованные веревки, будто вампир, высосали их без остатка. Единственным, что еще повиновалось некроманту, был его голос.

– Дух! – позвал Сандро.

– Трисмегист, – поправил невидимка.

– Без разницы, – отпарировал некромант. – Мне нужен эликсир, чтобы вернуть силы.

– Какой?

– Красный... – недовольно буркнул мальчик и добавил: – С надписью «sucus».

– Жди, – выговорил Трисмегист и надолго замолчал.

Сандро ждал, а сил с каждым мгновением становилось все меньше: Нить Ориона отравила мага, медленно, но уверенно вытягивала из него энергию. Сандро ждал, а Трисмегист все не объявлялся: он словно рассеялся в воздухе, перестав существовать.

Спустя несколько необычайно долгих минут дух все же заговорил:

– Не выходит. Филакретия нестабильна. Пока ты слаб, у меня тоже нет сил.

Мальчик с трудом вник в слова Трисмегиста, но уже не обратил на них должного внимания. Он сосредоточился на израненном запястье, которое болело так, словно ему в одночасье вспарывали плоть и прижигали рану каленым железом.

– Ты умираешь. – В извечно спокойном голосе духа зазвучали нотки волнения.

– Я уже умирал – это не страшно, – криво улыбнулся Сандро.

– Если умрешь – станешь полноценным личем, – предупредил Альберт. – Соберись и залечи рану.

– Нет сил, – промямлил мальчик в ответ.

– Соберись, – твердил свое Трисмегист.

– Твои веревки опустошили меня вчистую, – без злобы и укора протянул некромант.

Мальчика то знобило, то лихорадило, иногда он корчился в приступе боли, иногда расслаблялся в блаженном покое.

– Я же предупреждал, чтобы ты не шевелился, – оправдывался сам перед собой дух.

Секундой позже он решил взять ситуацию в свои руки и невидимым потоком скользнул в тело мальчика.

Сандро уже не принадлежал себе, но чувствовал мертвецкий холод, окутывающий морозной пеленой, выгоняющий жар и слабость, придающий бессмертной бодрости. Силы вернулись всего на мгновение, но этого мгновения хватило, чтобы произнести исцеляющее заклинание.

Рана быстро затянулась, покрылась темно-багряной кромкой. Но запястье все еще полыхало невыносимым пламенем – даже холод мертвеца, обуявший изнутри, не избавлял от жжения.

Неосязаемый дух выполз наружу, и ледяные оковы разрушились, привычное тепло вернулось в ослабевшее тело.

– Спа-си-бо, – с трудом разлепляя ссохшиеся губы, прошептал Сандро. Если бы не мертвая половина его тела, он бы не выдержал истощения, потерял сознание. Но сущность

скелета увереннее принимала боль, не позволяя погрузиться в забытие.

– Прошу прощения, – проговорил монотонный голос. – Контактируя с кровью мага, Орион поглощает силы. Я не предполагал, что зайдет так далеко.

– Спаси-бо за по-мощ-щь, – протянул мальчик, перевалился набок и с трудом поднялся на четвереньки. Медленно, но уверенно прополз к полкам с алхимическими ингредиентами. Прижимаясь к стеллажам, встал на ноги. Окинул изобилие зелий и микстур быстрым взглядом и, выбрав необходимую колбочку, опустошил ее одним большим глотком.

Силы вернулись едва ли не сразу. Приятным теплом разлились по организму. Сандро расправил плечи, выпрямил спину, сделал несколько неуверенных шагов. Убедившись, что сил прибавилось, более уверенно прошелся по комнате. Посмотрел по сторонам, забывая, что Трисмегист неосязаем, и проговорил:

– Больше меня не связывай. И я книгу жечь не буду.

– Оригинальное начало партнерства, – монотонно пробубнил Трисмегист.

– Оригинальное, – согласился Сандро и невольно расплылся в добродушной улыбке: – Надеюсь, оно будет еще и плодотворным.

* * *

– Как тебе удалось исцелить «яд» Ориона? – не отрываясь от изучения книги, спросил Сандро пустоту, и она ему ответила:

– Я друид, мне ведома магия природы и жизни.

– Интересно, а магия жизни сможет вернуть мне людской облик? – не сильно надеясь на положительный ответ, все же спросил Сандро.

– Увы, нет, – отозвался Трисмегист. – На тебе печать темной материи – проклятие некромантов. Обычная магия тут бессильна.

– Я и не сомневался, – ничуть не огорчился мальчик, продолжая как ни в чем не бывало читать книгу, повторяя про себя магические формулы.

– Но эликсир жизни на это способен.

Мальчик отвлекся от книги и заинтересованным взглядом посмотрел по сторонам. Вспомнив, что не увидит собеседника, заговорил с пустотой:

– Ты сможешь его сделать?

– Я синтезировал его в течение всей своей жизни, но так и не преуспел.

– Тогда что толку говорить об эликсире, если его не существует?

– Почему же? Благодаря Амагрину Овену он существует, но формула известна только ему, – обнадежил дух.

– И он, конечно же, за пределами Хельхейма, – снова погружаясь в чтение, безразлично протянул Сандро.

– Да, но кто тебе мешает покинуть страну мертвых и найти Верховного друида?

– Магия Хозяина: я раб и не могу пойти против приказов Аргануса.

– Ты алхимик и с немалой вероятностью можешь изобрести соответствующий эликсир – зелье, блокирующее призывную магию лица.

– Не все так просто. – Сандро встал с кресла и прошелся по лаборатории, остановился у реторт и конденсаторов, погладил их мертвой рукой, словно они были домашними животными. – Я почти пять лет бьюсь над этим зельем, но результат по-прежнему оставляет желать лучшего.

– Пять лет – не срок для бессмертного. У тебя есть время, неограниченное количество времени, а теперь появился еще и помощник. Вместе мы сможем воссоздать это зелье.

– Не пойму: зачем это тебе? Каков твой интерес? – в очередной раз окинув комнату быстрым взглядом в поиске собеседника, спросил некромант.

– Амагрин мой ученик. Я надеюсь, что он поможет не только тебе, но и мне.

– Почему бы тебе не пойти к нему самому?

– Есть ряд причин. Во-первых, мне не пройти через «купол», во-вторых, я привязан к книге...

– Откуда ты знаешь про «купол», если умер до того, как он появился? – прервал Сандро.

– В-третьих, я привязан к тебе и твоему сознанию, – закончил дух.

– Хорошо, ты меня убедил, – сдался мальчик. – Помощь никогда не бывает лишней, даже если эта помощь незрима. Но сейчас у меня несколько другие планы. Мы продолжим наш разговор позже.

Сандро прошел в дальний угол лаборатории, где покрывался пылью старинный платяной шкаф. Скинул с себя серый, потрепанный временем плащ, открыв на мгновение изуродованную темной магией сущность. Извлек из гардеробной черный, как безлунная ночь, кожаный камзол. Надел его. Аккуратно, едва ли не педантично застегнул все крючки, закрутил завязки. Затем выудил черный плащ и перчатки.

– Штаны переодень, – с легкой издевкой напомнил Трисмегист.

Сандро злобно зыркнул по сторонам, но ничего нового не увидел.

– Не забуду, – прошипел мальчик, снимая штаны и натягивая другие.

– Куда собрался-то? – поинтересовался напоследок друид.

– Куда надо, – отмахнулся Сандро. Бросил на прощанье скупое: «До скорого», – и скрылся в темном туннеле винтовой лестницы.

Глава 3 Узники Замка

*В молчании небес пониких,
Среди покошенных полей
Ты для Любви своей погибшей
Воздвигни черный Мавзолей.
И с Памятью своей прилежной,
Что в Прошлом всегда глядит,
Ходи туда все реже... реже...
Потом совсем не приходи.
«Мертвая любовь». Влад Пит*

Сандро застыл у дверей. Ему хотелось войти, но незримое препятствие, которое разделяло его и людей, каждый раз заставляло оставаться на месте. Он уже несколько раз тянулся к ключу навесного замка, но каждый раз отдергивал руку. Продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

В конце концов собрав всю уверенность в кулак, накинув на лицо капюшон, провернул ключ и молнией шмыгнул в темницу своих рабынь.

Как только оказался внутри, сдернул капюшон, который от резкого движения навис на глаза и мешал видеть. Осмотрелся.

В небольшой комнате царил уютный беспорядок, пахло домашним теплом и нежным ароматом жизни. Взгляд мальчика скользнул по громоздкому будуару с надтреснутым зеркалом. В суматошном хаосе на нем застыли предметы женского туалета и догорающая свеча в посеребренном подсвечнике. Игривый мерцающий огонек призрачно освещал покои девушек, не в силах разрушить приятного полумрака. На полу лежала неряшливо раскиданная одежда, так и не нашедшая дороги к широкому шкафу, который занял немаленькое пространство в дальнем углу. Остальное место занимала двуспальная кровать, на которой, обнявшись, спали две сестры.

Кругом властвовала тишина, лишь мерное дыхание спящих нарушало полный покой.

Некромант прислонился к двери и медленно сполз к полу, усаживаясь на холодный камень. Рефлекторно опустил на лицо капюшон, скрываясь за его краями от мира. Черные

одеяния превратили мальчика в неразличимый комок, и безликое свечение воскового огарка не могло разрушить окутавшую его тень. Он и сам стал тенью, потерявшей в собственных мыслях и не желающей видеть никого и ничего. Сандро хотел жить, хотел быть настоящим человеком, но между ним и людьми ширилась необъятная пропасть. Даже умение спать по ночам для мальчика было в диковинку: он утратил этот дар вместе с частичкой себя. Все, что ему оставалось, – это наблюдать за мирным сном двух сестер, вспоминать времена, когда мать пела ему на ночь колыбельные, и сожалеть о том, что уже нет ни матери, ни снов.

Рыжеволосая девушка открыла глаза. Поднялась на локте и пробежалась взволнованным взглядом по комнате.

– Кто здесь? – испуганно спросила она, инстинктивно чувствуя на себе чужой взгляд.

Сандро не ответил. Он не знал, что ответить.

Девушка неуверенно сползла с кровати. Подошла к будуару и взяла подсвечник в виде небольшой лодочки, подняла его выше, чтобы свеча ярче озарила комнату.

– Не бойся, – пошевелился Сандро. Энин тихо ойкнула и выпустила подсвечник из рук.

Тишину разрушил секундный звон, и словно по сигналу комнату окутала крошечная тьма.

Сандро неспешно встал. Он видел в темноте так же отчетливо, как и при свете, но не решился этого показывать, чтобы не испугать девушку еще больше. Шепнул неразборчивую фразу, и над рукой возник едва заметный огонек, дающий, тем не менее, достаточно света.

Некромант медленно прошелся по комнате, выискивая девушку, но ее нигде не было – она словно растворилась в воздухе, исчезла. Мальчик еще раз огляделся, но так и не нашел пропажи.

Ее выдало неловкое движение – исчезающе тихий, едва различимый шелест, который в один миг вырвал Сандро из туманной задумчивости.

Он повернулся на звук и увидел девушку, которая сидела на полу, забившись в узкую щель между шкафом и стеной. Сандро медленно, не делая резких движений, подошел к ней. Присел на корточки и тихо, едва слышно прошептал:

– Не бойся, я не сделаю тебе зла.

Девушка испуганно смотрела на пришельца в черных одеяниях, лицо которого скрыл темный, как ночь, капюшон, плотнее прижималась к стене, напрасно пытаясь быть дальше от позднего гостя. Она сейчас походила на слабого и беззащитного котенка, у которого страх и боязнь поглотили все другие чувства.

– Кто ты? – с трудом совладав с голосом, спросила она. Незаметно покосилась на спящую сестру и невольно пожалела, что не может оказаться с ней рядом.

– Я Сандро, твой новый хозяин, – выговорил он, чувствуя, что перегнул палку. – Скажи свое имя. – Он поймал себя на мысли, что мало преуспел в общении.

– Энин, – отчеканила девушка.

– А вторую? – некромант кивнул в сторону спящей.

– Анэт.

– Рад. Знакомству... – несколько сбивчиво проговорил мальчик, понимая, что пять лет вдали от людей напрочь стерли умение общаться с ними. – Как вам живется в замке? – глупо спросил он, пытаясь хоть как-то разрушить застоявшуюся тишину.

Энин молчала – она не знала, что ответить, не знала, что хочет услышать новый хозяин.

– Не играй в молчанку, – немного рассердился Сандро, но вовремя взял себя в руки: – Вам с Анэт что-то надо? Все ли у вас есть?

Девушка опять не ответила: она не понимала мотивов повелителя.

– Хорошо, – недовольно выговорил некромант и грубо взял Энин за руку. – Пойдешь со мной. – Он рывком поднял девушку с пола, и с тонкого изящного тела соскользнуло легкое покрывало, открывая маняще-стройную нагую фигуру.

Сандро отвел взгляд.

– Оденься, – приказал он и отпустил девушку.

Энин испуганно посмотрела на некроманта. В душе кричали злость и обида, но узница

не проронила ни слова. Потерла запястье, которое с немалой силой сдавил некромант. Безропотно подчиняясь, вихрем пронеслась по комнате, собирая разбросанную одежду. Только она накинула на хрупкие плечи легкое атласное платье, как в тот же миг некромант, повернувшись, взял ее под руку. На этот раз его хватка не была так крепка и не причиняла боли, прикосновение казалось теплым и живым.

– Идем. – Сандро погасил огонь в правой руке и уверенным движением открыл двери из кельи. Беспардонно потянул за собой испуганную девушку. Она искусственно сопротивлялась, понимая, что упорство бесполезно: некроманты привыкли брать то, что хотели, и противостоять им бессмысленно.

– Да не бойся ты, – нервно пробурчал Сандро, выводя рабыню к широкой лестнице, которая делила замок Бленхайм на две равные половины. – Я хочу показать... кое-что, тебе понравится... обязательно. Обещаю, – некромант объяснял сбивчиво, ломкими фразами, словно что-то скрывая, и эта таинственность возбуждала в воображении девушки страшные и извращенные картины.

Но опасения Энин оказались напрасными.

Сандро, минуя сотни ступеней и посты охраны – закованных в доспехи скелетов, – вывел девушку на широкую балконную террасу, обвитую по краю резной балюстрадой. Идеально-округлую форму плаца разрушал небольшой выступ, на котором, словно осенний гриб, выросла беседка.

Сандро не раздумывая потянул Энин к одинокой постройке, укрытой разросшимся плющом. Неэлегантно, не руководствуясь правилами приличия, усадил ее на мраморную скамью.

– Смотри! – воскликнул некромант, резко разворачиваясь и вытянутой рукой указывая направление обзора.

Девушка невольно подчинилась. Ее взгляд остановился на далекой, одиноко стоявшей скале, которая неподвижным изваянием нависла над густым туманным лесом. Из монолита горы, величественно раскинув крылья и широко разинув пасть, вырос исполинский дракон. Изваянный из камня, сам являющийся продолжением скалы, он казался настолько явным и реальным, что невольно верилось, будто множество веков назад исполин уснул у одинокой горы и слился с нею воедино.

Над головой окаменевшего ящера медленно всплыл алый диск солнца, казавшийся в ранних лучах огнем, рожденным в пасти величественного существа. Утренний светоч кротко коснулся драконьего тела, вырисовывая на испещренном камне иллюзию чешуи. Когтистые лапы утонули в зеленом покрывале леса, потерялись в бледно-серой дымке тумана, придавая зрелищу еще большую таинственность.

Энин восхищенно смотрела на удивительную картину и не могла отвести взгляда.

– Красиво? – удовлетворенно спросил Сандро.

Девушка долго молчала, все еще не веря, что некроманту можно доверять. Но ее страх быстро растворился в рассветных лучах, и тонкий голосок сам собой зачаровано промямлил:

– Да...

– Я же говорил, что тебе понравится, – усмехнулся мальчик, в душе радуясь своей идее привести сюда девушку, но в одно мгновение улыбка сменилась угрюмой задумчивостью: – Ты меня боишься?

Энин оторвала взгляд от «дракона» и с каплей испуга посмотрела на неизвестного в черных одеяниях. Ответ комом встал в горле. Да, она боялась, но стоило ли об этом говорить? И пусть, в отличие от некроманта-предшественника, новый хозяин не излучал столь ярких злобы и ненависти, но и привыкнуть к безликому владыке за столь короткое время Энин не могла.

– Боишься? – наседал мальчик, в душе понимая, что лишним напором отталкивает от себя девушку.

– Я даже лица твоего не видела, – резко вставила Энин и в тот же миг замолчала, прикрыв рот ладонью.

Сандро неуверенно потянулся к капюшону, взялся за полы, но так и не сдернул с лица черную вуаль.

– Тебе не надо меня видеть. Это зрелище не из приятных. – Сандро отвел взгляд и уставился на каменного дракона.

Неумолимое солнце поднялось выше, встало рыжим негреющим стражем над горой. Тени скрыли былую красоту исполина, превратили его очертания в обычный испещренный трещинами камень.

– Я немало повидала, – сказала Энин, поднимаясь со скамьи. Она заметила неуверенность хозяина и начала вести себя смелее.

Сандро сомневался. Он боялся своей внешности как огня, который его изуродовал, ненавидел как некромантию, которая превратила его в уродливое нечто.

– Нет, – отрезал Сандро, – не сейчас.

– Пока тебя не увижу, не смогу сказать, боюсь или нет, – пошла на уловку Энин.

– Вернемся к разговору позже. У нас еще много времени, – ответил он, возвращая голосу привычную твердость.

– Но... – запнулась на полуслове рабыня. Хозяин потерял былую неуверенность, опять стал холоден, как зима.

– Что «но»? – бездушно спросил некромант.

– Нет, ничего, – замотала головой девушка.

– Говори не боюсь, – настаивал Сандро.

– Но я боюсь! – Энин не сдержала рвущегося потока эмоций, сказала непростительно грубо. – Боюсь изо дня в день, уже целый год! Каждый день для меня – это страх и ненависть! Страх и ненависть... каждый день...

Девушка замолчала – она высказала скопившиеся переживания, выбросила их в мир и получила обратно тишину и покой, тоску и жалость к самой себе. В тот же миг почувствовала, как запоздалый страх сковывает ее своими сетями, обволакивает сердце и душу тревогой. Она была наедине с некромантом, изуродованным темной магией существом. Она говорила с ним непростительно грубо: мертвые за такое могли и убить, – но осознание этого пришло слишком поздно. В глазах выступили слезы, она прикрыла руками лицо. Тихо всхлипывая, присела на твердую мраморную скамью – ноги не держали.

Мальчик посмотрел на девушку из тени капюшона и обозлился сам на себя за то, что не умеет говорить с людьми, что не разбирается в их эмоциях и чувствах. Пять лет вдали от жизни, пять долгих, пропитанных злобой, страхом и покорностью лет... они оставили неизгладимый отпечаток. Сандро был далек от живых, не знал их законов и привычек, не знал, как с ними разговаривать и вести себя. Он не понимал ничего, что связано с людьми, он жил в другом мире, где не было и не могло быть людского. Его жизнь сковали рабские путы, и ничего, кроме глубокой ненависти ко всему, что его окружает, он не ощущал. Не ощущал до того момента, пока не встретил рыжеволосую девушку. Она запала в сердце, проникла в самую душу. И ему больше всего на свете хотелось быть ей приятным, хотелось, чтобы она не боялась его, не презирала, как других некромантов. Но как этого добиться. Как?! Всего один вопрос вызывал бурю эмоций, бурю, которую мальчик сдерживал в себе много лет.

Сандро опустился на колени. Вплотную придвинулся к девушке, пытаясь посмотреть ей в глаза.

– Тише, – сухо приказал некромант. – Я не хочу видеть твоих слез. – Он научился скрывать свои чувства, скрывать даже от себя самого. Но сегодня не хотел этого делать. Он слишком долго сжигал злость внутри себя, слишком глубоко спрятал способность любить, и сейчас она вернулась, наверстывая все упущенное.

– С сегодняшнего дня тебе ничто не угрожает. Тебе нечего бояться, ты под моей защитой.

– Я тебя боюсь, – всхлипывая, выпалила девушка.

Сандро снял капюшон, открывая изуродованный облик. Правая сторона челюсти, глазная и височная кости – все это было лицом скелета, но когда-то он был симпатичным

парнишкой: это доказывала левая часть – из плоти и крови.

Девушка убрала руки с заплаканных глаз, посмотрела на ужасного хозяина, на темно-зеленые глаза, в которых стояли скупые слезы. Его взгляд, его несчастный и добрый взгляд не вызывал страха, пробуждал лишь жалость и сострадание.

– Ты... ты сын некроманта? – ломким голосом выговорила Энин.

– Я его ученик. Мои родители погибли, – с душевной тяжестью выговорил мальчик. Его слова были переполнены печалью и тоской, и хладнокровный голос уже не смог этого скрыть.

– Что с твоим лицом? Кто ты такой? Некромант или человек? – намертво скрывая сочувствие, выговорила девушка.

– Мой дом сгорел вместе с родителями. Я остался жить, но огонь изуродовал мое лицо до неузнаваемости. Я чуть не умер, но, возможно, смерть была бы лучше, чем подобная жизнь. Меня забрал некромант: он знал о моих магических способностях, поэтому и увел в свой замок. Люди не перечили – все знали, что жить мне осталось недолго. Но я не умер окончательно. Хозяин воскресил меня, воскресил еще до смерти, поэтому во мне осталась людская часть, но лишь часть. Теперь я узник, раб и ученик Тьмы.

– Это ужасно, – содрогнулась от всего услышанного Энин.

– Уже привычно, – опустил взгляд Сандро.

– Мне жаль тебя... – Энин замаялась, не зная, как обратиться к мальчику. После секунды замешательства, выпалила: – Хозяин. – Она жалела его и в этом не лгала, но ненависть к некромантам слишком глубоко укоренилась в ее сердце.

– Сандро, – нахмурил единственную бровь некромант. – И не надо меня жалеть: у тебя судьба не слаще. Но я постараюсь ее изменить...

– Как? – не поверила Энин.

– Я сделаю так... я постараюсь сделать так, чтобы ни тебе, ни твоей сестре не пришлось больше жить в страхе...

– Как? – повторила свой вопрос Энин.

– Ты это увидишь – скоро, очень скоро, – уверил Сандро. – А сейчас... идем обратно.

Сандро подал руку, вспоминая, что так должны делать мужчины, но Энин встала без помощи. Мальчик не обратил на это особого внимания, привычными размашистыми шагами пошел прочь с балкона.

– Если ты не против... – выговорил Сандро, накидывая капюшон. Так он чувствовал себя увереннее.

– Не против, – запоздало ответила Энин и покорно пошла следом за некромантом.

* * *

Мальчик остановился у входа в келью, вытащил из замка ключ и протянул его Энин.

– Теперь ты сама решаешь, узница ты или нет. Можешь свободно выходить из комнаты.

– Ты не боишься, что я сбегу? – принимая ключ, спросила девушка.

– Я бы не советовал этого делать. Слуги Аргануса никого не выпускают за крепостные стены. С недавних пор и меня.

– Значит, я по-прежнему узница, но не кельи, а замка.

– Большого разрешить не могу. Я и сам узник.

– Спасибо и на этом, – сухо поблагодарила Энин. – А сестра может выходить?

– Да, – коротко ответил Сандро. – Виды внутри не самые лучшие, зато снаружи есть места красивее. Только не приближайтесь к крепостным воротам – это небезопасно.

– Хорошо, – Энин опустила взгляд. Мальчик и впрямь пытался помочь, но эта помощь не значит равным счетом ничего. Он увеличил привязь, но ошейник все так же сковал свободолубивую душу.

– Мне надо идти, мы увидимся немного позже. До встречи, – попрощался Сандро и ушел, не дожидаясь ответа.

Энин молча проводила мальчика сочувственным взглядом и тенью скользнула в комнату, где уже ждала взволнованная сестра.

* * *

– Где тебя носило? – нервно спросила Анэт, за недовольным голосом скрывая испуг и волнение. – Как ты смогла уйти?

– Сюда приходил некромант. У нас появился новый хозяин. Я была с ним, – едва дрожащим голосом пояснила девушка.

– Что он с тобой делал? – напористо спросила Анэт.

– Ничего.

– Что с тобой? Ты вся дрожишь, – приблизившись вплотную к сестре и обняв ее за плечи, поинтересовалась Анэт.

– Ничего... – твердила свое Энин.

– Он что-то с тобой делал? Говори честно. – Анэт выговорила так, словно могла бы защитить сестру, отомстить за нее некроманту.

– Ничего, честно, – промямлила в ответ Энин. – Он водил меня на балкон замка, показывал каменного дракона. Это было дивное зрелище, тебе тоже стоит увидеть, – посоветовала она уже более уверенным голосом. Страх медленно отступал: невольно девушке верилось, что новый хозяин не ужасный монстр, а вполне беззлобный мальчик.

– Мы узницы, ты не забыла? Я не смогу выйти из комнаты, – напомнила Анэт, наконец избавившись от ненужных переживаний: с сестрой все в порядке.

– Смотри. – Энин разжала кулак, в котором лежал проржавевший ключ. – Некромант отдал его мне.

– Ключ? Ключ от нашей темницы? – догадалась Анэт, невольно удивляясь увиденному. Не дожидаясь ответа, с трепетной надеждой продолжила: – Мы свободны?

– Не совсем, – огорчила сестра. – Мы можем ходить по замку, даже выходить из него, но скелеты некромантов стерегут крепостные ворота – за них нам не пройти.

– Это все как-то странно, – задумчиво протянула Анэт. – Мне не верится в доброту нового хозяина.

– Почему? – глупо спросила Энин.

– Ты не знаешь некромантов? Они ничего не делают необдуманно. Ключ – всего лишь приманка. Он надеется, что мы сбежим, решил выманить нас из замка. Но для чего ему это? Может, хочет превратить в нежить?

– Неправда, он... он не такой, как другие некроманты, – сказала Энин и сама не поверила тому, что говорит. После секундного молчания, пошла на попятную: – Мне так показалось, сперва. Хотя он... ты права, некромантам нельзя верить.

– Моя наивная сестричка. Ты все еще веришь словам. – Улыбнувшись, Анэт обняла сестру, прижала к себе. – Тебе надо было ходить в храмовую школу со мной – там учили не только чистописанию, но и логике, истории, другим наукам. Эти знания помогают в жизни, не дают совершить опрометчивый шаг.

– Ты права, я слишком доверчива, – согласилась Энин. – Что ж поделать, кто-то должен был следить за братом, и у меня не было времени сидеть за книгами.

– Я могу научить тебя сейчас, – предложила Анэт. – А о некроманте забудь. Все они одинаковы, все как один злы и коварны.

– Хорошо, – опять согласилась сестра. – Я сделаю, как ты советуешь: забуду о сегодняшнем дне, как об очередном кошмаре. А учение... зачем оно мне?

– Знания никогда не бывают лишними, – вставила Анэт реплику наставницы, которая начинала каждый новый урок именно с этой фразы. С этими словами, девушка подошла к

будуару и выудила из внутренней полки дневник с переплетом из бычьей кожи – подарок отца.

Энин недовольно посмотрела на книгу. Ей было неприятно все, что связано с именем предавшего их родителя. Она никак не могла смириться с тем, что родной отец продал ее и сестру в рабство – она ненавидела его люто, неизгладимо.

– Не обращай внимания на дневник, глупышка, – сказала Анэт, замечая неодобрительный взгляд сестры. – Это всего лишь книга, духи в ней не живут. Считай ее источником знаний, а не подарком отца, – без труда догадавшись в чем причина недовольства, убеждала она.

Пересилив себя, Энин подошла к будуару и села в одно кресло с сестрой. Внимательно посмотрела на незнакомые завитки и закорючки, которые Анэт называла чистописанием.

– Это Райдо, – указала та на завихристый символ и пояснила: – Он означает «распутье». Это Лагуз – «интуиция», а это Йер – «удача». Если прочитать все вместе, то получится «Распутье – интуиция, удача», а если расшифровать символы, выйдет приблизительно так: «Пребывая на распутье, полагайся на интуицию или удачу».

– Я ничего не понимаю, – уставившись на письма округлившимися глазами, скривилась Энин.

– Не все сразу, со временем поймешь, – утешила Анэт, заново разъясняя построение рун.

– Я все равно не понимаю, это все слишком сложно, – выговорила Энин, в недовольстве отворачиваясь.

– Повторение – мать учения, – вновь произнесла Анэт слова наставницы. – Не все дается сразу. Я поняла грамоту только к концу обучения... – приободрила она сестру. – Главное – не останавливаться на достигнутом.

– Хорошо, – быстро сдалась Энин и вернула взгляд в книгу. – Объясняй свою грамоту.

Анэт широко улыбнулась, даже в этом копируя свою наставницу. Указала на изогнутую руну и продолжила урок:

– Это Гебо, что значит «партнерство»...

* * *

В двери постучали. Но девушки не успели сказать ни слова, как к ним в покои вошел одетый во все черное некромант.

– Идите за мной, – приказал он, сам не замечая, что перенимает манеру общения своего учителя.

– Куда? – не скрывая ненависти, грубо спросила Анэт.

– Увидите, – пространно объяснил некромант. – И поторопитесь. Нет времени.

Сестры переглянулись. В глазах Анэт так и читалось: «Я тебе говорила: он такой же, как и другие». Энин отвела взгляд. Нравоучения сестры ей надоели едва ли не больше, чем козни некромантов.

– Быстрее, – подгонял Сандро. От волнения слова не связывались в длинные предложения. – Вам нечего бояться.

Подавая пример, Энин первой вышла из комнаты. От юного некроманта не веяло злобой, девушка уже не боялась нового хозяина, странным образом верила его словам – хотела им верить.

Анэт проводила сестру недовольным взглядом, не понимая, почему Энин, словно заколдованная, смело и безропотно выполняет приказы черного мага. Анэт хотела остановить ее, в сотый раз объяснить, что некромантам не стоит верить, но Энин была уже за порогом, а застывший в дверях хозяин одним своим видом давал понять, что времени на долгие раздумья у нее не осталось. Обругав в душе сестру самими нелестными словами, которые только знала, Анэт отправилась следом за ней.

Некромант закрыл двери и, обогнав девушек, пошел впереди, указывая им дорогу. Он шел быстро, часто оборачивался и подгонял сестер. Девушки семенили за ним мелкими шажками, едва поспевая за резвой походкой некроманта. Сандро вывел спутниц к уже знакомой лестнице, но на этот раз повел вниз по ступеням. Вокруг, словно истуканы, стояли стражи замка – изувеченные темной магией покойники – и безразлично наблюдали за шедшими. Миновав несколько постов охраны, пройдя лабиринтом узких коридоров, Сандро остановился у широкой двери, на которой были вырезаны странные символы. Дождавшись, когда рабыни поравняются с ним, пояснил письмена:

– Банная комната, – сказал он и вошел внутрь, оставив двери распахнутыми.

Из комнаты валили клубы горячего пара. Стены запотели от конденсата, пол был неправдоподобно холодным и мокрым. Комнату освещали десятки ярких свечей, которые не чадили и не гасли от излишней влажности.

– Свечи магические – не сгорают, не коптят. Не бойтесь их потушить, это вам вряд ли удастся, – опять пояснил Сандро. В душе он радовался своей идее с купанием, понимая, какая это диковинка для пленниц.

– Принадлежности для купания там, – указал мальчик на небольшой круглый стол, где стояли миски с маслами и древесной золой, добротной смешанной с жиром, с ними по соседству разлеглись ерши и губки, свернутые полотенца и свежие одежды. Секундной позже Сандро провел рукой, указывая в другой конец комнаты: – В камине греется вода. Дрова магические, тепла дают много, но горят медленно, так что хватит надолго. Холодная вода там. Ведра и ковши здесь. Слив для «второй» воды в углу. Что-то еще нужно? – спросил он, глядя на девушек.

Сестры смотрели на некроманта с немым удивлением. Горячие ванны были привилегией королей, и девушки не верили собственным глазам.

– Чего еще надо? – повторил свой вопрос Сандро и невольно пожалел, что сказал слишком грубо. Попытался сказать учтивее, но малоуспешно: – У меня дела. Я не смогу принести вам недостающее, если не получу ответа сейчас.

– Ничего не надо, – совладав с удивлением, промямлила Энни.

– Хорошо, – одобрительно кивнул мальчик. – Я могу оставить в помощники скелета, но, думаю, вам будет приятнее наедине. – Мальчик сделал короткую паузу, выжидая ответной реакции, но девушки промолчали, и Сандро воспринял это как согласие. – Когда закончите купание, возвращайтесь в свои покои. Чтобы выйти к лестнице, всегда поворачивайте направо. Дальше дорога вам известна. Купайтесь, – приказал он и с этими словами вышел из банной комнаты, закрывая за собой дверь.

Как только оказался один, мальчик расслабился, оперся о стену и несколько секунд простоял без движения. Общение с живыми давалось нелегко. Ему трудно было подобрать правильные слова, чтобы не сказать грубо или обидно. Он до сих пор чувствовал на себе злобный, ненавидящий взгляд второй сестры. Все это было сложным, неправдоподобно сложным. Но с другой стороны – приятным. Мечта быть среди людей осуществлялась хотя бы в скудном своем проявлении.

Сандро выпрямился, принял привычную гордую осанку и пошел прочь, не зная куда и зачем. Никаких дел у него не было, но долгое общение выбивало из колеи. Ему надо привыкнуть к девушкам, а им – к нему. Для этого потребуется время, но Сандро им располагал. А со временем люди свыкнутся с его обществом, привыкнут к нему: люди привыкают ко всему – так уж они устроены.

* * *

В последний раз узницы купались ранней осенью. Это было не многим, не малым – две луны назад, тогда Арганус вывел их из темницы, чтобы они приняли водные процедуры в ручье, что протекал в саду Бленхайма. Вода в нем была холодной и неприятной, а некромант,

который неотрывно наблюдал за купанием, еще неприятнее.

Сейчас все было иначе. Никто не мешал двум сестрам, не следил за ними, вместо холодной реки была широкая бадья, почти до краев заполненная горячей водой, от которой веяло душистым запахом крыжовника от разлитых в ней масел.

Первой в бадью вползла Анэт, с заметным наслаждением раскинула руки, уложив их на края купальни. Несколько минут пролежала, отмокая в горячей воде. Потом поднялась в полный рост и позвала сестру.

Энин поднесла ведро, долила горячей воды в бадью, затем встала на небольшую дубовую скамейку и принялась натирать сестру банной золой.

Анэт стояла неподвижно, стиснув зубы от боли. Сестра терла ее напористо, рьяно, с трудом соскабливая с чувствительной кожи въевшуюся грязь. Когда мытье окончилось, Анэт опустилась в воду и смыла с себя золу. Опять развалилась в широкой бадье, полностью и всецело отдаваясь приятным ощущениям.

– Хорошо, – довольно протянула она.

– Еще бы, – улыбнулась сестра и пошла к камину взять новую порцию воды. С немалым усилием донесла большое ведро к бадье и вылила в нее кипяток. – Ты еще долго? – спросила Энин. Ей и самой не терпелось насладиться купанием.

– Залезай, – посоветовала Анэт. – Отмокнешь пока, а потом я тебя отмою.

Энин, не задумываясь, последовала совету. Скинула с себя платье и присоединилась к сестре, принимая подобную же позу на противоположном краю бадьи.

– Давно не было так хорошо, – радуясь новым впечатлениям, протянула Анэт. Энин улыбочиво закивала в ответ, наслаждаясь редким в холодных стенах замка теплом.

– Даже никогда... – чуть позже добавила Анэт. – Только некроманты и могут переводить дрова на подобные радости.

– Дрова им вообще ни к чему, – секунду поразмыслив, отчеканила Энин. – Холода не чувствуют, дома не топят, еду не готовят.

– И нас дерьмом всяким кормят, – скривила гримасу Анэт, вспоминая едва ли съедобные соленья, порченные овощи и сырое мясо.

– Да, повара из некромантов никудышные, – улыбнулась в ответ сестра.

– Купание, конечно, хорошо, но я не верю «нашему» некроманту. Не могу понять – что он удумал? – ответив своим мыслям, перевела Анэт разговор несколько в иное русло.

– А по мне, он просто хочет быть учтивым, – одним махом разрешила все сомнения Энин.

– Некромант? Учтивым? Не смейся.

– Он наполовину человек, – вдруг вспомнила Энин немаловажный факт, которого так и не открыла сестре. После чего наскоро пересказала историю, услышанную в беседе от Сандро, слегка приукрасила ее, добавила небольшую небылицу о том, что мальчик плакал. Сделала это, чтобы усилить тревожное впечатление, сама при этом веря в собственный рассказ и раскрашивая некроманта в свои тона.

– Интересно, – дослушав до конца, задумалась Анэт. – Я думала, что только скелеты бывают некромантами.

– Видишь, не только, – многозначительно выговорила Энин, задирая подбородок. – Поэтому я и говорила, что он не такой, как другие повелители мертвецов.

– Все равно он один из них, – не изменила своим убеждениям Анэт.

– А мне кажется, ты преувеличиваешь. Он не плохой. Он старается быть добрым. Получается у него не особо, но у него судьбушка такая. Как бы там ни было, у нас с ним немало общего...

– Не будем спорить, – прервала Анэт. – Давай я лучше помою тебя. Да и вода остывать начала.

Анэт выбралась из бадьи. Оставляя на полу мокрые следы, прошла к круглому столу, где разместились полотенца. Вытерлась и направилась к камину. Вода в большой железной посудине давно закипела. Анэт взяла прихват и перелила кипяток в ведро, отнесла его к

купальне и обновила воду. Зачерпнула из бадьи, чтобы не перелилось через край, и, вылив почерневшую от золы воду в слив, отнесла ведро обратно к камину. После чего вернулась к купальне.

Анэт вымыла сестру. За это время замерзнув, снова улеглась в купальню. Поочередно сестры подходили к камину и снимали с него кипяток, разбавляли воду в бадье, вновь заползали в купальню – тешились банным днем. И действие повторялось снова и снова, пока от обилия пара и горячей воды у обеих не закружились головы, а кожа на руках и ногах не сморщилась от чрезмерной влажности.

Вдоволь накупавшись, сестры вылезли из заметно похолодевшей воды, насухо обтерлись мягкими полотенцами. Закончили ритуал примеркой новых нарядов, которые на удивление пришлись как раз впору. Насмеявшись и нарадовавшись, девушки вышли из банной комнаты и пошли, как и приказывал Сандро, в свои покои, в свою незапертую темницу.

* * *

Двери гнусаво скрипнули, и сестры вошли в келью.

С момента их ухода комната преобразилась. Хаос, царивший у зеркала, сменился идеальным порядком, зарешеченные окна украсили импровизированные шторы из плотной, староватой на вид ткани. Портьеры придавали грубости штор подобие уюта. Никогда не заправляющаяся кровать аккуратно застелена, а разбросанный некогда гардероб убран в платяной шкаф.

Некромант ждал внутри, сидя в кресле и неотрывно наблюдая за входом.

– Как ванна? – спросил Сандро, не дав сестрам опомниться.

– Неплохо, – грубо ответила Анэт.

– Спасибо, – нежным голосом добавила ее сестра.

– Рад, что вам понравилось, – кивнул Сандро, пропустив колкость Анэт мимо ушей: эта девушка мало его интересовала. – Я тут... это... ужин. – Мальчик провел рукой, указывая на поднос, на котором разместилась пережаренная, покрытая черной коркой зайчатина. И довольно пояснил: – Сам готовил.

Это был зверек из запасов Аргануса, часть стигийского налога. Лич специально запасался едой, чтобы кормить узниц, но он так и не позаботился о кухарке. Выпускать же девушек, чтобы те сами готовили себе пищу, он и не думал, поэтому рабыням приходилось довольствоваться продуктами, не требующими поварского искусства.

«А нас кормят гнилыми овощами», – злобно подумала Анэт, но не сказала ни слова, лишь упорно посмотрела на мальчика, ожидая, что он будет делать дальше.

– Спасибо, – первой заговорила учтивая Энни.

Сандро кивнул. Но вместо ответа закрыл глаза, сжимаясь в комок. Несколько секунд провел в искаженной позе, потом выпрямился и поднялся с кресла. Едва слышно сказал:

– Меня зовет Хозяин.

Он прошел к выходу, на прощанье пожелал «вкусной трапезы» и закрыл за собой двери.

Недолго раздумывая, девушки принялись за еду. Им не часто выпадал такой лакомый кусочек, как свежезажаренная зайчатина. Ели с энтузиазмом, не сильно заботясь о культуре и чистоте. Набивали полные рты, жадно глотали, не пережевывая.

Когда первый голод был утолен, Анэт, облизнувшись, оповестила:

– Этот некромант мне определенно нравится. С его помощью наша жизнь в замке станет приятнее.

Энни молчала, непонимающе смотря на близняшку, тщательно пережевывая местами подгоревшее, местами недожаренное, но все же мясо. Закончив с особо жилистым куском, она попыталась заступиться за Сандро:

– Не надо на него наседать. Ему и без того немало досталось от жизни. Если он и за добро начнет получать затрещины, то его злоба даст о себе знать. И нам тоже придется несладко.

– Посмотрим, что будет дальше, – примирительно сказала Анэт, отрывая новый ломоть мяса.

– Главное – нам больше не надо будет делать то, что обеим неприятно, – резюмировала Энин, доканчивая со своим куском.

– Да, – не желая спорить, согласилась Анэт. Взглянув на измазанное жиром лицо сестры, расплылась в улыбке и, покачивая головой, укорила близняшку: – Грязнуля, и зачем купалась?

– На себя посмотри, – наигранно делая обиженный вид, отозвалась Энин.

Сестры расхохотались, ненадолго забывая обо всех невзгодах. Сегодня их жизнь изменилась, и наконец не в худшую сторону.

Но кто знает, что подарит им новый день?..

Глава 4 Благородная наука

1. Нарушая МОЛЧАНИЕ, ты подвергаешь опасности не только себя, ты подвергаешь опасности наше дело.

2. Выбирай МЕСТО РАБОТЫ тщательно. Выбирай его так, чтобы оно не бросалось в глаза и было для тебя удобным.

3. Начинай свое дело в СРОК и вовремя его заверши. Не надо спешить – зачем нам спешить, – но и не медли: медлят проигрывающие.

4. ТЕРПЕНИЕ, ничего не дается без терпения и усердия. С усердием начинай, с усердием продолжай Дело. Желание отдохнуть – первый признак поражения.

5. Знай свой предмет, знай свое дело, знай его символику. Совершенство требует ЗНАНИЯ, незнание влечет за собой смерть.

6. Проявляй ВНИМАНИЕ к материалам, используй только чистые вещества и процессы, дабы избежать загрязнения.

7. Не начинай Великого Делания, не запасаясь средствами и УВЕРЕННОСТЬЮ. Без средств и уверенности ты только приблизишь себя к и без того неизбежной смерти, а это ли не поражение?

Альберт Великий. «Алхимическая Свода». 7 правил алхимии

Пять веков.

Пять веков прошло после поражения Трисмегиста в войне против людей и альвов, пять долгих веков минуло с того момента, как живые маги сковали Хельхейм непроницаемым для нежити «куполom». И все это время некроманты разрабатывали обратное заклинание. Но все пять веков результат изысканий не менялся... Все доклады Гильдии сводились к одному и тому же: «Разрушить магическую завесу невозможно, она сочла в себе три истока: стихию, природу и жизнь. Одной темной магии для “купола” не хватит, чтобы нейтрализовать его».

Арганус был одним из советников, одним из тех, кто работал над разблокировкой чужеродной волшбы. Он всецело посвятил себя этому делу, дни и ночи напролет вычерчивал гептады и гексаграммы, колдовские символы и сиклы в слепой надежде проникнуть сквозь магическую завесу, но каждый раз труды оказывались тщетными.

Насчет обратной магии у Аргануса были свои – далеко идущие – планы. Он не собирался разрушать «купол» – наоборот, его задачей было сохранить его, но найти способ проникнуть сквозь завесу, не нарушая защитных заклинаний. Арганус слишком любил власть, чтобы в итоге отдать ее в чужие руки – руки других некромантов, которые, прознав о

разрушении «купола», тут же наводнят людские земли. Но и самолично захватывать власть над людьми он не собирался: для этого Д'Эвизвил путем долгих интриг, посулов и подкупов добился от Совета, чтобы тот назначил на место пограничного лорда его приспешника и раба – Баркляя. Так Арганус получил свободу в поисках – любые его идеи насчет «проникновения» предварялись в жизнь с рабской покорностью. Кроме этого в его распоряжение попал западный гарнизон, насчитывавший больше трех десятков тысяч воинов-скелетов. Конечно, этой армии не хватит, чтобы поставить на колени все людские королевства, но Арганус всегда мог пополнить ее численность за счет уже захваченных государств...

Жаль, пока это были только планы, мечты, которым еще долго придется оставаться несбыточными, но лич надеялся, что в конце концов изыскания приведут его в мир живых – землю обетованную для любого некроманта. И никто не сможет ему приказывать: он сам станет единовластным правителем.

Арганус жил этой мечтой – она и была смыслом жизни, ее продолжением. Весь мир должен – обязан! – упасть к его ногам, бить челом, отвешивая бессмертному королю поклоны. И только проникнув – не уничтожив, нет! – пройдя сквозь «купол», Арганус удовлетворит свою жажду, насытится истинной властью, которой до поры лишен, как и любой раб. И пусть у него уже есть возможности, статус, сила, умение, опыт... все это меркнет, когда слышится новый приказ Балор Дота, короля Хельхейма и Стигии. Но рано или поздно Арганус достигнет поставленной цели, получит желанную свободу, и сделает это во что бы то ни стало...

* * *

Сегодня лич был особенно недоволен: пришли известия с границы о том, что новое заклинание не сработало, дало сбой. Очередной скелет, как и все до него, умер второй смертью, едва лишь попал под действие «купола».

Арганус свернул в трубочку письмо от лорда Баркляя и выбросил пергамент в огонь камина, который полыхал позади рабочего стола.

– Нет ничего чище пепла, – уничтожив послание, выговорил некромант. – Осталось подготовиться к Совету.

На сборе должно показать плоды трудов, чего лич не делал и делать не собирался. Последние пять лет он использовал для докладов работы ученика. Представлял эликсиры, изобретенные Сандро, выдавая за собственные. Тянул время для личных ухищрений. И на ожидаемом Совете он сделает так же.

Сандро должен изготовить и испробовать новый эликсир – «эликсир подчинения». Не совсем тот, который планировал создать лич, зато более подходящий для его дальнейших планов. При помощи «газа» Арганус поработит людей, превратит их в кукол, которыми легко повелевать. А позже – сделает острием своего меча.

Мысли некроманта уже выложились правильной мозаикой в идеальную картину, но одного, самого важного кусочка в ней все так же не доставало – способа проникновения сквозь «купол».

– Сандро, – позвал некромант, нащупав в мыслесфере нить, ведущую к ученику. – Я жду тебя, поторопись...

* * *

Выйдя из покоев сестер, Сандро сжал кулаки. Он хотел остаться, сблизиться с девушками – а главное, с рыжеволосой красавицей. Но Зов Хозяина разрушил превосходные планы, превратил все старания в тлен.

– А она прекрасна, – задумчиво протянул Сандро, шагая коридорами замка.

Он думал об Энин. После купания она стала еще прекраснее, она манила своей красотой, своей неповторимостью, она была великолепна.

Сандро помнил танец, который плясала в его воображении Энин, помнил ее пластичные движения, хрупкую фигуру и добрую улыбку. Они заставляли мальчика забыть обо всем на свете, погрузиться в невероятный калейдоскоп событий, мечтать и думать только об одном – о новой встрече с рыжеволосой богиней...

– Она идеальна, – говорил Сандро своим мыслям, даже не пытаясь выкинуть из воображения восхитительный образ. Энин жила в мыслях мальчика своей жизнью, поглощала реальность, затмевая ее первозданной, неповторимой красотой.

Но манящее радостное наваждение сменилось злой явью, когда мальчик остановился у кабинета учителя. Он, ненадолго задержавшись у двери, постучал в грубое дерево, которое ответило глухим звуком и голосом Аргануса:

– Входи...

Сандро, потупив взор, открыл дверь и, шаркая ногами, вошел в кабинет учителя. Мальчик стоял, не поднимая головы – ему незачем было осматриваться, он помнил каждый уголок старинного помещения. По бокам на настенных стеллажах пылились фолианты. В противоположном конце кабинета разместился крепкий, не просевший со временем массивный дубовый стол, на столешнице которого в покорном оцепенении лежали письменные принадлежности и нетронутые пергаменты. Был в комнате и круглый макет земли, выдуманный и исполненный одним продвинутым картографом, ни разу не покидавшим Хельхейма и не видевшим мира. В углу на тонком пьедестале стоял гипсовый бюст Аргануса в человеческом облике, с которого время слизало нос, покорило лицо трещинами, сделав ваяние малоотличимым от нынешней внешности некроманта. Единственной приятностью во всей обстановке был негаснущий камин позади рабочего стола и возвышавшаяся над ним картина с изображениями мирной природы, лишенной боли и ненависти.

– Вы звали, – привычными словами начал разговор Сандро.

– Звал... – Оторвавшись от бумаг с магическими символами и заклинаниями, Арганус бросил на мальчика косой взгляд и ядовито приказал: – Сними капюшон. – Мальчик моментально сдернул с себя накидку. Арганус вернулся к бумагам и продолжил говорить: – Вскоре пройдет Совет. У тебя два дня, чтобы показать мне опытные образцы вчерашнего эликсира.

Арганус взял в руки перо, смочил его в чернильнице и, сделав несколько уверенных штрихов, замер. Задумался, вникая в формулы. Недовольным движением отбросил пергамент в сторону, посмотрел на ученика и заговорил:

– С завтрашнего дня я начну обучать тебя магии – истинной, а не той, которой ты отнекивался все это время. Я близок к одному изобретению, мне пригодится твоя помощь, но не как алхимика, а как настоящего некроманта. Занятия будут проходить в храме Сераписа.

С этими словами некромант придвинул к себе испещренный руническими знаками пергамент, не отрываясь от его изучения, бросил:

– Все. Приступай к работе. – Отдав последний приказ, Арганус повелевающим движением руки позволил ученику уйти.

Сандро, на секунду подняв глаза, устремил недовольный взгляд на учителя. Не сказав ни слова, резко развернулся и вышел из кабинета.

Юного алхимика переполняла злость. Он никогда не занимался некромантией. До этого дня Арганусу была безразлична судьба мальчика, учитель – никакой он не учитель! – пользовался талантами ученика с одной единственной целью: выдавал его творения за свои. Все! Точка! И теперь, ни с того ни с сего, Арганус решил «поощрить» его своими уроками? Зачем? Для чего? Какие планы вынашивает Хозяин?

Едва сдерживаясь от рвущейся злобы, мечась от одной мысли к другой, Сандро быстрыми, нервными шагами шел в сторону лаборатории. Оставив позади коридоры, он

вышел к центральной лестнице, которая пересекала замок Бленхайм по центру, симметрично деля пополам. Спустился вниз и прошел в столовую, где остановился у кухонного шкафа. Провернув по старой привычке дверную ручку, открыл вход в туннель с винтовой лестницей. Сделал первый шаг в лоно темноты и врос в идеально ровные ступени. Злость искала выхода, и наконец ей это удалось:

– Был договор, пусть не высказанный, но был! – стиснув зубы, прошипел мальчик, изо всех сил ударяя мертвой рукой о стену. Камень надтреснул от той силы, с которой к нему приложился некромант. – Я занимаюсь алхимией, но не некромантией. Так было, так должно быть...

– Спокойнее, – влился в сознание мальчика старческий голос.

– Трисмегист... – вспомнил он духа, о котором уже успел позабыть. – Мне не нужны подсказчики, я сам знаю, что мне делать, – гневно бросил юный некромант призрак, которого так и не видел.

Дух молчал. Сандро невольно подумалось, что Трисмегист – это всего лишь плод воображения, что это темная магия разговаривает с ним, туманя рассудок. Выбросив чуждые мысли из головы, мальчик продолжил свой путь в лабораторию, где его уже ждали реторты, выпариватели-концентраторы, конденсаторы и другой инструментарий.

* * *

Недолго думая мальчик прошел к тайнику с «эликсиром недоросли». Отодвинул кусок мозаики, вытащил из схрона сосуд с едко-зеленой жидкостью и осушил его одним большим глотком.

Голова слегка закружилась. Привычный эффект от зелья. Оно заморозит метаболизм, приостановит взросление, не нарушая жизненного цикла. Но сегодня Сандро не этого ждал от своего изобретения.

Прежде чем шаркнула мозаика, вбиваясь в исконное место, новая порция едко-зеленого эликсира пламенной струей влилась в горло. Передозировка. Голова заходила ходуном, вокруг все поплыло, удары сердца заглушили все звуки, пульсирующей болью застучали в висках. Сандро упал на пол, сжал руками голову и тихо застонал. Организм, отыгрываясь за замедление химических реакций, активнее заработал серыми клетками. Мысли нескончаемым потоком вливались в голову. Мозг не успевал их перерабатывать, не выдерживая такой нагрузки. Но пятилетнее привыкание и постоянные тренировки смягчили пытку. Сандро привстал. Боль быстро утихала. Организм привык к отраве – даже передозировка не сломила его.

– Зачем ты себя мучаешь? – гулким эхом прокатился в голове голос Трисмегиста. Боль на мгновение вернулась.

– Чтоб тебя перекосило! – заскрежетал зубами Сандро. – Так надо!

– Надо для чего? – не унимался дух.

– Сегодня много дел, везде я не успею, – понимая, что Трисмегист не отвяжется, пояснил мальчик.

– Зелье чем-то поможет? – поинтересовался друид.

– Да, – отчеканил Сандро, не вдаваясь в подробности.

– Может, объяснишь мне, как действует эта отравка?

– Объясню... – заверил некромант.

* * *

Огонь сковали железом. Языки пламени вырывались из-за ржавой решетки, искрились и исчезали. На раскаленном железе закипал в платиновой посудине трехцвет. Рядом с ним

испускал пряный аромат клевер удачи. Из тонкого жгута конденсатора по каплям цедился сок мандрагоры. Сандро подбрасывал зачарованные бревна в жаровые котлы. Сухое дерево в одно мгновение вспыхивало, давало много тепла, но сгорало медленно, словно нехотя.

– Альберт! Трисмегист! – громко позвал Сандро, не отрываясь от своего дела.

На горелке закипел отвар четырехлистного клевера, юный алхимик присоединил к нему газоотводную трубку, чтобы собрать конденсат. С помощью подставки поднял платиновый сосуд с отваром выше, уменьшая тем самым накал, повернул его под углом, обеспечивая лучшую проходимость газа.

В самом эликсире полученный конденсат маловажен, но его действие по всем расчетам должно увеличить проникающую способность эликсира, позволит ему быстрее взять под контроль «цель».

К этому времени закипел и отвар трехцвета. Сандро проделал с ним сходную операцию.

В появившуюся минутку опять позвал Трисмегиста, но и на этот раз никто не ответил. Мальчик с каждым разом кричал все громче, все больше убеждая себя, что духа никогда не существовало, что он – плод больной фантазии.

– Альберт! – прикрикнул напоследок Сандро, уже не рассчитывая услышать ответ.

– Не кричи, – оборвал призывы мальчика старческий голос. – «Соблюдение тишины и молчания» – первое правило алхимика.

Несколько секунд заново прокручивая в мыслях реальность существования духа, Сандро едва рассерженно бросил:

– «Эликсир подчинения» – не алхимия. Я не работаю с металлами, не подбираю астрономических циклов. Это всего лишь снадобье, которое ничего общего не имеет с благородной наукой.

– Интересное заявление, – прошуршал тихий голос Трисмегиста. – Ты никогда не слышал о низшей алхимии? То, чем ты сейчас занимаешься, самое яркое ее проявление.

Сандро не ответил. Его никто не обучал науке трансмутации, и все, что он умел – плод долгих самостоятельных поисков. Как это можно было объяснить тому, кто несколько десятилетий, по всем правилам обучения, провел в учениках Круга друидов? Даже не пытаясь спорить, Сандро, сосредоточившись, погрузился в изготовление эликсира. Но Альберт не останавливался:

– У тебя неплохие задатки для алхимика, но тебе не хватает хорошего наставника.

– Им хочешь стать ты? – наигранно удивился Сандро.

– При обоюдном согласии – да.

– Я пять лет учился алхимии без всяких наставников, смогу делать это и дальше, – недовольно фыркнул некромант.

– Будь, по-твоему, – отозвался заунывный голос.

Не обращая внимания на Трисмегиста, Сандро продолжил работу: увеличил огонь конденсатора, в котором дистиллировались клубни мандрагоры, подкинул новых галлюциногенных плодов, чтобы повысить концентрацию раствора; с той же целью ополовинил содержимое платиновых сосудов с отварами четырехлистника и трехцвета, закинул новую порцию и долил воды.

– Почему ты не измеряешь концентрацию? Позже тебе не удастся повторить точный состав в прежних пропорциях, – заумно спросил Трисмегист. Мальчику пришлось несколько секунд вникать в услышанное, и когда он наконец понял, о чем говорит дух, ответил той же монетой:

– Ни один аналитический реактив не поможет узнать точную концентрацию раствора. Я выискиваю пропорции на глаз.

– Тебе стоит по унциям вымерять материал и записать в расчетную книгу, только так ты соблюдешь точность при смешивании веществ-реагентов, – поучал Трисмегист.

Сандро недовольно фыркнул:

– Каждый из составов сохранился в моей памяти – этого достаточно, чтобы в нужный

момент извлечь правильное сочетание.

– Никогда не стоит надеяться только на память, – наставническим тоном изрек Трисмегист, чем вызвал у мальчика недовольство и раздражение:

– Может, хватит меня учить? – гневно выпалил Сандро. – Пока ты не появился, я всегда делал так. И до этого момента сбоев не было. Это о чем-то говорит? – подталкивал он на единственно верное умозаключение: «Мальчик прав», – но Альберт решил иначе:

– Это говорит об удаче, но она сопутствует отважному далеко не всегда.

– Я бы с удовольствием подискутировал на эту тему, но, видишь ли, я занят. Спасибо, конечно, за консультацию, но я и без записей хорошо справляюсь. У меня свои секреты.

– Не буду выпытывать: тайна должна оставаться тайной, пока так хочет ее хранитель, – многозначительно выговорил дух. – Но ты обещал мне рассказать об эликсире, который пил перед опытом. В чем его суть?

– Именно он и есть секрет моей памяти, – довольно усмехнулся Сандро. – Эликсир увеличивает активность головного мозга, но изобрел я его совершенно с другой целью...

– Повышение умственной активности? – едва удивленным голосом протянул Трисмегист. – Великолепный эффект...

– Да, – согласился мальчик.

– Но ты изобрел его с другой целью... Какой именно? – поинтересовался Трисмегист.

– Замедляю обмен веществ в клетках, не даю им развиваться, чтобы живая половина не выросла больше мертвой, – ответил мальчик, отсоединяя тем временем газоотводные жгуты от отваров и медленно помешивая раствор «трехцветного безвременника» тонкой эбэнисовой¹ палкой. – Я и так не блещу красотой, – превратиться в искореженного монстра мне совсем не с руки.

– Не проще ли заставить расти мертвую часть? – спокойным голосом спросил Трисмегист. Мальчик с трудом подавил смешок.

– Мертвое – расти?! – усомнился Сандро. – Это невозможно!

– Нет ничего невозможного, – опротестовал Трисмегист. – Я легко опровергну твоё заблуждение.

Сандро отстранился от своих дел, перестал перемешивать варево. Капля надежды разожгла неистовый огонь в душе.

– Как? – едва совладав с голосом, выговорил мальчик.

– Магия друидов способна на многое! – с легкой торжественностью ответил Трисмегист.

Экстракт трехцветов взбурлил и пролился на жаровой котел, зашипел, облаком пара рассеялся в воздухе лаборатории. Безвременник ядовит, сильно концентрированный он способен погубить человека. Сандро спохватился и стал перемешивать жидкость эбэнисовой трубкой. Только черное дерево, платина и стекло не вступали в реакцию с трехцветом, мешая добыть чистый экстракт.

– Ты сможешь мне помочь? – с негаснущей надеждой спросил Сандро, когда кипение пришло в норму

– Конечно смогу. Но процесс обучения займет немало времени, потребует от тебя усидчивости и внимания, – не успев стать учителем, наставлял Трисмегист. – Ты готов быть моим учеником?

– Если это позволит мне вырасти – да, – неоднозначно ответил Сандро, но друид не требовал большего.

– Значит, решено, – провозгласил он.

– Но я не знаю, когда смогу приступить к занятиям, – тут же отступил некромант.

– По какой причине?

– Мне надо выполнять поручения Аргануса, а их с каждым днем становится все больше. Ко всему прочему с завтрашнего дня начинаются занятия темной магией, – оправдывался Сандро.

– Знай: это надо тебе, а не мне.

- Мы можем заняться искусством друидов после Совета некромантов?
- Безусловно.
- Вот и хорошо, – довольно потер некромант руки.

С этими словами юный алхимик потушил горелки и отсоединил конденсатор, перелил оставшиеся вещества в крупные посуды. Уверенными движениями смешал растворы в разных пропорциях, разных концентрациях, в разных составах, получая почти десяток различных веществ. Слил результаты в небольшие пробирки, которые позже выстроил в несколько рядов на специальной форме.

После этого взял в руки гусиное перо. Макнул кончик в чернильницу и подписал над каждой пробиркой свой символ. Когда закончил начертание рун, герметично закупорил сосуды пробками с изображением Трисмегиста – так ему отдавали дань как изобретателю алхимии. После чего поочередно встряхнул по отдельности каждую пробирку, добиваясь легкого газообразования внутри. Довольный результатом, вложил пробирки обратно в форму и приглушенно выговорил, обращаясь не то к пустоте, не то к Трисмегисту:

– Надо подготовиться к уроку магии, освежить старые знания, хотя... я лучше бы повидал одну рыжеволосую особу, – мечтательно улыбнулся мальчик, как только память наткнулась на чарующий образ. – Я так и сделаю. Я увижусь с ней! – твердо решил Сандро.

– У нас остался незаконченным разговор о создании эликсира, прерывающего магию хозяина... – напомнил Трисмегист.

– Разговор? – задумался мальчик, припоминая недавнюю беседу. – Я вернусь к эликсиру завтра... – заключил он, через секунду меняя решение: – Вернусь, когда появится время.

– Тебе стоит поторопиться. Если изобретешь эликсир, сможешь покинуть Хельхейм вместе со своей рыжеволосой возлюбленной.

– Она мне не возлюбленная, – отмахнулся Сандро, уже откладывая форму с пробирками в сторону и накидывая капюшон. – И не лезь в мои личные дела.

– Хорошо, хорошо, оставим дела любовные амурам, – примирительно ответил Трисмегист.

– Амурам? – удивился Сандро новому названию, даже остановился на полпути к лестнице.

– Не забивай себе голову, – пошел на попятную Трисмегист. – Амуров уже нет, они умерли вместе с храмом Сераписа. – Секунду помолчав, закончил разговор всего одним словом: – Иди.

Больше не обронив ни слова, юный некромант покинул лабораторию и отправился туда, куда звало его сердце.

Глава 5 Неметон

На священной поляне Неметон, у истока вечного вырос замок на костях и крови.

...Бенни к истоку приходили и мыли в его водах кровавые одежды, возвещая смерть всему живому. Громко выли под окнами домов Кон Анноны, обещая людям скорую гибель. А по небу уже мчался Дикий Охотник, собирая смертельную жатву.

...И всполохнули небеса над головами смертных, и вздыбилась под их ногами земля, слышались крики младенцев и стоны их умирающих матерей. И налилось кровью яркое Солнце, и закрыла, дабы не видеть страданий, единственное око Луна. Мир на века погрузился во мрак и забвенье.

...Но цветет Неметон, как и раньше цвел, и будет так, пока зелен стоит дуб вековечный. Живет мир, как раньше жил, и будет так, пока льется вода Неметона.

Амагрин Овен. «Денеметон»

Скрипнула несмазанная дверь, но это был единственный звук, с которым в келью проник незванный гость. Он тихо, без малейшего шороха плывя по полу, словно тень, прошел в центр кельи и остановился. Облаченный в черные одеяния, он хамелеоном цвета оникса растворился во тьме. Незаметно, как призрак, он проскользил к кровати, на которой спали, нежно обнявшись, две рабыни – спали мирно, спали беззаботно.

– Проснись, – едва касаясь обнаженного плеча Энин, прошептал Сандро. – Проснись, – заунывным, далеким голосом звал он, аккуратно выдергивая девушку из сонной дымки.

Неохотно разрывая тонкую пелену между сном и явью, Энин открыла глаза. В полудреме, с великим трудом избавляясь от мутной сонливости, она посмотрела на некроманта, и капля страха вмиг вырвала ее из сновидений.

– Уйди! – тихо вскрикнула она, не совладав с сиюминутным испугом.

– Тихо, – приказал Сандро, не замечая, как использует в голосе гипнотические нотки, которыми обладал каждый некромант.

Девушка невольно отшатнулась, прильнула к сестре, но, стоило ей услышать голос некроманта, и страх быстро сменился спокойствием, таким мягким и теплым – блаженным! – что невольно не поверилось собственным ощущениям.

– Прости. Прошу: не кричи, – отворачиваясь и подавляя силу голоса, продолжил он. Блаженный покой Энин в одночасье умер, но страх не вернулся. – Я не хотел тебя пугать и будить. Нет, будить хотел... удели мне немного своего времени, – попросил Сандро, несмело взглянув на девушку.

– Чего тебе надо? – дрожащим голосом спросила Энин.

– Пойдешь со мной, – сам того не желая, выдал новый приказ Сандро. Он хотел разговаривать иначе, но иначе отчаянно не получалось. Он решил молчать. Словно тень, не нарушая тишины, присел у ложа, осторожно окидывая неуверенным взглядом девушку.

Она была очаровательна. Огненно-рыжие волосы, яркие и пышные, словно языки пламени спадали на плечи, игривыми завитками ложились на кровать. Было удивительно, что пряди не воспламеняли белоснежную постель. Темно-карие глаза, в которых яркими бликами отражался огонь волос, внимательно смотрели на чародея. Казалось, девушка даже не моргает – она словно застыла, наблюдая за полупризрачной тенью.

– Чего ты хотел? – уже не сопротивляясь – соглашаясь – ответила Энин, делая легкий, неуверенный жест, будто мальчик мешает ей подняться с постели.

– Отвести в замковый сад, – отстраняясь от кровати, чтобы дать девушке встать, ответил Сандро.

Энин сомневалась. Стоит ли верить некроманту? Сестра всегда говорила, что им нет веры... Но она отбросила сомнения и легким движением откинула тонкое одеяло, открывая обнаженное тело.

Мальчик посмотрел на манящую девичью стать, на изящные округлости ее фигуры, идеальные линии молодого тела и отвел взгляд. Он не мог смотреть на нагую Энин, это было выше его сил.

– Оденся, – попросил чародей. – И поспеши: у нас есть время только до рассвета, а он уже не за горами, – секундой позже, когда это было уже не так необходимо, поторопил он.

Энин взяла с кресла тонкое атласное платье, мигом надела его, прошла к платяному шкафу и накинула на плечи теплый шарф, предчувствуя предрассветный холод.

– Идем, – сперва неуверенно, с опаской, взял за руку свою рабыню некромант, но после крепче сжал ладонь, радуясь одному только прикосновению – лишь тому, что девушка с ним рядом.

– Может, разбудим Анэт? – неуверенно спросила девушка.

Анэт, словно почувствовав, что говорят о ней, едва заметно пошевелилась. Это легкое, сонное движение потерялось в ночном мраке, но Сандро, видящий во тьме не хуже кошки, без труда заметил его.

– Пусть спит, – отозвался некромант, в следующее мгновение проведя рукой и кончиками губ нашептав дремотное заклинание, которое до этого момента ни разу не использовал и уже успел подзабыть.

Энин покорно ждала, не различая во мраке манипуляций чаровника.

Больше не сказав ни слова, Сандро распахнул скрипучую дверь и вместе с Энин вышел в запутанные, но уже знакомые замковые коридоры.

* * *

Они довольно быстро спускались по центральной лестнице. Некромант всю дорогу молчал, постоянно озирался – будто боялся, что за ними следят. Своей настороженностью он с каждым новым мгновением навешивал на спутницу все больший страх, все большие сомнения в правильности своего согласия.

– Куда мы идем? – неловко спросила Энин, не выдержав неопределенности.

– В Неметон, – пространно объяснил Сандро.

Энин не решилась спросить повторно. Сандро ей казался раздраженным, неуверенным, она не стала искушать судьбу и задавать лишние вопросы.

– Я не смогу объяснить, это надо увидеть, – минутой позже выговорил некромант, когда девушка уже и не ждала новых разъяснений.

Энин ничего не ответила: она увидит то, из-за чего ее вытащили из постели, увидит, если так решил некромант.

Сандро слышал за спиной ускользающе тихий шорох, который сменился глухим, едва различимым даже в полной тишине ударом. Не останавливаясь, он резко обернулся, но в сотый раз убедился в бесплодности подозрений. На ступенях, пошатываясь, словно дерево на легком ветру, стоял страж-скелет, всем своим видом давая понять, что нет причин для паники. Сандро недовольно сплюнул. Озадаченно, осознавая, что повел себя излишне грубо, посмотрел на Энин. Не сказав ни слова, потупил взор и пошел быстрее.

Странное ощущение, что за ним следят, не исчезало. Сандро спешил, будто чувствуя опасность, будто зная, что за ним идут по пятам. Часто оборачивался. Смотрел по сторонам. Но не замечал ничего, кроме теней, уползающих от лунного света, который просачивался в резные окна.

Вскоре они вышли из замка, на секунду задержались на широкой, почти необъятной крепостной площади, окруженной полукольцом фортификаций. После чего Сандро уверенно повел девушку вдоль замковых стен, с каждым мигмом все плотнее приближаясь к почерневшему камню. Ежесекундно он оборачивался, изучал непроглядную темноту, что-то недовольно бурчал и шел все быстрее.

Они долго продирались сквозь колючие кустарники, норовящие укусить своими шипами тело или схватиться за одежду, и лиановидные растения, корни которых мешали идти, то и дело цепляясь за ноги спутников, словно хваткие пальцы живого существа.

А они все шли... Казалось, замку Бленхайм нет конца, что его стены необъятны так же, как и зло некромантов. Энин уже начала винить себя за покорность, винить за то, что согласилась идти, но в следующее мгновение изменила своей неуверенности.

Мальчик перестал оборачиваться, повернул за замковую стену, когда та наконец закончилась, остановился, внимательно обвел взглядом видимую в темноте ночи только ему картину и провозгласил:

– Неметон...

Неожиданно, словно по нелепому мальчишескому зову, из-за крепостных стен украдкой показалась луна. Она призрачно осветила рощу, иллюзорно превращая

многоцветную землю в искрящуюся пеструю водную гладь.

Словно по магическому пути, мальчик повел Энин по лунной дорожке, которая посеребренным полотном стелилась под ногами. Девушка зачарованно смотрела по сторонам и не верила своим глазам. Она попала в цветущую страну, пеструю и благоухающую от изобилия цветов. Вековыми стражами вокруг рощи выросли величественные дубы. Словно ласковые жены, меж ними стояли, опустив скорбящие головы, гибкие молодые ивы. Распустившиеся цветами жизни, кустарники словно маленькие дети застыли у ног родителей. Роща была жива, в каждом дереве, в каждом цветочке, в каждой травинке чувствовалась жизнь, животворящая сила, от которой становилось тепло на душе.

Вокруг царила тишина – туманная, глубокая, но не мертвая, живая. Тихо, словно поселившись между сном и явью, звучала лунная, игривая, но тоскливая музыка. Она обволакивала собой мир, погружала его в изящный медленный танец. В такт танцу покачивались дубы, сильнее гнули головы плакучие ивы.

Сандро вел дальше, проникая все глубже в чарующий, невероятный мир.

Музыка зазвучала громче. Теперь Энин могла различить, откуда льется волшебная мелодия. Это пел источник – кристально чистый серебряно-золотой ручеек с душистым медовым ароматом, который стоял в воздухе, смешиваясь с сотней других восхитительных запахов.

Сандро остановился у ручья и только сейчас разжал ладонь, выпуская девушку из своей крепкой, но нежной хватки. Рукой проводил ее взгляд, указывая на небольшие качели и приглашая ее сесть.

Энин немедленно приняла приглашение, села в качели-колыбель. Мальчик стал медленно их раскачивать, ускоряя с каждым новым движением. Девушка сперва опасливо смотрела на землю, боясь упасть, но разразилась смехом, и страх в то же мгновение улетучился. Энин заливисто хохотала – так громко и жизненно, задорно и весело, что Сандро не смог сдержаться и стал смеяться вместе с ней.

Дружный, добрый хохот смешался с волшебной мелодией, заиграл с ней в унисон, разнося вокруг беззаботное веселье. Эти мгновения были самыми счастливыми в жизни мальчика, самыми дорогими и ценными, он смеялся, смеялся, не боясь ничего на свете, он плакал, плакал от радости, которой так давно не испытывал.

Подул легкий, теплый ветерок, и качели накренились, девушка выпорхнула из них, словно бабочка. Упала в объятия Сандро, и они вместе повалились на землю.

С его лица соскользнул капюшон, скрывавший изуродованную внешность. Девушка уперлась взглядом в ополовиненное магией лицо некроманта, и смех комом встал в горле. Сандро, словно ужаленный, отстранил ее от себя, вскочил на ноги, отворачиваясь и натягивая капюшон.

– Прости, не уследил за качелями, – холодно извинился мальчик.

– Не бойся меня, – ласково сказала Энин – она уже не чувствовала страха перед некромантом, у нее не было причин не верить ему.

– Я и не боюсь, – даже не обернувшись, ответил Сандро.

– Боишься, – упрямилась Энин. – Мне кажется, ты меня боишься еще больше, чем я тебя.

– Ты меня боишься? – вынес мальчик из услышанного свое.

– Нет, – замотала она головой.

– И я нет, – сбивчиво промямлил Сандро.

Энин улыбнулась сперва словно нехотя, но улыбка все шире расползалась по ее лицу. В конце концов она расхохоталась заливистым, заразительным смехом. Сандро, не сдержавшись, захихикал в унисон. Смеялись долго, мальчик с трудом подавил в себе смешинку и тихо, с легкой обидчивостью прошептал:

– Почему ты смеешься?

– Словно дети, – пуще прежнего расхохоталась Энин, прижимая руки к животу.

Сандро присел рядом.

– Тебе здесь нравится?

– Очень, – едва сдерживая смех, чтобы не обидеть мальчика, ответила она.

Услышав странный шорох за спиной, Сандро резко развернулся, уставился в посеребренную последними лунными лучами даль, но так ничего и не нашел.

– Тебя что-то тревожит? – забеспокоилась Энин.

– Скоро солнце встанет. Мне надо будет уйти, – невпопад ответил Сандро.

– Ты из-за этого такой настороженный?

– Да, – не раздумывая соврал некромант. Он чувствовал на себе чужой взгляд, чувствовал настолько явно, что даже не сомневался: за ними наблюдают.

– Не волнуйся – придем сюда, когда у тебя будет время, – отозвалась Энин.

– Да, конечно, – согласился он.

– А почему некромант держит столь красивое место в своих владениях? – удивилась Энин.

– Он и рад бы не держать, но это невозможно, – догадываясь, о ком идет речь, ответил Сандро. – Ручей зачарован. Он протекал тут задолго до появления некромантов, еще в те времена, когда Хельхейм был во власти друидов. Друиды пропитали источник животворящей силой, придали ему свое русло. И сколько бы ни пытался Арганус поменять ток реки, она всегда возвращалась в свои берега. Тут действует магия, перед которой тьма некромантов бессильна, – объяснил знающий Сандро, который не раз использовал «священную воду» в своих опытах. – Я не проверял на практике, но в книгах написано, что под землей река течет к самому храму Сераписа. – Мальчик невольно огорчился, как только вспомнил это название – название храма, где пройдут его практикумы темной магии. – Храм принадлежал светлому ордену, но Трис... но некроманты его осквернили. А источник жив, жив как и раньше, и дарит миру свою незабвенную красоту. Замок Бленхайм стоит на священной земле. Конечно, века, которыми оскверняли это место, не прошли бесследно, но земля по-прежнему хранит в себе свет.

– Удивительно, – восхитилась Энин, не до конца понимая витиеватые фразы собеседника.

Она медленно встала и подошла к тоненькому, почти слабому и высохшему ручейку. Опустилась на колени к источнику, зачерпнула ладонями кристально-чистой ледяной воды. Умылась, в тот же миг взбадриваясь, ощущая, как силы пропитывают ее изнутри. Потом встала и, посмотрев на мальчика, произнесла:

– Хозяин водил нас с сестрой к ручью, но в округе все было пустынным и мерзким. Вместо прекрасных деревьев росли колючие кустарники, почва была серой и рыхлой, словно ее вскопали только вчера, а тут зеленеет трава даже в преддверье зимы. И у воды не было чудодейственных свойств, она была холодной и неприятной.

– Морок, – одним словом объяснил Сандро. – Арганус навел на вас иллюзию, изменил ваше мировосприятие. Вы видели то, что могли увидеть, а не то, что есть на самом деле.

– Ты хочешь сказать...

– Вы видели ложь, – не дослушав вопроса, ответил мальчик.

– И как ты ко всему этому привык? – содрогнулась девушка. – Ты добр, я это чувствую, ты пытаешься это скрыть за безразличием и холодом, но у тебя не получается. Ты не некромант, но кто же ты?

– Я некромант... – невольно потупил взор Сандро. – Но не такой, как другие. Я человек, но и от людей отличаюсь не меньше.

– Неужели магия не способна вернуть тебе прошлую жизнь? – сокрушалась Энин: она сама того не желая прониклась горестями Сандро, ощутила всю ту истерию, всю ту боль, страх, ненависть, отчаяние, которые испытывал мальчик. Священный исток сделал ее еще более чувствительной, заставил еще глубже испытать то, что происходило с Сандро.

– Магия не меняет судьбы, – ответил чародей фразой из прочитанной книги. – Она лишь корректирует, дополняет и преобразует исконную линию, она не способна ее перечертить. Я стараюсь, стараюсь что-то изменить, но все безрезультатно...

– У тебя получится, – уверила девушка, лишь через слово понимая, о чем говорит мальчик.

Сандро не ответил. Посмотрел на свое отражение в тонком ручье, но увидел только тень, окутанную внутренним мраком и черными одеяниями. Нет, ему не изменить судьбы, магия ее не меняет, но полумертвый мальчик не терял надежды, в глубине души верил в удачу, однако хранил эту веру слишком глубоко.

– Нам пора, – восторженно воскликнул, заметил Сандро.

– Я могу сюда приходить?

– В любое время, – быстро разрешил некромант. – Я... ты знаешь, я... – Сандро захотел раскрыться, рассказать девушке, насколько она ему важна, но и сам не мог измерить своих чувств. Он чувствовал, чувствовал радость, отстранялся от обычной боли и ненависти только рядом с ней, только с ней ощущал себя человеком – живым человеком, а не полумертвым слугой. Но он не знал, как это сказать, и стоит ли это делать...

Он заговорил вновь, но сказал не то, что хотел, а то, что первым пришло на ум:

– Мне пора идти, близится рассвет, меня ждет урок, – сам не веря в свои слова, выговорил он. Решительно, резко, быстро, словно опасаясь, что от решительности не останется и следа, подошел к Энин. Хотел прижать ее к себе, почувствовать ее в своих объятиях, но вместо этого протянул ей руку, предлагая идти обратно. Девушка без страха взялась за ладонь, в которой ощущалось людское тепло даже через перчатку.

– Скоро ли мы сюда вернемся? – спросила она, когда Сандро уверенными шагами пошел прочь от чарующего места.

– Когда зайдет солнце, – пообещал некромант, еще не зная, что его планам помешают.

Музыка ручья звучала все дальше, ивы все жалостливее прижимались к мужественным дубам, склоняли свои зеленые волосы к земле, тихим шелестом провожали Энин и Сандро.

Она смотрела через плечо за ускользающей картиной, вслушивалась в угасающую мелодию. Она вернется сюда, опять услышит музыку ручья, вновь насладится запахом цветов. И неуверенный, влюбленный мальчишка снова будет рядом, снова будет, стесняясь, рассказывать истории и смеяться вместе с ней.

* * *

– Может, разбудим Анэт?

Голос сестры разбудил ее. Девушка нехотя открыла глаза. После сна мысли ложились неровно, медленно, поэтому Анэт неосторожно потянулась, прежде чем услышала чужой голос и поняла, что в комнате посторонний.

– Пусть спит, – выговорил неизвестный. Анэт по голосу узнала его обладателя – нового хозяина.

Она притаилась, но было уже слишком поздно: чародей заметил ее движение. В следующее мгновение она почувствовала упрямую сонливость, резко накатывающийся сон, бороться с которым было выше ее сил. Но, на удивление, сонная пелена быстро спала, исчезла, как только некромант оторвал от Анэт упорный взгляд.

Глухой скрип проржавевших дверных петель в мгновение ока стер последние остатки сна. Анэт резко вскочила с кровати. На ощупь выискала платье и, путаясь в кружевах, с трудом напялила на себя. Впопыхах Анэт выскочила за дверь. Она не позволит некроманту околдовать сестру темной магией, не даст ему подмять под себя доверчивую Энин. По крайней мере, попытается этого не допустить.

Анэт следовала за ними по пятам, но, желая оставаться незамеченной, держалась на приличном расстоянии. Если бы не священная вера, которая жила в ее душе, она бы давно потерялась в непроглядно темных коридорах замка, разветвленных и запутанных, словно лабиринт. Но вера вела безошибочно, точно указывая путь. Анэт шла скрытно, тихо, словно

полевая мышь, но один раз чуть не выдала себя. Произошло это случайно: выпорхнув на лестницу, она не заметила скелета, закованного в тяжелые латы, и, с разгона напорвшись на него, упала на пол. Симиона уберегла свою недоученную жрицу и укрыла от глаз некроманта – по крайней мере, так считала и беспрекословно верила в это Анэт. А Сандро, не останавливаясь, но без конца оборачиваясь, будто чувствуя слежку, вел Энин в неизвестном направлении.

Теперь ученица Храма лежала, зарывшись в густой колючий кустарник так, что она видела все, а ее нельзя было разглядеть и с полуметра. Она с ненавистью наблюдала за некромантом, который магией околдовывает сестру, смотрела, как зачарованная Энин любезничает с повелителем мертвых, весело смеется, улыбается ему. Анэт бросало то в жар, то в холод от одного места, к которому ужасный некромант приволок ее сестру.

Тут стояли, склонив черные, ожившие головы, загнивающие исполины. Они нависали уродливыми монстрами над Энин, пожирали ее злобными взглядами кроваво-красных глаз. Их стволы были увиты тонкими наростами, походившими на жилы, а корни, словно жирные черви, повылазили из серой земли. В этом ужасном месте протекал ручей с черной, как смоль, и мерзкой, словно раскисшая грязь, водой. Вокруг лежали кости людей, так и не заслуживших права на могилу.

Но Энин словно не замечала всего этого уродства, весело и добродушно разговаривала со средоточием зла, скрывшим за черными одеяниями черное же естество. И только сейчас Анэт сообразила, в чем причина столь беспечного поведения ее сестры: Энин зачарована, она видит красочный и живописный морок, а не ужасающую явь. Некромант сплел магическую иллюзию, заставив поверить Энин в несуществующую красоту, отгородив ее от реальности темной волшбой...

Анэт вздрогнула, вырвавшись из гнетущих мыслей. За глубокой задумчивостью она не заметила, как двое встали и пошли обратной дорогой, проходя мимо колючих чащоб. Анэт чуть не умерла от страха, когда Сандро остановился у кустарника, в котором она скрылась, и испытующим взглядом уставился прямо на нее. Внутри девушки все обмерло, она уже не сомневалась в том, что ее раскрыли, но Сандро, ни на что не обращая внимания, потащил Энин дальше в сторону замковых ворот.

До хруста сжав зубы, прикрыв рот ладонью, чтобы не зайтись криком, Анэт выбралась из зарослей, исцарапав при этом все тело. Ненавидяще посмотрела на красные, как кровь, и ею же измазанные шипы – и сама не поверила, что смогла забраться, а затем и выползти из этого жалящего змеиного кобля.

Анэт перевела взгляд на мертвую поляну, и сердце екнуло, в страхе заколотилось, с излишком разбавляя кровь адреналином. По телу пробежал холодок, вскоре сменившийся непередаваемым ознобом. Ее затрясло. Обхватив свои плечи, стуча зубами, она прошла к источнику, пропитанному темной магией, и остановилась. Несколько мгновений перебарывая страх и расслабляя заочевенные мышцы, Анэт стояла, не шевелясь, и наблюдала, как медленно течет черная густая вода мертвого источника. Вскоре ужас померк, а озноб понемногу отступил, им на смену пришла злоба – злоба на некроманта и на саму себя. Она, непосвященная жрица Малого Храма, позволила повелителю мертвых поработить сестру. И, в отличие от хозяина-скелета, его последователь, скрывающий лицо, копнул куда глубже. Не ограничился простыми любовными играми: ему не хватило одного тела – он поглотил саму душу наивной Энин. А сама Анэт, отсиживаясь в колючих зарослях, бросила сестру на произвол судьбы, не защитила от темной магии, как хотела, даже не попробовала сделать это – испугалась. А сейчас было уже поздно, слишком поздно что-то менять, Энин превратилась в безропотную куклу, и никто, кроме самой Создательницы, уже не сможет ей помочь противостоять злу, которое поселилось внутри нее.

– Ты следила за мной. Неужели, ты не знаешь, что это неприлично?

Некромант подошел незаметно, бесшумно, словно кошка. Анэт вздрогнула от неожиданности, захотела вскрикнуть, но крик комом застыл в горле. Голос издал лишь жалкое презрительное шипение.

– Подлая крыса, ты заколдовал ее. – Анэт обернулась и только сейчас увидела истинный лик некроманта. Он был ужасен – еще ужаснее, чем оживший скелет. Наполовину лишенная плоти челюсть расплылась в едкой улыбке. Длинные ровные локоны ниспадали на плечи, но магия тьмы разделила пополам и их: справа волосы были ломкими и безжизненными, белоснежного цвета, слева – пышные, каштановые, отливающие в лунных лучах серебром. Темно-зеленые зрачки мутным остервенелым взглядом изучали хрупкую девушку, взглядом настолько ненавидящим и презрительным, что Анэт бросало то в жар, то в холод.

– Зачем тебе моя сестра? Кто ты вообще такой? – нервно спросила Анэт. На секунду замолчав и взяв себя в руки, она заговорила более спокойным голосом: – Я не позволю тебе кудесить над нею и дальше.

– И что же ты сделаешь? – ухмыльнулся полумертвый.

– Есть множество способов избавиться от некроманта, – голосом сведущего в подобных делах ответила Анэт, сама удивляясь своей решительности. – Богиня поможет мне, – вскинув голову, закончила она.

– Жрица-недоучка... – задумчиво протянул некромант, наигранно делая серьезный вид. – Ну конечно, способов действительно много, но Храм не обладает ни одним из них...

– Ты лжешь! – вскрикнула Анэт. – Наставница говорила мне...

Некромант не стал дослушивать того, о чем говорила наставница спесивой девицы, махнул рукой, не произнося при этом ни слова. А Анэт схватила за сердце, потом за горло, почувствовала, как жизненное тепло ускользает из ее тела, покидает его вместе с неосязаемой крупницей, уползающей в ладонь некроманта. Девушка еще мгновение стояла, ошарашенно глядя на хозяина, а потом колодой упала в черную, загаженную темной магией воду.

Она так и не смогла помочь сестре, не спасла ее от злого рока. И это была последняя мысль, которая посетила Анэт прежде, чем она погрузилась в забытие.

Глава 6

Закон симпатии

Закон подобия гласит: подобное производит подобное, или следствие похоже на свою причину. Согласно второму закону, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта.

Из закона подобия маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго закона он делает вывод, что все то, что он проделывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе).

James George Frazer. «The Golden Bough»

– Дай... дай... – монотонно молил утробный голос, но Арганус, не обращая на него никакого внимания, шел уверенной походкой, властно печатая шаги и глухо стуча искривленным посохом о твердую промозглую землю.

– Дай... дай... – не унимался голос, моля неизвестно о чем.

– Бери, – безразличным тоном, не прекращая горделивого шествия, изрек лич. Порыв ветра, колыхнув полы некромантского плаща, унесся к стенам Бленхайма оставляя едва заметную изморозь на о чем. нной походкой, оставляя за собой едва заметное серебро изморози на черной, как оникс, земле.

– Двумя обузами меньше, – на секунду остановившись, глянул он вслед бестелесному духу и мысленно улыбнулся, не в состоянии сделать это наяву. Мимоходом взглянул на маячащий у горизонта огненный диск и пошел дальше. Он опаздывал, несмотря на привычную пунктуальность: дела заставили задержаться. Что ж, тем хуже будет ученику. Времени на него осталось меньше, поэтому урок пройдет быстрее, а значит – жестче.

* * *

Дорога к храму Сераписа насквозь пересекала ограбленное кладбище. Разрытые могилы гниющими язвами впились в землю, словно в кожу живого существа. Покосившиеся надгробия, жалобно накренив свои головы, утонули в разросшейся почерневшей траве, походившей на волосатую шкуру погибшего монстра. Нехоженные звериные тропки, петляя, пробороздили путь к разрушенному монастырю.

Сандро, с восходом солнца пройдя через урочище мертвецов, застыл у обглоданного скелета здания и сейчас разглядывал мрачные руины оценивающим взглядом.

Взор мельком остановился на раскрошенных антаблементах и арках, осевших каменными глыбами на прореженной кладке пола. Метнулся дальше, задерживаясь на уцелевших даже столетия спустя колоннах, которые некогда несли на себе карнизы и арочные перекрытия, а сейчас, словно ребра погибшего монстра, возвышались над общими руинами. Центральное сооружение из последних сил боролось с разрушением. Время же медленно, но уверенно одерживало победу за победой. Потолок покрывался трещинами, осыпался под собственным весом, рискуя вскоре стать той же грудой камней, что и остальные постройки храма. Композицию здания скрепляли толстые лианоподобные растения, помогая стенам выдерживать тяжесть сводов.

В этих руинах он будет обучаться, в этом фундаменте без стен пройдут изощренные опыты и практикумы темной магии, в этом ветхом заброшенном храме. Некогда в светочехе для многих душ, обители доброты и благодетелей. Сегодня же многократно оскверненном святилище, которое в сотый раз пропитается злобой и ненавистью, ощутит новую истерию боли от рук очередного вандала.

Ученик некроманта, словно изваяние, врос в каменные плиты пола, которые хаотической росписью, будто намеренно вырезанной мастером витиеватого узора, искололи выбоины и трещины. Сандро ждал учителя, а Аргануса все не было.

Возможно, просто запаздывал, но... Сандро с упоением и надеждой думал, что Хозяин забудет о своих словах и не придет, что недавний порыв учителя перегорит раньше, чем дело дойдет до практической магии. И все будет, как прежде. Жизнь не изменится, обучение закончится на лаборатории и теории.

Но надежды не оправдались: лич пришел, как обещал.

Сперва Сандро и не заметил приближения учителя: все его внимание было сосредоточено на руинах храма, поэтому услышал уверенные шаги Аргануса только тогда, когда тот был совсем близко. Лич остановился недалеко от ученика и швырнул ему деревянный посох, в оголовке которого сверкал бледно-зеленым светом нечеловеческий череп.

– Начнем первый урок...

Левой рукой Сандро поймал посох, который оказался гораздо тяжелее, чем думал мальчик, и древко, проделав дугу, ударило юного ученика по голове. Сандро перехватил посох в правую, мертвецкую руку, и череп засверкал ярче, словно почувствовав мертвую силу.

– Этот посох будет проводником и усилителем твоей внутренней энергии. Итак, приступим.

С этими словами лич взмахнул рукой, растопырив фаланги пальцев, и остановил

движение, когда раскрытая ладонь смотрела на Сандро. Мальчик ощутил грубое касание темной магии. Поток силы подхватил его, словно пушинку, облюбованную ненасытным ветром. Резко швырнул назад, вбил в стену и несколько мгновений прижимал к каменным плитам.

Арганус опустил руку, и пресс ослаб. Мальчик беспомощной тушей повалился на пол.

– Урок первый: всегда жди нападения, – надменно констатировал некромант.

Сандро скрипнул зубами от досады и боли: он не так представлял себе обучение. Словно искра, в душе загорелась жажда мести, желание ответить личу тем же, но магия Хозяина глушила всяческие попытки напасть. Это был нечестный бой, когда один может бить, а второму позволено лишь защищаться, причем не умея этого. В трактатах и манускриптах по темной магии всегда говорилось об атакующих заклинаниях, о том, что лучшая защита – нападение. Теперь Сандро понимал ошибочность этих утверждений.

Словно разъяренный хищник, он вскочил на ноги и махнул посохом в сторону испещренной трещинами колонны, вкладывая в это мановение всю свою ненависть. Столб разлетелся в мелкую труху, но искра злости не угасла, лишь разгорелась ярче, жаждая вырваться наружу.

Арганус безразличным взглядом посмотрел на останки колонны, резко перевел взор на ученика и повторил заклинание. Сандро вновь прибило к стене, но лич решил не ограничиваться первым примером, сложил руку в кулак – и мальчика сжало со всех сторон, сворачивая в комок. Его тело закричало, заскрежетало костями и мышцами, забилося в конвульсивном припадке боли, выносить которую с каждой секундой становилось все сложнее.

И лишь когда Сандро завопил диким зверем, не в состоянии выдержать боль, Арганус опустил руку. Мальчик мешком повалился на землю, свернулся в позу эмбриона, по-прежнему сжимая мертвой хваткой новообретенный посох, прижимаясь к нему всем телом, словно магическое оружие поможет ему перебороть послеболие.

Сандро еще несколько мгновений лежал не в силах пошевелиться, чувствуя, как нарастает липкая бесконтрольная злоба, понимая, что уже не в состоянии сдерживать ее в тюрьме сознания. Один только голос учителя вызывал у него остервенелое желание отомстить за полученные унижения.

– Урок второй: не отвлекайся от поединка, – хладнокровно выговорил лич. – Учти – очередной ошибки я не потерплю.

Пересиливая себя, Сандро разбавил необъятную, но ненужную злобу крупницей хладнокровия: Хозяин не привык шутить, новая оплошность будет сурово наказана. Надо взять верх над собой, разыскать в глубине памяти формулы, которые самостоятельно изучались годами. Формулы, которые смогут создать щит от «волны Тьмы». Но лич и не думал атаковать, вместо этого отвесив новое наставление:

– Урок третий: контролируй злобу. Давай ей выход, когда тебе это выгодно, и скрывай, когда она – слабость.

Сандро взъярился. Недолгие, но отчаянные попытки подавить в себе злобу рухнули, как карточный замок, в мгновение превратились в пепел, словно сухое сено под силой жадного пламени. Пять лет, которые он провел в замке Бленхайм, пролетели перед глазами и теперь показались сказкой. Все рабские прислуживания были легкой дымкой по сравнению с беспроглядным туманом пошлого избиения, название которому – «обучение». Ученик не может ответить нападением, не может достойно защититься из-за отсутствия практики. Он обязан чувствовать позвоночником каменную стену, ощущать слабость и беспомощность.

– На сегодня занятия окончены, – равнодушно выговорил Арганус. – Обдумай сегодняшний урок и завтра будь готов к новому. Твоя беспечность закончилась с этим днем.

Лич развернулся и пошел в сторону замка.

Сжимая руки в кулаки, Сандро смотрел ему вслед. Хотелось напасть! Коварно! Сзади! Когда Арганус не ждет удара! После шепнуть тлеющим углям: «Всегда жди нападения...»

Но все, что мог сделать юный некромант, – это сжимать в обиде кулаки, от ненависти

скрипеть зубами и мечтать о несбыточной мести. Но так будет не вечно. Он еще покажет Арганусу, где скрывается истинная сила. Учитель увидит талант ученика и содрогнется перед его могуществом! Это будет! Но позже. А пока надо хоть как-то сгладить досаду, разбавить слабую сторону, показав сильную:

– Я приготовил эликсир! – выкрикнул в спину учителю Сандро.

Остановившись, некромант резко повернулся и посмотрел на ученика:

– Завтра мы его опробуем, – сказал он и, коварно блеснув глазами, предупредил: – Завтрашний урок ты запомнишь надолго. Повтори лекцию об упокоении.

Этими словами закончился первый урок темной магии.

Мальчик смотрел в спину учителя, быстро исчезающего вдаль. Обида крепла в слабом, но живом сердце, оседала в глубинах души мерзким осадком. Он ненавидел Аргануса, ненавидел темную магию, но рабски подчинялся приказам, терпел унижение и боль. Его изнутри сжигала жажда мщения, и единственным утешением была мысль, что, выучившись, он найдет способ вырваться из-под гнета Хозяина, после чего превратит его в пух и прах! Только так он успокоит свою ненависть ко всему неживому, ко всему, к чему притронулась рука некроманта...

Но Сандро подавил в душе сиюминутный порыв. Поднялся на ноги и, сильно опираясь на посох, чтобы смягчить боль в позвоночнике от недавнего урока, побрел в сторону замка. Арганус получит по заслугам, но это будет позже, а сейчас... сейчас Сандро смоем злость приятными ощущениями, которые надеялся получить при встрече с Энин.

Но он ошибался.

* * *

В сотый раз скрипнув проржавевшими петлями, двери резко распахнулись, впуская Сандро внутрь кельи. Не отходя от порога, он опер уродливый искривленный посох о стену, после чего быстрым маршем пересек комнату и бухнулся в широкое кресло. Только усевшись, заметил, что на него яростно, едва сдерживая бешенство, смотрит Энин.

– Что ты с ней сделал? Отвечай! – грозно спросила она, не дав мальчику опомниться.

– С кем? – удивленно спросил Сандро, обводя взглядом комнату и понимая, что нигде не видит Анэт. Его вопрос уже утратил актуальность, но раздраженная Энин все же ответила:

– Где моя сестра? – Она говорила уверенно, чеканно. Сложилось впечатление, что она бесстрашная хозяйка, а не пугливая рабыня. Энин умело скрывала свой страх, она, как и прежде, боялась некроманта, пусть не так сильно, как при первой встрече. Но сейчас было не время для боязни. Ее сестра в опасности, а Энин привыкла стоять за нее горой, даже если рискует собственной жизнью.

Сперва Сандро невольно стушевался от напора, который звучал в голосе Энин, но позже, нахмурив бровь, оценивающе посмотрел на девушку. Сегодняшний день ему явно не нравился. Сразу после рассвета он получил немалый заряд негативной энергии, и сдерживать неуюмную злость с каждым мгновением становилось все сложнее. Но, в очередной раз совладав с эмоциями, Сандро спросил учтивым голосом:

– Когда и где ты ее видела в последний раз?

– Когда ты меня уводил из кельи! – вскрикнула Энин, чувствуя, что от безысходности в голосе появляются плаксивые нотки.

Сандро спокойно наблюдал за всплесками девушки и, не обращая на них внимания, раздумывал над случившимся. Он не чувствовал за собой никакой вины – он не видел Анэт со вчерашней ночи, с того самого момента, как ушел в Неметон. И даже больше: он заколдовал ее на сон, чтобы она не помешала удачному вечеру. Если же она не уснула, значит, кто-то другой расколдовал ее.

– С того времени я ее и сам не видел, поэтому не могу знать, где она, – ответил Сандро.

Его голос выдавал настолько большую уверенность, что Энин, сама не зная почему, поверила некроманту. – Наверное, она... – Сандро неожиданно замолчал на полуслове. Его ощущения... то странное чувство, которое преследовало его по пути в Неметон, слепая уверенность, что за ним следят... это чувство невольно вернулось, но теперь Сандро знал, что оно не было ни паранойей, ни наваждением, что это именно Анэт следила за ним и своей сестрой. Сандро, задумавшись, притих, размышляя, стоит ли рассказывать это Энин, и пришел к выводу, что такое знание лишнее.

– Почему ты замолчал? – спросила Энин, когда пауза затянулась. Ей показалось, что Сандро до чего-то додумался, что знает что-то весьма и весьма важное, но не хочет ей открываться.

– Возможно, она вышла из кельи и заблудилась. Бленхайм хуже лабиринта, в нем не мудрено потеряться, даже зная каждый закоулок. А Анэт, когда проснулась и не обнаружила рядом тебя, просто испугалась. Пошла искать, но вместо этого потерялась сама...

Девушка несколько мгновений переваривала полученную информацию, оценивая ее достоверность. Закончив с думами, она неуверенно протянула:

– Наверное... ты прав.

– Пойду поищу ее, – вставая, сказал Сандро.

– Я с тобой...

– Нет, – остановил девушку некромант. – Я хорошо знаю замок и быстро его обыщу, а ты только замедлишь поиски. Тем более – как отреагирует Анэт, если вернется в келью и снова не обнаружит тебя? Я пойду сам, – отрезал Сандро, не оставив Энин возможности оспорить его слова.

– Хорошо, – секунду помедлив, согласилась она. – Только, пожалуйста, поторопись...

– Постараюсь, – пообещал Сандро и немедленно вышел из комнаты.

* * *

Сандро нашел Анэт там, где и ожидал, но увиденная картина его ошарашила.

Девушка лежала в ручье Неметона, запрокинув голову и с трудом глотая воздух. Мальчик молнией метнулся к ней. Пыхтя и падая, вытащил из воды. Анэт была без сознания, ее кожа побледнела от холода, от озноба мышцы на руках и ногах судорожно сокращались, а тело било мелкой дрожью даже на солнце, которое одаривало Неметон теплом и в промозглые зимы, не говоря о царившей ныне осени. Девушка была чуть жива. Сандро боялся и подумать, что бы с ней стряслось, приди он чуть позже. Она хрипло дышала, грудь тяжело поднималась, иногда Анэт заходила кашлем и выхаркивала воду, скопившуюся в легких. Некромант склонился над девушкой и попытался привести в чувства легкими пощечинами, но это не помогло. Он уже собирался вклепить пощечину покрепче, но остановился, решив, что магия разбудит спящую быстрее. Он сплел пробуждающее заклинание, но стоило ему коснуться сознания девушки, некроманта прошибло, словно ударом молнии. Он испуганно шарахнулся в сторону, не веря тому, что увидел в ее мыслесфере.

Девушка стояла возле ручья, который по руслу напоминал ручей Неметон. Но вода в нем была неестественного грязно-черного цвета. Анэт окружили уродливые глазастые деревья, наблюдавшие за ней, словно живые, на другом берегу ручья выросли заросли ежевики и смородины с иссохшими почерневшими плодами на скрюченных ветвях. Вся эта картина напоминала Неметон – по форме, по очертаниям, даже по расположению деревьев и кустарников, но в каком-то изуродованном, искаженном облики.

А больше всего удивило не это. Сандро увидел самого себя, колдующего над Анэт. Двойник магией отделил от тела девушки какую-то девственно-белую светящуюся массу, и та, возвышаясь над землей, проделала немалый путь и улеглась в его собственной руке. А Сандро стоял на месте, улыбаясь такой злой и ехидной улыбкой, которую не смог бы

повторить при всем своем желании.

– Ты... заслуживаешь... – Мальчика вернул в реальность хриплый голос Анэт. Она говорила с невероятным трудом, едва справляясь с ознобом и полуобморочным состоянием: – Смерти... – закончила свою фразу Анэт.

– Это сделал не я, – спокойно ответил Сандро. – Это был морок. Ты видела кого-то другого. – Он оправдывался слишком хладнокровно, чтобы поверить в его слова, но по-другому разговаривать он не умел.

– Лжец... – стуча от холода зубами, бросила Анэт. Ее тело сковала судорога, в приступе невыносимой дугой изогнулась спина. Казалось, еще немного – и девушка переломает себе позвоночник. Но мышцы быстро расслабились, а Анэт вновь потеряла сознание и до заката не приходила в себя.

* * *

Сандро сделал несколько неудачных попыток оттащить девушку в замок, но, выдохшись, бросил эту затею. Но и оставлять Анэт одну без присмотра было нельзя. Поэтому он сперва разыскал место, где солнце светило особо ярко, а ветер был особо тих, и отволоч девушку туда. После снял с нее мокрое платье, чтобы Анэт не окоченела окончательно, и укрыл своим плащом. Насобирав сучьев и безуспешно попытавшись зачаровать их – магические действия никак не удавались, – развел небольшой костер без помощи колдовства. Затем уселся напротив девушки и стал ждать.

Чем меньше времени оставалось до заката, тем холоднее становился воздух, тем быстрее истаявала пища для костра. Пора было идти в замок, и Сандро уже с нетерпением ждал пробуждения своей горе-рабыни. Девушка открыла глаза, когда солнце уже коснулось горизонта.

– Все некроманты... одинаковы... – не своим голосом, лишенным всяческих эмоций, сказала Анэт, чем заставила впасть Сандро в ступор. Сперва он не понял смысла слов, но, вспомнив, как прошло знакомство с девушками, догадался, к чему вела разговор Анэт.

– Твоя одежда мокрая, мне пришлось ее снять, чтобы тебе не стало хуже.

Анэт не ответила. Сандро внимательно посмотрел ей в глаза, подыскивая момент, чтобы заговорить о возвращении в замок. Но в голове крутились совершенно иные мысли.

Откуда появился двойник, и кто он, собственно, такой?

На этот счет у мальчика были свои догадки, он думал, что это дело рук Аргануса, что лич наваял на Анэт морок, но в этом предположении было два недостатка: учителю незачем притворяться мальчишкой, и мотивов к зачаровыванию Анэт у него не было – по крайней мере, открытых.

Вторым волновавшим Сандро вопросом был: какие отговорки придумывать перед Энин? Если сестра ей расскажет свою версию произошедшего, ему уже никогда не добиться хоть какого-нибудь расположения Энин. И это волновало его больше всего.

– Нам пора идти, – оставив внутренние вопросы нерешенными, сказал Сандро, когда солнце почти скрылось за горизонтом.

– Куда? – глупо спросила Анэт.

– В замок, – сурово ответил Сандро. – Сейчас прогретая земля остынет, и ты рискуешь подхватить болячку. Ты еще слаба, тебе нужен уход.

– Отведи меня к сестре, – пустым, меланхолическим голосом попросила девушка.

Некромант скривил гримасу: Анэт была явно не в себе.

– Вставай, – приказал он холодным тоном, но девушка лежала, как и прежде.

Он поднял ее сам, плотнее укутал в плащ и повел в сторону замка. Ему пришлось тащить ее за собой едва ли не волоком. Анэт шла медленно, вяло, нехотя переставляя ноги, упираясь, словно тупое животное, а не разумный человек. Она вела себя непривычно, чем лишний раз доказывала, что над ней поработал маг, но кто и что с нею сделал – оставалось

загадкой.

Дорога по лестнице далась с диким трудом. Сандро настолько выдохся и взбесился от собственного бессилия, что едва подавил в себе желание, чтобы не сбросить спутницу со ступеней. Тем не менее, он довел ее до кельи. Пыхтя, вломился в комнату, на ватных ногах дотащил Анэт до кровати и словно колоду уронил в постель.

– Что с ней? – взволнованно подскочила к сестре Энин.

– Ничего... хорошего... – сердито выговорил мальчик.

– Почему она раздета? – удивилась Энин, когда сняла с сестры плащ некроманта, после чего, нахмутив брови, уставилась на мальчика.

«И та туда же...» – подумалось Сандро, но он смолчал, вместо этого рассказав почти правдивую историю, как все было, скрывая только о мороке Анэт с изуродованным Неметоном и своим двойником и тая надежду, что Энин поверит во все остальное.

– ...Она чуть не захлебнулась, да и замерзла бы, если б я пришел позже... – закончил свою повесть Сандро.

К этому времени Анэт уже спала – сладко, словно новорожденный, с бесстрастной улыбкой на лице. Энин плотнее укутала сестру в одеяло, села рядом с ней и стала медленно гладить ее желто-соломенные волосы.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она за спасение сестры.

Сандро невольно поежился, представляя, что она скажет завтра, после того как услышит версию Анэт с ужасной рожей и злобным хозяином-колдуном, который чуть не убил ее своей магией.

– Мне пора, – накинув на себя плащ и опустив капюшон, чтобы Энин не разглядела в его глазах неуверенности, выговорил Сандро. – Завтра новый урок с Арганусом, мне надо к нему серьезно подготовиться, иначе я рискую получить несколько новых увечий... – закончил он, расправляя плечи. Позвоночник застонал громким хрустом: за сегодня он перенес слишком многое, начиная от урока и заканчивая перетаскиванием нелегкой Анэт.

– Спасибо тебе большое за все, – еще раз поблагодарила Энин на прощание. – Ты очень добр к нам.

Сандро кивнул, не сказав ни слова, боясь, что голос дрогнет в неподходящий момент. Потом резко развернулся и вышел из комнаты.

Наконец этот день закончился.

Однако ночь только начиналась.

Глава 7 Магнетизер

Лечебный метод заключается в погружении больных в трансовый сон с помощью внушения, пассов, поглаживаний, музыки и специального ритуала...

...Чаны наполняли предварительно намагниченной водой и металлическими опилками. Он подходил к каждому и дополнительно касался больного магнитной палочкой. Большинство больных начинали ощущать в пораженных местах тепло, жар или холод, онемение или распирающее, иногда боль или вибрацию. У некоторых больных наблюдались судороги, подергивания, плач, истерический смех, кашель, выкрикивания, движения головой, руками или ногами, некоторые начинали имитировать танец, игру на музыкальном инструменте, бытовую или профессиональную деятельность. Через некоторое время больные впадали в глубокое трансовое состояние и засыпали.

Больные получали хороший лечебный эффект.

Делез Жозеф Филипп Франсуа. «Критическая история животного магнетизма»

Бесшумно горели свечи. Не трещал воск, не шипели фитили. Бледно-желтый свет лился мерно, не прыгал, не мигал. Зачарованные свечи не чадили, не коптили потолок и стены. Они были лишены привычной жизни, как и все в замкнутом мире замка Бленхайм.

В лаборатории было тихо – настолько тихо, что слышались шелест переворачиваемых страниц и шорох вездесущих крыс. В широком зале не было никого, кроме серых пасюков и безликого силуэта в черных одеяниях, казавшегося в светлой лаборатории чернильным пятном на фоне цветастой мозаики. Он застыл, откинувшись на высокую спинку кресла, держа в руках толстый фолиант в рифленном переплете из твердой кожи. Он совсем не двигался, поэтому могло показаться, что он не живое существо из плоти и крови, а холодное изваяние из грубого камня. Но силуэт пошевелился. Неловко уложил книгу себе на колени, перевернул страницу и, взяв фолиант обеими руками, поднял с колен, снова вникая в уже знакомый текст.

Уже не в первый раз Сандро читал трактат по основам некромантии, но теория, не подкрепленная практикой, имела свойство выветриваться из головы, забываться. Желание освежать знания возникало крайне редко, но сегодня повторение пройденного стало делом неизбежным.

Мальчик перевернул еще одну страницу, сопроводив это действие привычным ритуалом. Он сидел за столом, уставленном химическими принадлежностями, мешавшими уложить на столешницу книгу. Гораздо проще было бы расчистить стол, убрать с него все лишнее, но Сандро не стал разрушать рабочего беспорядка, к которому уже давно привык. Вместо этого держал тяжелый фолиант в обеих руках, не обращая особого внимания на то, что перелистывание страниц оказывалось весьма неудобным занятием.

Еще более неудобным занятием была само учение. Теория... треклятая теория отчаянно не откладывалась в памяти, тут же выветривалась, и каждую страницу приходилось перечитывать по десять раз, прежде чем вспомнить уже знакомые формулы, в принципе не требующие повторения. В голову неиссякаемым потоком лились пугающие и всепоглощающие мысли, которые не оставляли для знаний ни малейшего места. Сандро смотрел на каллиграфический почерк, которым были выведены магические формулы и разъяснения к ним, но видел совсем иное. Мысли унесли его в комнату, где уже давно спала Энин, спала тревожно, то просыпаясь и взволнованно глядя на сестру, то вновь засыпая и даже в мире грез и фантазий переживая за самое родное, что у нее осталось. Он видел эту картину, словно был там, он чувствовал тревогу Энин, словно был ею. Сандро отчаянно пытался выкинуть эти мысли из головы, избавиться от наваждения, ему во чтобы то ни стало надо подготовиться к уроку, освежить в памяти забытые заклинания, но... Сейчас Сандро думал только об Энин и о том, как заставить Анэт молчать, как сделать так, чтобы она не рассказала о своем мороке. Ему едва удалось сблизиться с Энин – теперь он не позволит несуразному случаю, непонятным видениям глупой девицы разрушить все то, чего он добился. Не даст нелепой ошибке, незнанию и клевете отдалить от себя Энин. Он этого не допустит! Но, вместо того чтобы действовать, приходится сидеть изгоем в лаборатории и тратить драгоценное время на обучение, тратить его впустую... Сейчас, когда время столь дорого, сейчас, когда на кону отношения с Энин. Сейчас! Когда! Надо! Действовать! Стоит Анэт раскрыть рот – и мечты Сандро рухнут, осыплются песочной пылью, сгинут, так и не осуществившись. Не осуществившись!..

Сандро оторвался от книги. Недовольным оценивающим взглядом забежал по столешнице, выискивая свободное место, чтобы уложить фолиант. Так и не найдя его, швырнул трактат на пол. Книга с громким шлепком, отразившимся гулким эхом от стен, упала на древнюю мозаику, поднимая столп пыли. Сандро в немом презрении посмотрел на творение некромантского искусства, с трудом сдерживаясь, чтобы не пнуть его ногой.

Словно почувствовав, что тишина умерла, у дальней стены пискнула крыса. Но эхо от удара уже утихло, и тонкий писк был настолько отчетлив, что безошибочно угадывалось,

откуда он прозвучал. Сандро резко вскочил на ноги и нервным ударом, вложив в него всю силу, отправил фолиант к стене. Писк повторился, но на этот раз он был жалостливым и ничтожным – предсмертным.

Уверенными шагами Сандро пересек лабораторию и присел на корточки рядом с книгой. Взяв ее в руки, брезгливо отвернулся. Тяжелый фолиант раздавил крысу, словно по ней проехали колесом повозки.

– Мерзкое зрелище, – скривил лицо Сандро, опять взглянув на останки крысы. Но первичное недовольство и омерзение сменилось коварным и хитрым блеском в глазах.

Мальчик снял с руки кожаную перчатку, оголяя костяную кисть. Выговорив заклинание, притронулся кончиком пальца к измазанной кровью шерсти. Словно от воздействия кислоты шкура крысы расползлась, следом за ней растворилась плоть. Мертвое существо, оживленное темной магией, судорожно задергалось, переваливаясь и становясь на костлявые лапки. В провалах глаз вспыхнули два небольших огонька. Глаза – зеркало души. Как правдивы эти слова. Сейчас крысиная душа, ее эссенция, сущность отразилась в кроваво-красных зрачках, став связующим звеном между поднятым и некромантом.

Оживленная крыса, окинув нелепым взглядом измененное тело, повернулась к некроманту и упорно уставилась на него презрительным взглядом.

– Что смотришь? – брезгливо спросил Сандро и, не дожидаясь ответа, выговорил заклинание, превращая пасюка в груды костей. Но он не стал окончательно убивать крысу. Теория требовала практики, а внутренняя злость искала выхода. Он заново выстроил разбросанные останки в оживленное нечто. Кости смешались в хаотическом беспорядке, но анатомическая точность некроманту была ни к чему. Упиваясь злым опытом, словно дурманившим вином, он вновь упокоил сросшиеся кости. Позже снова их соединил в одно целое. И продолжал свои опыты, с каждым последующим воскрешением превращая останки крысы в еще больший сумбур, а сам все больше наслаждаясь нездоровыми забавами. Уродуя пасюка темной магией, он не просто штудировал теорию – он вымещал на беспомощном создании злобу, которая скопилась за сегодняшний день. Злобу, возникновению которой он обязан Анэт.

Если бы все сложилось иначе, если бы эта глупая девчонка не совала нос не в свои дела, не следила за ним – все бы шло своим чередом, и Энни из дня в день все больше и больше привыкала бы к Сандро... но желанное не осуществилось. И сейчас, не в состоянии найти из этой ситуации выход, некромант просто выплескивал душевную бурю в мир.

– Балуешься? – неожиданно спросил чей-то голос. В полной тишине лаборатории он прозвучал настолько громко, что Сандро от неожиданности подскочил, словно сжатая пружина, бросая при этом заклинание последнего умерщвления. Ожившее нечто, которое совсем недавно было крысой, заплясало костями на мозаичном полу, умирая второй смертью.

– Напугал, – скривил гримасу некромант, по привычке выискивая собеседника, зыкая по сторонам, но в очередной раз никого не видя.

– И не противно тебе? – с укором поинтересовался Трисмегист.

– Нет, – твердо ответил некромант. – Я ненавижу крыс еще с детства. Зимой жрут запасы, осенью мигрируют, разнося заразу. Пусть хоть все подохнут, – не на шутку разошелся Сандро. Он был настолько зол, что уже не мог контролировать своих эмоций.

– Хорошее оправдание для насилия, – усталым снисходительным тоном выговорил Трисмегист. Его голос таил печаль: ему было жаль мальчишку, которого надо было спасать, спасать от самого себя. – Ты сделал то, что сделал, лишь потому что был зол. Тебе пора бы уже научиться контролировать свою агрессию...

– Не надо меня учить! – взорвался Сандро. – Контролировать агрессию... – перекидываясь Трисмегиста. – Сначала это говорит Арганус, теперь – ты! Я сам знаю, что мне делать!

– Спокойно. Усмири свою злобу, иначе она усмирит тебя, – спокойным тоном выговорил Трисмегист, и от этого спокойствия Сандро разозлился еще больше.

– Чего тебе вообще от меня надо? Я тебя не звал, так проваливай туда, откуда пришел. Тебе не место среди живых...

– Живых? – наигранно изумился Трисмегист. – Тут нет живых. Ты ежедневно убиваешь себя эликсиром... «недоросли»? Не важно. Кто еще? Арганус? Он еще веками раньше трансмутировал в лича, а его слуги уже давно утратили...

– Я жив! – перебил духа Сандро. – Мое сердце все еще бьется и все еще способно любить.

– Но чаще – ненавидеть.

– Так складываются обстоятельства, не больше, – парировал Сандро, даже не вздрогнув, хотя и сам не был уверен в правдивости сказанного. Тьма, окутавшая Хельхейм, не могла не коснуться его, а некромантия, как средство существования, уже поставила на нем свое клеймо.

– И как же они складываются? – давил на мальчика Трисмегист, имея лишь одну цель – прознать, что мучает Сандро, и помочь ему в разрешении проблемы. Правда, делал он это своими, жесткими способами, но просто не умел иначе.

– Плохо... – огрызнулся Сандро, но уже без былого энтузиазма.

– Я могу тебе помочь?

– Чем? Чем ты мне можешь помочь, невидимка? – Последнее слово Сандро выговорил особо презрительно, но дух не обратил на это внимания.

– Многим, Сандро, многим. – У мальчика кольнуло в груди. К нему так редко обращались по имени, что оно прозвучало дико, показалось одновременно и чужим, не имеющим к нему самому никакого отношения, и родным, навевающим воспоминания из далекого детства – живого детства. – Если расскажешь, что тебя гложет, я помогу мудрым словом и посильным делом.

Сандро тяжело выдохнул, медленно и глубоко вдохнул. Больше не хотелось ни спорить, ни ругаться, хотелось почувствовать дружескую поддержку. Пусть Трисмегист не был ни человеком, ни другом, но он мог поддержать, и Сандро впервые за долгие годы почувствовал, что может раскрыться, выговориться, что его выслушают, а не пошлют к Одноглазому.

– Что ты хочешь услышать? – шумно выдохнул Сандро и затаил дыхание.

– Все, – коротко ответил друид.

Сандро еще раз глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

* * *

– Мне надо подумать, – задумчиво протянул Трисмегист, когда Сандро закончил повествование. – Значит, Арганус держит в замке живых... – рассуждал он вслух. – С какой целью – ясно, не ясно лишь – почему он отдал их тебе?

– Я заслужил расположение хозяина, создав полезное для него зелье, – не хвастаясь, а констатируя факт, заметил Сандро.

– Это, конечно, о-очень важно, но скажи мне, сколько зелий ты создал до этого, и наградил ли тебя Арганус хотя бы за одно из них?

Сандро задумался. Пять лет он работал над новыми эликсирами, которые впоследствии хозяин выдавал за свои творения, но за все пять лет Арганус ни разу не удосужился вознаградить ученика. Хотя относился к нему вполне сносно, по меркам некромантов даже излишне лояльно – не как к рабу.

– То-то же, – так и не услышав ответа, заключил Трисмегист. – Все, что он сделал, неспроста. И видение, и зачарование Анэт – дела его рук. Но это не меняет сути: мы должны избавить девушек от интриг Аргануса.

– Надо как-то изолировать Анэт, чтобы она не проболталась сестре, – твердил свое Сандро, не обращая внимания на заявления Трисмегиста.

– Ты меня не слушаешь, – страдальчески протянул дух. – Изолировав живую, мы не решим проблему – только усугубим ее. Наша задача – помешать Арганусу зайти еще дальше.

– Причем тут Арганус? – раздраженно спросил Сандро. – Мне надо избавиться от Анэт, о большем я не прошу.

– Хорошо, – сдался Трисмегист. – На этот счет у меня есть одна идея.

– Какая? – тут же подхватил мальчик.

– Ты слышал о магнетизме? – спросил друид. Сандро ответил одобрительным кивком. – Ты гипнозом заставишь Анэт забыть о том, что с ней произошло.

– Моих способностей на такое не хватит, – разочаровался в занимательной идее Сандро. – У меня с трудом получается повелевать при помощи голоса, а о том, чтобы менять память или манипулировать людьми, не может быть и речи.

– Чтобы ввести в трансовый сон, достаточно знать один ритуал.

– Какой ритуал? – удивился Сандро.

– Объясню позже. Для начала нужен железный чан, металлические опилки и прут.

– И это поможет? – не поверил мальчик.

– Меньше слов – больше дела, – поторопил друид. – Мне помнится, ты спешил.

Сандро вздрогнул, понимая, что время утекает, словно песок меж пальцев.

– Чан и прут есть. С опилками сложнее, – отпраповал мальчик.

– Можно использовать любое железо, но чем больше будут предметы, тем менее эффективным окажется результат.

– На кухне есть столовые принадлежности из железа, – предложил Сандро.

– Арганус расточителен, – ухмыльнулся Трисмегист. – Тратить материал на ненужные вещи... Ну что ж, это сыграет нам на руку.

– Может, приступим к делу? – на этот раз поторопил Сандро.

– Возьмешь чан, наполнишь его водой и закинешь в него железо. Дальше я намагничу воду, сделаю ее пригодной для ритуала. – Дух на мгновение замолчал, потом продолжил, переходя на шепот, словно заговорщик: – Теперь слушай внимательно, – приказал он, но это было излишним: все внимание мальчика уже было приковано к его словам. – Когда начнется главная фаза, твоей задачей станет концентрация. Не теряя ее, ты должен по мелким шагам проникать в глубь памяти жертвы... пациента. Ты должен слиться сознанием с тем, кого магнетизируешь, на мгновение стать им – и после этого вычеркнуть из его памяти ненужную информацию, заменив ее другой, которую придумаешь сам.

– Если все должен сделать я, зачем ритуал?

– Он станет катализатором твоей внутренней энергии, возбудит в тебе способности, которые плотно скрыты за неведением и отсутствием практики. Если будешь развивать этот талант, никакие ритуалы или посторонние предметы не понадобятся, а пока... пока делай так, как я сказал.

– Хорошо, – без споров согласился Сандро. – Как должен проходить ритуал?

– Об этом позже. Для начала все готовь. И еще: я пойду с тобой. Но для этого ты должен взять книгу – я все еще прикован к ней и не могу от нее отдалиться.

Сандро молча прошел к шкафу в дальнем углу лаборатории и извлек из него небольшую сумку, специально предназначенную для ношения книг. Затем прошел к стеллажам, вытащил уже знакомый фолиант в искажившемся от огня кожаном переплете и слегка обгорелыми краями страниц.

– Надеюсь, ты меня не обманешь... – прошептал себе под нос мальчик, засовывая книгу в заплочную сумку.

* * *

– Я не буду этого делать! – стоя на расстоянии десятка шагов от дверей в келью, воскликнул Сандро. Потом понизил голос и уже шепотом добавил: – Ты не говорил, что я

должен вскрывать ей вены.

– Потому что знал, какая будет реакция, – сухо ответил Трисмегист. Сандро только сейчас заметил, что в монотонном говоре духа стали проявляться эмоции. Трисмегист крепчал, с каждым новым днем все увереннее чувствовал себя в реальном мире. – К тому же никто не говорил, что надо «вскрывать» – хватит небольшого надреза, важно само кровопускание как элемент ритуала.

– Я не верю тебе и не буду проводить ритуал, – заупрямился Сандро.

– У тебя нет времени для раздумий. Скоро рассветет, и уже никто не помешает Анэт выдать тебя и твою тай...

– Не выдать, а ошибочно обвинить, – поправил Сандро. – И уж лучше я оставлю все как есть, чем причиню ей боль.

– Боли ты никому не причинишь. Анэт будет в трансе и ничего не почувствует, а ты, как и любой некромант, сможешь залечить рану. На запястье останется тонкий, едва различимый шрам, и сама Анэт не поймет, откуда он появился.

– Я... – хотел возразить Сандро, но замялся, понимая, что проведет ритуал, как бы там ни было. У него попросту не осталось вариантов. – Хорошо, – сдался он секундой позже. – Я все сделаю.

– Правильное решение, – одобрил Трисмегист. – Кинжал найдешь в чане. И не забывай: концентрация – залог успеха.

– Я все понял, – отмахнулся Сандро, в душе уже коря себя за то, что собирался совершить. Он закатал широкий рукав плаща и, поелозив костяной рукой среди груды металла, наваленного в чане, выудил кривой кухонный нож с затупленным лезвием. – Обсидиан – и тот острее, – брезгливо глядя на клинок, выдал Сандро.

– Ты не то нашел: ищи стилет, – недовольно оповестил Трисмегист, даже не заикнувшись, откуда в чане взялся кинжал. Но некроманта это мало интересовало.

Сандро всмотрелся в вязкую бирюзового оттенка воду, выискивая в ней оружие. Завидев его, быстрым уверенным движением вытащил тонкий трехгранный стилет с небольшой, в юношескую ладонь, гардой. Сталь клинка была начищена до блеска, но грани были слишком широки, чтобы тонко разрезать кожу.

– Чем он лучше? – скептически поинтересовался Сандро.

– Разрез сделаешь острием.

Сандро молча кивнул, чувствуя, как от волнения пересыхает в горле. Отбросив мысли, он уверенно подхватил чан, протащил его несколько шагов и, боком приоткрывая скрипучую дверь, втиснулся в келью сестер. Они спали – непорочно и беззаботно, не подозревая, что в комнате не одни.

Мальчик на подкашиваемых ногах прошел к ложу и с облегчением поставил нелегкий чан с намагниченной водой с той стороны кровати, где спала Анэт.

– Прости, – прошептал мальчик, аккуратно отодвигая покрывало. Одобрительно кивнул, увидев кисть девушки, и стал кончиками губ нашептывать заклинания, которые поведал ему Трисмегист.

Анэт тяжело дышала. Иногда ее дыхание надолго замирало, но позже девушка судорожно хватала воздух, словно задыхаясь, и вновь сбивчиво дышала, постепенно впадая в трансное состояние. Сандро взял стилет и сделал тонкий разрез на запястье спящей. Анэт кротко вздрогнула, после судорожно затряслась, будто чувствуя озноб, но в следующий миг расслабилась, возвращаясь к умиротворенным сновидениям. Некромант спрятал кинжал в полу плаща, набрал в ладонь намагниченной воды и обрызгал девушку. Анэт тихо простонала, словно капли жгли ее кожу. Сандро повторил омовение трижды, и на этом первая часть ритуала закончилась. Началась главная фаза.

Сандро сосредоточился на мыслях Анэт, вникал в их ветвистые переплетения, подражая самой Анэт, стал медленно вплетать свое сознание в ток мыслей, смешиваясь, соединяясь с ними воедино. Не переставая сливаясь с девушкой в едином сознание, Сандро медленно потянулся к поясу, на котором висел тонкий намагниченный жезл.

Мальчика прошибло потом, его стало трясти от страха и холода. Девушка сопротивлялась чужому влиянию, боролась с враждебной магией, но, несмотря на это, Сандро проникал туда, куда не должен проникать никто посторонний: в глубины памяти, в закрома сознания.

Он увидел белоснежное здание Малого Храма, который, даже отделившись от главной ветви культа Симионы, попав под гнет некромантов, продолжал существовать. Увидел маленьких девочек и девушек постарше, которые с улыбками на лицах бесконечной чередой заходили в открытые двустворчатые двери. Это была приятная и жизнерадостная картина, увлекательный сон, который хотелось досмотреть до конца... Но некромант пришел не за этими воспоминаниями – и вскоре нашел то, что искал: измененный, искаженный в нелепой иллюзии Неметон. Сандро стал восстанавливать в своей памяти картину, которую видел сам, и постепенно, не спеша заменял чужие воспоминания своими. Неметон в мыслях Анэт менялся, преображался в соответствии с желаниями некроманта. В последний момент Сандро подумал об Энин и потерял концентрацию, которая была так необходима. Он попытался выкинуть из головы чарующий образ, но ничего не получилось.

«Только бы Энин не проснулась. Только бы не увидела всего этого», – судорожно думал Сандро, уже заканчивая сеанс магнетизма и притрагиваясь намагниченным жезлом к окровавленному запястью Анэт.

Словно услышав мысли мальчика, Энин шевельнулась и открыла глаза.

– Сандро, это ты? – спросила она, глядя на мальчика туманным взглядом.

– Да, – скрывая за хладнокровным голосом душевную бурю, ответил мальчик и плавно подошел к девушке, тенью опустился на пол рядом с кроватью. С невидимой в ночной полумгле грустью всмотрелся в глаза Энин. Ее мутный спросонья взгляд не выражал ни ужаса, ни страха: она уже успела привыкнуть к обществу некроманта. Но ее взор пробежал по железному чану, она заметила в руках Сандро переливающийся в свете свечи стальной прут, и ее глаза округлились в непонимании и страхе.

– Что ты делаешь? – испуганно проямлила она, не веря своим глазам.

– Спи, – вздрогнув, приказал некромант.

Повинуясь властному голосу, Энин закрыла глаза. В рабской покорности расслабилась, отдаваясь сновидениям. Сандро с ненавистью к самому себе сжал кулаки: он не должен был этого делать, не должен! Но уже поздно, надо довести дело до конца.

– Наутро ты не вспомнишь ночного гостя, – обратился он к спящей Энин, делая тонкий надрез на ее запястье...

Глава 8 Познавший Кровь

С заходом солнца, когда мир погружался в ночной мрак, наступала «Кровавая месса». Покойники, которым до погребения не проткнули осиной сердца, поднимались из могил и шли к своим семьям, чтобы с кровью украсть у них жизненные силы, или брели к чужим домам, чтобы превратить нерадивых соседей в своих слуг, дабы с закатом вместе с ними, собравшись в стаю, проводить во славу Познавшего кровавые ритуалы и жертвоприношения.

Древние же волшебствовали и, обернувшись в кожанов, летели в замок на краю мира, где держали совет перед Безликим.

**Пятый граф-бастард Клавдий Батури Савильен де Медичи.
«Познавший Кровь»**

Он прибыл под покровом ночи, когда на небе сияла полная мертвецкая луна, а звезды, словно огненные искры, сполна утыкали яркими точками небесное полотно. Он прибыл как гость, но в обитель Хозяина воровски впорхнул через окно. Хотя от вампира не стоило

ожидать иного...

Арганус скептически изучал начертанный этой ночью сигил, сопоставлял лунные фазы и магнитные волны, исследовал на небесной карте движение планет, чтобы понять, когда надо использовать выведенный символ. И все с одной целью – проникнуть сквозь «купол».

Но чернокнижник неожиданно оторвался от работы. Молниеносное чувство опасности пронеслось в его сознании. Он повернул голову в сторону окна, но заметил только тень. А в следующий миг у его глаза остановилось острие кинжала. Первым, что разглядел Арганус, был выгравированный на искривленном лезвии рисунок. Он изображал человека. Это был не обычный кинжал – некромант узнал бы его из тысячи подобных безделушек. И неспроста: одно неловкое движение, тонкий укол – означали вечность. Вечность, из которой уже нет возврата даже для столь могущественного некроманта, как Арганус.

Чуть позже лич увидел самого обладателя убийственного оружия. У того было бледное, словно натертое белилами, лицо и кожа без единой морщинки. Возраст выдавала лишь хитрая мудрость, поселившаяся в глубоко посаженных голубых глазах. Арганус медленно облокотился на спинку кресла, картинно отстраняясь от смертоносного кинжала.

– Хорош ли подарок? – спокойно спросил лич и вернулся к изучению сигила.

– Хорош, – улыбочиво одобрил вампир и бухнулся в кресло напротив некроманта.

– Запомни, Клавдий, – наставнически обратился к гостю лич: – Еще одна подобная выходка – и твой прах украсит мою коллекцию. Надеюсь, тебе не стоит напоминать, кому принадлежал этот кинжал и где хранятся его останки?

– Нет, – вмиг посерьезнел Клавдий. – Вы же знаете, учитель, магия сковала меня от необдуманных поступков. Я не способен навредить вам... – обронил он в свое оправдание, но Арганус уже не слушал гостя:

– Как обстоят дела в Малом Ордене? – перешел к делу некромант.

– С момента смерти... Каэля... – Рукоять криса похолодела при одном напоминании о прошлом хозяине. – ...Неразбериха окутала Высших. Многие ушли в «долгую дорогу», остальные скрываются. Более могущественные приходят на Совет, но сейчас собираются гораздо реже, чем раньше...

– Во главе Совета мне нужен свой человек, – не отрываясь от изучения сигила, сухо сказал Арганус. Клавдия пробрала дрожь. Его учитель и наставник просил о несбыточном, притом делал это настолько небрежно, что казалось, будто ему не так уж и нужен Глава Малого Совета в его лице. Клавдий ждал продолжения речи, но лич упорно молчал, поэтому вампир, оправдываясь, заговорил сам:

– Как понимаю, столь высокий пост предназначен мне, но это невозможно...

– Нет ничего невозможного, – властно перебил лич и искоса посмотрел на своего ученика.

Клавдий невольно вжался в спинку кресла. Он рассчитывал на «дружеский» визит, подобного оборота событий никак не ожидая, иначе ни за что не позволил бы себе забавы с кинжалом Каэля.

Арганус опять надолго замолчал. Клавдий уже выдумывал для себя новое оправдание, уже прокрутил в голове речь, но лич заговорил первым:

– Кинжал даст тебе силы, способные захватить власть. Главное – уверенность. Это ты должен помнить из моих уроков. – Обучение у Аргануса пролетело в памяти Клавдия молниеносно. Боль. Страдание. Солнце. Огонь. Жар. Пекло. Кровь. Море крови. Иммуниетет к палящим лучам. Свобода. Обманная свобода.

– Но Страж Отражений не пропустит меня в Зал Совета, если я войду в Лабиринт с дурными помыслами... – Клавдий не верил в успех кампании и желал всячески извлечь собственную персону от губительных и проигрышных заговоров.

Арганус оторвался от пергамента, испещренного рунами и символами, достал с полки сверток и бросил его на край стола:

– Заклинание, которое устранит Стража, – сказал Арганус, и Клавдий ужаснулся: у некроманта есть тайная формула, выведенная Каэлем и примененная всего единожды, когда

Первовампир нейтрализовал Стражей и захватил власть над всеми кланами. Захват стал кровавым побоищем. Каждый, кто воспрепятствовал воле Каэля, был уничтожен, жестоко и хладнокровно. С того момента Малый Орден погрузился во мрак и до сих пор не вернул себе утраченной силы. Клавдию предстояло повторение горького для вампиров опыта.

– Что будет, если я откажусь? – Клавдий стиснул поручни и вжался в спинку кресла.

– А что бывает с тем, кто нарушил клятву, данную на клейме Эльтона? – вопросом ответил Арганус.

Клавдий только сейчас понял, что его подставили. Интригующий подарок и одно обещание, одна клятва – «ответить на один подарок другим». Первым дарением был крик Каэля, ответным будет захват власти в Малом Ордене. Клавдий только сейчас осознал безысходность своего положения: его сковали по рукам и ногам...

– Я согласен, – сквозь сомкнутые зубы, прошипел Клавдий и принял брошенный ему свиток. – Как скоро нужен результат?

– Скоро, очень скоро, – сверля собеседника взглядом кроваво-красных светящихся глаз, ответил Арганус.

– Действовать самостоятельно или ждать вашего сигнала? – привычно хладнокровным тоном спросил вампир.

– Самостоятельно, – коротко ответил некромант, но спустя минуту молчания добавил: – И всегда ждать, что результат понадобится незамедлительно.

– Сроки? – уточнил Клавдий.

– Два-три дня, не больше.

Услышав о сроках, Клавдий не поверил собственным ушам. Просьба, или все же приказ, Аргануса была неисполнимой. Для удачного исхода потребуется время...

– У меня нет времени, – продолжал некромант, – результат мне нужен незамедлительно. Советую покинуть Бленхайм до рассвета.

Клавдий посмотрел в окно: до восхода солнца оставалось чуть больше часа. За это время он успеет покрыть не одну милю, но до места спячки не доберется при всем желании. Солнце опалит восприимчивую кожу, причинит немало неудобств, даже учитывая, что Высший привык к боли еще со времен обучения у Аргануса.

– Могу ли я задержаться до заката?

Арганус сделал задумчивый вид, будто решая – оставлять ли у себя вампира, который должен совершить «переворот»? Или рискнуть и отправить его в перелет под солнечными лучами, когда у Гильдии некромантов везде есть глаза? Оба выбора были малоприятными, но если согладаться Гильдии увидят вампира днем, у них возникнут подозрения...

– Оставайся, – решил Арганус, – но не показывайся на виду. А сейчас – иди, мне надо побыть наедине. Дела...

У лица хитро сузились огоньки глаз. Клавдий, вспоминая давно минувшее обучение, без труда угадал в этой перемене улыбку. Сам криво улыбнувшись, встал с кресла и прошел к окну.

– Через двери, – обронил лич. – Твоя старая комната свободна. «Солнце» переждешь там.

– Слушаюсь, – едва заметно поклонился вампир и вышел из кабинета.

С этим днем беспечная жизнь старшего советника Малого Ордена закончилась. Он снова почувствовал себя рабом, безропотным рабом, выполняющим волю повелителя. Но на этот раз он сыграет в свою игру...

* * *

– Ему нельзя доверять... – прошипела пустота, как только двери за вампиром захлопнулись.

– Тебе тоже, – сухо обронил лич. – Но пока ты мне нужна – ты здесь.

Пустота недовольно зашипела:
– Я доказала свою преданность...
– Клавдий сделал это неоднократно. А ты преследуешь свои цели, поэтому даже не заикайся о преданности.
– Я открыла тебе тайну прори...
– Тихо! – гаркнул лич. – Сейчас твоя задача сделать так, чтобы Клавдий выкрал прах. Остальное меня не волнует.

– Что мне делать... с рабыней?
– Я отдал ее тебе – поступай с ней как знаешь, но о каждом своем шаге сообщая мне. А сейчас приступай к исполнению приказа. – Арганус уставился в пустоту, словно видел в ней некий силуэт, смотрел долго, упорно, молча, но наконец выговорил: – Запомни, если Клавдий догадается, что идея выкрасть «прах» принадлежит не ему, я верну тебя туда, откуда вытащил пять лет назад.

– Слушаюсь, – недовольно прошипел дух и, оставив после себя тонкий ледяной след, прошел сквозь пол.

В оконный проем влетели первые лучи восходящего солнца. Арганус отложил пергамент, медленно встал и прошел к тайнику, скрытому в стене. Незаметным движением он заставил механизм заработать и раскрыть каменные створки. Не заходя внутрь, лич через порог взял посох с окаменевшим детенышем красного дракона в намерении, после чего удалился из кабинета, оставив потайную дверь открытой. Его ждало занятие с учеником, а секретную комнату – незванный визитер.

* * *

Кротким бледно-золотым маревом на востоке забрезжило солнце, полутеплым сиянием ворвалось в предрассветные сумерки, разрушая последние отголоски ночи. Забегали тени, спеша скрыться в разломах и трещинах, спрятаться за хрупкими стенами и колоннами полуразрушенного храма. Призрачно-огненные лучи солнца слабым теплом окутали проклятую землю разграбленного погоста, поднимая в воздух легкий туман испарений. И чем выше вставало светило, тем плотнее и упрямее становился туман.

Сандро стоял не шевелясь. Упорно глядел в мутно-белую даль, ожидая Хозяина. А туман все сгущался, ширился, окутывая все большее пространство. И когда дымка, нависшая бело-серым покрывалом над кладбищем, доползла до храма, в ноздри ударило зловоние разложений. От резкого запаха защипало в носу, отвратно запершило во рту, глаза невольно заслезились, налились кровью белки. Сандро часто заморгал и на мгновение опустил веки, невольно вслушиваясь в мертвецкую тишину.

С протяжным воем над погостом промчался ветер, но он не разрушил затхлости, не унес смрадных испарений мертвой земли.

Сандро открыл глаза.

Ветер закружил над кладбищем водоворотом, будто неведомый властелин прозрачными цепями приковал его к центру погоста. Туман недовольно зашевелился, словно оживая, изукрашлся волнами, будто буйное море, и все шире расплзался вокруг. Но ближе к храму Сераписа редел и вовсе развеивался у стен, поэтому Сандро издали заметил учителя.

Сперва появился безликий, словно тень, силуэт, чуть позже вырисовались и другие тени. Их становилось все больше, и постепенно они слились в сплошное бледно-черное пятно. В следующее мгновение пелена тумана прорвалась, и из нее вышел Арганус в окружении десятка рабов-скелетов.

На лице красовался привычный темно-красный плащ и крашенные черные доспехи. В руке он держал искривленное древко, обитое металлическими пластинами. Намерение венчал человеческий череп, который сжимал в когтистых лапах окаменевший детеныш красного дракона. Гордое и величественное существо стало рабом темной магии, превратилось в

накопитель силы.

Раньше лич никогда не пользовался вспомогательными средствами – ему хватало своих умений. Что стало причиной предосторожности? Чего учитель ожидает от опыта? Какие мысли поселились в его коварной голове?

Страх. Новый, неведомый страх ожил в сердце мальчика. Он впервые боялся оплошности, боялся наказания за возможную неудачу. Правильно ли он смешал реагенты? Точно ли выбрал пропорции? Возымеет ли эликсир ожидаемый эффект? Сандро всегда был уверен в точности своих расчетов, но сейчас сомнения росли, словно тени на закате, рискуя полностью затмить мысли ночным мраком.

Мальчик крепче сжал мертвой рукой посох, будто выпрашивая у него помощи и поддержки, вымаливая новые силы и уверенность. Древко ответило легкой вибрацией, ласковое тепло проникло сквозь мертвую руку, наполнило сердце твердой верой в собственные таланты.

Когда Арганус подошел, Сандро встретил его каменным спокойствием и хладнокровным взглядом.

– Зелье, – властно приказал лич.

Мальчик поднял с пола форму с шестью колбами, протянул ее Хозяину. Арганус небрежно взглянул на разноцветные мутные смеси, даже не пытаясь принять подношение. Глаза лича ядовито сверкнули, без мимики выражая ожесточенную улыбку.

– Дубликаты сделал? – резко спросил Арганус.

Сандро уловил свою оплошность. Когда он покинул комнату девушек и спустился в лабораторию, чтобы забрать посох и заранее приготовленные зелья, до рассвета оставалось не больше четверти часа. Он собирался на урок впопыхах и не успел позаботиться о дубликатах.

– Нет, – твердо ответил мальчик и сам не поверил в силу своего голоса. – Я помню пропорции. Дубликаты ни к чему. Они бессмысленно израсходуют редкие ингредиенты в случае неудачи пробника.

– Предусмотрительно, – холодным тоном одобрил учитель. – А теперь испытаешь свое творение.

Арганус окинул взглядом дюжину скелетов и сделал едва заметный пасс рукой, указывая на залу храма, где было сравнительно меньше валунов и каменных глыб. Из строя вышел один скелет, словно зная, что приказывают именно ему. Сандро только сейчас опустил протянутую форму, вернул ее на прежнее место у колонны. Не вдаваясь в раздумья, наугад взял первую попавшуюся колбу.

– Испытаем, – едва слышно шепнул Сандро, коверкая слова учителя, и крепче сжал посох.

Юный некромант выговорил заклинание, превращающее зелье в газ, и швырнул пробирку под ноги скелету. Звонко звякнуло битое стекло. Серая дымка тонким слоем улеглась на земле. Затем стремительно выросла ввысь и вширь, окутала нежить с ног до головы.

Сандро застыл в предвкушении результата. Несколько мгновений ничего не происходило, но неожиданно пелена тумана разорвалась, из нее выпрыгнул разъяренный монстр и кинулся на чародея. Сандро не успел отреагировать: скелет оказался слишком прытким, а нападение слишком внезапным. Мальчик наотмашь рубанул посохом, вмиг забыв все заклинания, которые учил этой ночью. Голова скелета слетела с плеч, покатилась по залу храма, но обезглавленное тело не остановилось, даже не сбавило темпа. Мальчик ощутил сильный толчок, и его отбросило к стене. В последний момент Сандро успел бросить заклинание «волны Тьмы». Скелета вбило в противоположную стену, но ему не понадобилось много времени, чтобы повторить нападение.

Мальчик стоял на четвереньках, впившись взглядом в пол. Людская половина была слаба и не позволяла быстро прийти в себя. Сандро слышал шаги все ближе и ближе, но не находил в себе сил, чтобы встать. Попытка подняться осталась всего лишь попыткой. Ребра

хрустнули от крепкого удара прежде, чем Сандро успел приготовиться к обороне. Мальчик перекатился по камню. Тщетно пытаясь защититься, выставил руку с зажатым в ней посохом. На устах застыло заклинание парализации, способное обезвредить скелет, но Сандро не успел его произнести. Новый удар пришелся в голову. Темная дымка всего на секунду окутала сознание, но этого хватило, чтобы все магические формулы вновь улетучились.

Арганус с любопытством наблюдал за разворачивающейся сценой. Ему всегда не хватало развлечений. Бой мальчика и скелета вызывал извращенную потеху, завораживал действием, ярко переплетенным с антуражем развалин. Лич не вмешивался – наслаждался игрой жизни и смерти: она его увлекала, манила.

Сандро пропустил очередной удар. Голова затрещала, загудела. Сил собрать мысли воедино уже не осталось. Магия никак не хотела подчиняться. Заклинания отказывались соединяться в связки, обрывками менялись, исчезали, не давая никаких результатов.

Злость на свою слабость парализовала без колдовства, но в одно мгновение злоба на себя переросла в ярость на весь мир.

Посох заиграл ярко-зеленым светом. Магия волной окатила скелет и отбросила в другой конец залы. Сандро поднялся. Тело ныло, ноги не держали, но ярость заставляла стоять непоколебимо.

– Ты, Крыса, – оскалился Сандро, вспомнив свои опыты над пасюком, вспомнив, как легко играть со смертью. Неупокоенные – всего лишь кости, сращенные магией... – всего лишь кости, – прошипел Сандро и бешеным зверем ринулся в атаку.

Скелет встал и подался вперед, чтобы вернуться к избиению, но он не уловил изменений, которые произошли с его противником. Мальчик обрушился на неупокоенного грохочущей лавиной неистовых ударов, накатился всепоглощающей волной. Его посох обрушился на немертвого тяжелым тараном. Скелет откинуло назад, он упал на землю и под градом ударов уже не смог подняться.

– Крыса! – вопил Сандро, а обрывки всех магических формул, которые он пытался вспомнить, вернулись в его сознание и сами собой соединились в одно заклинание. Посох засветился, переливаясь мириадами цветов, словно сумасшедший хамелеон. Заклинание набрало силы, материализовалось у набалдашника прозрачным облаком. Справляться с потоком мыслей и держать колдовство в стабильном состоянии с каждым мгновением становилось все сложнее. Магия вышла из-под контроля, сорвалась с посоха и бледно-серым смерчем вклинилась в тонкое тело скелета. Поглотила монстра пламенным штормом, изничтожая, превращая в тлен. Обугленные кости разлетелись окрест дымящейся трухой. Тонкий осколок вонзился в щеку мальчика, своим жаром тут же прижигая рану. Сандро брезгливо выдрал из плоти прогнившую иглу-кость. Руку обожгло, но мальчик не замечал боли. Он все еще был в ярости, но она быстро утихала, возвращая привычное хладнокровное спокойствие.

– Крыса, – повторил свой боевой клич Сандро, но уже без бывшего неистовства.

Арганус незаметно, словно тень, сорвался с места и в одно мгновение оказался рядом.

– Заклинание! – выкрикнул он. – Формулу заклинания! – приказывал лич, а Сандро холодно смотрел на него, не понимая смысла слов.

– Передай мне формулу этого заклинания! – с каждым новым криком все яснее становились слова Аргануса.

– Я не знаю ее, магия вышла случайно.

– Вспоминай, это приказ! – рявкнул бесноватый лич.

– Не могу... – не имея права соврать, ответил мальчик.

– Никчемный уродец! – взорвался некромант и изо всех сил ударил ученика посохом по лицу.

Сандро распростерся на полу. Новый урок принес новые унижения, но прежней злобы не возникло. Со смертью скелета, с исчезновением ярости не осталось никаких чувств, внутри жила лишь пустота.

– Над этим заклинанием столетиями бьются сильнейшие маги, а ты, пес, профукал его из-за недоразвитой памяти! – где-то в глубине сознания звучал голос учителя, но мальчик не внимал его словам. Он с полным безразличием изучал серое небо, лежа на холодном камне.

Вскоре свет дня пожрет тьму. Утро рассеет сумерки. Днем ветер нальется силой, выгонит зловоние, окутавшее туманом проклятую землю. Жизнь опять вернется в эти земли, и сила некромантов до поры ослабнет. Придет блаженное время, но его сменит мрак ночи, час Тьмы...

Сандро медленно возвращался в реальный мир. В предсмертной агонии кривились высокие колонны, ухмылялись извилинами трещин арочные своды, мертвым холодом ублажал камень пола. По щеке лилась теплой струйкой живая кровь, и ее тепло стало самым приятным ощущением в ужасе реальности.

Арганус навис над мальчиком мрачным силуэтом.

Сандро пустым взглядом уставился в глаза некроманта. С минуту смотрел, не отрываясь. Позже не торопясь встал и, посмотрев на учителя уже осмысленным взглядом, решительно заявил:

– Продолжим испытание.

Нерушимая уверенность в холодном голосе мальчика удивила даже Аргануса. Лич не нашел ничего лучшего, как согласиться. Мальчик взял новую порцию экспериментального зелья. Арганус подал едва заметный знак, чтобы новый скелет заменил своего предшественника, и один из бессмертных рабов некроманта покорно вышел в центр плаца. Сандро шепнул заклинание газообразования и швырнул колбу под ноги нежити.

Поднялось тусклое белесое облачко, едва задевая своими краями скелет. Монстр стоял в привычном спокойствии. Казалось, ничего не произошло и зелье не сработало. Несколько секунд длилось замешательство. Сандро молча стоял, не веря в отсутствие эффекта, Арганус ждал какого-либо результата, но ничего не происходило.

Мальчик начертал в воздухе кривую линию, выводя руны трансформации. Скелет едва заметно дернулся, зрачки на мгновение потухли и загорелись вновь. Сандро мысленно приказал рабу нападать и махнул посохом, указывая цель.

Скелет ринулся на ровный строй себе подобных, но когда до шеренги мертвецов оставалось всего несколько шагов, его тело рассыпалось на части. Сандро стоял в легком недоумении, не понимая, почему его раб превратился в грудку костей... Осознание пришло мгновением позже: Арганус. Для успокоения ему не понадобилось даже напрячься: лич мастерски владел своим ремеслом.

– Работа выполнена. Мои поздравления, ученик, – сухо похвалил Арганус. – К утру сделаешь как можно больше этого зелья.

– Слушаюсь, учитель, – коротко поклонился Сандро.

– Завтра я представлю твоё зелье на Совете. Урок окончен...

Лич развернулся и быстро скрылся в пелене тумана. Гуськом за ним последовали рабы-скелеты. А Сандро, едва оставшись в одиночестве, рухнул на пол и сжался комом. Все тело ныло от боли, ушибов и ссадин, голова гудела, словно ежесекундно по ней били молотом, как по чугунному колоколу. Несколько минут Сандро лежал без движения, даже не в состоянии произнести формулу, избавляющую от боли, или залечить раны при помощи магии.

Не совладав с болью, мальчик провалился в забытие. И приснился ему очень странный сон, главные роли в котором играли жрица и двое ее учеников...

Прорицание второе

– Что нас ждет завтра, Назарин? – буднично спросила Вельва, будто и не шла речь о предсказаниях.

Юноша закрыл глаза. Нельзя сказать, что открытые веки тормозили видения, но привычнее и проще было во тьме. Назарин погрузился в густую патоку магических

эманаций, выискивая в бесплодной куче ненужностей силовую линию, способную указать на будущее. Истинный дар проявлялся именно в правильном выборе. Смотреть во временные линии мог почти каждый маг, но улавливать, а порой банально угадывать будущее умели далеко не все. Назарин был одним из немногих, кому дар предвидения давался безупречно. Порой Вёльве казалось, что он станет для нее неплохой заменой, но... Единственное, что было в его таланте удручающе порочно – нежелание самого прорицателя видеть будущее. Назарин внутренне противился собственным способностям, в душе презирал свое умение, пытался выбросить любые видения из головы и узнавать будущее, живя им, но не зная наперед.

– Завтра нас ждет дорога – и ничего более, но... за нами следят, наставница, – сухо констатировал Назарин, не открывая глаз.

– Ты можешь узнать, кто?

Юноша никогда не понимал, к чему эти вопросы. Вёльва сама безупречно знала, что произойдет в будущем, едва ли не пошагово, но всегда обременяла своего ученика необходимостью разъяснений.

– Из храма Сераписа, – впервые слыша это название, все же отчетливо произнес его Назарин.

– Молодец, – похвалила Вёльва. – Твой талант становится крепче с каждым днем. Кто следит за нами?

– Полумертвый... сын Видящей... первый клочок прорицания, – голосом, лишенным эмоций, выговорил Назарин. Внутренним взором он видел изуродованное лицо спящего... или просто прикрывшего глаза? Чувствовал ненависть и злобу, которые скрываются в этом существе, жалком подобии человека.

– Кто он для тебя? – подталкивала к каким-то умозаключениям Вёльва.

– Никто, но... он родственник Аарона. Дальний и забытый. Наставница, он должен умереть, иначе ему суждено исполнить пророчество.

– Какое пророчество, Назарин? – выманивала ответы прорицательница.

– Он выпустит зло Хельхейма.

– Он уже выполнил свою часть пророчества. Его смерть ни к чему не приведет, – размышляла вслух Вёльва.

Пять лет назад, когда пророчество только было высказано и когда в тот же день оно начало исполняться, Видящая пришла к жрице по имени Ливия и обманом побудила ее отдать сыновей. Судьбу двух парней Вёльва определила сразу. Они должны были стать острием ее кинжала – кинжала, который тонко, но смертоносно обязан остановить «зло Хельхейма», коим был вовсе не мальчик.

Прорицательница ласково опустила ладонь на плечо своему ученику и тихо сказала:

– Ты хорошо потрудился. На сегодня хватит, можешь отдыхать.

Назарин резко открыл глаза и, выгнав из памяти отголоски магических манипуляций, быстро пошел прочь. Ему страшно претила судьба, которую выстраивала для него Вёльва. Сперва он думал, что знает, чего добивается наставница, но позже осознал, что истинная, некая глобальная мысль, которой жила прорицательница, ему недоступна. Он видел лишь вершину айсберга, лишь ближайшее будущее, но специально пасовал перед далеким, ибо всей душой противился подобным знаниям. Назарин мастерски избегал линий, уводивших дальше чем на неделю, хоть и умел смотреть в даль годов.

Вёльва же методично подталкивала ученика к великим знаниям. И заставляла читать если не будущее, то прошлое. Вот и сейчас она извилисто вынудила посмотреть в пятигодичное прошлое, чтобы узнать имя наблюдавшего и кем он является. Позже выманила из Назарина пророчество, в котором сказано о будущем. Вёльва умело подталкивала ученика, чтобы тот перепрыгивал с одной временной линии на другую, стимулировала в нем развитие дара к предвидению, провоцировала более масштабные видения, но мальчик странным образом предупреждал их и с легкостью обходил стороной. Назарин словно играл с видениями, специально избегая их, отбрыкивался от своего таланта, будто тот смертельно

опасный яд, а не благодать. Вёльва настаивала на своем, помня, что некогда и сама не хотела «видеть». Но она приняла дар во имя людей и надеялась, что Назарин последует ее примеру.

– Что вас тревожит, матушка? – спросил Аарон, усаживаясь у костра напротив Видящей.

– Твой брат, Аарон... – задумчиво ответила Вёльва.

– С ним что-то не так? – наигранно изумился юноша.

– Он все еще избегает своего таланта.

– Но так было и раньше, – развел руками Аарон.

– Да, но мне с каждым разом все сложнее учить его. Назарин становится сильнее, но не желает развиваться. Он безошибочно скажет, что произойдет завтра или через неделю, но мне важны годы, а иногда и столетия...

– Если бы у меня был его дар... – мечтательно протянул Аарон.

– У тебя есть другой, не менее важный, – улыбнулась Вёльва. – Сядь ближе, – попросила она, и юноша не раздумывая придвинулся к наставнице. Видящая провела по смольнисто-черным волосам ученика ладонью и тихо, почти шепотом произнесла: – Ты своими руками спасаешь жизни, люди стекаются к тебе, чтобы ты избавил их от боли и страданий.

– Я лечу болезни, помогаю единицам, а Назарин всего одним прорицанием может спасти тысячи, хотя бы отвернув войну.

– Но он не желает этого, а ты, пусть и с меньшими возможностями, уже сейчас помогаешь людям.

– Моих сил мало, – с глубокой грустью в голосе ответил Аарон.

Пять лет его обучала Вёльва, пять лет он спасал от смерти безнадежно больных, но ему всегда хотелось большего – он хотел спасти не единицы, а тысячи...

– Ты достигнешь салютариса², когда придет время, – словно читая мысли ученика, заговорила наставница. – Не торопи события и... к тебе пришли.

Через несколько мгновений к костру подбежал запыхавшийся мужчина средних лет в широкой льняной рубаше, посеревшей от времени и частых стирок. Его каштановые с проседью волосы засаленными локонами падали на плечи. Он был взволнован, от него за версту веяло хлебом, потом и страхом. А перепуганный взгляд с удивлением уставился на юношу. Рамид слышал, что целитель молод, но он не сразу поверил, что молод настолько.

– Светлейший Аарон, – тяжело дыша заговорил Рамид, забыв представиться. – Моя жена, – он опер руки о согнутые колени, перевел дыхание и заговорил вновь: – Моя жена, ей...

– Веди, – вскакивая, бросил Аарон. – И побыстрее. – Последняя фраза была лишней.

Рамид посмотрел на юношу невидящими глазами, но больше не произнес ни слова. Молнией помчался в обратном направлении, да так, что бодрый Аарон едва поспевал за ним. Целитель не знал, откуда у этого мужчины брались силы – он едва стоял на ногах, ему даже языком ворочать было не вмоготу, но он мчался, словно за ним гналась армия нежити.

Рамид сбавил темп, только когда приблизился к своему дому. Он уже собирался вскочить в помещение, но на пороге его встретили жрец в серой рясе и повитуха, держащая в руках новорожденного.

– Разрешилась, – с непонятной грустью в голосе заговорила женщина.

Рамид улыбнулся уголками рта, но улыбка быстро сошла с его лица:

– Что с ней? – выдохнул он.

– Мне жаль... – встрял в разговор жрец.

Мужчина, ни на кого не обращая внимания, оттолкнув застывшего на пороге жреца, ворвался в собственный дом и посмотрел на испачканное кровью ложе, на котором, прикрытая белой простыней, лежала его жена. Аарон зашел следом. Мужчина, нечеловеческим прыжком преодолев комнату, сорвал с лежавшей покрывало и прильнул к перепачканному кровью животу. Он рыдал, рыдал взхлеб, словно это могло помочь его супруге.

«Проклятые повитухи, – мелькнула в голове Аарона мысль. – Не могут руками – берут ножи».

Живот беременной был вспорот: ребенка вытаскивали силой, не задумываясь о жизни матери. Целитель быстро прошел в глубь комнаты, остановился у кровати и резким движением отдернул мужчину.

– В сторону, – жестко приказал он, освобождая себе место для магических манипуляций.

– Она мертва, ты не поможешь! Оставь ее! – Рамид встал между целителем и женой.

Аарону пришлось влить ему сильную пощечину, чтобы хоть как-то привести в чувства:

– Я сказал: «в сторону», или ты забыл, зачем меня звал? – Аарон был черств и решителен, – возможно, именно эта холодная настойчивость вернула Рамиду способность трезво мыслить. Он, бросив на целителя остервенелый затуманенный взгляд, все же подался в сторону.

Аарон присел на колени у кровати роженицы. Быстро прощупал пульс, осмотрел рану, оценил потерю крови. Недолго думая, зачерпнул Силы и медленно заводил над женщиной раскрытыми ладонями, пытаясь остановить внутреннее кровотечение. Все эти пассы казались магическими действиями, или молитвой. Остановить кровь было сложно, но способности, помноженные на опыт, дали довольно скорый результат. Осталось залечить ножевую рану на животе. Сращивание тканей было делом простым, хоть и изнурительным, нехватка времени заставляла работать излишне быстро, неаккуратно – так, как Аарон не любил, но выбора не было. Целитель, зачерпывая из магических сгустков Силу, пропускал ее через себя и вливал в окровавленное тело, заставляя смертельную рану срастаться. Ему удалось и это. Сейчас женщина была цела и невредима, но потеря крови отняла у нее последние силы. Аарон незаметным движением вытащил поясной нож и резанул себя по ладони. Быстро разминая руку, заставил кровь активнее поступать к порезу. Потом сильно сжал руку в кулак и поднес его к пересохшим бескровным губам женщины. Тонкая алая струя полилась в раскрытый рот роженицы. Этой крови мало, чтобы восстановить запас, но у нее были особенные свойства.

Женщина глубоко вздохнула, и Аарон тут же отнял руку. Магия Крови пожрала последние силы, Вельва настоятельно просила не пользоваться ею, но целитель не мог не спасти жизнь умирающей.

– Ты воскресил ее! – радостно завопил мужчина.

Аарон криво улыбнулся, чувствуя, как полумрак заволакивает глаза. Если бы он умел воскрешать... Когда он пришел, родившая была жива, ее сердце билось, а пульс прощупывался, – она умирала, но он успел вовремя, пока она еще не шагнула за край.

Целитель обмяк, завалился набок, погружаясь в теплую, всепоглощающую тьму забытья. Он сделал свое дело: он спас еще одну жизнь – всего одну, но его брат способен спасти тысячи...

Глава 9

Поддавшись уговорам Тьмы

Вампир (Vampire), иначе Деарг-Дуэ (Dearg-due) называемый. Зачастую это младенец, родившийся с зубами, в молодую душу которого вдохнул темную силу Неназываемый. Когда его кормит мать, он сжимает зубами ее сосок, норовя прокусить плоть и испить людской крови. Если ему это удастся, его душа навеки уходит во тьму.

Так был вскормлен первый вампир, Каин, до падения под именем Казль известный.

Leo. «De Graecorum hodie quirundam opinionabus»

Моно-но кэ (IX–XII в.) – злобные духи усопших, призываемые из потустороннего мира Повелителем Мертвых. Одержимость моно-но кэ приводила к болезни и смерти.

Икисудама (моно-но кэ), букв. «живые души» – злобные души людей, обычно женщин, которые преследовали своих недругов независимо от воли их носителей.

Такахаси Тору. «Духи моно-но кэ в “Гэндзи-моногатари” и психологическая перспектива»

В комнату проникли утренние лучи, заплясали на темных стенах солнечными зайчиками, заводили веселые хороводы. Клавдий медленно подошел к окну и, развязав скрепляющие узлы, опустил старые полинялые темно-серые драпри. Комната в одно мгновение погрузилась во мрак – ни малейший лучик света не проникал сквозь плотную ткань занавесок.

Вампир осмотрелся. С того момента, как он закончил обучение, в его скромной обители ничего не изменилось. Как и столетиями раньше, ее украшали лишь голые стены из почерневшего от времени камня, переплетенные по углам сетью паутины. Единственной мебелью была небольшая полукровать с высокой спинкой, в которой Клавдий полусидя спал несколько десятков лет. На полу, так и не выискав для себя более подходящего места, под толстым слоем пыли поселились старые учебники и трактаты по некромантии и магнетизму, пиромантии и симпатизму.

Учебники...

Клавдий невольно припомнил издевательства и унижения, которые Арганус называл обучением магии, и бледно-белое лицо вампира озарила улыбка. Когда-то он мечтал сразить ненавистного учителя в честном, а возможно, и бесчестном поединке... Со временем желание померкло, перестало быть столь волнительным и важным, а позже жажда мщения сменилась признательностью и уважением. Но сейчас мечта о смерти Аргануса загорелась с прежней силой.

Клавдий тайно следил за происками Аргануса, заранее зная, что каждый из учеников некроманта сыграет в его планах свою роль. Барклай командовал гарнизоном на границе со Стигией, Морена готовилась стать королевой туманной столицы... Батури всегда интересовало, какая часть пьесы ляжет на его плечи, и теперь он это понял – он должен стать марионеткой, с помощью которой Арганус будет руководить Малым Орденом. И если Клавдию было плевать на лжекоролеву Морену и лебезящего перед личем лорда Барклая, это не значило, что он согласится и на отведенную ему самому роль. Нет, этому не бывать! Он начнет свою игру, выстроит собственную интригу. В ее основу ляжет Каэль, Первородженный вампир, единственный из всего рода, способный противостоять Арганусу и по силе, и по хитрости. Каэль – последняя надежда для вампирского рода, а для Клавдия – единственный шанс стать свободным, а быть может, и свободным Главой Ордена...

Батури отодвинул толстую ткань занавесок и посмотрел на широкую замковую площадь. Из цитадели вышел Арганус, держа в одной руке «посох дракона», и быстрым маршем пересек площадь, скрываясь из виду за крепостной стеной.

«Лич открыл тайник», – мелькнула в голове вампира мысль, как только он увидел посох в руке некроманта. По телу пробежал холодок от того, что он задумал сделать. Клавдий, не замечая на своей тунике легкой изморози, выпорхнул из окна. Он выкрадет прах Первородженного, проникнет в комнату Аргануса той же дорогой, что и ночью, но на этот раз уйдет не с пустыми руками...

Место, на котором только что стоял Высший, покрыла тонкая кромка льда, но Клавдий не заметил подвоха, не догадался, кто руководил его мыслями.

Анэт проснулась от холода. Несколько мгновений она пролежала не шевелясь и не открывая глаз, тщетно пытаясь вспомнить события последних дней. Но воспоминания испарились, вычеркнулись из жизни, скрылись за пеленой полного мрака. Закончив терзать свою память, Анэт открыла глаза. Рядом лежала спящая Энин и тихо посапывала. Сестра рядом – значит, ничего сверхплохого не случилось...

В комнате стало заметно холоднее. Анэт плотнее укуталась в одеяло, прижалась к теплой – просто горячей! – Энин. Прележав так несколько минут и ни капли не согревшись, Анэт встала, накинула на себя теплый плед, вернулась к кровати и в испуге замерла. Только сейчас она поняла, почему ей было столь холодно: ее постель покрыла тонкая корка льда. Ее заколдовывают! Но зачем? И кто? Некромант. Проклятый некрмант! Это может быть только он!

Мысли сменялись в сознании Анэт с бешеной скоростью, и неожиданно она вспомнила. Вспомнила некрманта в черных одеждах и улыбчивую сестру, вспомнила мертвую рощу и черный ручей, и... она вспомнила колдовство, которым пытался затмить ее память некрмант. И ему это почти удалось! Анэт наскоро оделась и выбежала из комнаты. Она должна проверить, правдивы ли отголоски воспоминаний, которые ее посетили, или же это плод воображения. Она пойдет в рощу, чтобы убедиться в своей правоте воочию! И если воспоминания окажутся правдой – Анэт просветит сестру, откроет ей тайну некрманта, чтобы тот больше не смог заколдовать Энин или навести на нее морок. Пусть только вся волшба окажется правдой, Анэт, с благословения Созидательницы, найдет на некрманта управу...

...Девушка быстро бежала по замковым коридорам, уверенно влетала в повороты, спускалась по лестницам. Хвостом за ней ползла тонкая пленка инея, но возбужденная Анэт ничего не замечала: она была слишком увлечена разоблачением Сандро, поэтому все остальное уже не играло никакой роли...

* * *

Клавдий впорхнул в окно и замер. Перед ним была открытая дверь – проход в тайник некрманта. Батури молнией промчался к двери, но остановился на пороге, не входя вовнутрь.

Останки легендарного Первовампира, сильнейшего и мудрейшего из всего рода, были перед глазами: достаточно сделать шаг, протянуть руки и взять с небольшого пьедестала погребальную урну – и род будет спасен... Но все это казалось слишком простым. Подозрительно простым. Арганус чуть ли не сам отдает прах Каэля, словно шепча: «Воскреси его для меня».

Клавдий на мгновение задержался на пороге, но мечта, страстная мечта спасти свой род от вымирания была превыше собственной безопасности, собственной несмелости. Клавдий шагнул во тьму и, не пройдя даже двух шагов, упал на колени. Он почувствовал слабость и оцепенение, его руки сами по себе, без участия разума, потянулись к крису, обнажая волнообразное лезвие. Клавдий повернул клинок острием к себе и приставил к сердцу...

Перед тем как рука сделала решающее движение, Клавдий успел посмотреть на урну с прахом его предка, а в следующее мгновение глаза его закрылись...

* * *

Клавдий открыл глаза. Вокруг было темно, беспроглядно темно даже для вампирского зрения. Его тело жутко болело, словно несколько недель он работал не покладая рук, и вся усталость, ломота в суставах и ноющая боль в мышцах проявились запоздало, но скопом,

одновременно, сливаясь в бесконечную пытку бессилия. Клавдий попытался расслабиться, но судорожно напряженные мышцы не откликнулись на уговоры разума. Он тихо простонал. Хотелось потерять сознание, однако сегодня желания не исполнялись. Вампир несколько раз моргнул, тщетно надеясь, что тьма исчезнет, а зрение вернется, но вокруг было темно, как и прежде. Несколько минут он едва-едва напрягал и расслаблял мышцы, разминая их, пока судорога, сковавшая все тело, не прошла. Вампир попробовал встать. Тело не слушалось – он лишь едва пошевелился. Но и это неощутимо кроткое движение вызвало неистовый приступ боли. Клавдий зашипел, словно разъяренная змея. Он давно, очень давно не ощущал такой бесконечной беспомощности.

Вампир еще раз попытался встать. С великим трудом ему это удалось, но не прошло и минуты, как он опять оказался на полу. Ноги не держали. Клавдий не понимал: что с ним? Он напряг память, пытаясь вспомнить причину своей слабости, но воспоминания ложились мутно, размыто. В ответ на бессмысленные попытки прояснить вытертую из памяти картину под сердцем что-то холодно кольнуло. Сперва едва ощутимо, но вскоре холод перерос в озноб и сменился очередным приступом. Вампир изогнулся неправдоподобной дугой, а затем свернулся калачиком. Из всех сил он сжал обеими руками тонкий шрам на груди, оставшийся от укола волнообразным лезвием криса. Рана затянулась быстро: не пройдет и часа – и не останется даже шрама. Клавдий вздрогнул: если б удар пришелся чуточку выше, он пробил бы сердце... Удар. Сердце. Воспоминания накатились внезапно, память вернулась к Клавдию в одно мгновение, а вместе с ней и жгучая досада. Он попался на уловку Аргануса – оказался слишком глуп, чтобы попасться в ловушку, беспечно заглотнул столь отчетливо различимую наживу. О боги, как он глуп! Вампир яростно ударил кулаком об пол, но это ничем не помогло. Арганус обхитрил его – воспользовался, словно наивной девчонкой. Но зачем? Какие планы вынашивал лич?

– Чего ему от меня надо, драть демонам задницы?! – выругался Клавдий.

– Оригинально, – усмехнулся неизвестный, но – на грани сна и яви – знакомый голос. – Меня всегда тешили твои умения изъясняться.

– Арганус? – заранее зная, что не прав, попытался угадать вампир.

– Батури, у тебя развились слуховые галлюцинации, или тебе изменяет память?

– Этого... не может быть... ты мертв! – не поверил своим догадкам Клавдий.

– Поразительно, но ты тоже, – хмыкнула тьма.

– Я умер? – искренне удивился Клавдий. – Но еще секунду назад...

– Ты уже шесть веков как мертв, – перебил голос.

Если бы Клавдий смог рассмотреть собеседника сквозь пелену магического тумана, то увидел бы молодого красивого юношу с идеально точными, слегка грубоватыми чертами лица, со светло-голубыми, словно морские волны, глазами и густыми черными, будто сажа, волосами, которые длинными прядями ниспадали на хрупкие, почти женственные плечи. Но ничего этого Клавдий не разглядел: его взор затмила чужая магия, и он не видел ничего ни ближе, ни дальше собственного носа.

– Ты воскрес или я умер? – спросил он тьму. Ответа ему пришлось ждать довольно долго, но, наконец, обволакивающая, барабаниющая в ушах тишина сменилась приятным, ласкающим голосом:

– Я почти воскрес, а ты почти умер. Вся загвоздка в этом «почти».

– И что мне делать, чтобы стать «почти» живым? – Клавдий сам того не желая перенял манеру разговора своего собеседника.

– Разорвать между нами связь.

– Какую еще связь? – зверея, спросил Клавдий. Ему уже поднадоели обрывистые фразы собеседника.

– Ты ранен моим кинжалом, нас с тобой соединила его магия.

– И что мне делать, чтобы разорвать связь?! – ярился Клавдий.

– Зарезаться моим кинжалом! – расхохотался усопший владелец магического криса, но вмиг посерьезнел: – Если бы ты не сопротивлялся, я бы уже вернулся, но тебе достало сил,

чтобы отвести удар. Теперь, Клавдий, тебе надо провести ритуал воскрешения.

– Как? – язвительно поинтересовался вампир.

– Ты и сам знаешь, как, – холодно ответил Каэль.

– Я ничего не... – Клавдий умолк, понимая, что в его памяти возник ритуал, которого он никогда не проводил, о котором никогда не знал и не слышал. Но знания словно сами собой возникли в его голове. – Знаю... – прошептал он кончиками губ.

– Приступишь по возвращении, – приказал Мастер вампиров, приказ которого не мог не исполнить ни один из всего вампирского рода. – Меня интересует только одно – зачем ты ко мне пришел?

– А меня интересует другое – как мне отсюда уйти? – оскалился, показав острые клыки, Клавдий, и в тот же миг земля под вампиром заходила ходуном, а чуть позже ускользнула из-под него, заставляя ощутить нечто похожее на свободное падение. Вокруг разливались гортанный хохот и улюлюкающий свист, но они с каждым мгновением слышались все дальше и дальше, словно Клавдий проваливался в бездну, а на краю Некто радовался его падению. Вампир от страха перед неизвестным закрыл глаза. Но это мало что изменило – одна тьма сменилась другой, не большей и не меньшей. Клавдий с превеликим желанием отключился бы, но сегодня был явно не его день. Он провалился в забытие, только ощутив удар, услышав гулкий шлепок и хруст ломающихся костей. Но боли от удара не возникло. Сознание в этот миг оставило его.

* * *

Клавдий очнулся от боли. Рана под сердцем жгла ледяным холодом, лишняя раз напоминая о себе и о том, каким образом она появилась. Вампир стиснул зубы, перебарывая желание застонать. Сделав над собой усилие, Клавдий встал на ноги. Казалось, падение должно было размозжить его кости, но то ли регенерация прошла быстрее обычного, то ли падение было банальным морокком. Почему-то вампиру казалось, что его разговор с Первородженным – не больше чем очередная уловка Аргануса, что все воскрешение – не больше чем продолжение извечного заговора лича. Но Клавдий пришел в тайник учителя с четкой целью выкрасть прах Каэля и без него не уйдет.

Вампир, слегка пошатываясь, прошел к пьедесталу, на котором располагалась погребальная урна. Недолго думая снял с пояса герметичный кожаный мешочек и высыпал в него прах Первовампира. Казалось, было бы разумнее заменить тлен Каэля, чем просто красть его: хоть как-то замести следы. Но останки Первородженного, даже после смерти сохранив его ауру и мощь, слишком сильно эманировали магической энергией, и посему Арганус легко различил бы подмену – обман был обречен на неудачу. И Клавдий, рискнув, просто ссыпал прах Каэля в поясной мешок, после чего быстрым шагом покинул негостеприимную обитель некроманта. Он очень рисковал, но надеялся, что игра стоит свеч, а результат – труда. Сильно надеялся...

* * *

Память не подвела Анэт. Она легко нашла дорогу в Неметон и сейчас, нахохлившись, словно воробей в предвесье зимы, стояла у ручья с черной зловонной водой в окружении страшных полуживых деревьев, которые так и норовили сомкнуть над девушкой свои черные, перемазанные гниlostной древесной смолой, сучья. Все же Анэт оказалась права – Сандро, этот подлый детеныш некроманта, заколдовал ее сестру и ее саму тоже почти заколдовал. Он наложил на своих рабынь наваждение, проклятие черной магии. Но зачем ему это? Ведь девушки и без того в его власти... Он хочет украсть их души?

Анэт поежилась от одной этой мысли, сильнее обхватила себя руками и попыталась

растереть замерзшее тело. Последнее время ей было до ужаса холодно, ее морозило словно изнутри. Может, весь этот холод неспроста? Может, ее заколдовывают?

Эти мысли повергли ее в шок еще больше, чем предыдущие. Ее заколдовывают! В следующее мгновение виски болезненно пронзило. Девушка не выдержала боли и упала на колени. Испуганно посмотрела по сторонам, выискивая колдуна, который над нею кудесил, но не заметила ничего нового. И не странно. Духа, Черную Вдову, мог увидеть только призвавший. Поэтому перепуганная Анэт не смогла различить застывшую над собой женщину в черных одеждах, которые контрастно резонировали с бледно-белым лицом чаровницы. Анэт не заметила и едва светящейся гептады, витавшей в воздухе над головой, потому что не имела магического зрения. Зато хорошо прочувствовала на себе последствия волшбы – резкую боль в висках и изменение в сознании. Черная Вдова, плетущая магические инферитивы, проникла в жертву, выталкивая из ее тела душу, заменяя сущность страдальцы своею.

Анэт не вынесла вмешательства в рассудок, не вытерпела мучительской магии, проникающей в самую душу, – провалилась в забытие. А цветущий, зеленеющий Неметон содрогнулся от злорадного смеха, который исходил из безликой пустоты, переливающейся едва различимым прозрачным контуром.

Вскоре смех утих, а почти неосязаемый, кристальный, словно слеза, силуэт растаял, окончательно исчезая из виду.

* * *

Арганус вернулся в свой кабинет. Всего на мгновение остановился у открытого тайника и, убедившись, что Клавдий выполнил возложенную на него задачу – слился с Казлем, становясь его воплощением, – закрыл тайную комнату. После чего прошел к рабочему столу, но сесть в любимое старое кресло, обтянутое потертым бархатом, не успел. Его внимание отвлекло выросшее посреди комнаты прозрачное нечто, которое можно было различить лишь по едва заметным преломлениям света.

– Как девушка? – спросил пустоту Арганус, приставив к столу посох и все же усаживаясь в кресло. Некоторым привычкам лич не изменял никогда и переговоры вел сидя, подчеркивая свое превосходство перед стоявшим или... витавшим.

– Хорошо... – коротко ответил призрак.

– Вижу, с момента первого контакта с живой твоей силы возросли, – пристально вгляделся лич в пустоту, словно различая в ней нечто известное лишь ему. Но он был мастером, призвавшим духа, поэтому видел вызванную им самим из потустороннего мира полужримую прекрасную девушку, закутанную в черные одеяния. Ее кожа была призрачно белой, словно первый снег. На черные одежды опускались длинные смоляные волосы, сливавшиеся с тьмой платья в едином цвете. И лишь серебряные тонкие линии инея, окутавшие матово-черные пряди, выбивались из общей черноты ее силуэта. Она смотрела на Аргануса черными бельмами глаз, лишенных зрачков, и в этом взгляде читалась вековая грусть, боль и бесконечная ненависть ко всему окружающему.

– Еще один инферетив – и девушка станет моей. – Тонкие бескровные губы расплылись в полуулыбке.

– Не торопись, Титания, – покачал головой лич. Арганус уже сомневался в том, стоило ли Черной Вдове отдавать одну из рабынь. Контактируя с живой душой, ее сила быстро росла. Когда Титания заполучит и тело девушки, этой силы станет во сто крат больше. Конечно, прямо послушаться призвавшего она не может, но Титания была исключительным мастером плетения интриг, и излишняя спешка в предприятиях с ее участием могла закончиться не в пользу самого Аргануса. Ее надо было держать на коротком поводке, лич это прекрасно понимал. – Точку в своем заклинании поставишь тогда, когда я скажу, и не мгновением раньше. Пока что рабыня мне нужна в том состоянии, в котором находится

сейчас.

– Зачем, повелитель? – На мгновение черные бельма Титании стали еще чернее, в них заплясала бездна.

– Мне нужна ее сестра. Если Морена проиграет поединок и не сможет стать королевой Хельхейма, ее место займет Энин и вновь попытает удачу.

– Морена сильна, – прошипел призрак. – Никто не сможет противостоять ее мощи.

– Не торопи события. Морена сильна, но ее сила не безгранична. Мне нужна страховка.

– Но, повелитель...

– Замолкни, – сухо приказал Арганус. – Твоя задача – безоговорочно выполнять мои указания. Но в последнее время ты стала слишком активно обсуждать их. Будь осторожной. Если я хоть на миг усомнюсь в твоей верности, мне не составит труда развоплотить тебя.

Черные бельма Вдовы загорелись тьмой, казалось, еще мгновение – и из них польется матово-черный свет. Но Титания взяла верх над рвущейся агрессией и, покорно склонив голову, поспешила сменить тему разговора:

– Клавдий не стал воплощением Каэля.

– Не стал? – задумчиво протянул лич, но после оскалился в своеобразном подобии улыбки и, откинувшись на спинку кресла, беззлобно продолжил: – А мальчик молодец. Значит, ему хватило-таки сил, чтобы противодействовать магии кинжала.

– Не совсем, повелитель, – прошипел призрак девушки. – Он смог отвести удар от сердца, но избежать самого удара ему не удалось.

– Тем лучше, – одобрительно кивнул лич. Осведомленность Титании его не удивляла: он знал, что черным вдовам ведомы мысли тех, с кем они входили в ментальный контакт. И связь сотрется не скоро, при условии достаточной близости жертвы и относительно небольшой сопротивляемости к магии. – Теперь они повязаны. Каэль добьется своего воскрешения любой ценой, – умозаклучил Арганус, и знающая Титания ничего не смогла противопоставить его логике. – Можно считать, что и вторая часть прорицания исполнилась. Будем надеяться, Морена меня не подведет и завершит третью.

– Но как быть с бессмертным королем? Не думаю, что Балор Дот покинет трон по собственной воле...

– Тебе не надо думать! – прервал Арганус. – Он сделает это, когда придет время... – Лич мысленно улыбнулся. Он подстроит добровольный уход Балор Дота – лишь бы планы не дали сбой.

* * *

Сандро очнулся, когда солнце стояло в зените. Он видел странный сон, очень странный. Он слышал разговор юноши с пожилой женщиной и никак не мог понять, о чем они говорят. О каких-то небывалых пророчествах, о «зле Хельхейма» и о... о «полумертвом, сыне Видящей, первом клочке прорицания»...

Неужели, они говорили о нем? Но его мать не была Видящей, по крайней мере, ее ничто не связывало с храмом Созидательницы, а всем известно, что прорицатели появляются только в его стенах. Возможно, именно благодаря пророкам Храм окутал своими сетями множество городов и стран. Ему удалось выжить и не быть сожженным даже в Хельхейме, где не мирились с какими-либо проявлениями Силы, кроме некромантской. Но... его мать была обычной, самой обычной женщиной, не имеющей с Храмом ничего общего.

Сандро попытался отбросить размышления в сторону. Не стоило забивать голову ерундой – есть более важные дела, чем какие-то там... пророчества. Сандро убеждал себя, что ему приснился сон, всего лишь сон, и ничего более. Сон, который не имеет ничего общего с явью. Но... Сон, сон, сон... он не выходил из головы, как бы Сандро ни пытался, сколь бы ни уверял себя в бесплодности воображения. Немаловажный факт, что ему уже

пять лет не снились сны, лишний раз заставлял задуматься... Сон... а не видение ли? Нет! Нет. Он не имеет ничего общего с Видящими и их видениям, с лживыми пророчествами и глупой верой в Созидательницу. Ни он, ни его мать. Ему приснился сон! Ведь не может быть иначе?

Сандро резко вскочил на ноги, только сейчас опомнившись, что лежит на холодном каменном полу у храма Сераписа. Подобрал с разбитой мозаики посох и быстрым шагом помчался в Бленхейм. Он должен – обязан – разобраться во всем случившемся, и только один человек – дух – способен ему в этом помочь: только Трисмегисту он доверял настолько, чтобы рассказать о своем видении... о своем сне. Трисмегист мудр и сможет открыть Сандро глаза, должен смочь.

Глава 10 Магия друида

Умирая, не забудь сказать жизни, что ее любил. Возможно, она подарит тебе вторую себя.

Трисмегистус

Друг – это одна душа, живущая в двух телах.

Аристотель

Друг – это чужой дух, оживший в моем теле.

Но этот друг – мой враг.

Сандро Гайер

После беспроглядной тьмы винтового туннеля свет лаборатории, льющийся от тысячи свечей, затмил глаза. Сандро, сощурившись, пробежал к рабочему столу и схватил заплечную сумку, в которой лежал старинный фолиант – обитель духа. После гипнотической волшбы над двумя девушками мальчик так и не удосужился выложить книгу. Он открыл ее и наскоро пролистал страницы, повторяя шепотом призывающее заклинание. Трисмегист ответил на призывы мгновенно и, выслушав тревоги, взволновавшие Сандро, гортанно расхохотался:

– Сон? Прорицание? А я что, пророк? – съехидничал Трисмегист. – Или ты думаешь, что я эфрит из лампы, и мне ведомо все вокруг? Я сотни лет не видел мира, не вижу его и сейчас, – ты хотел услышать что-то еще?

– Нет, спасибо за поддержку, – обиженно буркнул Сандро. Он надеялся на помощь, а вместо нее получил издевательский тон и насмешки.

– Не за что, – парировал Трисмегист. Дух был не в духе, как бы глупо это ни звучало.

– Не за что... – согласился мальчик. – Но что мне делать?

– Ты у меня спрашиваешь? – деланно удивленно спросил Трисмегиста. – У тебя всегда столько дел, а ты не можешь придумать, чем заняться?

– Альберт, что случилось? – нахмурил единственную бровь некромант.

– Мы тратим время! – сокрушился дух. – Ты должен создать эликсир, чтобы разорвать связь с Хозяином, должен обучиться магии друидов. Должен покинуть Хельхейм, наконец! А вместо этого у тебя всегда находится время для любовных интриг, для обучения некромантии, но не для того, что тебе насущно необходимо.

– Ты ревнуешь? – Лицо Сандро исказилось в подобии улыбки.

– Ревную? – переспросил Трисмегист. – Нет. Меня удивляет, как ты расставляешь приоритеты: ненавидя темную магию, обучаешься ей; заранее зная, что любовь не будет взаимной, добиваешься руки и сердца Энин; с другой стороны – понимая, что эликсир –

единственный шанс к спасению, действительно игнорируешь необходимость его создания и, наконец, пренебрегаешь магией друидов, осознавая, что она – путь к взрослению и росту. Ты видел себя в зеркале? Ты изуродованный мальчик, которому на вид не дашь больше десяти, хотя тебе уже пятнадцатый год...

– Хватит! – взорвался Сандро. – Ты переходишь все границы! Я запрещаю тебе говорить об этом!

– Запрещаешь? Ты? Недоделанный некромант, который даже увидеть призванного духа не в состоянии, потому что не был за гранью?

– Думаешь, колкости разовьют у меня приязнь к тебе и твоим урокам?

– Ох, какие мы нежные, – расхохотался Трисмегист. – В этом мире всем на тебя наплевать – что рабыням, что хозяину. Только я помогаю тебе, помогаю всем, чем могу, а вместо этого получаю недоверие и упрямство.

– Чего ты от меня хочешь? – обессиленно спросил Сандро. С логикой Трисмегиста уже не хотелось спорить: она была слишком убедительной, и как бы ни хотелось считать иначе, Альберт был прав. Любви от Энин не добиться. Темная магия не вызывает ничего, кроме ненависти и досады. Зато мечта, которую Сандро холил и лелеял пять лет – вырасти и покинуть Хельхейм, – почему-то отошла на второй план.

– А чего хочешь ты? – не замечая изменений в голосе мальчика, продолжал насаждать Трисмегист.

– Обучай меня магии, – твердо ответил Сандро.

Трисмегист не ожидал столь резкого поворота, но, добившись своего, он не собирался отступать:

– Начнем первый урок...

* * *

– Жизнь – это не легкое путешествие, это тяжелая дорога. Жизнь – это не удовольствие, это боль. Только пройдя долгий путь, пройдя испытание болью, ты сможешь по достоинству оценить жизнь, – вливался в сознание Сандро голос друида. – Только так ты сможешь абстрагироваться от зла, выделить в светлой магии правильные отзвуки, прочувствовать ее изнутри. Тебе надо старательно трудиться, чтобы достичь того, к чему стремишься. Ты каждый день должен испытывать себя новыми способностями, прививать своему телу новую магию.

Слушай голос внутри себя, он подскажет, как себя вести, укажет верный путь.

Учись, чувствуй магию, проникай в ее толщу, ходи по ней, словно по тонкому льду, и не бойся окунуться с головой.

Забудь на время то, чему учился, забудь о том, каким был раньше, нарисуй своему воображению новую картину – и светлая магия вдохнет в нее жизнь. Расти, и твое тело подчинится тебе, учись, и эти знания помогут тебе совладать со смертью.

Голос Трисмегиста убаюкивал, он казался теплой периной, которая обволакивает со всех сторон. Веки мальчика утяжелялись. Сандро окутывала магическая сонная дымка. Он старательно вникал, вслушивался в знакомый голос, концентрировался на нем, но с каждым мгновением это становилось все более сложным занятием. Голос друида звучал все дальше и дальше, слова сливались в монотонный непрерывный звук, теряя всякий смысл. Сандро и сам не заметил, как попал в состояние транса, превращаясь в чистую страницу, на которую умелый писарь наносил нужные формы. Трисмегист говорил, не умолкая, обращал долгий урок в быстрое, идеальное знание. Месяц подобных занятий принесет пользу года, а год – десятка лет. Мальчик получит необходимое искусство, и останется разбавить теорию практикой, подкрепить опытом. Главное – чтобы мозг мальчика вынес столь грубое вмешательство, не исказился, не превратил одаренного ученика в глупца. Но у Трисмегиста не было времени для размышлений: пророчество, из-за которого он вернулся, начало

сбываться, и чтобы оно сбылось так, как хочет он сам, надо поторопиться – промедление сродни гибели мира.

* * *

Проснувшись и не найдя в покоях сестры, Энин уже не удивилась. И даже больше – не помчалась ее искать, как сделала бы еще вчера. Сейчас ей было легко и спокойно, она не переживала за Анэт, совсем не волновалась за сестру. Этой ночью Энин изменилась, даже не догадываясь, что произошло это с помощью магии – темной магии, которой Трисмегист обучил Сандро. Магнетизм. Друиды не знали этой магии, но Трисмегист был не простым друидом, да и мог ли он сейчас назвать себя таковым? После того как был личем, после того как стал духом?

Но Энин не знала ни о Трисмегисте, ни о ритуале, который он проделал руками Сандро. Даже о ночном визите не знала – магия стерла эти воспоминания из ее памяти.

Девушка, расположившись в кресле у будуара, взяла дневник Анэт – единственную книгу, которая была под рукой – и принялась читать. Чтобы обучиться грамоте, ей надо много – очень много! – читать, и сегодня она решила полностью посвятить себя обучению.

Тревога проснулась ближе к вечеру, когда дневник был почти прочитан, а мучительные воспоминания сестры, изложенные на пожелтевших страницах, смогли-таки пробудить в безразличии Энин легкие волнение и беспокойство. Энин опомнилась, только когда дочитала сестринские записи. Она вскочила, словно ошпаренная кипятком. «Сестра в опасности!» – мелькнула в ее голове мысль и быстро угасла, не оставив и следа в сознании, словно смытая прибрежной волной. Но спустя мгновение на смену одной думе пришли другие: «Что со мной? Почему я забыла о сестре? Что с ней?». Мысли были вязкими, им приходилось с невероятным трудом пробивать себе дорогу в сознании, словно некая преграда мешала думать об Анэт. Но стоило этой преграде рухнуть, и Энин уже сломя голову мчалась по коридорам замка, без подсказок зная, где искать свою сестру, чувствуя направление сердцем.

* * *

Тихо шептались деревья, им вторили расшумевшиеся травы и кустарники. И лишь серебряный ручей не боялся громогласно петь, окатывая Неметон своим звонким журчанием. Неметон. В отличие от всего увиденного ранее в Хельхейме, в зачарованной роще кипела жизнь. Тут жила каждая травинка, каждое дерево, каждый лепесток был наполнен жизнью. Возможно, именно поэтому Неметон притягивал к себе, словно магнит, возможно, именно поэтому сюда так рвалась Анэт.

Энин нашла сестру у валунов в западной части рощи. Анэт стояла, не шевелясь, и неотрывно смотрела на удивительного вида луну, скрывающуюся за размытыми белокурыми облаками. Энин и сама замерла, увидев столь благолепную картину. Девушка смотрела и думала, что зря переполошилась, зря волновалась, что вся тревога оказалась лишней, никому не нужной. Ей уже перехотелось подходить к сестре, перехотелось ей мешать.

Но, придя, Энин не решилась идти обратно одна. Она подошла к замершей Анэт и аккуратно, чтобы не испугать, дотронулась до ее руки. Анэт, будто пробудившись от глубокого сна, встрепенулась и грубо, мертвой хваткой холодной ладони вцепилась в запястье Энин. После чего резко обернулась и посмотрела на сестру. Энин вздрогнула. В глазах Анэт не было зрачков – они словно закатились, оставляя лишь бельма. Анэт заговорила холодным заgrabным голосом:

– Что ты видишь, сестра? – Энин опешила от этого голоса: он не принадлежал Анэт, это была не она, а ее двойник или магия, иллюзия. Энин не могла сказать ни слова – она потеряла дар речи, лишь увидев едва светящиеся сестринские бельма. – Что ты видишь

вокруг? Цветущие сады? Прекрасные травы? Кристальный ручей? Что ты слышишь? Тихие и мягкие нашептывания деревьев? Звон бегущей воды? Ты думаешь, что попала в прекрасную страну? Очаровательную рощу? Обернись! Обернись, сестра, и ты увидишь истинный Неметон! Обернись! – гортанно приказывала Анэт – Анэт ли? – и Энин не смогла противиться этому приказу, обернулась.

То, что она увидела, поразило ее до глубины души. Вместо привычных могучих дубов стояли загнивающие деревья, широкие и, казалось бы, крепкие, но наполовину издырявленные гниением. Их пышные стройные «дамы» – плакучие ивы – превратились в оголенные ветлы с искривленными стволами. А ручей... Великолепный ручей превратился в черную жижу, которую и водой назвать было сложно. Это был не тот Неметон, который видела Энин. Это было наваждение. Но Анэт считала иначе – с точностью до наоборот.

– Некромант зачаровал тебя, сестра. Он навел на тебя морок, прекрасную иллюзию, скрывающую истинное, гнилое естество этого ужасного места. – Голос сестры стал привычным, из него исчезли те зловещие нотки, которые сперва напугали Энин. Девушка обернулась и, вновь посмотрев на сестру, удивилась: Анэт взволнованно, встревоженно смотрела на нее, и глаза сестры вновь стали прежними. – Ты озадачена, сестра? Ты и меня видела не такой, какая я есть. Все это – отголоски волшбы, волшбы, которую наложил на тебя некромант. Он пытался околдовать и меня. Для чародейства ему нужна кровь – наша с тобой кровь, сестра. Посмотри на мое запястье... – Анэт показала руку, на которой даже при лунном свете был замечен тонкий шрам: – На своем запястье ты увидишь такую же отметину.

Энин тут же посмотрела на свою руку: сестра не врала.

– Но... – Она не знала, чему и кому верить, не догадывалась – что делать дальше?

– Верь мне, сестра, – приказывала Анэт. – Я когда-нибудь врала тебе? Мои слова когда-нибудь заставили тебя усомниться в моей честности?

– Нет, но... – отчаянно не желая верить словам сестры, сопротивлялась Энин, однако с каждым мгновением все больше убеждалась в правоте Анэт. И стоило той упомянуть имя Созидательницы, Энин сломалась, веря той, в чьих устах голос Богини.

– Созидательница открыла мне глаза, уберегла меня от некромантской волшбы. Только благодаря ей я могу рассказать тебе правду, только благодаря Симионе я сама знаю, какие ритуалы проделывал над нами этот детеныш Тьмы. И поверь мне, сестра, они – ужасны.

– Я верю... верю... тебе, – с трудом сдерживая рвущиеся слезы, прошептала Энин.

– Мне нельзя было обрушивать на тебя все эти знания, прости, – как-то искусственно понижая тон голоса, пробормотала Анэт. Энин не выдержала и зарыдала, оплакивая неудачные чувства, неудачные привязанности и пристрастия. – Не волнуйся, сестра. Идем домой, идем в ту комнату, которую уже год мы называем домом...

Взяв рыдающую Энин за руку, Анэт повела сестру вон из Неметона, повела вон от того места, которое ошибочно считала проклятым...

* * *

Сандро пришел в себя и обхватил голову руками. Голова жутко болела, левой висок пульсировал от приступившей крови, правый мертвецки холодил даже мертвую руку. Сандро вздрогнул, пытаясь вспомнить, что с ним случилось, но ему не удалось. Разум потерялся в суматошном хаосе отрывистых мыслей. В сознании всплывали сотни неизвестных заклинаний, десятки разновидностей светлой магии, магии природы и порядка. Но при всем своем желании он не мог извлечь и намек на то, как эти знания угодили в его разум. Они просто присутствовали. Сандро чувствовал сумасшедшую усталость, бесконечное опустошение, словно его насильно заставили запомнить столько, сколько ни один мозг запомнить не мог.

– Ты прошел первый урок, – с неким облегчением заговорил в голове голос

Трисмегиста. Малейший звук вызывал приступ боли, малейший намек на новые знания отторгался памятью.

– Что? Что ты со мной делал? – скрипя зубами от бешеной мигрени, спросил Сандро.

– Учил, – коротко ответил Трисмегист, зная, в каком состоянии находится его подопечный.

– Сейчас ночь? Я ничего не помню.... – сокрушился мальчик, который вырос всего за один урок – или это лишь показалось внешне?

– Ночь, – согласился Трисмегист, в душе удивляясь способности мальчика ориентироваться без солнечного света, но эта способность за пять лет пребывания в подземельной лаборатории стала для Сандро нормой.

– Мне надо встретиться с Энин! – вскочил на ноги некромант. – Мне надо знать, как прошла наша с тобой волшба.

– Потерпи до завтра, – искренне попросил Трисмегист, но мальчик не хотел его слушать:

– Мне надо, Альберт. Прости.

Дух уже ничего не успел сказать, не смог влить в сознание мальчика ни единого слова. Весь разум юного некроманта сконцентрировался на девушке, и даже магия не могла разрушить пелены, связавшей его с Энин.

– И ты меня прости, – раздался в глуши лаборатории едва различимый приглушенный голос...

* * *

Сандро молнией примчался к покоям Энин и остановился, словно истукан, уже занеся руку, чтобы постучать в двери. Двери открылись сами, будто хозяйка уже ожидала гостя.

– Зачем ты пришел? – рысью набросилась на некроманта Энин. Она была настолько разочарована, настолько взбешена, что уже не чувствовала ни рабской покорности, ни страха.

– Я... я хотел тебя увидеть, – опешил Сандро. Он и не предполагал, что о его ночном визите и проведенном ритуале стало известно.

– Зачем ты это сделал? – указывая на узкий, едва различимый шрам от тонкого пореза, разгоряченно спросила Энин. Сандро не нашел ничего лучшего, как ответить правдой:

– Я боялся, что Анэт расскажет тебе о Неметоне...

– Правду? Ты боялся правды? Так знай: твои фокусы не подействовали на меня. Я все помню, помню, как ты приходил ночью, помню, как зачаровывал меня. И Анэт.

– Что она тебе наговорила?

– Правду, Сандро. Она открыла мне всю правду! А ведь я почти поверила тебе, поверила, что ты хороший! Но я должна была слушаться свою сестру: она всегда говорила, что некромантам нет веры. И она оказалась права. Как жаль, что я не послушала ее раньше, я смогла бы уберечь и ее, и себя от твоей магии.

– Это не так...

– А как? Ты не заколдовывал меня?

– Заколдовывал, но...

– Ты не заколдовывал Анэт? – Энин не давала сказать Сандро ни слова.

– Заколдовывал, но ты все не так...

– И Неметон выглядит так, как ты мне показывал?

– Да, – коротко ответил мальчик, и Энин на секунду заколебалась, услышав не тот ответ, на который рассчитывала.

– Ты лжешь, – с горечью в голосе произнесла она и почувствовала, как в одно мгновение симпатия, граничившая с любовью, превращается в ненависть. В душе Энин презирала это изменение, но ничего не могла с собой поделать. – Я не хочу больше слушать

твою ложь. Прошу: уходи, уходи и не возвращайся. Если ты вернешься, я наложу на себя руки. Если понадобится, я задушу сама себя, но больше не стану подчиняться твоей волшбе...

– Я не заколдовывал твоих чувств! – попытался обратить неизбежное Сандро, но для этого было уже слишком поздно.

– Иди, – умоляя, потребовала Энин. – Я не хочу тебя больше видеть...

Сандро стоял, не в силах пошевелиться.

– Иди! Да иди же ты, наконец! – взорвалась Энин, и юный некромант не нашел ничего лучшего, как удалиться. Он не знал, что если бы остался, то история его жизни, история его любви обернулась бы иначе. Девушка не смогла бы сопротивляться своим эмоциям, своим чувствам – она бы простила. Но когда не стало рядом мальчика, Энин забыла о нем, выкинула из головы, как самое ужасное и злое, что с ней когда-либо происходило. Она прокляла то чувство, которое зарождалось в ее сердце, прокляла того, к кому это чувство было обращено. Проклятая любовь...

Глава 11 Час Безумия

Отступниками их звали, ренегатами. Но и по сей час неведомо, были ли они таковыми, отринули ли законы истинные? Известно одно – обладали они неправильной, неизвестной доселе магией. Могущество их витиеватой волибы потрясло само Мироздание, но со смертью Трисмегистуса, чаровника Великого Трижды, умерло и его знание.

На века осталась магнетическая магия непознанной.

«Слово Лазаря»

Густой мрак пожрал небольшую комнату, которая по размерам мало чем отличалась от кельи, но властвовала Тьма недолго. Порыв ветра заколыхал старые тяжелые занавески, открывая изъеденные молью дыры, в которые тут же заглянула любопытная одноглазая луна. Луна осветила холодными бледными лучами иссиня-черный, словно перо ворона, силуэт.

Он, свернувшись клубком, валялся на полу среди старых трухлявых книг. Его нечеловечески изогнутые пальцы впились в почерневшие, покрытые слоем столетней пыли напольные плиты. Обезумевший от боли, он исцарапал известняк до кривых белых линий, тонкие бороздки которых медленно заполняла густая темно-багряная, словно гнилая вишня, кровь.

Тело сковал приступ боли. Клавдий судорожно напряг мышцы и вновь заскрежетал ногтями о рустику пола. Он хотел закрыть рот, чтобы не издать ни звука, но тризм, сковавший челюсть, не дал ему сделать это. Вампир приглушенно застонал, но вскоре сорвался на крик, сильнее вцепился в каменную кладку, словно тонущий за спасительную тростинку. И как тростинка не выдерживает веса утопающего, так и тонкие пальцы вампира, не выдержав, с хрустом переломались от напряжения. С диким скрежетом, сменившимся тонким клацаньем и нечеловеческим криком, раздробились ногти, впились острыми осколками в плоть. Брызнула кровь, залила собой черный камень, освежая старые кровавые подтеки. Переломанные пальцы заоченели в невообразимой, неправдоподобной позе. От озноба и напряжения Клавдия мелко затрясло, он мысленно выругался – настолько искусно, насколько только мог. И все проклятия изливались на надрывно ноющий укол под сердцем, который вампир по праву считал средоточием всех несчастий и источником всех бед. Рана уже затянулась, не оставив после себя и шрама, но Высший прекрасно знал: что цело снаружи, не всегда цело изнутри. Он винил себя за совершенную глупость, проклинал того, кому обязан своей «болезнью».

– Тебе надо поспешить, – гулками ударами, бьющими в барабанные перепонки звоном

колоколов, ворвался в сознание знакомый голос. Каэль явился, словно почуяв, о ком думает Батури. – Я слишком долго пребывал в забвении. Воскреси меня, Клавдий, и мы вместе будем править над родом вампиров, вместе приведем его к изобилию.

– Хорошо... хорошо... только избавь меня от этой боли! – взмолился Батури. – Я сделаю все ради рода, и ты это знаешь!..

– Знаю, – звучал в голове голос Каэля. – Но боль неминуема. Терпи. Терпеть осталось недолго.

Перворожденный не соврал. Боль быстро отступала, возвращая телу мягкое, словно касание облачных кудряшек, спокойствие. Клавдий расслабился. Его губы изогнулись в бешеной довольной улыбке. Боль ушла – ее больше не было, было лишь сумасшедшее счастье. Вампир расхохотался, словно умалишенный, едва почувствовав контроль над собственным телом, но смех длился недолго. Приступ истерии прервал новый голос, вклинившийся в сознание – голос наставника:

– Батури, я жду тебя в своем кабинете. Поторопись.

Клавдий все еще улыбался, но теперь измученно – предвкушая разговор с Арганусом. Он не верил, что с личем состоится дружеская беседа, и уже сейчас ожидал худшего. С бешеным трудом вампир встал на ослабевшие ноги и, качаясь, вышел из своей комнаты.

Война за воскрешение Перворожденного началась. Клавдий не знал, чем она закончится и принесет ли успех, но уже сейчас готов был идти до конца.

Превозмогая боль, Клавдий вошел в кабинет учителя, гордо выпрямив спину и надменно чеканя шаги. Он прятал изломанные пальцы за полый плаща, но капель крови на одежде он спрятать не мог. Арганус сразу заметил в вампире изменения, сразу заметил неуверенный усталый взгляд, мастерски скрытый за мнимым хладнокровием.

– Ты выкрал прах Каэля, – сходу начал Арганус.

Клавдий, почувствовав холодок, пробежавший меж лопаток, ссутулился, словно забитая дворняга, но с величием вельможи сел в кресло напротив некроманта.

– Откуда такое заблуждение? – деланно изумился вампир.

– Не играй со мной в дурные игры, – равнодушно выговорил лич. – Ты знаешь, где сейчас покоятся те, кто пытался меня переиграть. И если тебе дорога жизнь, ты не будешь отрицать известных мне фактов.

Клавдий, забыв о сломанных фалангах, впился в поручни кресла – его лицо искривилось от боли.

– Я все равно воскрешу Каэля, даже если погибну сам.

– Воскресишь, – одобрил Арганус. – И сделаешь это не позднее чем через два дня.

Клавдий немало удивился. Он совсем иного ожидал от разговора.

– С чего такая уверенность?

– Это не уверенность – это приказ. Подведешь меня, не успеешь в сроки – подпишешь свой смертный приговор.

– Слушаюсь. – Батури улыбнулся, обнажая нечеловечески мелкие резцы зубов и два острых, как нож, клыка. – Я могу идти?

Арганус не ответил, лишь повернул голову по направлению к окну. Недолго думая, Клавдий выпорхнул в ночь, уже зная, куда отправиться.

* * *

– Почему ты не приказал ему воскресить Каэля сразу? Зачем придумывал эту идею с похищением? – донесся из ниоткуда голос Черной Вдовы, стоило вампиру покинуть комнату.

– Твоя тупость меня удивляет, – усмехнулся Арганус. Он не считал необходимым давать трактовку своим действиям, но решил сделать исключение и объяснить призванной, почему поступил именно так, как поступил: – Если бы Клавдий принял удар в сердце, то

Каэль, воплотившись в Батури, стал бы моим рабом. При воскрешении ритуалом я не получу контроля над Первородженными. Он станет новым игроком, с которым, хочешь – не хочешь, но считаться придется.

Каэль достаточно могуч, чтобы не быть моей марионеткой. Он может нарушить мои планы. Правда, сейчас у меня не осталось выбора. Через три дня состоится поединок Морены за трон Хельхейма. Если она победит раньше, чем «оживет дважды мертвый», – вспомнил слова пророчества Арганус, – то последовательность будет нарушена. Этого я позволить не могу. У Клавдия два дня, чтобы совершить ритуал. А теперь иди и проследи, чтобы он не опоздал.

– Но...

– Иди! – повысил голос Арганус, повторяя приказ, и Черная Вдова поспешила исполнить волю призвавшего – неосязаемым облаком выпорхнула в окно.

* * *

Боковым зрением он заметил, как в портале окна мелькнула тень. Когда он обернулся, ничего не увидел. Несколько мгновений он упрямо изучал темноту за окном, но, ничего этим не добившись, вернулся к чтению книги. Тень молнией пронеслась с другого бока. Он резко повернул голову и изучающе пробежал взглядом по стене, перетянутой цветастой, вышитой золотыми нитями драпировке. Комната была пуста. Тут негде было спрятаться. Грубые стены были скрыты за разноцветными пестрыми тканями и коврами, даже двери и окно терялись в серебряной паутине ленточек. Читальная зала представляла собой неправдоподобно яркую, переливающуюся сотнями пестрящих цветов коробку, но из-за отсутствия какой-либо мебели – пустую коробку, в которой не останется незамеченной даже мышь.

Лазарь напряг зрение, тщетно пытаясь разглядеть тень, которая недавно скользнула в окно, но это не дало ровным счетом ничего. В комнате, кроме него самого, никого не было. Если бы он присмотрелся к темной точке, которая прилипла к драпри, то смог бы распознать в ней летучую мышь, даже больше – нетопыря: достаточные знания помогли бы Лазарю отличить вампира от обычного кожана. Но ничего, кроме переливающихся на свету одинокой свечи ковров, он не заметил и вернулся к чтению.

Тень словно этого и ждала – пронеслась за спиной. На этот раз магик различил в полной тишине хлопанье крыльев и, почувствовав раздражение и страх, вскочил на ноги, опрокидывая при резком движении резное кресло.

– Кто здесь?! – угрожающе прорычал магик, перерожденный в лича. Единственный из немногих магов, воскрешенных эликсиром бессмертия, который так и не сумел открыть в себе талантов к темной силе.

Он остался тем же целителем, которым был и до трансформации, а в армии нежити исцелять было некого, и посему Лазарь стал архивариусом Академии – учебного заведения для молодых адептов, которых уже несколько веков не набирали. Лазарь стал никем и ничем и жил с осознанием этого столетие за столетием. Зато псевдонекромант был единственным, кто мог похвастаться абсолютным знанием как в истории, так и в магической науке, которую, правда, не умел применять на практике.

– Не шуми, Лазарь, разбудишь тишину, – донесся голос из-за спины.

Магик резко развернулся, но опять не нашел никого.

– Кто ты?! – срываясь на крик, спросил он.

– Я твоя тень, я призрак, который пришел за тобой, чтобы обречь на вечные муки... – ответил нахальный заувывный голос.

– Бред, бред сумасшедшего, – скосил челюсть Лазарь, что, скорее всего, означало улыбку. – Призраков, питающихся бессмертными, нет.

Клавдию надоело развлекаться. Лич-целитель был слишком скучной мышью, чтобы

ловкому коту тратить на игры с нею драгоценное время. Нетопырь, слившийся с тканью словно хамелеон, легко сорвался с драпри и молнией пересек комнату, в мгновение ока превращаясь в вампира. Клавдий вытащил крис и воткнул его в челюсть магика. Искривленное лезвие прошло пустой череп и остановилось у горящего красным глаза.

– Доброй ночи, Лазарь. Я пришел к тебе с приветом от Аргануса и принес Смерть Каэля, так что будь осторожным в движениях – неловкость может стоить тебе жизни.

– Убери, – взмолился магик, – убери крис! Я расскажу все! Но с клинком во рту сложно говорить...

– Лазарь, неужели ты думаешь, что я настолько наивен, чтобы не знать, как разговаривают личи? – с едкой улыбкой на лице ехидно спросил Клавдий и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ты давно лишился языка, а твоя челюсть не способна издать ни звука. Магия – вот ваша речь, и кинжал к голове не мешает твоему говору. – Вампир посерьезнел и добавил холодным, как лед, голосом: – Отвечай на вопрос.

– Арганус. Во всем виноват Арганус! – взорвался Лазарь. – Это он подговорил меня не разрывать связи между ним и Мореной. Он обещал мне власть, обещал разорвать «купол», я не мог ему отказать, у него были юбер-орбы Трисмегиста!

– Спасибо за занятную информацию. Я не собирался расспрашивать тебя ни о Морене, ни о каких-то там «юберорбах» – меня интересовала Изумрудная скрижаль, но теперь ты расскажешь обо всем.

– С чего начать? – Проклинаю излишнюю болтливость, обронил Лазарь.

– Начинай по порядку, – пожал плечами Клавдий. – И не упускай мелочей, ты сам прекрасно знаешь, что в них скрыта истина.

– Существует прорицание, – начал издавека архивариус, но только так он мог удовлетворить просьбу вампира и рассказать все по порядку. – Ее текст звучит...

– Не забивай мне мозг всякой ерундой! – пригрозил Клавдий. Его руки дрожали, но он тщетно пытался скрыть это от Лазаря. Целитель из раза в раз чувствовал прикосновения серебряного лезвия изнутри собственного черепа. Магик видел слабость оппонента, видел, что его пальцы переломлены, и быстрая регенерация, которой славились вампиры, только-только начала заживать раны. Он бы предложил свою помощь, но исцелять раны мертвых не входило в список его скудных умений. – Меня интересует в первую очередь Изумрудная скрижаль, обо всем ином поговорим позже.

– С канонической скрижалю все предельно просто: только Хранитель способен прикоснуться к ней, не рискуя быть превращенным в пепел Всевидящими, которые стерегут покои Спящих, – не совсем ясно объяснился Лазарь, но многое из сказанного было Клавдию известно. Спящими числились вампиры, ушедшие в «долгую прогулку», Всевидящими называли призраков-стражей, обитающих в Зеркальном Замке, издавна считавшемся домом каждого вампира. Но о Хранителе Батури слышал впервые.

– Имя Хранителя, – нервно спросил Высший. Рука дрогнула, едва не перерезая нить ложной жизни лича.

– Аскольд де Гиро! – вскрикнул Лазарь, почувствовав очередное скрежетание смертоносного серебра внутри черепа. – Убери крис, ты слаб!

– Слаб, – согласился Батури, – поэтому советую тебе быть кратким и не отвлекаться. Скрижаль находится у Аскольда?

– О боги! Почему судьба связывает меня с недоучками и тупицами?! – взорвался архивариус. – Ты вампир и должен знать о своем роде больше моего, ты Хроники-то читал?

– Говори по сути, – приказал Клавдий, после чего напомнил: – Долгие тирады укорачивают твою жизнь...

– Скрижаль находится в Комнате Спящих, но путь туда закрыт для любого, кроме Хранителя и Посвященных, но последними могут стать только отмеченные дланью Каэля, а таковых уже нет и, как ты понимаешь, уже не может быть. Всем остальным путь преградят Всевидящие.

– В чем тогда суть Хранителя?

– Только он способен собрать скрижаль и прочесть текст, – поспешил ответить Лазарь.

– С Изумрудной скрижалю все ясно. – Клавдий понял, что о ритуале больше ничего не узнает, и поспешно перевел беседу-допрос в другое русло: – Ты говорил о прорицании и остановился на его тексте, продолжай.

Лазарь блеснул глазами. Разговор явно затягивался. Из-за слабости оппонент не способен долго держать изогнутый эфес, а его неловкость может плохо кончиться для архивариуса. Но выбора не было. Лазарь проклял свою тягу к знаниям и возненавидел библиотеку Академии, которая ежедневно пополнялась книгами и записями. Он проклял все на свете, но заговорил быстро, не теряя при этом чеканного голоса ликтора⁴.

– Пророчество молодое, прозвучало всего пять лет назад. Его слышал только Арганус и по сей день держит в секрете, но он приходил ко мне за советом и разъяснениями, поэтому мне известен текст. И повествует он следующее:

«Когда воскреснет живой и оживет дважды мертвый, когда рабыня станет королевой, а бессмертный король добровольно оставит свой трон, тогда и только тогда власть над самим собой станет для раба властью над миром».

Батури несколько раз прокрутил в голове услышанное прорицание, сопоставляя все известные ему факты

– Итак, Арганус решил завладеть миром... – задумчиво произнес Клавдий. – Занятно, конечно, но прорицание слишком размыто, чтобы быть растолкованным однозначно.

– И тем не менее, нам с Арганусом удалось его растолковать.

– Конкретнее, – нервничал вампир. – Время – роскошь.

– Арганус воскресил мальчика еще до его смерти – думаю, ты слышал о его новом ученике?

– Слышал, но видеться не доводилось.

– Ничего примечательного ты и не увидишь: ни талантов, ни достаточного развития в магии. Но свою задачу он выполнил – послужил первым штрихом в исполнении пророчества. Вторым куском мозаики должен был быть ты, но судя по тому, что ты здесь, Каэль мертв, как и раньше.

– То есть Каэль – дважды мертвый, который должен ожить? А Морена, поединок которой пройдет через три дня – рабыня, которой суждено стать королевой... – сопоставлял новые знания Клавдий. – Но почему Арганус настолько уверен в победе Морены? Она слаба и неопытна, он всего год назад обратил ее в лича, и у нее нет ни сил, ни опыта...

– Но у нее есть юбер-орбы, – вставил Лазарь и вновь проклял себя за болтливость. Длительное отсутствие общения накладывало свой след даже на нелюдимого изгоя, которым целитель был еще задолго до трансформации, а после нее – да еще с учетом ненужности его талантов – тем паче.

– И что это? – перекладывая крис из одной руки в другую, спросил Клавдий. Его движение оказалось несколько неловким. Кончик лезвия лишь едва коснулся красной зеницы Лазаря, но даже этого тонкого, словно укол иглой, касания было достаточно, чтобы прервать вечную жизнь лича. Красное око, которое было не просто глазом, но магическим сгустком, дающим жизнь после смерти, сохраняющим память и способность мыслить, угасло. Вся магия некромантов пасовала перед Смертью Каэля – клинком, в свойствах которого числилась способность блокировать любую, даже самую сложную и изощренную волшбу.

Лазарь не успел издать ни звука. Его костяшки, сокрытые за широкой многослойной мантией, осыпались на пестрый ковер, в одно мгновения превращаясь в прах. Лишь нанизанный на искривленное лезвие череп не превратился в пыль. Он смотрел пустыми глазницами с беспредельной тоской и немым укором, но целитель и сам давно мечтал о смерти.

– Прости, Лазарь, рука дрогнула, – искоса улыбнулся Клавдий.

Он узнал все, что хотел, и даже больше. А смерть архивариуса была неизбежна уже

тогда, когда в окно читальни впорхнул нетопырь. Другое дело, что у Лазаря можно было вызнать гораздо больше, но теперь это не важно: необходимые знания для проведения ритуала получены, хотя сама необходимость в воскрешении Первовампира оказалась под вопросом. Пророчества – глупость, Клавдий считал так всегда, всегда считать и будет. Но архивариус Лазарь мнил туманные фразы прорицания истиной, что не могло не повлиять на решение Клавдия. Батури не знал, стоит ли воскрешать Каэля, по крайней мере в отведенные на это сроки, но вампир сомневался недолго. У него есть время, и как бы он ни решил в последний момент, сейчас ему надо спешить.

Клавдий стряхнул с клинка пустой череп и, пройдя к столу, поднял перевернутое кресло, после чего уселся в него. Ночь длинна, однако не бесконечна. Завтра должен состояться Совет, но для этого загодя надо предупредить всех его участников. Батури обхватил голову руками и сосредоточился. До рассвета у него есть занятие, а успеть надо до первых лучей, чтобы перекочевать на дневку в укромное место, укрытое от солнечного света. Таких мест в скалистом Визхайме, небольшой области, в которой располагалась заброшенная Академия, было достаточно. За спокойный сон Клавдий не переживал. Не беспокоила его и лишняя смерть на своих руках: он собирался отправить в том же направлении не одного некроманта, – но всему свое время...

* * *

Иссиня-черное небо, изрешеченное огоньками звезд, быстро синело, поддаваясь легким, пока еще слабым лучам набухающего на горизонте лилово-алого солнца.

Вскоре земля выплонула из своего чрева светило, и его могучий свет оживил мир после долгого сна. Но ярче слабого утреннего солнца полыхала библиотека Академии, скрывая в своих останках вековые знания и вековой прах бессменного ученого-архивариуса. Зато черная точка, недавно выпорхнувшая из окна читальни, спокойно почивала в широком, словно разинутая пасть, гроте. Достаточно глубоко, чтобы туда не попадали лучи солнца, и достаточно сухом, чтобы после дневки суставы не ломило от сырости. Но холод, противный и надоедливый холод не давал Батури покоя. Казалось, его морозило изнутри, но Клавдий не знал, какой должна быть реакция после укола Смерти Каэля, поэтому старательно не обращал на озноб внимания. Все его мысли сейчас были обращены к другому – к грядущим переменам, которые должны произойти этой ночью. День пройдет быстро. Сон вытеснит лишнее время, придаст сил и залечит раны, а сумерки принесут новые хлопоты, но хлопоты приятные.

Клавдий закрыл глаза и открыл их лишь на закате.

Глава 12 Час Свершений

1. Истинно – без всякой лжи, достоверно и в высшей степени истинно.

2. То, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи.

3. И так все вещи произошли от Одного посредством Единого: так все вещи произошли от этой одной сущности через приспособление.

4. Отец ее есть Солнце, мать ее есть Луна. (5). Ветер ее в своем чреве носил. (6). Кормилица ее есть Земля.

5 (7). Сущность сия есть отец всяческого совершенства во всей Вселенной.

6 (8). Сила ее остается цельной, когда она превращается в землю...

Trismegistus. «Tabula Smaragdina»

Батури открыл глаза. Этот день он спал сидя на полу и прислонившись к стене. Сановники храма Симионы и церковники Эстера издавна и в один голос твердили, что человек, спящий лежа, совокупляется с Неназываемым – либо Повелителем Мух, либо Саранчи, как кому угодно, – ибо во время сна людские души отделяются от тел и парят вдали от хозяев. А с пробуждением человек, лишаясь «божественного дуновения»⁵, становится слугой Одноглазого. Чтобы такого не произошло, симионцы и эстеры навязывали что королям, что простолюдинам – сон полусидя, а то и стоя, дабы спасти грешников от лап Неназываемого. Клавдий, как и любой из рода вампиров, был бездушным, но Арганус, издеваясь, заставлял его несколько десятков лет ученичества дневать в небольшой кровати с приподнятой на манер кресла спинкой. Ученик проклинал учителя за неудобства, но безропотно выполнял приказы, не имея права ослушаться. Позже стеснения стали привычкой, от которой Батури так и не смог избавиться, а теперь и вовсе не хотел. Он привык спать сидя, стоя, вися головой вниз, только не лежа. И в любом положении он хорошо высыпался, но не сегодня.

Тело ныло и болело. Острые, как иглы, камни шероховатых стен впились в спину, норовя исколоть ее до крови. Холод, мерзкий и ненасытный, как самый обжорливый из всех чревоугодников, облюбовал вампира, словно вкуснейшее из лакомств, и пожирал изнутри. Клавдий укутался бы в плащ или наколдовал согревающее заклинание – как пироманту ему не составило бы это труда, но все эти манипуляции заранее были обречены на неудачу. Холодила рана под сердцем, и вампир не верил, что совладеет с ней при помощи магии, и уж тем более при помощи теплых одежд. Клавдий попытался забыть об ознобе и на мгновение укрылся от него за отрешенной задумчивостью. Пустым взглядом светло-голубых, мутных, словно замерзшее озеро, глаз он уставился на выход из грота.

Солнце скрылось из виду за стенами пещеры, но по сгущающимся сумеркам несложно было догадаться, что время клонится к закату.

Батури отвел взгляд. Кривые тени, словно черные души умерших, бегали у его ног, плясали в зазывающем танце. И чем ниже опускалось невидимое солнце, тем быстрее и завораживающе сновали мрачные силуэты, отбрасываемые бесчисленными валунами и грубыми стенами. Но стоило сумеркам набрать силу – и дикий танец задохнулся, тени исчезли, слились с окружившей серостью в однотонную массу.

Время пришло. Час Свершений был близок, как никогда.

Встав и размяв отекавшие за время дневки мышцы, Батури обернулся в нетопыря и выпорхнул из грота. До Зеркального Замка далеко, но близилась зима, и ночи становились с каждым разом все длиннее, – не останавливаясь, он успеет к полуночи.

* * *

На место встречи у широких створок, магически запечатавших вход в Зеркальный Замок, Клавдий подоспел последним. Все Высшие были уже в сборе, но молча ждали виновника, по жалкой прихоти которого им пришлось, позабыв про все дела, прийти на Малый Совет.

– Мы ждали тебя. Ты нас сюда приволок, но сам нагло опаздываешь, – надменно, всем своим видом показывая, что едва сдерживает гнев, обронил жирный, как лосось во время нереста, и широкий, словно пивной бочонок, Толбиак.

– У тебя будет время выговориться, а сейчас – заткни пасть, – посоветовал Клавдий и, не дав времени для ответного выпада, продолжил: – Господа, откроем же вход в Запретный Замок.

Толбиак хотел вставить какую-нибудь колкость, но он медленно соображал, и время, когда порыв уместен, уже минуло. Ничего не оставалось, как промолчать. Тем более что никто из Высших не хотел задерживаться на Совете, поэтому вампиры без промедлений приложили руки к остановившимся сердцам и прочли заклинание:

– Мы дети Твои, Твоя кровь – чужая плоть. Мы, вкусившие Твою душу и отдавшие Тебе свои, закликаем: открой нам двери Хельб.

Створки медленно разошлись, открывая черный туманный проход. Вампиры, несмотря на немалую ширину воротного портала, заходили в разинутую пасть по одному, выстраиваясь в длинную череду. Клавдий зашел последним, и створки, тихо клацнув, закрылись за его спиной.

* * *

Воспоминания накатились внезапно.

Голодный Мор. Низшие вампиры, когда-то владевшие людским скотом, питавшиеся его жизненными соками, уже давно не получали еды. Запрет Балор Дота лишил их пищи, обрек на голодную гибель. Не выдержав пыток, сотни кожанов взметнулись к небесам. Изнеможденные и изголодавшие, они рвали от усилий свои перепончатые крылья, падали и разбивались, но уцелевшие все же летели в деревни, чтобы насытиться людской кровью. Они нарушили приказ и выпили людские жизни, за что поплатились своими.

Некроманты жестоко покарали за непокорность. Орудием возмездия стали Высшие, которые исполнили нещадную для собственных братьев волю короля Хельхейма. Карателем, возглавившим манипулу⁷ братоубийц, стал Клавдий Батури, и с этим именем на устах, проклиная и ненавидя его, умирали вампиры, а вместе с ними и некогда многочисленная раса.

Клавдий и сам проклинал свою роль в интригах некромантов. Но у него не было иного выбора: если бы отказался он, приговор исполнил бы кто-то другой, а отказавшийся пополнил бы ряды убитых. Осознание этого ничуть не помогало. Батури винил себя, себя и только себя, словно сам заставлял младших нападать на людей, словно сам запрещал им пить кровь. Как бы ни было раньше, сегодня все изменится, род вернет себе право на полноценное существование. Клавдий вернет ему это право!

Батури, отбросив воспоминания обратно в прошлое, забыв до поры о планах и надеждах, вернулся в реальность. Он шел вдоль Комнаты Зеркал, замыкая череду Высших, которые сегодня, желая или нет, станут теми, кто приблизит золотой век вампиров – кровавый век.

Батури резко обернулся. Бледное лицо смотрело в пустые отражения, наблюдая за Бессмертными. Клавдий замедлил шаг, отдаляясь от собратьев. Прошептал тайное заклинание, поведенное ему Арганусом, и лицо наблюдателя исказилось, поникло, всевидящие глаза закатились, утрачивая зрение. Страж Отражений лишился сил, переставая быть смертельной угрозой. С грустью и в то же время с радостью Батури посмотрел в спины соплеменникам. Глубоко вздохнул и ускорил шаг. Уже ничто не помешает его планам исполниться.

Комната Отражений резко оборвалась, сменилась широким каменным туннелем. Узкие проходы пронзили центральный коридор в сотне мест, изрезали дырами дверей толстые стены. Комнаты Спящих. Тут погружались в летаргический сон Высшие, уходили в «долгую дорогу», чтобы набираться сил для новой жизни, новых свершений.

Молчаливая, как сама смерть, шеренга вампиров миновала лежбища и вышла в широкую залу с высоким сводом. Изогнутые витиеватые колонны, прижимаясь к стенам, взметнулись ввысь, соединяясь в центре купола в эллипсоидную, походившую на кокон, лепку, из которой выросла широкая люстра с тысячами негаснущих свечей. Мерный свет играл бликами на разукрашенных фресками стенах. Настенная живопись хранила на себе

эпизоды из жизни Перворожденного Каэля, великого мага, погибшего в Последней войне, но ни одна картина, посвященная его смерти, не нашла отражения в Комнате Совета, даря Каэлю вечную жизнь в памяти потомков.

В центре залы разместился длинный стол с тринадцатью креслами из красного дерева. Клавдий сел на место Главы Совета, таковым не являясь. Его кресло можно было смело назвать тронem. У него была более высокая спинка, инкрустированная мутно-красными рубинами и аметистами, расписанная руническими письменами, вышитыми золотыми нитями на багряно-красном бархате.

Совет начался. Но начался не с привычного приветствия Старшего...

– Как ты посмел занять место, которое тебе не принадлежит? – Молнии, бьющие из бешеных глаз Толбиака, рисковали воплотиться в реальные.

– Я призвал вас всех и, как виновник Совета, занял трон повествующего. Если тебе, Толбиак, не известны законы Зеркального Замка, то прошу, граф, не выказывай всеобщно своего незнания, иначе советники усомнятся в том, что ты достоин занимаемого поста, – нарочито важно, не скрывая презрительных ноток в голосе, осведомил Клавдий. Выдержав короткую, как клинок ножа, паузу, Батури продолжил, но на удивление благозвучным и учтивым голосом: – Приветствую собравшихся! – Клавдий опустил голову в традиционном полупоклоне, Высшие ответили тем же. – Сегодня я хочу обсудить с вами дальнейшую судьбу рода. Сотни лет некроманты пользовались нашей помощью, использовали нас в своих целях, а взамен мы получили бесславие и унижение. наших младших братьев лишили пищи, побудили на неверный шаг, за который они понесли неоправданно суровое наказание...

– Не ты ли их наказывал?! – срываясь с кресла, выкрикнул Толбиак. – Ты безропотная пешка некромантов, которую они поставили на великий пост, чтобы мутить воду в Совете!

– Сядь, – приказал Клавдий, – или я заставлю тебя сделать это.

Толбиак был в ярости. Он ненавидел Батури лютой ненавистью – и знал, что это чувство взаимно. Но он не на базарной площади, а в Зале Советов, чтить законы которого обязан каждый вампир. Толбиак опустилсЯ в кресло, но далось ему это с великим трудом.

– Если еще хоть кто-то посмеет меня прервать, он сильно об этом пожалеет. У меня слишком важная миссия, чтобы терять время на идиотов, – властно оповестил Клавдий, нащупывая под одеждами эфес клинка. Накал в Зале Совета и напряжение в воздухе были настолько отчетливыми и крепкими, что в них легко мог утонуть и лучший из пловцов. Но, к счастью, советники не проронили ни слова, ни полслова. Клавдий не медля заговорил, не рискуя и дальше испытывать удачу: ведь она, как и любая женщина, непостоянна.

– Итак, продолжим. Наши братья понесли суровое наказание, и виноваты в этом не те, кто напал на живых, и не те, кто наказал их за это. Виновен тот, кто своими законами поставил расу вампиров на грань вымирания, кто ценит людей выше, чем своих союзников. Его имя – Балор Дот. И мы отомстим ему за коварство!

Клавдий замолчал, давая понять, что настал черед Советников.

– Ты сошел с ума, – спокойно сказал Стригои, древнейших из ныне живущих вампиров. Несмотря на полуторатысячелетний возраст, его идеально красивому молодому лицу и гордой прямой осанке многие могли бы позавидовать. И при жизни Стригои был обворожителен, с обращением же в демоническое создание его красота стала безграничной. – История повторится. Некроманты вышлют новые войска карателей, и на этот раз род окончательно прекратит свое существование.

– Я согласен с Советником, – поддержал Регин. – Нас осталось мало, не больше четырех десятков, треть собралась в этой зале, остальные в спячке. Идея провальная: некроманты сметут нас одним махом, а партизанская война не даст результата. Лично я отказываюсь лишаться всех привилегий ради нелепой авантюры.

Клавдий молчал. Он ждал, пока выговорятся пешки, чтобы позже ввести в игру основные фигуры и подчинить себе ход партии.

– Даже если мы нападem на людей и поголовно обратим в Низших, мы не выиграем войны, – высказалась Делира, единственная вампиресса в Совете. Обращена она была в

старческом возрасте, поэтому представляла собой согбенную старуху. Единственное, что у нее идеально сохранилось, так это белые, как мел, мелкие нечеловеческие зубы и нечеловеческие же клыки.

– У Балор Дота нет над нами магической власти, но он позаботился о том, чтобы ослабить нас, заставить сидеть тише воды, ниже травы. У нас нет шансов на победу, – «обнадежил» Райоль.

– Хватит! – приказал Клавдий. – Я не собирал бы вас здесь, если б у меня не было стоящего предложения. У нас есть союзник среди некромантов, который соберет под своим началом Северную армию и начнет войну. Но перед этим мы должны доказать свою лояльность. – Батури вновь замолчал. Он не спешил: у него еще было время.

– Сменить одного диктатора на другого?! – нагло ухмыльнулся Толбиак. – Какой в этом смысл? Или ты надеешься, что новый деспот окажется лучше прежнего? Пожертвует нам людишек? Для некромантов живые – источник пополнения армии, они никому не отдадут его.

– Нам выделяют провинцию в Стигии. Мы получим право устанавливать людской налог, растить живых и набирать достойнейших из них для обращения, – слегка мечтательно проговорил Клавдий, уже предвкушая, как вампирская раса медленно, но уверенно набирает мощь, крепнет, растет крупнее за крупнее. Но на этом пути стояло много преград: Балор Дот, который по всем планам Аргануса должен самолично покинуть трон, сам Арганус, не желавший делить с кем бы то ни было власть, Каэль, которого еще предстоит воскресить, но изначально – Малый Орден, обязанный признать Батури своим Главой. Клавдий верил в будущее своей расы, верил, что сможет восстановить ее былое величие и...

– Идиотизм, – буркнул Толбиак, разрушая мечтательную пелену, в которую погрузился Клавдий. – Некроманты слишком жадные, чтобы разбрасываться своими владениями.

– Идиотизм? – скривил ехидную улыбку Клавдий. – Ты думаешь, что я настолько глуп, чтобы поверить некроманту на слово? Я сам вырву то, что причитается мне по праву, хочет того союзник или нет! Или ты, Толбиак, зажрался настолько, что твой мозг способен переваривать только кровь, но не мысли? Тебе следует сидеть тихо, чтобы я не выпустил твой лишний жир... – Клавдий замолчал, чувствуя, что закипает. Сейчас он без одного шага Глава Совета, а Главе нельзя терять контроля над собой.

– Как зовут некроманта? – прерывая застоявшуюся тишину, спросил Стригой.

– Арганус, – лаконично ответил Клавдий.

– Стоящая фигура, но как он собирается совладать с магией Владыки?

– Не пройдет много времени, и на трон воссядет Морена, а она в свою очередь побудит Балор Дота отправиться в Залы Аменти, чтобы Повелитель прознал будущее и смог разрушить «купол». Но я повторяю: Арганус требует, чтобы мы с вами доказали свою лояльность.

– Интересно... – протянул старина Стригой. – Если все обернется именно так, то предложение действительно стоящее, но Морена еще не королева, а Балор Дот еще не ушел в Залы Аменти и не покинул для этого трон. Когда сказанное произойдет, тогда нам и стоит собраться, а сейчас не время. И еще меня интересует: каким образом мы должны доказать лояльность?

– Я никому и ничего не собираюсь доказывать! – Толбиак сорвался с места и быстрым шагом направился к выходу. – Я не буду рисковать своей шкурой ради чужих интересов!

– Стой! – приказал Клавдий, поднимаясь с кресла. – Иначе...

– Иначе что?! – перебил, останавливаясь, Толбиак. – Убьешь меня, как и других, кто ослушался приказа?

– Если понадобится – да, – хладнокровно оповестил Батури. – Ты не покинешь Совета до тех пор, пока я не разрешу.

– На спор? – оскалился Толбиак, в мгновение ока сплетая заклинание.

С изогнутых пальцев сорвалось огненное облако. Клавдий бесстрашно шагнул ему навстречу. Пламя окутало вампира со всех сторон, сдавило в своей удушливой утробе. Но

Батури вышел из огненной геенны целым и невредимым, быстрыми и решительными шагами приблизился к Толбиаку, обнажая изогнутый клинок серебряного кинжала.

– Теперь ты мой... – Клавдий поднес к глотке вампира острое криса, заставив того запрокинуть голову, чтобы отстраниться от лезвия. Толбиак стоял без движения, удивленным взглядом уставившись на оружие. На тонкой гарде были начертаны тайные символы Каэля, на лезвии в оттенках многослойного серебра проявились очертания фигуры.

– Откуда? Как? – выдохнул Толбиак.

Клавдий ответил тихо, чтобы никто не услышал его слов:

– Друг мой, ты меня сильно разочаровал. Когда-то ты бросил вызов самому Балор Доту, ослушался его приказа и не возглавил карателей. Твоя ноша легла на мои плечи, и я несу ее до сих пор. Сейчас ты ответишь за это, но перед тем как убить тебя, я хочу увидеть страх в твоих глазах...

– Ты его не увидишь, – выдавил Советник и, схватив руку Батури, шагнул навстречу острию. Тело расслабилось, мертвая плоть искорежилась, осыпалась иссохшими ошметками.

Клавдий брезгливо отбросил в сторону истлевший скелет Толбиака. Вытер полосу гари с серебряного клинка и повернулся к советникам:

– К'йен, ты тоже не хочешь рисковать жизнью ради блага своего народа? – уловив на себе презрительный взгляд самого молодого из советников, злобно спросил Батури. К'йен был единственным из Высших, кто участвовал в Голодной ночи, и только его юность, несмышленость и неплохие задатки к магии позволили ему остаться в живых, если вампира можно назвать «живым». – В таком случае ты разделишь судьбу своего предшественника и тех, с кем упивался «голодной кровью».

– Клавдий, ты обезумел! – выкрикнул Регин и умолк: он бы продолжил, но дар речи оставил его, когда он уловил на себе безумный взгляд Батури.

– Нет, друг мой, – оскалился убийца себе подобных. – Я играю не в детские игры – ставки слишком высоки, чтобы размениваться на того, кто может предать. Мне надо полное молчание, и я его добьюсь любой ценой.

– Может, ты изведешь всю нашу расу, если вампиры перестанут молчать? – парировал Регин.

– Без каленого железа не залечить раны, – риторически заметил Клавдий. – Оставим ненужные разговоры и вернемся к делу. Перемены неизбежны. Вопрос в том, останемся ли мы в тени и будем прозябать без пищи и дальше? Или присоединимся к чете первых и силой вырвем свой кусок в общей дележке. Ваше мнение, господа советники, – резко обронил Батури.

Над участниками Малого Совета повисла напряженная, навязчивая тишина. Она густой патокой обволокла широкий зал, наливая воздух вольтажным накалом и придавая ему черты животного, наглого и распущенного, которое замирает перед атакующим прыжком, но не скрывает себя. И напряжение достигло бы предела, но тишину прервал мудрый Стригои:

– Я сделаю все ради укрепления рода. Быть войне! – неистово молодецки выкрикнул старейший вампир, поднимая руку, в которой возник магический огонь.

– Быть войне! – вторили дружные голоса Высших. И лишь один молчал, не поддаваясь общей лавине воодушевления.

– К'йен? – напористо поинтересовался Клавдий, когда гомон утих. – Все ждут твоего слова...

– Мне надо время, чтобы обдумать решение, – стальным голосом ответил вампир. Где-то в глубине рассудка он был благодарен Клавдию, который отстоял его, отговорил Балор Дота лишать Высшего жизни, но К'йен не мог простить Батури его безропотного поклонения владыке Хельхейма, не мог простить ему циничного уничтожение рода... И никогда не сможет простить.

– У тебя нет времени. Ответ мне нужен сейчас – и ни секундой позже, – поставил перед фактом самоназванный Глава Совета.

– Кто ты такой, чтобы мне приказывать?! – взъярился ослушник.

– К’йен, не искушай судьбу, – посоветовал Клавдий. – Последуй общему примеру, и ты сохранишь не только жизнь, но и поможешь роду в нелегкой борьбе.

– Мне надо время! – настаивал на своем советник. – Ты только что убил одного из нас. Имя Клавдия Батури запятнано кровью сотен вампиров. Я не уверен, можно ли тебе доверять, можно ли доверять твоему желанию помочь нашей расе?

– Еще слово – и смерти тебе не избежать. Я быстро сведу отсрочку, которую ты получил после Голодной ночи, на нет, – безразлично сказал Клавдий, скрывая бушевавший внутри гнев.

– Я тебя не боюсь, – уверенно отчеканил К’йен.

– А зря, – злобно протянул Батури, делая несколько шагов вперед.

– Я согласен! – воскликнул вампир, отступая назад.

Клавдий, не останавливаясь, шел в сторону К’йена. Испуганный вампир пятился, напрасно пытаясь защититься магией. Батури был неуязвим: ни одно заклинание на него не действовало.

К’йен отступал до тех пор, пока не уперся спиной в стену. Даже мертвая плоть ощутила холод векового камня.

– Остановись! – жалобно взмолился вампир, боясь потерять самое для себя ценное – вечную жизнь. – Прекрати!

Клавдий не обращал на мольбу никакого внимания – продолжал свою мерную ходьбу, сжимая смертоносное оружие в руке. К’йен перестал выкрикивать бесполезные заклинания и закрыл глаза. Смерть. Он боялся смерти и не нашел в себе сил встретить ее лицом к лицу. Веками он убегал от нее, но проклятая все же настигла. К’йен трясся от страха, и темнота от опущенных век несколько не помогала. Вампир ждал смертельного удара, но удара все не было. Ожидание длилось бесконечно долго, пока не стало еще более страшным, чем сама смерть.

К’йен переборол себя и открыл глаза. Перед ним стоял Клавдий и ехидно усмехался, поигрывая в руке кинжалом.

– Боишься, кареглазый? – съязвил Батури.

На К’йена смотрели все советники, смотрели с ужасом и отвращением. И К’йен проклял себя за трусость, возненавидел Клавдия за унижения.

– Пылинка в глаз попала, – оскалился в ответ вампир.

Батури залиvisto расхохотался. Смеялся долго, натужно, но в одно мгновение стал серьезен и хладнокровен:

– Ответ, – перебрасывая кинжал из руки в руку, потребовал Клавдий.

– Быть войне... – прошипел К’йен, сжимая до хруста кулаки.

– Правильный выбор. Я не сомневался в твоей мудрости, – выговорил общепризнанный Глава Совета, взмахом клинка приказывая К’йену садиться.

Клавдий выждал, пока советник займет свое место, и продолжил:

– Люблю единодушное принятие решений. Это показывает, что между нами нет разногласий, что все мы дорожим своей расой и сделаем все для ее блага, – нарочито важно провозгласил Клавдий, пряча кинжал в полу мантии.

Высший больше всего на свете не любил широких одеяний, предпочитая им кожаные дорожные одежды, но традиции Совета обязывали носить неудобную многослойную рясу, надеть которую самостоятельно было почти невозможно. Именно этот неприспособленный к ношению кусок тряпки стал той причиной, по которой Батури опоздал. По пути в Зеркальный Замок пришлось остановиться в небольшом родовом поместье и переодеться, но и предстать пред очи советников в потертых, замызганных кровью дорожных тряпках было непростительной наглостью – даже учитывая, с какими целями пришел на Совет Клавдий.

– Теперь мы должны скрепить нашу договоренность печатью, – оповестил Клавдий, доставая клеймо. – Все, что вы здесь слышали, не должно покинуть этих стен, каждый из вас поклянется молчать.

Совет безропотно уставился на Клавдия. Уже никто не решился перечить его воле.

– Чтобы ни у кого не возникло сомнений в чистоте моих побуждений, первым, кто поклянется, буду я. Клянусь держать в тайне все, что сегодня было сказано, – высокопарно выговорил Батури и притронулся печатью Эльтона к руке. Бледная кожа испустила легкий дымок, разнося запах паленого. Боль от каленого железа была невыносимой, но Клавдий даже не дрогнул – он давно привык к пыткам, еще с тех дней, когда обучался у Аргануса. Лич приучил вампира к огню, чтобы пиромантия далась ученику особо легко.

Батури потерял розово-черную кромку раны. Учитель постарался на славу, боль пришла незаметно и сразу отступила. Через тернии к звездам.

– Делира, твой черед. – Единственная вампиресса Совета вздрогнула, едва услышав свое имя, напряглась, предвкушая болезненную пытку. Тонкие губы Клавдия исказились в подобии улыбки: – Гордые мужчины обязаны уступить прелестной даме.

– Я никому не скажу, – напрасно убеждала она, в страхе вдавившись в спинку кресла. Одно неверное слово – и клеймо превратит ее в прах: клятву нельзя произносить! – Я никому не скажу! – воскликнула Делира, когда Батури подошел совсем близко.

– Знаю, – ответил Клавдий и притронулся печатью к сморщенной старческой коже вампириши, которая даже не скрывала за иллюзиями своего уродства, хотя вампиры были теми немногими, кому перевоплощения давались с демонической простотой. – Клянись!

– Клянусь! – взвизгнула, подпрыгивая в кресле, Делира. – Клянусь не говорить ни слова о том, что услышала сегодня!

Клавдий поочередно клеймил каждого из Совета. Раны сойдут до утра, кожа вампира регенерирует достаточно быстро, но стоит кому-то сказать лишнее – и он в мгновение ока превратится в тлеющие останки. Клеймо Эльтона не приемлет, когда нарушают клятвы.

– А теперь пробудим Спящих, в борьбе нам понадобятся все силы, – властно выговорил Клавдий. – Готовьте ритуал.

– Мы не смеем раньше времени останавливать сон... – возразил Аскольд де Гиро, Хранитель канонической скрижали, на которой начертаны пробуждающие знаки.

– Аскольд, ты молчал раньше, не открывая рта и теперь, – приказал Клавдий. – Твое дело – подчиниться.

– Это противоречит заветам предков! – не унимался Хранитель.

– Ты можешь сам распечатать скрижали, или я сделаю это без твоего участия, – равнодушно ответил Глава Совета. – Для этого у меня достаточно и власти, и знаний.

Де Гиро несколько мгновений смотрел на Клавдия не отрываясь, взвешивая в уме все «за» и «против». Батури знает о Хранителе, знает о скрижали, эти знания секретны, и тайна известна лишь двум вампирам, причем один из них сам де Гиро, а второй – Каэль, который уже пять веков как мертв.

– Будь по-твоему, – сдался Аскольд, понимая, что у Клавдия есть знания, а если есть они – власть отыщется. – Но учти: я предупреждал.

* * *

Наблюдатели стерегут комнаты Спящих, превращают в пепел и прах любого, кто нарушает их покой. Но сегодня Всевидящие утратили способность лицедреть, тайные заклинания и магия убийственного клинка ослабили их, лишили Силы. Клавдий привел Высших туда, куда путь каждому заказан, и вампирам никто не помешал войти в запретную келью. Ее стены испещрили извилистые руны, свод, теряясь в тени, исчезал высоко над головой, по полу стелилась густая белесая дымка. Стоило шагнуть в нее, и она отступала, но в следующее мгновение сплеталась обратно, сковывая ноги, не давая пошевелиться. Каждый шаг давался с немалым усилием, словно к голенищам были привязаны тяжелые цепи.

В комнате жили темнота, сырость и злоба. Пахло ладаном, серой и смертью. В центре кельи вокруг открытой колыбели могильника над туманом возвышался пьедестал, где спала могущественная вампиресса Алекто Д'Анагис.

Вампиры, повинаясь немоту приказу Клавдия, встали на каменные возвышения. Трижды по три. Девять Высших, чтобы пробудить одну. Батури не присоединился к советникам, стоял вблизи дверного проема, сложив руки на груди крест-накрест. Смотрел на иссохшее тело вампирши. Казалось, этот скелет, обтянутый бледной морщинистой кожей, не способен ожить, но Клавдий знал – впечатление обманчиво.

– Начнем, господа, – потер руки вампир, предчувствуя близкие свершения. – Хранитель, открывай Ковчег⁸.

Аскольд открыл сундук и извлек из него обломки каменной плиты.

Хранитель уверенно складывал мозаику разрушенной скрижали, собирал ее, придавая разрозненным крупцам правильную форму.

Клавдий внимательно наблюдал за работой мастера. Он знал, каких трудов стоит собрать скрижаль воедино. Каждое прикосновение к ритуальным камням пожирало силу, без тайных заклинаний Аскольд вмиг превратился бы в истлевший труп.

Вскоре дело было сделано, последняя часть опустилась на свое законное место. По трещинам пробежал зеленоватый свет, прижигая осколки, приживляя их в единое целое. Письмена засветились густым изумрудным цветом.

– Не ложь говорю, а истину изрекаю. То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного. – Аскольд нарочито важно читал руны скрижали, открывая границы между мирами, возвращая дух и разум Спящего в его тело.

– ...Солнце – его отец. Луна – мать его. Ветер вынашивает его во чреве своем. Земля вскармливает его.

Клавдий чувствовал, как дрожит под ногами земля, как движутся стены, сдавливая узкое помещение.

– Но... умолкаю, возвестив все, что хотел, про деяние Солнца. Умолкаю, – закончил ритуал Аскольд.

Дрожь земли прекратилась, стены стояли незыблемо на своих местах, тяжелый густой туман щекотал голенища, и мертвая тишина расплзлась вокруг.

Ничего не происходило.

– Ты допустил ошибку! – взъярился Клавдий. – Немедленно оживи Спящую, иначе тебе не сносить головы!

– Я сделал все правильно, – оправдывался Аскольд. – Это скрижаль! Она не сработала. Я тут бессилён...

С потолка капнула тягучая капля крови и скрылась в густом тумане, разбиваясь о камень пола. За ней последовала вторая и третья. Мелкий кровавый дождь ниспадал из серого потолка, словно возникая из ниоткуда, орошал иссохшее тело Спящей. Крупная капля упала на переносицу Алекто, рассыпаясь мириадами красных звенящих слезинок. Вампиресса открыла глаза. Зрачок был мутен и прозрачен, его обволокла тонкая бледная пленка, удерживающая влагу. Алекто судорожно сжала кулаки, спазматически изогнула спину, зарычала бешеной кошкой, проклиная все на свете.

– Крови! Человека! – неистово закричала вампиресса. – Крови!

– Не время, позже, – лебезя, отвечал Клавдий.

– Крови! – не слушая, вопила вампирша. – Крови!

Мелкий дождь набирал силу, подчиняясь воле Алекто, орошал сухую кожу, пропитывая ее живительной влагой. Вампиресса преображалась: зрачки сперва окрасились в бледно-алый, позже изменили цвет, став темно-бордовыми, кожа розовела, разглаживалась, молодела.

Вампиресса расслабилась, без движения лежала на жертвеннике, смакуя привкус жизни.

– Алекто, – позвал Батури, делая неуверенный шаг навстречу вампирше. Подошел ближе и взял Пробужденную за руку, помог подняться. – Рад, что ты с нами, – прошептал кончиками губ, едва заметно улыбаясь.

– Урод! – прошипела Алекто и засадила Батури тяжелую пощечину, оцарапывая когтистыми ногтями бледную вампирскую кожу. Клавдий провел пальцем по щеке, стирая капли крови. Секунду оценивающе смотрел на руку.

– Нынче кровь дорога, – глядя на Пробужденную исподлобья, слизал Клавдий живительную влагу с мертвой плоти. – Ты не забыла старых обид.

– Старых? – съязвила Алекто. – Для меня они были еще вчера: из-за тебя я провалилась без сил...

– Полтысячелетия, – прервал вампир замешательство Алекто.

– Пять веков? – переспросила она. – Столько лет по твоей вине? Мерзавец! Как ты посмел явиться сюда?

– Алекто, помнится, ты сама решила отправиться в «долгую прогулку». Никто не заставлял тебя...

– Подлец, собачье отродье, – по-деревенски бранилась демонически красивая вампирша. Нагое тело возбуждало самые сокровенные фантазии, элегантные округлости притягивали взгляд, манили. Клавдию стоило немалых усилий, чтобы совладать с собой и не поддаться искушению.

– Тихо! – гаркнул Батури, давая понять, что дискуссия окончена. – Я пробудил тебя раньше, чем ты сама того хотела, поэтому не говори о веках в калейдоскопе снов. Это твой выбор. Я призвал тебя не для перебранок. Нашему роду нужна твоя помощь. И он либо получит ее, либо заставит тебя спать вечно – в другом теле или без него. Твое слово.

– Мальчик возмужал? – съехидничала вампиресса. – С каких пор ты держишь слово за весь род?

– С недавних, – коротко ответил Клавдий. – Я жду ответа, и у тебя не так много времени для размышлений.

Алектю оценивающе посмотрела на удивленных, испуганных, но не потерявших горделивой осанки вампиров. Высшие, они лебезили перед Клавдием, боялись его. Могущественной вампирессе не понадобилось много времени, чтобы выудить из памяти советников недавние события.

– Снова убийства? – ужаснулась она.

– Цеховой брак, – бездушно ответил Клавдий, все же пряча смущенный взгляд. – Добиваясь высших целей, низшими приходится жертвовать.

– Ты не изменился, – ненавидяще прошептала Алекто.

– И ты прекрасна, как раньше, – выговорил Клавдий и, схватив вампирессу за шею, впился в холодные губы горячим, страстным поцелуем. И Алекто ответила взаимностью, рука скользнула по плечу, скрылась в густых смоляных волосах вампира.

– Хватит! – отдернулась вампирша от Батури, чувствуя на губах манящий вкус поцелуя, но приглушая охватившее желание. – К делу. Еще не все Спящие пробудились.

– Алекто, я скучал по твоему темпераменту, – улыбнулся Клавдий.

– Не стойте, истуканы! Поспешите, вас ждут великие дела! – высокопарно провозгласила Алекто, окидывая взглядом застывших советников.

Высшие несколько секунд стояли без движения, но, заметив побуждающий к действию взгляд Клавдия, нехотя сошли с пьедесталов. Чередой поплелись из комнаты одного Спящего в покои следующего, чтобы оторвать от «долгой дороги» нового соплеменника.

– Де Гиро. – Клавдий схватил Хранителя за руку: – Когда пробудите остальных, води всех в Зал Крови, и не забудь скрижаль.

– Что ты удумал?

– Выполняй приказ, и ты своими глазами увидишь то, чего я добиваюсь.

Де Гиро пошел вперед, скрываясь во тьме подземелья. Клавдий несколько минут стоял без движения, глядя вслед Хранителю. Батури добился-таки, чего желал. Теперь он Глава Ордена, но насколько долго вампиры будут под его властью? С воскрешением Каэля все права перейдут ему. Но Клавдий не сожалел, потому что он раб, а Каэль не обременен магией Хозяина и сможет противостоять Арганусу. Главное, чтобы все удалось. Главное,

чтобы пророчество оказалось глупой бредней – в чем Клавдий с каждым мгновением сомневался все больше, – и чтобы Первороденный не стал для лича еще одним шагом к «власти над миром». Главное, чтобы игра стоила свеч, а результат – труда.

Проводив де Гиро, Батури посмотрел на вампирессу и позволил себе улыбнуться: как бы ни прискорбны были реалии...

– Результат оправдывает средства... – тихо прошептал, прижимая к себе вампиршу.

Глава 13 Ритуал Крови

Огонь и кровь приходят в конце, но в ту ночь они породили начало.

...Кровь заливает за каплею капля черные пьедесталы, льется истоком, иссушая тела, и огонь выжигает ее багряную краску, делает красное черным. Красное на черном, дважды черном, трижды черном, ибо жизнь, породившая эту темную кровь, черна, и камень, который она изувечила, тоже. Так требует ритуал, дающий утраченной жизни новое начало, так требует Познавший Кровь, ведь эти жизнь и кровь ему предназначены.

**Пятый граф-бастард Клавдий Батури Савильен де Медичи.
«Познавший Кровь»**

Он присел и приложил руку к холодному, запыленному камню, исчерченному бесчисленными знаками, каждый из которых имел свою цель, свое значение и был тщательно выверенным элементом огромной, занявшей широкую округлую залу, гептады. Сложный символ хранил на себе шесть имен Великого Бога, имен, которые знали все, но не говорили вслух, дабы не накликать беды, и по шесть имен каждого из его верных вестников, глашатаев изначальной воли. Шести вестников. Скоро сгил откровения нальется кровью сорока и еще двух, и когда в сердце знака скопится достаточно живительной влаги...

– Каэль проснется. – Клавдий резко встал и, развернувшись, улыбочиво посмотрел на Алекто Д'Анагис. Сейчас ее наготу прикрывала черная ритуальная ряса, достаточно широкая, чтобы скрыть прелестные формы вампирши, но там, где пасовало зрение, побеждало воображение, и Клавдий смотрел на пробужденную с бесконечным желанием, как бы сильно ни хотел выкинуть из головы фривольные мысли. – Алекто, он проснется, и ждать осталось недолго.

– Зачем тебе это? – Вампирша тщетно пыталась отговорить Батури от сумасшедшей идеи, но тот не хотел ее слушать: все твердил, что единственный шанс уберечь род от неминуемой гибели – это возродить Первейшего.

– Ситуация прояснится, когда Высшие соберутся и Каэль вернется в наш мир. Я расскажу все, что ты захочешь услышать, и даже больше.

– Хорошо, – выдохнула Алекто, понимая, что ей не переубедить названного брата. – Но...

– Род будет жить! – всплеснул руками Батури и, подойдя к Алекто, обнял ее за плечи, затем переместил руки к идеально точному, словно изваянному величайшим из скульпторов, и белому, как полотно, лицу. – Мы вернем то, что было утрачено! Мы – спасители расы! – Он поцеловал ее в красные, словно испачканные кровью, губы. Алекто, хоть и с немалым трудом, все же отстранила его от себя. Она любила эти поцелуи, но боялась их, боялась к ним привыкнуть, чтобы неминуемое расставание с чуткими прикосновениями не оказалось до смерти болезненным.

– Зачем ты убил Толбиака – неужели тебе мало смертей? – холодно спросила она про то, что ее мало волновало, но Алекто интересовалась, чтобы лишь занять свои мысли, чтобы остудить вспыхнувшую в ней страсть.

– Сестра, – резко опустил он руки и отвернулся. – Власть держится на страхе.

– Ты хочешь закончить, как Каэль?

– Он жил долго и красиво, – с восхищением выговорил Клавдий, словно мечтал о такой же судьбе. – Его имя и по сей день у всех на устах. Так будет и впредь – ведь сегодня его звезда вновь воссияет на небе.

– Мне не нравится твоя затея. – Алекто подошла к Клавдию. Он почувствовал ее руку у себя на плече, ее холодное, как укол под сердцем, касание. – Ты всегда убегаешь, и если воскреснет Каэль, тебя снова не будет рядом.

– Мы бессмертны, впереди у нас целая вечность... – делая шаг вперед и уходя из-под ледящей руки, ответил Клавдий.

– Вечная жизнь – не благословение, она – проклятье.

– Да, пусть мы прокляты, но...

– Но стоит ли возвращать жизнь братоубийце? – Алекто не дала Клавдию договорить – опять вернула разговор в первичное русло.

– Если ты не забыла, то и меня считают братоубийцей, и самое удивительное, что я им являюсь.

– Ты не такой, у тебя просто не было другого выбора...

– И сейчас его нет, – отрезал Клавдий. Он не хотел раскрывать перед Алекто своих карт, но у него вновь не осталось выбора. Клавдий повернулся лицом к вампирше и посмотрел в ее зеленые, как у кошки, глаза. – Я воскрешу Каэля, потому что так приказал мне Арганус. Да, меня волнует судьба рода. Да, я воскресил бы Перворожденного и без приказа, будь у меня такая возможность, но воскресил бы значительно позже. А сейчас я делаю то, что делаю, по наставлению Хозяина, послушаться которого я не вправе.

– Но для чего Арганусу Каэль? Разве он не понимает, что получит сильный Орден, а этого не желает ни один из некромантов? Арганус заработает себе врагов.

– Трудно заработать то, что уже твое. Врагов у Аргануса и без того слишком много, чтобы бояться получить еще одного или двух, или даже десяток. Он пытается исполнить пророчество, которое якобы даст ему власть над миром, и не остановится, пока не добьется своего.

– Пусть так, но при чем тут ты и Каэль? – непонимающе глядя на названного брата, спросила Алекто.

Батури несколько мгновений молчал, взвешивая, стоит ли рассказывать о пророчестве, стоит ли открывать его тайну? Или проще оставить Алекто в неведении, позволить ей, как и всегда, жить чувствами; оградить ее он интриг и игр со смертью? Но она имела право знать, поэтому Клавдий заговорил:

– Часть этого пророчества гласит, что должен ожить дважды мертвый. И этим «дважды мертвым», по мнению Аргануса, должен стать Каэль. Но прорицание не исполнится. Д’Эвизвил не учел одного: Каэль не умирал второй смертью. Он Перворожденный. И если всем остальным, чтобы стать вампиром, надо умереть, то Каэль явился на свет Измененным. Этого Арганус не знал – ведь ему, как и всем невампирам, неизвестно истинное происхождение рода. Он начнет войну и проиграет ее, а наш род получит глоток воздуха и сможет понемногу, по чуть-чуть восстановить свои позиции. А позже открыто заявить о своих правах. Это будет – не сразу, но будет...

– Пусть все случится так, как ты желаешь, – смирилась с неизбежным Алекто и обняла Клавдия. Она уже устала от интриг, которые, не дав и опомниться, захлестнули ее сразу же после пробуждения. Сейчас она хотела одного – быть вдаль от всех, быть рядом с Клавдием, но знала, что этому не бывать. Это желание уже стало однажды той причиной, по которой она ушла в «долгую дорогу», и вновь поддаваться эмоциям Алекто не собиралась. Но ей до жути хотелось прижать к себе того, кто был ей братом, но и возлюбленным. И, обняв, она снова почувствовала себя маленькой девочкой, которой была, впервые познакомившись с Клавдием.

...По прихоти старого барона она попала в родовое поместье Батури Савильиенов де Медичи. Наивная, она решила, что станет ему дочерью, но сделалась любовницей. Старый барон приходил к ней каждую ночь и уходил лишь за час до рассвета. Алекто и не догадывалась, что новый хозяин не человек. А он все заглядывал в покои любимицы, чтобы из раза в раз вкушать прелести молодого тела. Так прошло несколько лет, и так было бы и дальше, если б в ее комнату не заглянул молодой баронет. Любовь, как искра, вспыхнула в ее сердце, но не угасла, как бывает, а переросла в неистовое пламя. И баронет ответил на это чувство взаимностью. С того дня они часто виделись, и однажды, всецело отдавшись любви, позабыли про барона. Он застал сына в постели незаконнорожденной дочери. Он мог плюнуть на эту досадную мелочь, забыть и завести себе новую подружку сердца, но все обернулось иначе. Отец схлестнулся с сыном в поединке, отчаянном и смертельном – смертельном для барона. Девочка только в эту ночь поняла, в чей замок она угодила, что за нелюди наслаждались ее телом. Но она любила, а любви неведом страх. Желая навеки быть рядом с возлюбленным, она попросила его о бессмертии и подставила под острые клыки свою хрупкую шею...

Она крепче прижалась к нему, кротко вздрагивая, словно от страха. От ее объятий повеяло холодом. Даже мертвый, лишенный теплокровности вампир не мог справиться с морозом, сковавшим тело. Клавдию стоило немалых трудов, чтобы скрыть бьющую его дрожь. Но в одно мгновение холод исчез, словно Батури отпустили из ледяных оков и вернули в покой и безмятежность. Он не заметил синеватой изморози под ногами, которая в мгновение ока превратилась в капли воды: ведь все его внимание было обращено на потянувшуюся из многочисленных входов процессию вампиров, закутанных в черные ритуальные рясы.

– Высшие, – отстраняясь от Алекто, прошептал Клавдий. – Время пришло.

* * *

Ярко блеснула огненная вспышка и моментально угасла, но на смену одной пришла другая. Широкую округлую комнату озарил ослепляющий свет, на стенах заплясали бешеные тени – тонкие, как клинки, и черные, как чернильные пятна.

– Прекратите! – приказывал Клавдий, его голос был переполнен отчаянием и ненавистью. – Прекратите! – Батури крутился волчком, из последних сил противостоя чужой волшбе, но сил с каждым мгновением было все меньше. Он все еще вращался на месте и по-прежнему успевал выставлять крис в нужном направлении в нужный момент и разрушать обращенные на него заклинания.

Нападавших было немного, не больше пяти – остальные Высшие просто наблюдали, ожидая, чем закончится неравная схватка. И если в начале поединка почти все предрекали победу Клавдию, то сейчас ситуация не поддавалась столь явному прогнозу.

Алектю рванулась на помощь к возлюбленному, но упала, сделав всего несколько шагов. Ее тело оцепенело, будто превращаясь в камень.

– Не лезь, – посоветовал седовласый Регин. Этот вампир с внешностью зрелого мужчины, по непонятным причинам поседевшего раньше времени, всегда напоминал Алекто барона Батури. Регин подошел ближе и, взяв девушку на руки, тихо прошептал: – Клавдий сам выбрал свою судьбу, и теперь победа – дело чести. Если ты вмешаешься, он будет сожалеть, что не погиб.

– Пусти... – сквозь зубы выговорила Алекто. – Он умрет, если ему не помочь...

– У него всегда был козырь в рукаве – не стоит переживать, он выпутается, – врал, утешая, Регин, краем глаза замечая, что Батури пропустил удар и упал на одно колено.

Огненный шар изуродовал ему лицо, в спину ударила молния, но он поднялся, правда, лишь для того, чтобы вновь упасть под градом новых ударов. Казалось, смерть неминуема и

вопрос лишь в том, сколько еще магических арканов ему удастся выдержать. Но неожиданно густая тьма опустилась вязкой, непробиваемой преградой над Высшим, и ни одно заклинание не смогло прорвать этот мрак, казавшийся живым и разумным. Всевидящие глаза Стража Отражений, на время затуманенные тайной волшбой, открылись, и Тьма ударила тех, кто пришел в Зал Крови с нечистыми помыслами. Клавдий, убедившись, что ему уже ничто не угрожает, прошептал заклинание, которым недавно ослеплял Стража, и Тьма рассеялась.

– Те, кто посмеет напасть, – умрут, – вставая, властно изрек лишенный половины лица Батури. Его потрепанный вид, искаженная ожогами личина и тлеющая мантия делали его внешность ужасной. Теперь он, как никогда, был похож на оживший труп. – Все, кто стоит в этой зале, отныне мои. И если я почувствую подвох или предательство, Страж испепелит посмевшегося перечить мне и моей воле! – Клавдий оскалился, обнажая острые клыки. Он вытянул руку и, прокрутившись на месте, обвел клинком круг, указывая на каждого из собравшихся. – Вы дадите мне Кровь, дадите Кровь тому, кто вас породил! Клинки! Клинки! – бешеным зверем взревел Батури, всего одним словом, не требующим объяснений, приказывая каждому обнажить ритуальные клинки и вспороть себе вены. – К'йен! Ко мне и на колени! Ко мне! – К'йен хотел послушаться, но ноги не повиновались: он сделал шаг вперед и уже не смог остановиться – он двигался медленно, словно в вязкой жидкости, мысли бесконечным потоком проносились, не задерживаясь, в голове, а К'йен все шел, и казалось, его пути не будет конца. – На колени! – приказал властный голос, и К'йен упал у ног Властелина.

– Моя жизнь в твоих руках, – преклоняя голову, ответил К'йен и сам не поверил своим словам.

Клавдий посмотрел на жертву и ехидно ухмыльнулся. Его безразличным взглядом, упорным, но лишенным эмоций, смотрела сама смерть. И К'йен в страхе перед неизбежным закрыл глаза.

– Не стоило играть в те игры, которые неминуемо приведут к гибели. Напасть, подговорив лишь четверых... ты совершил глупость и за глупость заплатишься жизнью. – Голос, которым говорил Батури, ему не принадлежал, этот голос был переполнен тоской, словно он сочувствовал К'йену и сожалел о грядущей гибели, но ровно настолько же он был безмятежным и спокойным, холодным и презирающим.

– Крови! – Закричала обезумевшая Тьма, в которую превратился Батури. Его хрустально-голубые глаза стали черными, как уголь, они светились Тьмой, приводя в ужас и страх все живое и неживое и в то же время завораживая, подчиняя. – Крови, Высшие!

Сорок бессмертных упали на колени и, безропотно выполняя приказ, полоснули себя по запястьям. Кисти Высших окрасились красным, тягучая кровь сперва мелкими каплями изукрасила сорок знаков, но стоило току набрать силу, а тонким струйкам дотянуться до камня, как сигил сам стал высасывать жизненные силы из своих жертв – нагло, беспардонно. Черный камень изукрасился алым, и чем дальше лилась кровь, тем чернее она становилась, словно впитывала в себя Тьму, наполнялась Тьмой. Красное на черном, дважды черном. Жизни сорока и еще двух, застывших в кровавом кругу, были отданы одному. Когда багряно-черная масса дотянулась до центра сигила, когда скопилась у ног К'йена, Клавдий занес Смерть и, вогнав искривленное лезвие в небьющееся сердце, смертью подарил новую жизнь.

К'йен упал в лужу чужой и собственной крови. Его жизнь и жизни сорока смешались в одну. Сталь, помнившая руку хозяина, вытянула из бездны дух, который немедля, без раздумий и жалости пожрал то тело, которое было ему преподнесено. К'йен был мертв, дважды мертв, но чужая воля заставила кричать даже мертвеца. Кровь, залившая сигил, вспыхнула, но огонь не обжигал – лишь щекотал своими язычками сорок искривленных тел, не утративших подобия жизни, и одного мертвеца, над которым застыл Батури, смеющийся смехом безумца.

Огонь был красным, а сердце огня черным. Черная кровь, кровь Черного.

Ритуал подходил к концу.

Пламя утихло. Смех обезумевшего, окативший широкую залу, захлебнулся. Кровь, льющаяся из сорока вспоротых запястий, остановилась. А мертвец открыл глаза.

– Свершилось, – облизнув изувеченные огнем губы, улыбнулся Клавдий и протянул ожившему кинжал.

* * *

– Не знаю, почему бездна не пожрала меня – видимо, я оказался несъедобным даже для нее. Но я только рад, что произошло именно так, – рассуждал вампир, стоя на шпиле башни. Холодный ветер играл его волосами, бледная молодая луна ласкала его юношеское лицо, лицо К'йена, но уже не его. К'йен изменился, и это было заметно не только по мудрому, выражающему вековые опыт и знания, взгляду, но и по манерам, жестам, мимике, и даже чертам лица. Казалось, метаморфозы, произошедшие с юным вампиром, не должны были повлиять на его внешность, но она стала другой – более мужественной, зрелой. Теперь это был не К'йен, а Каэль, и лишь слепой не заметил бы этого. – Твоя настойчивость вернула мне жизнь, и я тебе за это благодарен.

Каэль, истосковавшийся по ветру и луне, свежему воздуху и свободе, заставил Батури забраться на самую высокую башню Зеркального Замка, и теперь они вдвоем сидели высоко над землей и смотрели на безликий ночной светоч, на необъятные леса, раскинувшиеся вокруг замка на множество лиг, на кипящую даже в мертвой стране жизнь, никогда не покидавшую лесные уголья. Каэль набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул.

– Свобода, – с наслаждением протянул он, оборачиваясь и глядя на Клавдия. – Благодарю.

– Не стоит благодарностей, – учтиво улыбнулся Батури.

– Многое изменилось после моего ухода, но теперь я вернулся, и все пойдет как раньше. Правда, для этого придется постараться.

– Наш род на грани вымирания... – Батури потупил взор, чувствуя свою вину. – Это произошло из-за меня, но...

– Ты все сделал правильно. – Легкое касание в чужие мысли дало Каэлю недостающие знания. Пройдет не так много времени, и он будет знать все, что ему нужно, и даже больше. – Чтобы получить сильную расу, надо избавиться от отребья. Некроманты, желая насолить нам и обессилить, только помогли. Мы лишились хвоста, который тянул вниз.

– Жестко сказано, – произнес Клавдий. – Эти слова не лишены смысла, хотя я бы предпочел иметь в запасе не только качество, но и количество.

– Голодное, обездоленное племя, разуверившееся в сильных братьях, не сыграло бы нам на руку, только наоборот. Чтобы спасти тело от гангрены, надо отрубить зараженную часть. Это неизбежно, сколь бы ни была тяжела потеря. Низших в любом случае пришлось бы убить, правда, их смерти могли принести пользу расе, но и такая гибель не особо страшна.

– Они нарушили приказ. Сегодня мы нарушили его снова, – с горечью выговорил Клавдий. Сегодня Перворожденный позволил своим Детям вкусить людскую кровь. Пробудившимся после «долгой дороги» это было необходимо, но рисковать и радовать пищей сразу всех казалось непросчитанной ошибкой. Батури не хотел начинать этот разговор, но не начать его он не мог: – Каэль, зачем ты приказал Высшим разорить несколько деревень и угнать почти полсотни людей? Некроманты выплут карателей.

– Мы отдадим виновников сами, – пожал плечами Каэль.

– Как? – Сперва Клавдий не понял, а позже и не поверил в услышанное. – Ты... ты понимаешь, что эти Высшие – последний оплот рода?

– Я не сказал, что мы выдадим всех. Достаточно четырех. Тех четырех, которые посмели тебе мешать. Предатели нам ни к чему. А так – и Высшие будут сыты, и некроманты довольны, и мы лишимся ненужного навоза. Я не боюсь пожертвовать

негодными зернами и оставить только здоровые семена, из которых вырастут по-настоящему сильные древа. Мне нужна армия, которой я могу доверять, не опасаясь, что за моей спиной занесен осиновый кол.

– Ты прав, Каэль, ты, как всегда, прав... – поддержал Клавдий. Он и сам был бы не против убить обидчиков, но терять сильных магов, которых и без того осталось немного, не хотелось.

– Не сожалею о недостойных, – отрезал Каэль. – Ты доставишь прах виновных и этим в очередной раз докажешь некромантам свою лояльность, выиграешь время.

Батури задумался. Он опять оказывался виновником всех бед. Пока Каэль будет набирать себе союзников, Клавдий вновь выступит в роли Карателя, уничтожающего себе подобных.

– Я бы выдал «ослушников» сам, но моя оболочка, К'йен, сыграла в Голодной ночи не в пользу некромантов. В его словах могут усомниться, но не в твоих. – Каэль был опять прав, но Клавдию уже так опостылела слава братоубийцы...

– Их надо придать суду живыми, – выдавил из себя Батури.

– Это невозможно: Балор Дот не должен знать о моем возвращении...

– Каэль, – перебил своего прародителя Высший. – Он не узнает. Смертники поклянутся на печати Эльтона.

– Клеймо? – несколько удивился Каэль, и Клавдий невольно улыбнулся: застать Первороджденного врасплох было делом далеко не простым. – Утерянное Кольцо попало в руки старого барона... – догадался Каэль. – Твоей отец, Клавдий, был хорошим игроком.

– Но излишне похотливым, – помрачнел Батури. Он не любил вспоминать тот миг, когда он стал убийцей отца.

– Зато он вырастил достойную смену, – широко улыбнулся Каэль и дружески хлопнул своего избавителя по плечу. – Нас ждут великие дела, Брат! Наш час настал.

Каэль широко расставил руки и камнем рухнул с высокой башни.

– Не засиживайся! Грядет рассвет! – крикнул он вдогонку и обернулся в кожане.

Луна еще стояла на небе, но на востоке уже появилось розоватое море, из которого быстро выросло солнце. Яркий свет ударил в лицо, обжигая и без того сожженную кожу. Клавдий прикрыл глаза рукой, несколько мгновений привыкая к рассветным лучам, после чего прыгнул вслед за Каэлем, наслаждаясь свободным полетом, свободой... и полетом.

Глава 14

Звездочет и ночная мгла

Не сказанным осталось лишь одно правило, но сокрыто оно от любопытствующих, ибо не познают они суть великой алхимии, пока не отдадут ей жизни. «Небом» это правило зовется. И не проста. Лишь истинный мастер сможет связать свой труд с небом и получить его благословение.

Поэтому восьмое правило гласит:

Берясь за работу над Великим знанием, над Камнем философов, знай: мертвым ты должен быть... или бессмертным.

**8-ое (тайное) правило алхимии («Алхимическая Свода».
Альберт Трижды Великий)**

Ночь тенью вороного крыла опустилась на замок Бленхайм. Неумолимый ветер с громкими стонами и завываниями колотил в крепостные стены, желая найти в них щели и прорехи, но наткнулся на монолит, перед которым был бессилен, и лишь громче выл от досады. На небе, будто по зову ветра, появлялись горящие точки глаз, неотрывно следящие за бесконечной игрой невидимого актера. И чем темнее становилось вокруг, тем все больше просыпалось на небе светящихся зрителей. Но звезды только просыпались, а мальчик,

решивший сегодня стать звездочетом, не ложился, потому что был мертв и не умел спать.

Он был узником темницы, которой стала ему лаборатория, и смотрел не на живые, едва заметно мерцающие ночные светлячки, а на мертвенно-тусклые застывшие звезды, нарисованные на холстах. Сандро оккупировал мозаичный пол своего добровольного узилища бумагами, исписанными рецептами зелий и бесконечными расчетами, и картами небесных светил. Он любил свою обитель, но ровно настолько же ее презирал, ненавидел из-за живущих в дистилляте и запечатанных в дорогие стеклянные банки эмбрионов, которые смотрели на него закрытыми глазами; ненавидел за режущую легкие затхлость и сотни ступеней, которые разделяли его с миром. Но любил тишину своего каземата, любил мертвенный покой, властвовавший в широкой светлой зале, любил за то, что только здесь он мог делать то, что хотел, порой даже не скрывая своих занятий. Вот и сегодня, прячась от душевных невзгод, он погрузился в работу, которую давно начал, но до сих пор не закончил.

Сандро, с головой погрузившись в расчеты и исследования, на мгновение забыл о той, которая не покидала его думы уже несколько дней, забыл о том разговоре, который перечеркнул все его потуги в любовных поисках и стараниях. Он скрылся до поры от всех, стал прежним одиночкой, которым был вот уже пять лет, но лишь от одного он не мог избавиться – от того, кого не видел, но слышал.

– «Эликсир разрыва», который ты готовишь, очень схож с Белым Львом. Достаточно соотнести воздушную субстанцию с теплотой и влажностью, привести их в такое единство, которое будет слитным и неделимым и в котором бывшие составляющие этого единства явлены неразличимыми, и дело будет сделано.

– Хватит! – гаркнул Сандро. – Ты меня только сбиваешь своими заумными речами. Воздушная субстанция, теплота, влажность... Да, я буду работать с воздухом, огнем и водой, да, мне понадобятся еще ртуть и серебро, что делает рецепт и впрямь схожим с Белым Львом, но соотношения абсолютно разные, и в Делании⁹ я буду подбирать определенный звездный цикл.

– Ты слишком большую ставку делаешь на химические модели космического процесса и превращаешь алхимию в астрономию, – укоризненно выговорил дух. – На твоём месте я бы ставил акцент на составе и метаморфозах.

– А я не хочу рисковать и лучше затратю больше времени, но вымерю и выверю каждый шаг. – Сандро отложил карту небесных светил и усталым взглядом посмотрел в пустоту, тщетно надеясь увидеть своего собеседника. – Я иду более долгим, но менее опасным путем, Альберт. Ты рискнул, создавая киноварь, и посмотри, чем все обернулось. Я рисковать не намерен, – отрезал мальчик, вставая. – Мне надо небо и звезды, чтобы все рассчитать. Поможешь мне с созвездиями. Помнится, ты был завидным астрономом.

– Порой ты меня удивляешь, Сандро. Ты не замечаешь очевидного, но видишь то, чего другим видеть не дано. Ты аккуратно ощущаешь магию и алхимию, тщательно готовишься ко всему, и знания твои потрясающи, но ты не обращаешь внимания на интриги Аргануса, не видишь его роли в своих невзгодах, будто слеп и мир вокруг тебя окутан тьмой.

– Мой мир и впрямь окутан тьмой, и я бы не огорчился, если перестал его видеть. Трисмегист, меня не волнует Арганус и его витиеватые задумки, я хочу просто убежать от того, к чему привязан незримыми оковами. Хочу убежать от любви, хочу убежать от Хозяина, хочу снова быть одиноким и так, чтобы не помнить ничего, что было со мной раньше.

– Хорошо. Забудь обо всем сказанном ранее. Идем лицезреть небо, и пусть оно укажет тебе путь к спасению.

Сандро накинуд на плечо сумку с книгой Трисмегиста и надвинул на лицо капюшон. Он не хотел, чтобы дух видел его глаза, в которых стояли слезы. Сейчас он бы убежал – неведомо куда, лишь бы подальше, – но у него не было такой возможности. Он раб, но сделает все, на что способен, чтобы получить свободу.

– Идем... – прошептал Сандро и направился в сторону лестницы.

* * *

– Повелитель! – иллюзорное облако тьмы, неожиданно скользящее в окно, заставило его едва заметно вздрогнуть. Арганус не любил, когда его отрывают от дел. Когда лич сконцентрированно работал, он отстранялся от мира, погружаясь в знания, и, резко прервавшись, терял мысль, до которой вновь мог и не дойти. Он вздрогнул, пытаясь не забыть того, о чем думал, и выставил руку, заставляя Черную Вдову молчать. Арганус сделал несколько записей, добавил к старым выводам новые умозаключения, после чего оторвался от бумаг и посмотрел в пустоту, которая на самом деле пустотой не являлась.

– Никогда не смей меня прерывать, – зло выдавил некромант, но, сменив гнев на милость, добавил: – Какие новости?

– Все ужасно, – сокрушился черный силуэт мрачной женщины. – Каэль не является дважды мертвым. Он был рожден Измененным, поэтому умер всего единожды! Вторая часть прорицания не исполнится. Надо остановить поединок Морены за трон, иначе третья часть сбудется, опережая вторую. Мы не можем этого допустить...

– Тихо! – гаркнул Арганус и замолчал, обдумывая сказанное и сопоставляя всевозможные варианты. – Кто вобрал в себя эссенцию Каэля? – поинтересовался лич после длительного молчания.

– Я покинула Зеркальный Замок сразу после того, как узнала новость о Каэле, и не присутствовала на Ритуале. – Встревоженный заунывный голос изменился, стал боязливым и несмелым. – Я хотела...

– То, чего ты хотела, меня не интересует! – Лич, несдержанно выкрикнув, заставил духа замолчать, после чего вновь погрузился в раздумья: – «Дважды мертвый» другой вампир, оживет уже не он – Каэль оживет в нем. Что ж, не совсем то, что мне нужно, но, возможно, подействует и это. Хотя я предпочитаю знать наверняка. Незнание, проклятое незнание Лазаря дорого для меня обернулось. Теперь победа Морены будет не столь важной, как мне бы того хотелось, но все же на королевском троне лучше иметь свою рабыню, чем незаинтересованную владычицу, поэтому поединок состоится. Правда, Морену придется сместить, когда дело дойдет до третьей части пророчества... Хорошо... Титания! – Арганус упорным взглядом уставился в пустоту: – Ты хотела для себя тело – ты его получишь. Мне понадобится новая ученица, способная стать королевой. Ею станет одна из сестер-рабынь. Вторую я отдаю тебе: она будет мне только мешать. Но забереешь ее душу только тогда, когда в келье она останется одна. Ясно?

– Да-а, повелитель, – прошипела пустота вновь изменившимся голосом, на сей раз предвкушающим радость.

– И не опоздай. Еще одной оплошности я не потерплю, – вставая и беря в руки посох, огорчил напоследок Арганус, после чего вышел из кабинета.

* * *

Анэт спала. В последнее время она подолгу спала, словно была больна или слаба до бессилия. Но, просыпаясь, доказывала полное здоровье и бодрость. Поэтому Энин не переживала, и пока Анэт отлеживалась в кровати, перечитывала сестринские рукописи и самостоятельно обучалась грамоте. С каждым новым прочтением руны становились все более понятными, а их значения отгадывались все проще. Из дневника Энин узнала о матери Симионе, о Созидательнице, которой поклонялся Храм. О том, что сестра черпает силу из веры и что вера помогает Анэт перебарывать все невзгоды. И еще Энин узнала о некромантах – конечно, она знала о них и раньше, но теперь ее знания стали более полными. Энин уже не сомневалась, что Сандро намеренно заколдовывал ее, наводил морок, чтобы позже заманить девичью душу в ловушку и выкрасть, подчинив себе. Энин ужаснулась,

насколько она была доверчива и наивна, поняла, как сильно ошибалась, веря некроманту. Теперь она не совершит подобных глупостей, будет умнее и рассудительнее.

Гнусаво скрипнули двери. Энин вскочила с кресла и с испугом посмотрела на вошедшего. Им был бывший Хозяин – скелет, разодетый в багряные одежды. Девушка уже отвыкла от этого монстра, но сейчас в ее душе родились прежний страх и лютая ненависть. Она вспомнила любовные утехи, которыми заставлял их с сестрой заниматься лич, вспомнила ужас, которым были переполнены ее дни в замке, и невольно пожалела, что рядом нет Сандро, который мог ее защитить. Но Энин взяла себя в руки: Созидательница ее защитит, если она будет верить в ее помощь, Симиона не оставит свою рабыню в беде.

– Чего тебе надо? – грубо выговорила Энин, чувствуя, как страх переполняет ее изнутри, но она всячески пыталась придать голосу хладнокровности, а себе – невозмутимости. – Ты больше не наш хозяин – уходи. – От нахлынувшего ужаса у Энин закружилась голова. Она говорила жестко, но голос непокорно дрожал, показывая ее истинные чувства.

Некромант молчал. Красные огоньки его глаз упорно смотрели на девушку, не выказывая абсолютно никаких эмоций, лишенное плоти и мимики лицо не выражало ничего, кроме пустоты. Лич казался изваянием, таким же, как окаменевший детеныш красного дракона, застывший в оголовке некромантского посоха.

– Уходи, – взмолилась Энин, уже не скрывая своего бессилия и бьющей ее дрожи.

– Я пришел с миром, – тихо выговорил некромант. Энин боялась услышать его голос, помня, насколько он был ей противен, но сейчас говор мага-скелета изменился, он даже показался девушке приятным, но она выбросила эту мысль из головы. А лич продолжал говорить убаюкивающим, ласкающим голосом: – Я обнаружил в тебе магический дар и хочу научить тебя пользоваться им. Скоро Сандро получит свободу, а вместе с ним и вы с сестрой. Думаю, тебе пригодятся знания, которые я могу дать. Не правда ли?

Энин вслушивалась в чарующий голос, ее тело перестало ей подчиняться, она готова была растаять, словно снежинка в теплой ладони. Но Симиона дала ей силу, и Энин ответила не так, как хотелось, а так, как надо:

– Неправда. – Слова дались ей с невероятным трудом, – она хотела, мечтала и жаждала ответить иначе.

– Я познакомлю тебя с магией, дам силу повелевать живой и неживой природой, научу дарить смерть и жизни. Ты не можешь отказаться. Не можешь, – напористо убеждал некромант, и Энин жалобно ответила:

– Не могу...

– Идем со мной, – приказал лич, и девушка не нашла в себе сил, чтобы протестовать – пошла вслед за личем, не зная куда, не зная зачем, но чувствуя тепло и нежность, чувствуя, что так надо, так должно быть.

* * *

Она шла впереди него легкой бесшумной походкой. Ее огненные волосы, водопадом ниспадающие на хрупкие плечи, нежно ласкал ветер, придавая этому водопаду движение жизни. Сандро наблюдал за мерным танцем ее пышных рыже-золотых локонов и в глубине сознания слышал журчание воды.

Она обернулась, останавливаясь. Улыбчиво посмотрела на него и спросила:

– В каких облаках ты витаешь? – Облака. Он смотрел на нее, а видел облака, парившие высоко над землей и закрывающие звезды. Ее голос был воздушным и мягким, нежным, словно касание небес. Он завораживал, околдовывал, зачаровывал своей легкостью и мелодичностью.

Она расхохоталась. Заливисто, звонко, заразительно. Он улыбнулся, но низкий капюшон скрыл его улыбку – ужасающе страшную, но добрую.

– Ты меня слышишь? – ловко пружиня с одной ноги на другую, словно арлекина, она подошла к нему, обняла за плечи и стала водить, заставляя Сандро повторять ее движения. Мальчик вел себя скованно, поэтому выглядел довольно неуклюже, и Энин, не сдержавшись, разразилась новым приступом смеха.

– Слышишь? – озорно спросила она и нежно поцеловала его губы, а Сандро, опьяненный поцелуем, уставился на нее, не в силах отвести взгляд.

– Я... люблю тебя... – отрывисто сказал он. Энин вмиг посерьезнела, перестала водить Сандро в своем хороводе. – Прости... – Мальчик опустил голову, чувствуя на себе удивленный, холодный, как лед, взгляд. – Я не должен был говорить...

– Нет. Должен. И. Не за что... просить прощения.

Сандро закрыл глаза и не ответил – все вокруг было гораздо лучше, пока он молчал. И он надеялся, что если не будет больше говорить, все вернется на круги своя. Но все осталось, как прежде. Он открыл глаза и рядом не нашел никого: вокруг были только ночные виденья, миражи желаний, угасающие в синеющем небе звезды и плаксивый, но жесткий и упрямый невидимка-ветер...

Вдали, у самого горизонта, на границе сна и яви показались огненные колесницы, запряженные иноходцами, способными обогнать даже вечер. Небо вспыхнуло красным пламенем зарницы, и земля, почуяв приближение тепла, потянулась к облакам оголенными ветвями деревьев, воздавая хвалу светящейся кавалькаде. Забил каменными перепончатыми крыльями могучий скальный дракон, и хлопки его крыльев с шумом ветра разнеслись на тысячи лиг.

Сандро потупил взор. Его уже не волновали ни закаты, ни рассветы, ни огненные колесницы, ни величественный каменный дракон, видом которого он когда-то наслаждался с Энин. Энин. Не из-за ночных светлячков и не из-за рассветной красоты он пришел на балконную террасу Бленхайма. Из-за нее, из-за той, которая была дороже жизни, из-за тех быстрых, словно взмах ресниц, мимолетных мгновений, навечно отпечатавшихся в его памяти.

– Смогу ли я еще раз встретить с ней рассвет? – Тоскливый шепот прозвучал в полнейшей тиши громогласным воем. Сандро надвинул на лицо капюшон, чтобы за темными полами скрыться от нерадивого мира. – Думаю, нет. Она ненавидит меня лютой ненавистью. Я зря послушал тебя, Трисмегист. – Казалось, он говорил сам с собой, со своими мыслями – ведь он был совершенно один в этот рассветный час, был одинок, как дракон, навеки застывший в покорном оцепенении. Но пустота ответила ему, ответила всего одним словом:

– Прости.

– Не надо извиняться, – отрешенно обронил Сандро. – Ты помогал, как мог.

– Она не могла вспомнить о ночном визите сама, ее кто-то натравил на тебя.

– Какая разница? Исход уже не изменить. Я люблю ее... – Сандро вздрогнул, когда на его устах застыли эти слова. Он все время пытался оградить себя от дикого чувства, разыгравшего внутри, не веря в свою способность любить, он пытался назвать эти эмоции другим именем, но нашел в себе силы признать очевидное лишь тогда, когда потерял надежду. – А она меня презирает. Я пытался оградить ее от невзгод, но накликать лишь новые беды.

– В этом моя вина... – утешал дух, но Сандро не слушал Трисмегиста.

– Я не хочу и не буду искать виноватых. Все сложилось так, как сложилось. Я сожалею о случившемся, но ничего изменить уже не в силах. – Голос Сандро дрожал, его руки поневоле сжались в кулаки. Он пытался быть сильным, пытался, но этого не получалось. Слезы горечи встали в глазах, готовые с минуту на минуту сорваться с диким плачем. Сандро держался, но с каждым мгновением это становилось все сложнее. Он опустил веки, и две кристальные слезинки скатились по изуродованным темной магией щекам.

– Да хватит ныть, как жеманная девица, – не выдержал Альберт. – Ты, конечно, можешь плакаться ровно столько, сколько захочешь, а можешь пошутить над судьбой и найти выход из ситуации.

– Есть предложения? – даже не удосужившись смахнуть с лица две одинокие слезы, безглаголиво поинтересовался Сандро.

– Как учитель, я бы предложил заняться магией, как мастер – вернуться сюда ночью и продолжить наблюдать за планетами, чтобы подобрать небесный цикл и точное время для создания эликсира, но как друг я бы посоветовал забыть о страхах и вернуть утраченное расположение девушки.

– Как?! – завел старую песню мальчик. В носу предательски защипало, но Сандро крепче сжал кулаки и выбросил из головы плаксивые нотки. – Или ты думаешь, что все предельно просто? Пришел – и вернул расположение?

– Воспользуйся своим магнетизмом.

– Снова? Снова шагнуть в тот же капкан? Нет уж, увольте... – резко отвернулся Сандро, даже не представляя, с какой стороны находится его собеседник. Трисмегист не обратил на этот жест никакого внимания.

– Чтобы получить результат, надо действовать. Если ты будешь сидеть сложа руки, Энин к тебе не вернется. Да, ты можешь усугубить ситуацию, но сама по себе она не изменится, поэтому... тебе стоит рискнуть, – подначивал Трисмегист, и Сандро, трижды убедив себя, что не будет следовать советам друида, усомнился в правильности своего поступка.

– Что я должен делать?

– Сперва надо пойти к девушке и найти в себе силы, чтобы завязать разговор. Стоит начать – и слова найдутся, – советовал Трисмегист, а неуверенный Сандро, готовый слепо следовать каждому, кто укажет ему верный путь – путь к любви, – внимал его словам. – И еще, Сандро, – продолжал друид, – мне кажется, у тебя появился противник. Тот, кто не желает, чтобы ты сблизился с Энин. И все мои подозрения ложатся на Аргануса. Только он способен разрушить чары магнетизма. Он неспроста ни с того ни с сего начал обучать тебя магии. Ему нужны колдуны, союзники, силу которых он сможет бросить в топку, не жалея. У Энин есть Дар, и Арганус решил воспользоваться им, поэтому пытается убрать тебя с пути, или же благодаря тебе получить ее доверие.

– Ты слишком накручиваешь, – отмахнулся Сандро. – Во-первых, Арганус самолично отменил занятия, и я не занимаюсь магией уже второе утро. Во-вторых, я не заметил в Энин никаких магических талантов. Но в одном ты прав: сперва мне должно поговорить с ней, понять ее и постараться, чтобы она поняла меня. Спасибо за совет, Альберт.

– Всегда к твоим услугам. Но не будь излишне самоуверен: по-моему, Арганус все же что-то замышляет...

– А ты не будь излишне недоверчив. Арганусу ни до кого нет дела – ни до меня, ни до Энин, – пытался разъяснить Сандро и для большей уверенности в правильности своих домыслов добавил то, о чем не говорил никому и никогда, что даже из мыслей пытался выкинуть, чтобы ненароком лич не узнал о том, что ученик позволил себе вольность и в отсутствие учителя проник в его кабинет. – Арганус занят своими делами. Давно, еще до знакомства с тобой, я полюбопытствовал, чем занимается Хозяин, и понял, что все его мысли сконцентрировались на поиске пути сквозь «купол».

– Это дальновидные планы, ты просто не знаешь о... – Трисмегист чуть не сболтнул лишнего, чуть не рассказал о прорицании, из-за которого он получил право вернуться в реальный мир. – Ты не знаешь, к чему ведут эти планы и как Арганус решил их достичь. Ты должен помешать ему пройти через «купол», или пройти первым.

– Но магия уничтожит меня, я мертвый...

– Наполовину, – прервал, не дав договорить, Трисмегист. – У тебя есть завидная возможность покинуть Хельхейм без магической помощи, сигиллов и прочих вспомогательных средств. Единственное, что тебя останавливает – приковывающая магия. Но когда ты вычислишь движение планет и узнаешь дату Великого Делания, мы сможем покинуть Хельхейм. Я бы, конечно, настаивал на срочнейшем приготовлении «эликсира разрыва», но уже осознал, что тебя не переубедить и ты будешь ждать планетарной

энергетики, чтобы добавить в свой эксперимент всепроникающий эфир. Что ж, пусть будет так, а пока ночь закончилась и до новых изысканий целый день, иди к своей возлюбленной и добейся того, чего желаешь.

Сандро, набравшись смелости, храбро поднялся и чеканной походкой пошел туда, куда звало его сердце: в покои Энин.

* * *

Анэт проснулась от холода. Ее знобило, трясло, мутило. Несколько мгновений она лежала, не открывая глаз, и напрасно пыталась согреться, кутаясь в тонкое одеяло. Но неожиданно резко вскочила с кровати, когда почувствовала, что над ней кто-то стоит. И в этом не ошиблась: в комнате она была не одна. Мрачного вида женщина смотрела на нее черными бельмами глаз, лишенных зрачков, и хищно улыбалась.

— Ты моя, девочка, — довольно сощурившись, протянула утробным голосом полупрозрачная, просвечивающая насквозь, будто призрак, женщина. — Но я была аккуратной, когда чертила сигилы.

Анэт посмотрела на себя и ужаснулась. На ее девственной коже были вырезаны непонятные кровоточащие знаки. Вид крови заставил ее рвануться с места и попытаться убежать. Ей не удалось. Она упала на пол, как подкошенная — тело окаменело, словно ее связали по рукам и ногам невидимыми путами, а Черная Вдова, громко хохоча, скользнула в тело жертвы.

Глава 15 Экзорцизм

При этом он поступал следующим образом: он подносил к носу одержимого демоном палец, на котором находился перстень с включенным в него корнем указанного растения, и тем извлекал у бесноватых демона из ноздрей. Больной, конечно, тотчас падал замертво на землю, и всякий присутствовавший при этом готов был поклясться, что он уже больше не придет в себя.

Иосиф Флавий. «Иудейские древности» (VIII.11.5)

Тьма придет за душами тех, кто отринул Свет, и Смерть поцелует в уста не уверовавших в спасение.

...Храм их не сможет защитить, ибо бессилен он там, где во тьме душевной утонула вера.

Пастор Серапис, в миру — Алоиз Эридвар. «Ведьмин рок»

Всю ночь Энин провозилась, передвигая камни. Новоиспеченный учитель считал это самым важным началом в магии — прочувствовать течение энергии и покорить ее ток, слиться с ним воедино. Но у Энин — то ли по незнанию, то ли по неопытности — ничего не получалось.

— Расслабься и почувствуй Силу! — еле сдерживая гнев, шипел некромант. — До тех пор, пока ты будешь бояться своего Дара, колдовство тебе не подчинится.

— Я стараюсь, — причитала девушка, отчаянно боясь совершить новую ошибку.

— Плохо стараешься! Сконцентрируйся! — командовал лич. Его голос уже утратил ту ласкающую нежность, которой был переполнен при встрече, стал грубым и гнусавым, но желание подчиняться ему никуда не исчезло.

Энин закрыла глаза, выискивая силовые потоки. Попыталась их представить,

прочувствовать, но не увидела ничего, кроме крошечной тьмы, не ощутила ничего, кроме холодного страха. Она попробовала прикоснуться к магическому истоку, воспользоваться его силой, чтобы хоть на дюйм передвинуть злосчастный валун, но лишь упала от напряжения на одно колено и тихо простонала.

– Не спеши! – гаркнул Арганус. – Магия не любит суеты. Действуй аккуратно, но действуй уже наконец! Я теряю из-за твоей бездарности драгоценное время.

Энин хотела плюнуть на урок, навсегда забыть о нем и никогда не вспоминать, но сейчас она себе не принадлежала. Девушка вновь закрыла глаза, выискивая во тьме энергию. Она долго, казалось, целую вечность представляла себе магическую страну, в которой живет Сила. И наконец ей удалось.

Она витала в белокурых, пушистых облаках, которые никогда не посещали Хельхейм. Отталкивалась от них ногами, шла по небу, словно по обычной земле. Пронзала воздух, парила в нем, сама им была. Она покинула мирское, оставила его далеко за спиной. Сейчас Энин видела перед собой то, о чем всегда мечтала: небесную гладь, – витала в духе свободы.

– Вникни в мелодию тишины, живи ею, – доносился из глубины сознания знакомый голос, голос, принадлежавший пятнадцатилетнему мальчику, который был ей дорог, но по стечению обстоятельств – опасен: по крайней мере, она так считала. – Пройди сквозь источник, слейся с ним в одно целое.

Энин увидела водопад, возросший прямо посреди небес, пошла к нему, к его кристально-чистым водам.

– Черпай силу, – звучал в ее голове голос Сандро, нежный, словно прикосновение возлюбленного, и мелодичный, как песнь менестреля.

Энин набрала в ладони холодной родниковой влаги, испила ее. Вода была мягкой, словно солнечный свет, и сладкой, как мед.

– Волшебствуй, Энин, волшебствуй, – не останавливаясь бормотал Сандро всепроникающим, словно шум прибоя, тоном. И заведенная тактом голоса девушка закружилась на месте, широко расставив руки. Сквозь ее пальцы потекла Сила. Девушка, кружась, разбрызгивала энергию, словно капли воды.

Ее глаза были закрыты, она не видела поднявшихся над землей камней, не видела, как они водоворотом вращаются вокруг нее. Энин расслабилась. Магия стала настолько привычной, что, казалось, она всегда умела колдовать. Но в одно мгновение все изменилось. Накатилась боль, совладать с которой Энин была не в силах. Колдунья закричала нечеловеческим голосом и упала на пол. Низ живота пронзила острая боль, которая выворачивала внутренности наизнанку, заставляла забыть обо всем, кроме колик.

Заклинание прервалось. С грохотом камни попадали на землю, но в ушах девушки стоял гораздо больший шум. Энин корчилась в приступе. Из носа и ушей потекла кровь, ее металлический вкус встал во рту.

– На сегодня довольно, – бесстрастно проговорил лич в сознании Энин. – Продолжим завтра. – Арганус подошел к девушке и провел над ее головой рукой, снимая боль у своей ученицы. – Идем, у меня нет времени.

Энин открыла глаза. Звон в ушах утих, вместе с ним закончилась и пытка боли. Новоиспеченная магичка не знала, что первые уроки колдовства – самые болезненные из всех, что любые манипуляции с Силой, независимо от талантов и опыта мага, причиняют ему телесные муки. Энин еще не привыкла к этому, не понимала, что магия – боль, и все так же лежала на холодном камне, инертно напрягала мышцы, будто все еще терпя мучения. Но вскоре, убедившись, что ничто не сковывает ее движений, расслабилась, а спустя мгновение уже стояла на ногах, готовая выполнять новые указания некроманта. Но лич не сказал ни слова – лишь пошел в сторону замка, а Энин, поджав плечи, поплелась вслед за ним, чувствуя себя маленьким затравленным котенком.

Жуткий замок! Сандро превратил бы его в руины, если бы у него была такая возможность, но возможности не было, и приходилось терпеть черный, как ночь, камень, из которого сумасшедший зодчий изваял свое уродливое детище, и мириться с заунывными сквозняками, бродившими по узким, неудобным коридорам, словно бесплотные призраки, шуршащие своими иллюзорными одеяниями. Сандро терпел, Сандро мирился, но сейчас не мог сдержать в себе ненависти к проклятому замку! Бленхайм был тюрьмой. Большой, огромной тюрьмой. Сандро с превеликим удовольствием покинул бы этого каменного клеща, высасывающего из него жизнь, этого каменного монстра, которого мальчик знал как свои пять пальцев, но предпочел бы не знать вообще. С каждым днем желание убежать, скрыться от всех невзгод в родной захолустной деревушке, в которую он уже не может попасть, ибо так приказал Хозяин, становилось все нестерпимей. И сейчас оно сделалось настолько велико, что Сандро с трудом заставил себя не думать обо всем этом и спускаться все ниже и ниже по ступеням центральной лестницы Бленхайма. Шел медленно, продираясь сквозь тяжелый, застоялый воздух замка, словно плывя в вязкой жидкости, но услышав душераздирающий крик, донесшийся из известной ему кельи, он, будто гордая птица, взметнувшая крылья, помчался на крики ужаса и отчаяния.

Сандро несся, как ветер, но страх в его сердце выросал вдесятеро быстрее. Он боялся не успеть, опоздать, боялся, что не сможет помочь своей возлюбленной в трудную минуту. Он не знал, что происходит в комнате Энин, да и не мог разобрать, ей ли принадлежал этот крик. А вопль ужаса, раз окатив замок, затих, словно умер, и больше не повторялся. Сандро попытался выбросить из головы отрешенные мысли и убедить себя, что ему послышалось, но когда он был у самих дверей, повторный крик заставил его сердце сжаться в комок, замирая от неопределенности и страха. Сандро резко открыл двери и шагнул внутрь.

Комната была пуста. В зарешеченное окно порывами влетал свежий ветер, разрушая сырость и духоту кельи. За железными прутьями быстро синело небо, лишаясь ночных антрацитовых одеяний. Все было тихо и спокойно. Казалось, тут нет людей, и течение жизни в узком пространстве остановилось. Неподвижно лежали предметы обихода, сползло на пол тонкое, не греющее в зиму покрывало, тихо, едва различимо поскрипывала на легком ветру не закрывающаяся дверь шкафа.

Сандро растерялся. Не это он ожидал увидеть. И вроде бы не было причин для паники – ничто не предвещало беды, кроме крика, никому не принадлежавшего, – но Сандро не покидало чувство грядущей опасности. Справа раздался новый вопль. Мальчик резко обернулся и только сейчас заметил, сжавшуюся в комок девушку, забившуюся в угол и закрывшую лицо ладонями. Сандро метнулся к ней, мечтая только о том, чтобы ею оказалась Анэт, а не Энин: он не хотел, чтобы его возлюбленная чувствовала боль, в то время как страдания ее сестры мальчика почти не занимали.

К «радости» некроманта, мученицей оказалась Анэт. Сандро склонился над ней и попытался магией снять боль, уже сейчас сообразив, что, помогая девушке, он получает лишний шанс вернуть расположение Энин. Магия подействовала быстро. Анэт расслабилась. Отняла от лица ладони и блаженно закинула голову. Ее глаза были закрыты. Девушка жадно, полной грудью вдыхала воздух, словно заново училась дышать. На лице Анэт застыла довольная улыбка, но ни один мускул на ее миловидном личике больше не дрогнул, сама девушка не шевелилась, и лишь шумное дыхание доказывало, что она не мертва. Сандро переминался с ноги на ногу: ему не нравились ни улыбка Анэт, ни ее затянувшееся молчание, он ждал какой-то реакции, каких-то слов, но, не дождавшись, заговорил сам:

– Анэт, ты в порядке? – спросил он, с трудом подавляя желание растолкать девушку и силой привести ее в чувства.

На мгновение Анэт затаила дыхание и открыла глаза. На Сандро смотрели две черные бездны, смотрели, не выказывая никаких чувств, и если бы Сандро не видел вестниц смерти раньше, то назвал бы этот взгляд взглядом Бледной или Безумной.

– Что? Что с тобой? – опешил мальчик, но, быстро переборов удивление и тонкую

пелену испуга, попытался прикоснуться к Анэт, прочувствовать ее ауру, помочь ей. Анэт с силой отстранила руку мальчика. После чего мертвой хваткой схватила его за шею и придвинула к своему лицу. Сандро в упор смотрел в черные глаза девушки и видел, как в них шевелится черная дымка Тьмы. Он ни за что не подумал бы, что сможет так бояться, но сейчас его страху не было предела. Он судорожно попытался разжать сдавившую горло ладонь, но у него ничего не вышло.

– Анэт... – прошипел Сандро.

– Интересное заявление, но ошибочное, – ехидно улыбаясь нечеловеческой – звериной – улыбкой, ответила Анэт. Нет, не Анэт – Нечто, которое говорило и выглядело, как она, но ею не являлось. Девушка без видимых усилий, словно пушинку, отбросила Сандро в другой конец комнаты. Быстрыми шагами направилась к нему, но резко остановилась, будто напоролась на невидимую преграду.

– Трисмегист, – принюхиваясь, словно ищейка, выдавила она. – Твою волшбу я распознаю где и когда угодно.

– Не тронь юнца. – Спокойный голос Альберта раздался из ниоткуда, голос настолько хладнокровный и уверенный в себе, что страх на мгновение отступил от Сандро. Мальчик искал в своей памяти заклинания, способные, не нанося вреда, остановить Анэт, но не находил их. Время остановилось, мысли бесконечным потоком проносились у него в голове, десятки и сотни заученных заклятий и заговоров вклинивались в сознание, но исчезали, не оставляя и следа за своей полной ненадобностью. Сандро не мог понять, с кем имеет дело, не знал, как с ним бороться, а Анэт все стояла без движения, тщетно пытаясь пробиться сквозь невидимый заслон.

– Альберт, я веками ждала мести, но даже представить себе не могла, что она свершится так скоро. – Тонкие пальцы Анэт переплелись в непонятный знак, и в тот же миг со звоном битого стекла рассыпался магический щит Трисмегиста.

– Титания, это наш спор, и юноша тут ни при чем. – Ставя все новые и новые преграды, холодно говорил Альберт, а Титания, покорившая тело Анэт, все тем же gearдом¹⁰ методично разрушала чужие заклинания.

– Твой час пробил, – ехидно выговорила Титания, когда почувствовала, что силы оппонента тают. – Ты слаб, дух, слаб, как никогда. Я хотела честной битвы, хотела для тебя достойной смерти, но выбирать не приходится.

– Сандро, призови свой посох, без него ты не справишься, – прозвучал в голове мальчика голос наставника.

Сандро хотел спросить: «Как?! Какие формулы для этого нужны?» Но с удивлением понял, что недавний урок друидизма оставил в памяти нужные манипуляции.

– Ментал мой, не советую общаться с учеником при помощи разума, – ухмыльнулась Титания и, сомкнув пальцы в новом знаке, атаковала.

Сандро краем глаза заметил, как пустота, разделявшая его и Титанию, посерела, как невидимый ранее Альберт вышел из облака тьмы. Сперва Трисмегист выглядел как скелет. Лиановидные растения пронзили его глазницы и рот, сковали своими путами руки и ноги. Позже друид превратился в седого старца с согбенной спиной и длинной взлохмаченной бородой пепельного цвета, но метаморфоза не заканчивалась, и вскоре перед Сандро предстал мужчина средних лет в зеленых одеждах. Он, отставив одну ногу назад, сопротивлялся рвущемуся из тонких пальцев Титании потоку тьмы.

– Посох! – вскрикнул Альберт. Его голос утратил былую хладнокровность, наполнился отчаянием.

Сандро наподобие того, как жестами кудесила Титания, стал скрещивать пальцы в неведомых знаках. Он призывал свое оружие, свой некромантский посох. Не понимая откуда, Сандро знал, что через ментал можно переместить любой предмет, знал он и то, что чем дальше оный предмет, тем сложнее перемещение, и если призывающий ошибется в точности местонахождения вещи, то призовет не то, чего желал. Поэтому мальчик представил внутренним взором свое оружие, вспомнил, где оставил в последний раз – это

было не сложно: Сандро педантично ставил его на одно и то же место и никогда не носил с собой – брал лишь на уроки темной магии. Но погрузить вещь в ментал, а затем вытащить ее уже в другом месте было нелегкой задачей, а недостаток времени и необходимость спешки усугублялись слабым пониманием выполняемых действий. Несмотря ни на что, Сандро выполнил возложенную на него задачу, хотя сделал это слишком поздно.

Альберт противостоял магии Черной Вдовы так долго, как только мог. Но силы были неравными. Вернувшись в реальный мир в образе духа, Трисмегист лишился, за редким исключением, почти всех своих способностей. И лишь знаний и опыта не стало после возвращения меньше, но сейчас от них не было никакого толку: он вел не беседу, а поединок. Правда, и Титания потеряла немало сил и после похищения тела не успела восстановить их. Трисмегист видел, как душа Анэт еще борется с чужеродной магией, как сопротивляется из последних сил, но друид знал, что девушка обречена и помочь ей может только чудо.

Альберт пропустил удар.

Черное облако пронзило насквозь его иллюзорную плоть и, казалось, не нанесло никакого вреда, но на первый взгляд незаметный маленький след в прозрачном теле, оставшийся от точечного клевка, быстро расширился, превращаясь в огромную дыру. Альберт истлевал, словно лист бумаги, прожженный посередине огненным мечом. Его тело искрилось черно-пламенным сиянием, сгорая без следа. Последнее, что он успел сделать, – дать ученику напутствие: «Проведи экзорцизм, Сандро, иначе душа девушки умрет...»

Друид сгорел, истлел, исчез. Его снова не стало, но на этот раз ученик уже не услышит слов наставника. Магия Вдовы уничтожила нить, связывающую Альберта с реальным миром, погубила.

Мальчик рванулся с места и, широко размахнувшись, изо всех сил ударил Титанию по лицу. Она упала на пол, но тут же попыталась встать, контратакуя своей неведомой волшебной силой. Но Сандро оказался расторопнее и саданул башмаком правой ноги по ее пальцам. Он никому не говорил, что оснастил свою обувь железными утяжелителями, которые уравнивали вес мертвой – более легкой – и живой частей его тела. Теперь кованый металл с легкостью переломил фаланги пальцев Титании, лишая ее возможности колдовать, а Сандро, прижав к груди девушки нечеловеческий череп, который служил набалдашником его посоху, нараспев начал читать заклинание экзорцизма.

Посох быстро раскалился. Титания пыталась вырваться, пыталась сопротивляться магии, но была бессильна перед изгоняющими заклятиями – они сковывали ее зачарованными путами, не давая прервать действие колдовства. Магия накалила деревянный посох, словно горн раскаляет железо, а переполненный энергией череп жег кожу на нежной девичьей груди. Сандро как на себе чувствовал душевные муки Анэт, ощущал боль, которую терпит ее тело, но знал, что это единственный способ спасти ее от одержимости, и поэтому, не сбивая монотонного говора, бубнил заклинание. Титания – или Анэт? – было уже не разобрать – вопила, как неистовый демон. В промежутках между криками она отчаянно рыдала, словно плакальщица на похоронах, несколько раз даже взмолилась, прося пощады. Но Сандро был холоден и бесстрастен – он не обращал на мольбы ни малейшего внимания и, слепо следуя выстраивающимся в голове формулам, продолжал экзорцизм. И все бы закончилось удачно, завершилось бы изгнанием чужого духа, но экзорциста прервали.

Перепуганная Энин, примчавшая на крики сестры, с грохотом открывшейся двери ворвалась в келью и, молнией промчавшись через всю комнату, сбила мальчика с ног, заставляя его отпустить одержимую из-под действия заклинания. Но Сандро не сдавался: даже не прикасаясь к Титании посохом, которым блокировал чужое колдовство, продолжал читать заговор. Энин била его по груди, отвешивала пощечины, а юный некромант, не останавливаясь, бормотал изгоняющие формулы.

Сандро понимал, что выглядит в глазах Энин ужасным колдуном, который зачаровывает ее сестру, но надеялся, что возлюбленная поймет его, когда Анэт придет в себя

и расскажет обо всем, что с ней приключилось. Он шел ва-банк, и это было единственной возможностью спасти Анэт.

Все закончилось внезапно.

Мальчику оставалось всего ничего, чтобы закончить экзорцизм, но его прервало слово, ослушаться которого он не мог.

– Замолкни! – взревел Арганус, возникший в дверях кельи. – Прекрати ее зачаровывать.

– Я ее не заколдовывал, я хотел помочь, – попытался оправдаться Сандро, – я пытался изгнать из нее...

– Душу? – прервал холодным, как лед, голосом Арганус. – Ты хотел изгнать из нее душу? Отвечай: да или нет?

Сандро замялся. Он не знал, как правильно ответить.

– Да, но эта душа не ее...

– А чья? Чья это душа? – рыдая взхлеб, истерическим тоном спросила Энин. Она так и не смогла остановиться и до сих пор была мальчика, но он не обращал на ее удары никакого внимания.

– Трис... другой дух назвал ее Титанией, – чуть не сболтнул лишнего Сандро.

– Два духа? Ты нашел для себя плохое оправдание, – сухо выговорил Арганус и подошел к лежавшей без сознания Анэт. Посмотрел на нее, потом на ученика – и после короткой паузы выговорил: – Я не хочу больше слушать твоих бредней. Убирайся и не попадайся мне на глаза...

Сандро сидел на полу, не в силах пошевелиться, и получал слабые удары в грудь от обессиленной Энин. Арганус медленно подошел к девушке и отнял ее от мальчика, что-то тихо шепнув ей на ухо – Сандро не смог разобрать, что именно, – и Энин метнулась к сестре. Снова разрыдавшись, обняла лежавшую без сознания девушку и уткнулась лицом в ее золотые волосы. Раб некроманта, не имея собственной воли и беспрекословно подчиняясь приказам, встал и, захватив с собой посох и заплечную сумку, вышел из кельи. Уходя, он бросил тоскливый взгляд на свою возлюбленную, для которой он стал еще большим монстром, чем был. Сегодня он потерял не только наставника, погибшего в нечестном бою, но и возлюбленную, которая никогда не поверит в чистоту его побуждений...

* * *

– Она еле дышит... она... умирает... – не веря своим словам, ужаснулась Энин.

– Я спасу ее, – бесстрастно сказал Арганус, когда Сандро покинул комнату. – Малец пытался поработить душу твоей сестры, но я успел вовремя – он не закончил заклинания. Но даже если она выживет, ее душа претерпит изменения. Насколько глобальные, сейчас я сказать не могу.

– Пожалуйста, спасите ее, – хныча, умоляла Энин, прижимаясь к сестре, жизнь которой была на волоске.

– Хорошо. – Арганус склонился над Анэт, несколько раз провел перед ее лицом рукой, прощупывая измененную ауру одержимой. После чего резко посмотрел на Энин: – Уйди и не мешай мне, придешь, когда я закончу.

Девушка не заставила себя ждать. Она не хотела вызывать негодование у того, от которого зависела судьба ее сестры. Энин вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. После чего прислонилась к стене и тихо, чтобы не мешать магу, заплакала. Ее слепая надежда на мальчика привела к катастрофическим последствиям – она не могла поверить, что когда-то доверяла ему, верила его словам. Теперь она знала, что за монстр скрыт за черными одеяниями, но сейчас это знание никак не могло помочь ее сестре. А вместо этого ужасный Хозяин, которого она всегда считала источником всех зол и ненастий, оказался настолько добр и великодушен, что спасает жизнь Анэт. Энин обязана ему и не останется в долгу, каким бы ни был результат от оказанной помощи...

* * *

Мальчик постарался на славу. Арганусу стоило немалых трудов, чтобы восстановить контроль Титании над телом Анэт. Но даже при всем своем могуществе и стараниях, личу не удалось обратить действие экзорцизма. В одном теле сохранились обе души и ни одна не могла занять доминирующего положения. Арганус все же потерял советчицу и помощницу, зато получил ученицу и ее искреннюю веру, которой при необходимости сможет воспользоваться.

Сандро же проявил серьезное умение – доказал, что способен на многое. Насчет ученика у некроманта появились новые планы, которые помогут ему либо получить неплохого мага, либо избавят от надоедливости последнего. Карты розданы, и лич знал, что подтасует колоду так, как ему самому захочется. Единственным, что осталось неразрешенным, был поединок Морены за трон Хельхейма, который пройдет уже завтра.

Арганус закончил свои манипуляции над бессознательной Анэт, после чего уложил ее на кровать и вышел из кельи. На сегодня у него много дел, а с рассветом он возьмется за учеников... уже двоих.

Глава 16 Королева Тьмы

*Ах, эта тишина... и крик души!
Ах, эта тишина... излить бы слезы.
Забывать на миг, что ты наследник Тьмы,
И помнить только сладостные грезы.
Сандро Гайер. «Мемуары некроманта»*

Он держался, как мог, он хотел быть сильным – таким сильным, каким его учил быть отец. Авва говорил, что самое главное – сила воли, что, только воспитав и развив ее в себе, мужчина становится сильным. Авва был сильным... но сила не спасла его от смерти, ее не хватило даже на то, чтобы защитить жену от гибели, а сына от рабства. Несмотря ни на что, Сандро хотел быть похожим на отца, хотел быть сильным и волевым, как родитель, но одного желания было мало, и он ощущал лишь беспомощность и слабость. А весь мир, словно сговорившись, был против него. Весь треклятый мир, которого он никогда не видел, и если не освободится от рабства – не увидит!

Сандро тихо плакал, забившись в угол лаборатории, словно загнанная мышь. Он и ощущал себя мышонком, слабым и беззащитным. Мальчик потерял единственного друга, уже скучал по нему, пытался оживить его в хотя бы своей памяти, но даже этого не получалось. Альберт ушел, исчез, растворился, покинул мир без почестей и пышных похорон, хотя заслуживал это больше, чем кто бы то ни было. Он был духом – духом той силы воли, которой всегда не хватало мальчику, он стал наставником – таким наставником, которым когда-то был отец. Трисмегист был всем: и другом, и отцом, и просто тем, с кем Сандро мог поговорить по душам. Других собеседников у него и не было. А после окончательной ссоры с сестрами – возможно, и не будет...

– НЕТ! Будут! – резко вставая, прорывал Сандро, словно тигр, вырвавшийся на свободу. Он сделает то, чего добивался от него Трисмегист: он сделает то, чего сам хотел больше всего на свете – он вырвется из клетки, которой был Бленхайм, вырвется из зверинца, которым являлся Хельхейм. Он станет свободным! Создаст «эликсир разрыва» и покончит со своей рабской судьбой, оставит ее в прошлом!

– Звезды – звездам, а людям – мир, – сказал Сандро, подходя к рабочему столу и беря в

руки рецепт эликсира. Он хотел точного расчета, правильного небесного цикла, но для этого нужно время – время, которого больше нет. Он сделает все сейчас, а дальше – будь что будет.

* * *

Некромант сидел в своем кабинете. Темные думы долго не могли разрешиться, но просветление наконец настало. Мысли одна за другой складывались в правильном порядке, словно крупички мозаики, соединялись воедино, приближая создание цельной картины. Сегодня произойдет неизбежное – на трон Хельхейма взойдет новая королева. Морена. Арганус достойно обучил ее магии, а сама некромантка показала превосходные способности. Но залогом победы будет не магическая сила и не опыт: им станут артефакты, созданные Трисмегистом. Юбер-орбы – магические шары, с которыми не справится ни один из магов, какой бы силой и умениями он ни обладал. Их секрет состоял не в колдовской энергии – в магнетизме, который они излучали. Хотя победа ничего не стоит, если она не приблизит на шаг исполнение пророчества, но она приблизит. Да, Каэль на самом деле оказался не тем «дважды мертвым», которым должен был стать, но мертвецом, ожившим после второй гибели, оказался Трисмегист. Мальчику каким-то образом удалось призвать духа, вернуть ему новую жизнь. Если бы не оговорка ученика, Арганус бы и не понял, каким образом Сандро смог провести экзорцизм, но сейчас это стало очевидным. Друид тайно обучал мальчика тонкостям своего волшебства, и надо сказать, весьма удачно, но с магическими гвардами и турдами Черной Вдовы не совладает ни один призванный. Трисмегист вновь отправился в страну духов, из которой уже не будет возврата. Правда, сам Сандро оказался куда более талантливым, чем думал Арганус. Титания с ним не справилась, хотя и Сандро не довел дело до конца, не закончил экзорцизма. Тем не менее, теперь от Вдовы будет мало толку – лич так и не смог подчинить ей тело и душу Анэт, хотя и девушка уже никогда не станет такой, как прежде.

Но все это уже не важно...

Предсказание исполняется.

Уже есть Сандро, «воскресший живым», и Трисмегист, «оживший дважды мертвый», вскоре исполнится третья часть пророчества: рабыня взойдет на трон. Неисполненным останется последнее, пусть и самое сложное звено – бессмертный, добровольно отдавший королевскую власть. Но мозаика сложилась: лич знал, как добиться и этого.

Арганус взгляделся в мутный жемчужный шар, сосредоточился. Нити, связывающие его с рабами, забегали в голове хаотическим водоворотом. Он чувствовал каждого подвластного ему слугу. Только мертвый разум, холодный и бездушный, мог выдержать такую нагрузку, только сознание, сотканное из магии. Лич безошибочно выбрал нужную струну, полетел по ее тонкому пути сквозь горы и леса, направляя свою магию в Хельгард – Туманную столицу.

Хельгард. Столица всех столиц.

Зодчие постарались на славу. Настолько могущественного города не сыщется во всем мире. Огромный замок врос в отвесные скалы. Внешняя крепость поравнялась с высокими горами и была так же недосыгаема, как исполины Черного Кряжа. Веками армии скелетов трудились над строительством, с каждым годом делая крепостные стены все выше, все крепче. За непреступными укреплениями скрылись величественные ансамбли дворцов, ухоженные пустынные улицы, оживленные темной магией сады, великолепные памятники из мрамора и бронзы, фонтаны разных форм и конструкций. Город был прекрасен, но гробовая тишина, которая обволокла собой городские просторы, наполнила Хельгард безмолвным ужасом, а отсутствие жизни делала красоту мрачной и безликой, но ровно настолько же гордой и величественной.

Морена, первая, посчитавшая себя достаточно сильной колдуньей, чтобы оспорить власть королевы, беззаботно сидела на поручне балкона, элегантно покачивая ножкой, и мечтательно смотрела в небо. Бледными тенями плыли облака, цепляясь за шпили башен. Блеклый светоч придавал предрассветным сумеркам романтический оттенок. Неутихающий ветер теребил иллюзорные волосы магички, играл кудрявыми локонами.

Морена была прекрасна. Белое, словно молоко, лицо идеально точной формы, большие миндалевидные глаза с отражающими рассветное зарево сине-зелеными зрачками, крупные скулы и небольшие ямочки на щеках, сопровождающие задумчивую улыбку... все это было лишь иллюзией, ложью, но когда-то Морена выглядела именно так. Магия тьмы превратила ее в скелет, но жажда быть такой, как прежде, заставляла некромантку кудесить над собой и скрывать лик за миражом. Сей факт приводил других некромантов в недовольство, они роптали и косились ей вслед, но Морена плевала на чужое мнение и делала так, как хотелось ей.

Неожиданно она почувствовала Зов, но играючи проигнорировала его. У нее было слишком мечтательное настроение, чтобы выслушивать просьбы, но вопрошающий был настырен. Морена вальяжно махнула рукой, посылая обратный импульс. Всего одним легким движением она изничтожит надоедливую гостью. Но Зов не утих, заново постучался в сознание, что заставило некромантку удивиться: с недавних пор не осталось никого, способного противостоять ее магии.

Морена провела в воздухе рукой, и в ладони материализовался хрустальный шар.

– Чего ты хотел? – не утруждаясь приветствиями, спросила она.

– И я рад тебя слышать... – начал было Арганус, но его беспардонно перебили:

– Кто тебе сказал, что я рада? Тебе задали вопрос и ты должен отвечать на него, а не выдумывать свои.

– Успокойся, – скомандовал Арганус. – Если ты не забыла, ты все еще моя рабыня. И пока будет так, мои слова для тебя – приказ.

– Да? – Морена наигранно удивилась. – Поединок за трон будет через час, все линии, связывающие меня с Мастером, стерты. Теперь твои приказы для меня не больше чем пустой звук.

– Ты заблуждаешься, Морена. Лазарь не стер ничего, ты по-прежнему моя рабыня и останешься таковой и впредь, – ухмыльнулся лич. – Но об этом ты никому не скажешь, потому что так приказал тебе Хозяин.

– Чего тебе надо?! – повысила голос Морена, только сейчас понимая, что недавний Зов был зовом Хозяина, иначе она смогла бы от него избавиться.

– Ничего. Ты должна стать Королевой.

– Тогда зачем ты вызвал меня?

– Когда ты станешь Королевой...

– Если стану, – поправила некроманта Морена.

– *Когда* ты станешь Королевой, – акцентировал Арганус, давая понять, что другого результата не ждет, – ты должна убедить Балор Дота отправиться в Чертоги Тьмы, чтобы он, будучи там, извлек знание, способное разрушить «купол Хельхейма».

– Зачем тебе это? – удивилась Морена. – Мне известны твои планы: ты хочешь проникнуть сквозь «купол», чтобы стать единоправным повелителем над смертными. Но если Балор Дот разрушит «купол», то станет правителем сам, и твои мечты останутся нереализованными.

– Тебе отдали приказ, и твоя задача – исполнять его, а не обговаривать, – сказал Арганус. – Если тебе не удастся его подговорить на этот поступок, Хельхейм лишится Королевы, едва обретя ее; если удастся – у тебя появится шанс стать свободной. И только тогда тебя ничто не будет связывать с прошлой жизнью, с прошлой жизнью и Бленхаймом.

Сине-зеленые зрачки Морены налились кровью при одном упоминании о проклятом замке. Некромантка вспомнила те дни, когда ей доводилось ублажать на глазах Аргануса свою сестру. Морена ненавидела Бленхайм больше всего на свете.

Когда-то Арганус обнаружил в рабыне задатки великой некромантки, Морена даже не догадывалась, что он специально отбирал в свои рабыни девушек, расположенных к пользованию Силы. Лич обучал Морену магии, но обучал магии тайной, скрытой от обычных колдунов и друидов, магии, известной лишь Трисмегисту и его ближайшим ученикам, одним из которых был и сам Арганус. Альберт Трижды Великий создал свою школу чародейства. Вошли в нее лишь самые искусные из магов-друидов – лишь те, кому Альберт доверял, как себе. Его учение называлось Магнетизмом, и после смерти Мастера немногочисленные ученики остались единственными, кому известна эта волшба, но они скрывали ее еще тщательнее, чем сам Трисмегист, поэтому знание числилось утраченным.

Когда Морена заразилась чумой, она не подозревала, что это дело рук Аргануса. Он специально обрек ее на смерть, чтобы трансформация оказалась благом, а сам лич – спасителем. Морена не догадывалась и о том, что ей уготована роль рабыни, которая станет королевой. Она посчитала власть спасением – единственным способом лишиться рабского гнета, но ошиблась. Знай она обо всем, Морена возненавидела бы Аргануса, но в ее глазах он был спасителем – пусть страшным, извращенным, но спасителем. И она, будучи воскрешенной эликсиром бессмертия, который сохранял в оживленном немало людского, сберегла в себе способность любить. И как бы ни хотела этого не признавать, чувствовала к Хозяину нежные чувства. Она хотела стать свободной, чтобы оказаться равной Арганусу и занять свое место рядом с ним не как рабыня, а как возлюбленная.

– Я сделаю, как ты просишь, если поклянешься сделать меня свободной, – несколько секунд обдумывая новые факты, ответила наконец Морена.

– Ты не в том положении, чтобы ставить условия. Хотя если все пройдет удачно и Болар Дот уйдет в Залы Аменти, я обещаю подумать над твоим освобождением, – сходу ответил Арганус, и Морена не усомнилась в том, что свободы ей не видать, но у нее не было другого выхода.

– Я сделаю, как ты просишь, – вздохнула она.

– Приказываю, – поправил лич. – Я не имею привычки просить.

– Это уже мелочи, – ответила Морена, вращая в руке два идеально круглых магнитных камня, что значило бесконечное недовольство, но голос у некромантки не дрогнул.

– Результат мне нужен сегодня же. Иначе о твоём освобождении я даже не задумаюсь.

– Арганус, я бы не спешила там, где это не нужно. Излишняя активность может вызвать подозрения, – попыталась потянуть время Морена.

– Сделаешь так, чтобы подозрений не возникло. Балор Дот бездействует, Хельхейм уже пять веков не может прорваться сквозь «купол». На праздновании победы ты обвинишь его в квеитизме¹¹ и потребуешь немедленных решений. Если понадобится, пригрозил ему гласностью. Не сработает и это – включи воображение. Меня не интересует, как ты добьешься своего: мне важен результат. Все. Разговор окончен. И учти: оплошности быть не должно.

Арганус разорвал связь, даже не попрощавшись. Морена обиделась бы на учителя и наставника, если бы не знала лича достаточно хорошо, чтобы не обращать на подобные выходки внимания. Арганус не любил, когда его подопечные не способны решать поставленных задач сами, но если переживал за результат, нередко самолично объяснял точную последовательность действий. Арганус указал поочередность – значит, сомневается в успехе. Но Морена сделает все, как надо. Тем более что у нее нет другого выбора – не осталось ничего, кроме как подчиниться и выполнять приказ.

– Паршивый интриган, – охарактеризовала она лича. Мутная сфера выпорхнула из руки и поднялась над ладонью. Морена щелкнула пальцами, и шар исчез. Прекрасная девушка с иллюзией вместо лица вновь мечтательно уставилась в серые облака. Сперва надо победить в поединке за трон, подталкивать Балор Дота на уход в Залы Аменти рано, поэтому задумываться над тем, как этого достичь, Морена не спешила – она привыкла решать проблемы по мере их поступления...

* * *

Красный закат, пророчивший кровавые сражения, разукрасил комнату багряными красками. Извечный ветер, живущий в самом высоком замке Хельгарда, теребил грузные занавесы и тряпичные перекрытия. Свет лампад, не нарушавший кровавых закатных цветов, отражался от белого лица скелета, как от зеркала.

– Будь аккуратной и жди подвоха, – советовал Балор Дот. За его спиной разрослись костяные крылья, из-за которых лич выглядел словно дракон. В руке застыл жезл в виде змеи, обвившей тонкий посох, ее фиолетовые – цвета аметиста – зрачки, светящиеся ярким светом, невозмутимым, лишенным эмоций взглядом уставились на скелет в пышных женских одеяниях.

– Она не победит меня, – гордо вскинув дырявый подбородок, уверила Виолетта. – Девочка слаба и неопытна.

– Я не говорил о ее победе, я сказал, что не все так просто и тебе понадобится хитрость.

– У меня есть сила, с которой не справится никто, – упорствовала некромантка.

– Хочешь быть глупой – будь, – отмахнулся Балор Дот и прошел к окну. – Пора спускаться, зрители прибывают.

– Подождут, – огрызнулась Виолетта, за злобой пытаясь скрыть волнение и опаску. Она уже и забыла, когда в последний раз схлестывалась в магических поединках, поэтому настолько отвыкла от сражений, что невольно чувствовала некое подобие страха, страха перед теми умениями, которых не знала.

– Заткнись и спускайся, – холодно приказал Балор Дот, и Виолетта, не имевшая права не подчиниться, без промедлений бросилась исполнять повеление короля.

* * *

Центральную площадь Хельгарда заполнили люди, обглоданные временем тела, которые некогда были людьми, а сейчас – всего лишь их скелетами. Каждый напялил на себя яркие, пестрые одежды, кое-кто пришел в начищенных, блистающих латах, отливающих в закатных лучах алым. Женщины, по которым было трудно определить стать, нахлобучили парики и кокетливо обмахивали свои костяные лица вычурными веерами. Играли магические трубы, рядом с которыми стояли трубадуры, не имевшие легких, но манерно дувшие в свои немзыкальные – оружие протяжным воем – инструменты. Кто-то кричал, кто-то пел, но это пение мало чем отличалось от крика. Крика смерти. Другие, словно одурманенные весельем, плясали безумные танцы. Танцы смерти. Столица переполнилось радостью, но радовались мертвецы. И эта радость была радостью смерти. Все ждали поединка, и одна из соперниц уже пришла на место грядущей битвы: она ловко жонглировала черными, как смоль, шарами, и все с воодушевлением воспринимали ее задорное настроение – столпились вокруг нее и горланили восхваляющие комплементы. Авось и получится раздобыть для себя протекторат будущей королевы, если она ею, конечно, станет.

Но все разошлись, оставив Морену в гордом одиночестве, когда появилась королевская чета. Трубы затихли, а песни задохнулись. Танцующие, словно забитые кошки, разбежались по сторонам.

Виолетта остановилась в центре площади, с трудом сдерживая гнев, адресованный безродной рабыне, посмевавшей вызвать ее на поединок. Балор Дот прошел к трону без спинки, больше напоминавшему табурет. После чего сел на королевское место, словно Демон Хель расправив свои костяные крылья.

– Приветствую собравшихся! – громко заговорил Король и Повелитель. Он говорил сидя, чем лишний раз показывал, что обращается к рабам, а не к равным. Но все и без того

знали, кем являются. – Я не готовил пышных речей, да они здесь и ни к чему. Мы пришли сюда, чтобы насладиться битвой! Так пусть же она начнется!

Как только Балор Дот закончил свою короткую речь, поединок за трон Хельхейма незамедлительно начался. Виолетта без промедлений атаковала – атаковала привычной темной магией. Мутно-черный нескончаемый поток вырвался из костяных фаланг и помчался к сопернице. Виолетта решила взять не изощренными заклинаниями – грубой силой, заранее зная, что вызвавшая ее на поединок по неопытной молодости не научилась оперировать таким количеством Силы и не сможет защититься от натиска. Тем сильнее было удивление Королевы, когда новоиспеченная магичка, пришедшая в Туманную столицу, чтобы тягаться с непобедимой правительницей, вместо прямого противостояния перехватила заклинание и обратила на саму Королеву. Виолетте пришлось потратить немало сил, чтобы отбить собственное заклинание, а Морена – жалкая рабыня, обращенная в лича всего год назад – вновь атаковала. Эта атака была не похожа на магию Тьмы, не носила никакого ментального остатка, словно и не была никакой магией. В руке Морены возникли два магнитных камня идеально круглой формы. Легким жестом она направила их на свою соперницу. Юбер-орбы взмыли в воздух и, притягиваясь друг к другу, упруго ударялись, соединяясь, но из-за точечной площади касания тут же расцеплялись от удара. Всего за секунду они соприкоснулись несколько сотен раз, и каждое микростолкновение сопровождалось неприятным звуком, переросшим в режущее слух бесконечное гудение.

Виолетта поставила магический блок, но он не смог остановить сферы, словно в них не вложили никакой волшбы. Юбер-орбы столкнулись с Королевой Хельхейма, и только тогда в них проснулась магия, но магия не сродни ни одной из известных. Сферы раскололись, разлетелись сотней и тысячей мелких, словно капли ртути, кругляшек, окутали собой Виолетту и не прекращая кружились вокруг нее. Магнитно соприкасаясь, шары бились друг о друга, а разом и о костяшки личи, по крохам разрушая ее тело. Виолетта пыталась магически защититься от орбов, но они не подчинялись колдовскому воздействию. Она решила дотянуться заклинанием до хозяйки сфер, но и это не удалось. Магнитные кругляшки вбирали в себя магическую энергию и, получая подпитку, лишь сильнее и быстрее соприкасались, делая свои удары-укусы еще более разрушительными. Виолетта так и не смогла справиться с волшбой соперницы. Долго над нею кудесили орбы, но продолжительность не изменила исхода. Больше часа мучалась Виолетта, больше часа не умолкало режущее слух гудение орбов, всасывающее в себя вопли и крики Королевы, а когда сферы соединились, вернув себе внешность двух магнитных камней, от личи не осталось и следа – лишь костная труха да эманации Силы.

Так погибла правительница Хельхейма, и ей на смену пришла Морена, рабыня Аргануса, которая своей победой еще на шаг приблизила исполнение пророчества.

Глава 17

Сердце на ладони

«Надо начинать по солнечном закате, когда красный супруг и белая супруга соединяются в духе жизни для того, чтобы жить в любви и спокойствии, в прочной пропорции воды и земли».

«Продвигайся с запада, сквозь тьму, к различным степеням Малой Медведицы. Охлаждай и разводи тепло красного супруга между зимой и весной, преврати воду в черную землю и поднимайся через изменяющиеся цвета к востоку, где показывается полная луна. После очищения появляется солнце, белое и лучистое».

Луи Фигье. «Алхимия и алхимики»

Зеленый лев был готов. Сандро продолжил нагревать его. При дальнейшем прокаливании желтоватая окись свинца покраснела, приобретая скрытые в обычном

состоянии философские качества. Теперь имя этого сурика – «философская ртуть». Сандро, ни на секунду не снимая с огня яйцеобразную форму, в которой прокаливался свинец, долил в нее виноградного спирта, загодя перегнанного через луковицу¹². Спирт растворил красного льва. Сандро продолжил греть сурик, пока тот не превратился, выпарившись, в нечистый ацетат. Платиновая колба уже накалилась до предела, но юный алхимик не переживал: он знал, что платина не вступит в реакцию до той поры, пока не станет плавиться, а на обычном огне такого не произойдет. Мальчик не останавливался, он был переполнен верой в свои опыты, верой в свой успех, а злость, которую он ощущал на весь мир, превратила его в расчетливую машину, не способную совершить ни единого промаха.

Вскоре в колбе остался лишь свинцовый сахар, его камедообразный раствор был настолько твердым, что его можно было резать ножом, но и это не означало конца опыта – лишь его начало. Сандро переложил ацетат в обмазанную глиной реторту и стал его дистиллировать, медленно, не спеша. Ему надо было отделить от полученного ацетата жидкости трех природ, и вскоре он достиг этого. При постепенном нагревании в растворе сперва перегналась кристаллизационная вода – безвкусная белая флегма; затем горючая вода – спирт; и, наконец, красно-бурая маслянистая жидкость, которая числилась человеческой кровью. Хельхеймские тени покрыли реторту своим темным покрывалом, а внутри нее Сандро нашел черного дракона, приготовлением которого занимался. Первый цикл завершился. Чтобы опыт закончился, дракон должен пожрать свой хвост, дабы крылатый Уроборос замкнул кольцо «разрыва», сделал эффект от полученного зелья постоянным. Сандро смешал Дракона – черный мелкодробленный свинец – с раскаленными углями, оставшимися от магических палений. Свинец, соприкоснувшись с углем, загорелся, начал таять и, приобретая великолепный лимонный цвет, вновь произвел зеленого льва. Круг замкнулся: дракон пожрал свой хвост. Но это означало, что опыт придется повторить. И повторить неоднократно – дабы укрепить эффект. Сандро поместил зеленого льва в платиновую колбу яйцеобразной формы и поставил ее на огонь...

Ему долго придется добиваться своего, но он достигнет намеченного результата во что бы то ни стало. Выполнит желание Трисмегиста, покинет Хельхейм до того, как это сделает Арганус, нарушит планы всезнающего учителя и станет свободным. Свободным, как ветер!

А если повезет... если ему повезет, то он заберет с собой Энн. Заберет с собой и больше никогда не позволит проклятым ненастьям и неудачным ситуациям портить их отношения, разрушать тонкую любовную пелену, сотканную из нежности и счастья. Он верил в любовь своей королевы, королевы своего сердца, и мечтал о том, что сможет ее ощутить.

* * *

Анэт очнулась утром. Ее обморок плавно перешел в сон, бесконечно долгий и ужасный. Ей снилась смерть. Смерть ее родителей и младшего брата, которые по договору с личем были обязаны получить свободу. Некромант дал грамоты, пообещал и пальцем не тронуть освобожденных и выполнил свое обещание. Но его нарушил другой скелет. Анэт уже не спала, но перед глазами посреди темной тенистой комнаты словно наяву стоял воин, закованный в непробиваемые начищенные до блеска латы. Воин-скелет. У его ног валялся и корчился от боли отец. Мать, забившись в другой конец комнаты, прикрывала младшему глаза, чтобы тот не видел зверства чуждого миру существа. Скелет избивал отца тяжелыми латными ботинками и делал это до тех пор, пока папа – все еще любимый, несмотря на совершенное им по отношению к двум дочерям зло, – папа не испустил дух. Мать закричала диким зверем, видя, как расслабляется его тело, как он уже не чувствует боли. Она сразу поняла, что мужу пришел конец. А скелет смеялся. Хохотал громко, надрывно. Словно шакал, к телу отца подбежал какой-то низкий, закутанный в серые одеяния маг и всего одним мановением превратил погибшего в зомби. Матери и брату повезло больше. Воин

сжалился над ними и убил быстро. Свистнула сталь меча, вырываемого из ножен, окутывая комнату высоким эманулирующим эхом. Мать рванулась к скелету, моля оставить в живых хотя бы сына, умоляла взять ее жизнь, но не трогать мальчика. Воин ухмыльнулся и сказал, что ему по душе самопожертвование матери, и пообещал сохранить мальцу жизнь. Мать ушла спокойно, сама шагнув на лезвие меча – она знала, что некромантам нет веры, но надеялась, что ее смерть оправдана, пыталась убедить себя, что этот смертельный шаг уберезет ее сына. Она ошиблась. Воин забрал и жизнь мальчика. Анэт видела безмолвный ужас в глазах брата. Он ушел тихо, как и положено настоящему мужчине, он даже в свои десять лет был сильным...

– Анэт, – позвала Энин, расталкивая сестру, которая открыла глаза, но выглядела так, словно продолжает спать.

– Я видела смерть, – отрешенно ответила Анэт, и Энин передернуло от того загробного голоса, которым говорила ее сестра.

– Все в порядке, все хорошо, – убеждала Энин. – Тебе уже ничто не угрожает, некромант избавил тебя от волшбы Сандро.

– Я видела смерть родителей. Лич обманул их. Они мертвы. Мертвы, Энин. Их больше нет...

– Они отказались от нас, – напомнила девушка, – для меня они были мертвы и раньше. К тому же, не стоит верить снам, сестра. Забудь.

– Не могу...

В глазах Анэт встали слезы. Она зарыдала, не сдерживая ужаса и страха, отчаяния. И любви к тем, кого больше нет.

– Эти сны – ложь. Их вызвал мальчик своей волшбой, не обращай на них внимания.

– Он не виновен, – хныча, пробормотала Анэт. – Он пытался помочь. В меня... в меня вселился какой-то дух, черный, как ночь, и холодный, как лед.

– Ты бредишь, сестра. Это нормально, ты пережила страшное колдовство, но пройдет время – и все встанет на свои места. А я буду заниматься магией и смогу защитить тебя, больше никто не позарится на твою жизнь и здоровье, я обещаю тебе, – уверяла Энин, уже сейчас предвкушая, как с помощью Аргануса становится великой волшебницей и убивает своего учителя, а затем и всех скелетов и зомби, мертвых и полумертвых, которые пугали и издевались над нею и сестрой. – Время, когда мы будем принадлежать самим себе, близко, сестра.

– Ты сошла с ума! – ужаснулась Анэт от мыслей, которые посетили голову ее наивной сестры. – Темная магия испортит тебя, а Симиона отвернется от нас.

– Созидательница уже давно от нас отвернулась...

– Не богохульничай! – взорвалась Анэт. Она попыталась встать, но непреодолимая слабость, сковавшая ее тело, не позволила ей этого сделать.

– Прости, прости, – обняла сестру Энин. – Я не хотела тебя обидеть. Ты слаба, тебе нужен отдых и покой. Не волнуйся и ни о чем не думай. Выздоровеешь, тогда...

Энин отстранилась от сестры. Анэт неожиданно стала холодной, как зимняя ночь, а ее пустой, бесчувственный взгляд показался Энин взглядом бездны.

– Что-то не так? – испугалась она.

– Уйди! – оттолкнула сестру Анэт и встала с кровати, словно и не была минутой назад безнадежно слаба. – Сиди здесь, у меня есть дело, – сказала она, выходя из комнаты. – И только попробуй проследить за мной! – послышался голос из коридора.

Энин опешила. Она не могла понять, что произошло с сестрой. Возможно, это те перемены, о которых говорил Арганус, возможно, ему не удалось полностью избавить Анэт от волшбы Сандро? Энин подумала о том, что надо проследить за сестрой, но ее приказ был настолько жестким и безапелляционным, что нарушать его не хотелось. Девушка осталась в комнате, мысленно обыгрывая, как может помочь сестре и каким образом накажет обидчика.

Победа медленно, словно нехотя, переросла в ликование. Сперва никто не мог поверить в столь легкую – пусть и длительную – расправу над Виолеттой, никто, оценивая реальные возможности новоиспеченной магички, не верил в ее способность победить...

Над площадью повисла тишина – ужасающая, всепоглощающая. Но она разразилась многоголосым криком, когда юбер-орбы приняли свой привычный облик, а Морена, властно прошествовав на глазах сотен и сотен зрителей, подняла с пола свое неведомое оружие и расшаркиванием элегантных сапог развеяла по ветру прах своей горе-соперницы. Некроманты и рыцари смерти ликовали, восхваляя новую королеву, звездное небо над площадью изукрашилось росчерками магических молний и вспышками огненных шаров. Но веселье задохнулось, когда с трона поднялся Балор Дот. Король потерял верную ему королеву, стал на порядок слабее для своих врагов, но он по-прежнему был повелителем, которого презирали, хотя боялись даже пискнуть, чтобы не привлечь его внимания.

Балор Дот провел рукой, и Морену окутала тьма. Вместо могучей королевы осталось лишь черное облако. Все и каждый подавили в себе ропот, никто не решился издать ни звука. А темное пятно, повинувшись легкому пассу короля, поплыло к нему словно на крыльях тьмы. И когда облако остановилось перед лицом некрманта, он ударил в костяные ладони. Будь на них плоть, раздался бы хлопок, но прозвучал лишь грубый, словно водили сталью по стеклу, скрежет. Облако приняло очертание людской фигуры, быстро превращаясь в прекрасную девушку, и вскоре все поняли, что с Мореной ничего не случилось, что король возвысил новую королеву до своего статуса: наделил ее полномочиями хозяйки Хельгарда.

– Приветствуйте Королеву! – сухо приказал Балор Дот, и толпа разодетых в пестрые одеяния скелетов разразилась дружным, всеодобряющим, но в то же время испуганным ором.

– Рада править вместе с тобой, Повелитель, – шепнула Морена, положив руку с иллюзорной плотью на плечо своего короля.

– Брось маскаррад, – тихим голосом приказал Балор Дот и одним взглядом, без помощи пассов и видимой магии, заставил иллюзию развеяться. Перед ним стоял скелет в женских одеждах со светящимися зелено-голубыми глазами. – Так ты больше похожа на королеву Хельгарда, – заметил он, после чего повернулся к толпе костлявых тел и громким гласом пробасил: – Да будет пир! Отпразднуем возвышение новой королевы! Батури! – позвал Балор Дот, и от толпы отделилось черное пятно, которое своим видом могло испортить праздник любому. Вампир шел в сопровождении двух братьев, связанных магическими веревками, блокирующими волшбу, двух пленных, которых сейчас скормит Тьме на потеху безликой публике.

– Мой король... – Клавдий опустил на одно колено, склоняя голову.

– Говори, – позволил Балор Дот.

– Четверо Высших учинили погром и разбой в принадлежащих мне землях, – начал, вставая, Клавдий. Он точно знал каждое слово, которое скажет, но даже при таком условии каждый звук, выпускаемый изо рта, отдавался болью в сердце, навеки застывшем, но живом, чувствующем любовь и горечь. – Они изничтожили полсотни живых всего за одну ночь. Но оказались слишком нахальны в нарушении законов доблестного Балора Дота и плохо замели следы. Следующей же ночью их поймали, но выкраденные люди были уже мертвы. Двое нарушителей умерли, сопротивляясь, двое других рядом со мной и ждут вашего суда. – Батури опустил голову в поклоне, но сделал это не для того, чтобы показать учтивость, а лишь потому, что не мог смотреть в глаза ненавистному королю, из-за которого стал братоубийцей, которому был обязан не только дурной славой, но и гибелью рода.

– Смерть, – одним словом озвучил приговор монарх. Но молодая королева решила, что этого недостаточно:

– Я думаю, Высших надо допросить и выяснить, почему они нарушили приказ.

Клавдий посмотрел сочувственным взглядом на своих братьев – на тех, кто пытался

его убить, но которым это не удалось. Он не испытывал к ним ни ненависти, ни жажды мести, он сожалел об их неминуемой гибели, но они не должны были сказать лишних слов.

– Допрашивай, – предложил Балор Дот. Его не интересовали вампиры, равно как и то, почему и как они вырезали людей. Главное – в армии бесконечный рост, который не остановится от смерти сотни и даже тысячи никчемных – пусть и важных для Хельхейма – стигийцев.

– Назовите причину, по которой вы напали на людские селения? – хладнокровно спросила Морена. Она стала личем всего год назад и по-прежнему чувствовала в себе людское, хоть и понимала, что уже не человек, но желание мстить каждому, кто опасен для живых, не исчезало в ожесточенном темной магией сознании.

– Голод, – оскалившись клыкастой улыбкой, ответил один из приговоренных. – И ненависть к тварям, которые считают, что имеют права запрещать мне убивать пищу.

– Люди – источник силы Хельхейма. Тебя будут резать серебряными ножами до тех пор пока ты не скончаешься от мук, – безразлично оповестила Морена.

– Ты ошибаешься, лжекоролева... – покачал головой осужденный.

– Ножи! – приказала Морена.

– Не утруждайся, – ухмыльнулся смертник и молнией метнулся к королеве. Когда между ним и королевской четой оставалось все несколько шагов, он прошептал какую-то фразу и... умер, превращаясь в пепел. Черная зола измазала одежду королевы, испачкала желто-белый череп личи. За первым смертником рванулся второй. Он двигался так же быстро, почти незаметно для глаза, но некромантка, ударив облаком тьмы, не промахнулась. Правда, для Высшего эта магия оказалась почти безвредной. Он преодолел разделявшее его и королеву расстояние, после чего вцепился когтистыми пальцами в череп Морены, порываясь выколоть той глаза. Связанные в кистях руки не дали ему выцарапать некромантке горящие зрачки, хотя вампиру это почти удалось, и возможно, удалось бы, если бы в поединок не вмешался Балор Дот. Король легким магическим пассом отбросил нападавшего в сторону. После чего, взмахивая руками, заставлял вампира повторять движение костлявой кисти, словно кукловод, дергающий свою марионетку за нити.

Толпа восторженно кричала, одобряя восхитительное зрелище, и лишь Батури с содроганием и жалостью наблюдал за тем, как над его соплеменником глумятся паршивые некроманты. Клавдий бы посоветовал ему поступить так же, как первый смертник, прошептать правду о том, почему он здесь, заставить магию Клейма Эльтона превратить тело в пепел. Батури знал, что даже король Хельхейма не смог бы с легкостью справиться с Высшим, что собрат убил себя сам, понимая, что печать не оставит жизни нарушившему клятву. Но Клавдий не мог открыть тайну, не мог помочь своему соплеменнику, и все, что ему оставалось, это наблюдать за тем, как беспомощный вампир, словно бабочка, порхает из одного конца площади в другой, как он бьется о балочные перекрытия и пол, как его лицо заливают кровь, слышать, как он выкрикивает проклятия, адресованные Балору Доту и Клавдию.

– Позвольте мне убить его, – взмолился Батури. – Я не могу наблюдать за страданиями соплеменника.

– Закрой глаза, – бросил Балор Дот, продолжая играть со своей добычей, словно матерый кот с обессиленной мышью.

Клавдий стиснул зубы и сжал кулаки, пытаясь заставить себя бесстрастно наблюдать за унижением себе подобного, но не выдержал. Рванулся навстречу своему соплеменнику и был так же быстр, как ветер. Всего за мгновение он оказался рядом и, сорвав с пояса изогнутый кинжал, вогнул сталь в глаз вампира, после чего резким и грубым движением, вырвал сердце из груди своего сотоварища и проткнул его кинжалом, случайно пробив насквозь и собственную ладонь, чем приковал мертвое сердце к своей плоти.

– Приговор исполнен! – выкрикнул Клавдий, давая понять, что свершил изначальную волю короля и не нарушил ни одного из его приказов.

Толпа на мгновение затихла, не понимая или не желая понимать, что концерт окончен,

зато секундой позже разразилась бешеными криками. Кто-то начал скандировать: «Братоубийца!» – и в тот же миг все и каждый с воодушевлением подхватили клич. Батури с силой вырвал клинок из собственной руки, бросил пробитое насквозь сердце на пол, после чего, не сказав ни слова, обратился в кожану и взметнул к небесам, туда, куда путь каждому из некромантов заказан. Он хотел свободы, той свободы, которую ему обещал и пророчил Каэль. Клавдий знал: чтобы добиться своего, надо пройти тяжелый, кровавый путь, путь через тернии, и был готов к этому. Его жизнь – это не удовольствие, это боль. И он выдержит испытание болью.

– И ты ничего ему не сделаешь? – удивилась Морена, когда летучая мышь, превратилась в черную точку, едва заметную на ночном небосводе. – Он ушел безнаказанным.

– И за что я должен его наказывать? – невозмутимо поинтересовался Балор Дот.

– Он нарушил твой приказ, вмешался в твой поединок.

– Он исполнил мою волю, – отозвался король.

– Твоя бездейственность опасна для Хельхейма. – Морена перешла на шепот, чтобы никто не услышал ее слов: – За пять веков твоего правления мы так и не смогли разрушить «купол», люди с каждым годом дают все меньший налог, твой запрет на обучение юных некромантов привел к тому, что нет новых магов и знаний. Если ты не найдешь ответов на вопросы, волнующие страну, я публично обвиню тебя в квеитизме.

– Это угроза? – хмыкнул Балор Дот.

– Это единственная возможность для Хельхейма вернуть утраченное могущество. Ты должен отправиться в Залы Аменти и выискать для некромантов путь к спасению, отыскать возможность, чтобы разрушить «купол».

– Ты слишком рано заговорила о том, чем я должен заниматься, а чем нет. Я сам решу, что и когда мне делать, – отрезал Балор Дот и посмотрел на своих рабов.

Празднование набирало силу. Никто не обращал внимания на диалог королевской четы. Особо ретивые некроманты устроили собачьи бои¹³, другие жонглировали огненными шарами, остальные поглощали вино и яства, не обращая внимание на то, что вино оседало мокрыми пятнами на одеждах, а пища вываливалась из штанов и платьев. Все веселились, как могли. Сегодня был праздник смерти, и она, словно придя по зову, витала высоко над землей, озаряя танцы мертвых своей улыбкой. Луна, радуясь приходу своей власти, шире открыла всевидящее око и мутным полумертвым светом обогрела чертоги тьмы. Празднование удалось, но лишь королевская пара так и не смогла найти в эту ночь взаимопонимания.

– Ты должен выполнить долг перед государством, – стояла на своем Морена.

– Откуда такая забота о стране, которую ты ненавидишь? – Король получал удовольствие от бешеных метаний своей Королевы.

– Я здесь – чтобы править, и править я хочу не кучей безмозглых костяшек, а миром.

– Далеко идущие планы, – одобрительно кивнул Балор Дот. – Может, сама и отправишься туда, куда так яро пытаешься меня загнать?

– В Залы Аменти не может зайти женщина. К тому же, у меня не хватит ни опыта, ни сил, чтобы покорить Тьму и заставить ее открыть мне будущее. Если только один человек, способный на это...

– Я не человек, женщина... – задумчиво протянул Балор Дот. – Но ты права: кроме меня никто не переборет Тьму – она пожрет любого без вопросов и усилий. Только ты не учла одного: я не оставлю трон пустым, а ты не получишь полной власти.

– Ты можешь оставить преемника, но лишь на тот срок, пока не вернешься из Залов Аменти, чтобы, получив знания, покорить весь мир, – предложила Морена, чувствуя, что лед тронулся и надо подбивать короля до нужного шага, пока еще не слишком поздно. К тому же он клюнул на уловку – решил, что Морена стелет дорогу для себя. Этим можно воспользоваться, чтобы дать путь другому.

– Нет, – кратко ответил Король. – Этому не бывать.

– Назначь того, кто ближе к тебе, чем кто бы то ни было – того, кому ты доверяешь, как себе. – Глаза Морены загорелись: она чувствовала близкий успех.

– Я доверяю себе, и только себе, – отрезал Балор Дот, но Морена неустанно твердила свое:

– Тебе не надоело бездействовать? Ты был первым генералом Трисмегиста, твои подвиги вошли в историю как самые безрассудные, самые провальные, но в итоге – победоносные. Ты стал стар в королевских палатах, а твой дух воина угас. Теперь ты – история. – Морена атаковала тем, о чем каждый молчал, чтобы не разгневать повелителя, но у некромантки не было других шансов повернуть ситуацию в свою сторону, и она рисковала, даже не догадываясь, что задевает с виду бесчувственного, как камень, мертвеца за живое и волнующее. – Тебя боятся, тебя презирают, но уже никто не говорит о том, что ты способен на что-то большее, чем просиживать на троне вечность. Ты пустышка с пышным прошлым, но никчемным будущим.

– Замолкни, – обрубил Балор Дот. – Иначе твоё правление не затянется и на день.

– Я сказала все, что хотела сказать, – гордо вскинув подбородок, отчеканила Морена. – Теперь выбор за тобой: либо сидеть на троне, ожидая, пока кости не превратятся в труху, либо действовать, чтобы раздобыть не только прошлую, но и настоящую славу, а разом с ней и всеобъемлющую власть.

– Мне нравится твоя настырность! – расхохотался утробным смехом Балор Дот, словно вместо него хохотала смерть. – Виолетта была слишком пуглива, чтобы говорить по существу. Но и тебе не стоит быть излишне ретивой – ты можешь плохо кончить.

– Хель14 уберезет свою рабыню, – гордо заявила Морена.

– Боги бессильны там, где правят бессмертные, – отпарировал Балор Дот. – Но я запомню ее имя на твоих устах.

– Каково твое решение? – вернула разговор в прежнее русло королева.

– Женские уши недостойны слышать решение мужа, – высокопарно заявил некромант. – Но ты его услышишь: ведь смерть пожрала все женское, что в тебе было.

– Я готова его услышать. – Морена пропустила колкость мимо ушей.

– Это произойдет не сейчас. Серьезные решения не принимаются спонтанно.

– И когда Король сможет уделить время своей стране и обдумать важные для нее решения? – наседала некромантка.

– Время покажет. А сейчас... пусть Королева меня простит.

Балор Дот резко поднялся с трона, и обратился к своим слугам:

– Почтенные! – Все умолкли, когда услышали голос Повелителя. – Наше празднование затянулось, но я не хочу прерывать вашего веселья. Радуйтесь и веселитесь! Меня же ждут государственные дела.

Король ушел, без свиты и охраны, не нуждаясь ни в той, ни в другой, а слуги, словно возрадовавшись отсутствию великой персоны, с нахлынувшим энтузиазмом стали горланить грубые песни, жрать и пить, а между деловитым бездельем – расчерчивать ночную мглу бело-красными молниями, озаряя беспроглядную тьму тусклым мертвым светом, метать в черное небо огненные шары, наполняя воздух гарью и жаром.

Псы, скрежеща костями, схватились по велению хозяев в смертельной схватке, а кукловоды-некроманты радовались смертям чужих питомцев и победам своих, каждый доказывал превосходство выведенной им породы, а проигравшие сетовали на неудачный случай. Наблюдая за происходящим, женщины-скелеты, словно забыв о том, что утратили жизни, неумоимо обмахивали бело-желтые черепа разноцветными веерами, рискуя от ретивости превратить их в ободранные веники, и непременно журили мужчин за их грубость и низменность нравов. А скелеты, не обращая внимания на дам, делали все новые ставки и кричали, горланили, орали свои неизменные фразы о превосходстве своих псов, будто забыв о собственном скотоподобии.

Морена плюнула бы на всех, лицезря никчемность себе подобных, но с трансформацией утратила это людское умение, поэтому тихо, словно праздновали не ее

победу, удалилась с королевского пьедестала. Никто не заметил ее отсутствия, хотя если бы уходила не она, а ее супруг, на это обратил внимание каждый. Но это не беда. Еще придет время, когда ее будут бояться так же, как и короля Хельхейма, а быть может, еще и больше. Время придет, но надо подождать и добиться от Аргануса свободы...

Глава 18 Залы Аменти

*Долго слушали вы меня, о дети мои,
Долго внимали вы мудрости Тота.
Теперь я вас покидаю, уходя во тьму.
Ухожу я в Залы Аменти, пребывать в будущем...*
Tot Atlant. «Tabula Smaragdina»

Решение было сложным, но быстрым. Балор Дот уже давно понимал, что теряет свои позиции, что количество недовольных его властью неуклонно растет и множится, но также он понимал, что против него никто не может выступить открыто. На это не способны ни Гильдия некромантов, ни Орден вампиров, ни люди Стигии. Балор Дот всех их держал на коротком поводке на протяжении уже пяти веков, с того самого момента как Тройной Союз альвов и людей сковал Хельхейм магическим куполом. Как только власть оказалась в его руках, он сделал все, чтобы обезопасить себя. Для этого он запретил трансмутировать в личей способных к магии людей, чем ослабил Гильдию, которая и без того потеряла в Последней войне почти всех магов. В числе Гильдии остались лишь самые опытные и умелые некроманты, но теперь они не имели права никого обучать и передавать свои знания.

Сила колдовства была неопасна.

Вторым немаловажным шагом был запрет на убийство живых. Одним махом Балор Дот убил двух зайцев. Во-первых, вампиры лишились пищи и стали вне закона. Вопрос, когда им не хватит сил, чтобы терпеть голод, был вопросом времени. И когда время пришло, Балор Дот приказал Высшим расправиться с «ослушниками». Он учел все: вампиры сами изничтожили свой род, и в их рядах посеялась смута. Высшие больше не доверяли друг другу. Те, кто принимал участие в карательной процессии, стали для остальных вампиров предметом ненависти – еще большей, чем сами некроманты, из-за которых, в принципе, все и началось.

Малый Орден в междоусобицах потерял свою силу...

Во-вторых, перестали угрожать и смертные, которые изначально могли восстать или учинить бунт. Теперь они были словно у Эстера за пазухой, и у них не было причин для волнений. Люди получили высочайшие права. Они лишились королевского трона и короля, сжирающего львиную долю крестьянского и купеческого дохода. Балор Дот стер с лица земли и храмы, а разом с ними и храмовые сборы, опустошающие кошельки. Не осталось ни десятин, ни податей – за исключением «подати мертвых», которая не мешала людям беззаботно жить до самой смерти. Живые были сыты и довольны, ими правили благородные и уважаемые лорды, над каждым из которых стоял властвующий некромант. Балор Дот же следил за тем, чтобы некроманты не нарушали законов, правили умело и расчетливо, а также – всячески содействовали людям – порой даже в свержении нынешнего людского лорда. Живые превратились в откормленное стадо животных, которых выращивали на убой, но стадо было довольно, пока ему вовремя подносили миску с едой и перевязь с монетами.

Опасность от людей не исходила.

Отсутствие войн тоже сыграло свою роль. Количество людей росло, росла и естественная смертность, которая пополняла армию. С каждым днем мертвых воинов становилось все больше, но они не требовали ни пищи, ни одежды, они не требовали ничего – даже места для ночевки. Мертвецы недвижимым морем стояли у границ, готовые в любую

минуту двинуться в бой, и мертвое кольцо все плотнее охватывало пограничные пределы.

Но тут начинались проблемы.

«Купол»... Он не давал Балор Доту покоя. Король, как мог, позаботился о том, чтобы сберечь свой трон, но сейчас речь шла не о достигнутых, а о новых высотах, новых свершениях. Разрушение «купола» откроет дальние горизонты, даст еще больше власти, но только знание будущего, только Залы Аменти, в которых сокрыта великая мудрость Тьмы, способны открыть тайну, которая разрушит магические сети. И единственным, кто имеет право получить эти знания, был Балор Дот.

Последний вопрос состоял в том, как оставить трон, чтобы по возвращении с легкостью его занять? И этот вопрос был благополучно разрешен.

Король, послав мысленный импульс каждому из участников Совета Гильдии, уже шел в тронную залу, в которой расскажет о своем решении всем лордам Тьмы...

* * *

Анэт, слово забыв о страхе, ворвалась в кабинет некроманта. Она впервые была в этом крыле замка, но ориентировалась так, будто безошибочно знала дорогу к покоям Аргануса. Отчасти так оно и было, но за обликом Анэт скрывалась другая сущность.

– Дай мне контроль над живой или вытащи меня из этого тела! – ворвавшись, потребовала Анэт.

– Ты хотела получить тело – ты его получила. – Лич даже не поднял головы, не оторвался от изучения фолианта. Ему уже была безразлична судьба своей рабыни, которая, став узницей чужого сознания, утратила свои колдовские способности и умения. – Теперь убирайся, твои услуги мне больше ни к чему.

– Но что мне делать? – вопрошала, сокрушаясь, девушка. – Я не контролирую ее сознания!

– Это твои проблемы. А теперь уйди и не мешай мне, – приказал Арганус, и Титании ничего не оставалось, кроме как выполнить волю Хозяина.

– Я еще могу быть полезной, – пятась, пробормотала она.

– Уже нет, – закончил дискуссию Лич. Он все же оторвался от книги и проводил Титанию безмятежным взглядом, не умеющим высказывать эмоции. Арганус был взволнован. Правда, увидеть этого не мог никто. И волновал некроманта Зов, который донимал его всю беседу. Это чувство было настолько древним, что уже успело стереться из памяти. Арганус разучился повиноваться, но желание выполнять приказы вновь выросло в его сознании, как только он услышал голос своего Хозяина. Лич сопротивлялся, пытаясь перебороть Зов, но больше минуты не смог продержаться даже он.

Арганус потянулся к лежащему на краю стола хрустальному шару, с помощью которого разговаривал со своими рабами, но сейчас роль раба выполнял он сам, ибо говорил с ним Повелитель.

– Приветствую, – обратился к мутной сфере Арганус.

Он не видел своего собеседника, не видел он и других советников, которые всматривались в собственные орбы, но чувствовал присутствие каждого, будто они были перед ним. На Совет его пригласили последним. Собрались уже все двенадцать персон и один, верховодящий над остальными: советники Гильдии, которые по факту не имели права голоса, и монарх, власть которого была неоспорима и безгранична.

– Я собрал вас, чтобы вы меня выслушали, – заговорил Балор Дот, не обременяясь приветствиями. – Пять веков мы ищем способ, чтобы разрушить «купол», пять веков мы безуспешно пытаемся нейтрализовать его магию, освободить себя и волной боли и ужаса прокатиться по людским странам. Но все наши попытки в этом нелегком деле не увенчались успехом. Это лишний раз доказывает вашу некомпетентность, советники, ибо магические изыскания – дело Гильдии, а ваши потуги не дали абсолютно никаких результатов. Но не в

этом суть. Чтобы приблизить час свершений, я принял решение отправиться в Залы Аменти и получить знания, достаточные, чтобы уничтожить «купол».

Балор Дот замолчал, давая понять, что настал черед для дискуссии, что пришла пора советникам держать перед ним слово – пустое слово, которое никак и никем не будет учтено. Но традиции есть традиции.

– Я поддерживаю столь волевое и чрезвычайно необходимое для всей страны решение! – высокопарно выговорил Гелион Манфийский – первый советник.

Арганус не вслушивался в велеречивые выступления некромантов, ставших лизоблюдами и лицемерами. Никто из них не хотел быть рабом, но также никто не попытался изменить свою судьбу. Арганус по праву считал их слабаками, лишь трех из всех он мог назвать иначе. Карла, одного из учеников Трисмегиста, потрясающего целителя, но – после обращения в лича – смертоносного некроманта; Израэля де Гарди – непревзойденного мыслителя и практика – и Луизу Конте, единственную женщину – если то, что от нее осталось после трансмутации, можно было так назвать. Эта тройка может стать хорошим союзником в грядущей войне. А войны уже не избежать. Балор Дот клюнул на наживку, которую ему подбросила Морена, съел отравленного червя, которым была дорога в Залы Аменти, дорога, из которой Король уже никогда не вернется. Но великолепные союзники могут стать и непревзойденными врагами, если ситуация обернется иначе. Чтобы сопоставить все факты, понадобится время, но пока что – надо выслушать Балор Дота, который всегда имел козыря в рукаве.

– Согласен с Повелителем, – выдал Арганус, когда черед восхвалять королевское решение дошел и до него.

– Единогласно, – ухмыльнулся Балор Дот. – Кто бы сомневался, что все вы, никчемные маги, скажите именно так, даже зная, что решение губительно. Что ж, Залы Аменти – смертельная прогулка, если не был там прежде. Но я видел Тьму, и она подарила мне крылья, сделав меня своим вестником. Не отвернется она и теперь. Но, уходя, я назначу правопреемника, который будет охранять мой трон до тех пор, пока я не вернусь. Им будет Фомор Зеленый.

Арганус почти не сомневался, что Балор Дот выберет именно эту безропотную марионетку. Фомор еще при жизни не отличался ни умом, ни магическими талантами. Трансформация изменила его, дала недостающей силы, но умом так и не наградила. Фомор слишком глуп, чтобы отыграть свою игру, он с точностью врачевателя выполнит все, что прикажет Балор Дот. Идеальная фигура, когда надо сберечь трон, не рискуя по возвращении найти на нем другого. Фомору хватит силы, чтобы отбить желание у других, но никогда не хватит ума, чтобы заменить на великом посту Короля.

– Отныне его слово для вас такой же закон, как и мое, отныне вы – его рабы, и так будет до тех пор, пока я не вернусь... Теперь можете идти. Останется только наместник, которому я отдам приказы по правлению...

Арганус немедленно выполнил пожелание господина. Вырвал свое сознание из цепких оков сферы. Ему претило общество тупоголового наместника, отныне – «повелителя». Что ж, ему недолго повелевать, ибо пророчество сбывается. Вот уже и король добровольно покинул свой трон, осталась последняя часть: «...Тогда и только тогда свобода принесет рабу власть над миром», – но часть самая сложная, ибо еще никто не смог выдумать заклинания, способного разрушить связь с хозяином. Никто. Но и на этот счет у Аргануса были свои планы. Он знал – магия не разрушит связь, но это может сделать алхимия, которую благородные умы – да что таить, и сам Арганус тоже – посчитали бездарщиной и лженаукой. Алхимиков почти не осталось, но у лича был свой козырь – мальчик, способный создать соответствующее зелье.

Некромант всмотрелся в сферу, но отложил ее на край стола, не воспользовавшись. Для того чтобы связаться с учеником, ему не понадобится магический проводник. Сандро достаточно близко, чтобы услышать Зов и без помощи усилителей. Арганус сосредоточился и отправил ученику ментальный импульс...

* * *

Дело было сделано. Эликсир трижды прошел круг обращений, прежде чем Сандро посчитал его готовым. Юный алхимик ссыпал черный, как зола, порошок в колбочку и задумчиво посмотрел на итог своих работ. Вот она – Свобода! Он держал свою свободу в руках и боялся ощутить ее, боялся, что опыт не принесет желаемого результата. Сандро медлил, обдумывая, когда лучше выпить эликсир. Конечно, хотелось сделать это сейчас и немедленно, но только глупец мчит очертя голову в неизведанное. Надо проверить действие черного дракона, выгадать идеальное для побега время, путь, по которому можно прорваться к границе, – рассчитывать на то, что Арганус с легкостью отпустит своего ученика, не приходилось. На все это надо время – надо провести все необходимые исследования, выучить карты, выждать подходящую ситуацию...

Сандро задумался настолько, что, услышав Зов, выронил из рук приготовленный эликсир. Звонко запело стекло, ударяясь о напольную мозаику, но колба выдержала удар и лишь весело зазвенела, катаясь по полу. Мальчик быстро поднял черного дракона и отнес его в свой тайник. Еще раз мечтательно посмотрел на свое изобретение и пошел к Хозяину, не скрывая довольной улыбки. Но он бы не улыбался, если бы знал, что желаемая свобода не так близка, как казалось...

* * *

Он впервые за долгие годы не боялся встречи со своим Хозяином. Может, потому, что вскоре перестанет быть его рабом, может, потому, что стал взрослее и понимал уже больше, чем даже неделю назад: общение с Трисмегистом оставило свой след. Вечная ему память...

Но итог был один – Сандро не чувствовал страха, когда смотрел в глаза некроманта. В нем уже зыграл дух свободы и непокорства, дающий способность с вилами в руках идти против вышколенных латников, и что самое удивительное – рушить их строй и побеждать. Не стоит недооценивать веру. Даже если это вера в себя, а не во всемогущее божество. Иногда божеством в собственных глазах становится не бестелесное создание из мифов, а реальная личность, человек из плоти и крови, которого можно и увидеть, и при желании «попробовать на вкус». Как бы там ни было, свобода, которую Сандро уже держал в руках, оставила в его сознании свой отпечаток.

– Вы звали. – Сандро начал беседу стандартной фразой, но бесконечное спокойствие, с которым он взирал на Хозяина, заставило оторопеть самого лича.

«Взгляд бешеного волка, но уже не овцы», – заметил про себя Арганус, но вслух сказал иное. Он не любил ходьбы «вокруг да около», поэтому сразу перешел к сути:

– Ты должен создать зелье, способное разорвать связь между хозяином и рабом. И сделать это настолько быстро, насколько возможно. – Сандро обмер от услышанного, не веря своим ушам. Судьба, словно играла с ним в невероятную игру, причем всегда подтасовывала ситуации так, что он оставался в дураках. – Ты не должен использовать это зелье в своих целях: оно будет предназначено для меня, и только для меня. Ты никому не дашь ни капли этого эликсира, никому о нем не расскажешь. Это будет тайной – нашей с тобой тайной. – Сандро забила мелкая дрожь: он ненавидел то, что слышал, но сам не мог выдавить из себя ни слова. Его труды, все его труды, все мечтания и надежды – рушились, словно картонный замок. И он не мог с этим ничего поделать. Ничто и никто больше не сможет дать ему свободы, которая была так близка, что ее можно было потрогать рукой. Но все быстро изменилось, и теперь он вновь осужден судьбой на вечное рабство, от которого нет и уже не будет спасения.

– Слушаюсь, учитель... – с трудом хватая воздух, выдохнул Сандро. Он не верил

услышанному, пытался оградить себя от чуждой воли, но не мог, не мог сделать этого. Все кончено! Он – раб. И это судьба! Судьба сама решила так, ни о чем его не спросив.

– Сколько времени тебе понадобится на создание эликсира? – беспристрастно допрашивал некромант, даже не подозревая, что его ученик уже приготовил пробник, способный разорвать связь между ним и... Хозяином.

– Для создания подобного эликсира понадобится точная сверка с небесными циклами. Особенно важен Меркуриус: ведь в нем заключена сила свободы, и он господин всех звезд. Для того чтобы отследить построение планет, мне понадобится обсерватория или мощная установка для наблюдения за светилами. – Сандро не лгал. Он не имел возможности прямо врать своего Хозяину, ибо это противоречило соединившей их магии, но он не говорил того, о чем можно было умолчать, зато рассказывал о том, что было не столь необходимым в его опытах и исследованиях. Арганус же, привыкший делить адресованные ему требования пополам, выделил ученику вдвое меньше:

– Получишь установку, способную отследить Меркуриуса, остальное тебе ни к чему.

– Но... – попытался настоять на своем Сандро, но лич не дал ему сказать ни слова более:

– Тебе хватит и этого. И еще. Мне надо знать, сколько времени понадобится для создания эликсира.

Сандро замялся. Лгать нельзя. Говорить правды – тоже. Ему ничего не оставалось, кроме как выбрать альтернативный вариант:

– Исходя из моих знаний, планеты соберутся в правильном порядке только через три года...

– Хорошо, – вновь прервал лич, что лишний раз свидетельствовало о том, что он взволнован. – У тебя три года – и не днем больше.

– Но если ситуация потребует большего времени...

– Тогда твою работу закончу я, а ты отправишься на съедение волкулакам¹⁵.

– Работа будет выполнена в срок, – уверил Сандро, слыша на грани сна и яви треск расколотых надежд.

– Ты можешь идти, – отпустил Арганус, но перед тем как ученик рванулся из комнаты, его настигла новая реплика наставника: – Но твои работы не означают, что уроки некромантии окончены. С рассветом каждого дня я буду учить тебя магии.

– Да, хозяин, – вырвалось у Сандро, хотя он помнил, что Арганус приказывал не называть его этим именем, но сейчас это не имело значения. Имело значение лишь то, что Сандро уже не сможет воспользоваться приготовленным эликсиром, не сможет испытать на себе своего детища... не станет свободным.

* * *

Мальчик вернулся в каземат. Вернулся, чтобы исполнить волю Хозяина. Он уже создал то, что ему приказали создать, он выиграл время. Правда, сделал это неосознанно, намереваясь скрыть свои изыскания и тайные желания, но не затянуть работу над эликсиром.

Сандро подошел к рабочему столу, опять вытащил карты небесных светил, чтобы сравнить уже намеченные результаты с теми исследованиями, которые лишь предстоят. После чего разложил толстые письма, выполненные на выделанной коже, и принялся уже в который раз изучать небесные циклы и движения планет. В глубине сознания он слышал голос друга – друга, которого больше нет, и не мог справиться с этим наваждением. Трисмегист говорил в его разуме настолько явно, что казалось, он вернулся из бездны, вернулся, чтобы снова быть рядом с ним. Но это было невозможно, поэтому Сандро всячески пытался не обращать на говор друга внимания, пытался выбросить иллюзии и мороки из головы, но безрезультатно.

– Ты оглох? – спрашивал Трисмегист.

– Нет, – мысленно отвечал Сандро, отвечал подсознательно, даже не желая того.

– Тогда, может, откроешь рот и скажешь хоть слово?

– Зачем, Альберт? Зачем мне говорить с тем, кого нет? – вопросом отвечал мальчик.

И бессмысленный спор с самим собой никогда бы не закончился, если б увесистый фолиант, место которому на книжных полках, не ударил мальчика по макушке. Сандро забегал взглядом вокруг, но никого не обнаружил. Это действие напомнило ему извечное желание найти собеседника, которое появлялось при общении с бестелесным духом, и Сандро только сейчас понял, что его внутренний разговор – не выдумка искаженного сознания.

– Трисмегист! – воскликнул Сандро, вскакивая с пола, словно ужаленный.

– Очнулся? – с легкой укоризной спросил Альберт.

В глазах Сандро встали слезы радости. Голос, который он услышал, был самым родным, самым дорогим на свете: он был голосом друга. – Ах ты, паршивый старикашка! Почему ты не появлялся так долго? Где ты был?

– Я всегда был рядом, – добродушно ответил друид, и Сандро на миг показалось, что он видит улыбку друга.

– Но как? Я же видел твою смерть...

– Помнится, ты и сам меня убил при первой встрече, так почему же я жив? Пока целая книга, мне ничто не грозит, – усмехнулся Трисмегист.

Сандро хотел на него обидеться, обвинить в том, что из-за него он пролил немало слез, что пережил такую боль, которой не пожелал пережить даже врагу, но радость от возвращения друга съела все недовольство, которое только могло возникнуть.

– Я рад, что ты вернулся, очень рад, Альберт... – не сдержав слез, проплакал с улыбкой на лице Сандро.

– Мне довелось услышать твой разговор с Арганусом... – заговорил Трисмегист, но Сандро не дал договорить – подхватил ту тему, которая резанула его сердце, словно ножом:

– Я создал «эликсир разрыва», «эликсир свободы», но воспользоваться им не смогу...

– Сможешь, – опротестовал Трисмегист.

– Но как? Я не могу послушаться приказа, а Арганус прямо и точно сказал, чтобы я не пил эликсира.

– Он сказал, чтобы ты не пил того эликсира, который создашь, но ничего не говорил о том, который уже создан.

– Но... они будут одинаковы, а значит...

– Тот эликсир, который ты покажешь Арганусу, будет выполнен при использовании небесного цикла, что изменит его свойства по отношению к уже созданному.

– Ты прав, Альберт. Но небесные светила соединятся только через три года... Может, убежать сейчас?

– Нельзя. Конечно, можно попытаться, но ты не сможешь выбраться за пределы Хельхейма. Думаю, Арганус уже начал стягивать в Бленхайм войска и вскоре соберет здесь всех верных ему слуг. Ты не сможешь от них скрыться, когда они будут маршировать сюда. Твой единственный шанс – исчезнуть в горячке начавшейся войны. Она уже близка: Арганусу не хватает только одного – эликсира. Значит, мы знаем точную дату, когда все настанет. Стоит войне начаться – и ежедневно будут умирать некроманты и рыцари смерти, твое исчезновение останется незамеченным, и ты спокойно покинешь Хельхейм.

– А как быть с Энин? За три года Арганус извратит ее разум.

– Он уже это сделал, и с этим ничего не поделаешь. Она уже выбрала свой путь, и ты не сможешь заставить ее свернуть с него. Забудь о ней.

– Нет. Не могу.

– Придется смочь. Если ты убежишь вместе с ней, вас будет еще проще найти и... наказать. Ты обречешь ее на смерть. Твой выход – время. Если Симионе будет угодно, с Энин ничего не случится, если нет – то ты не изменишь судьбы возлюбленной, лишь усугубишь ее.

– Даже за шаг перед свободой мои руки связаны, – понурил голову Сандро. Он понимал правдивость Альбертовых слов, осознавал правоту своего друга, но он не мог принять этой правды. – Я не могу позволить Арганусу испортить Энин. Я обязан ей помочь.

– Ты не понимаешь, Сандро, – сказал Трисмегист. – Она сама хочет обучаться у него магии, сама хочет стать той, которую из нее воспитает Арганус. Для нее магия – путь к свободе, и она ни за что на свете не откажется от намеченных планов. И если ты не забыл, то теперь ты для нее – первый враг. Она тебя не слушает. Выжди время: если ситуация изменится, достаточно будет ловкого слова, по месту и по времени – и все переменится. А сейчас ты лишь добавишь ей веры в то, что ты лжец и обманщик, если попытаешься убедить в своей правоте. Не искушай судьбу и поверь моему опыту: как-никак, я прожил достаточно, чтобы разбираться в людях. Ваши пути разошлись, но настанет час – и все переменится. Жди.

Ждать... Самое сложное – ждать, когда даже не знаешь, чего ждешь. Но еще сложнее любить ту, которая тебя ненавидит, мечтать о нежном прикосновении, о теплом, как луч солнца, взгляде, а получать лишь холод и презрение. Сложнее каждый день понимать, что мог все изменить, повернуть ситуацию в свою сторону, но по непонятным причинам ничего этого не добился, остался в дураках и вновь проиграл спор с судьбой.

– У нас три года, – вырвал из раздумий Трисмегист. – Мы не будем терять времени даром. Будем заниматься магией, чтобы по прошествии лет ты смог достойно принять бой за свободу и, при необходимости, грудой упокоенных проложить себе путь к спасению.

Что ж, три года на то, чтобы все изменить. Три года на то, чтобы взять ситуацию в свои руки, переправить неудавшееся и правильно поставить то, что еще не начато. Три года на то, чтобы стать достойным соперником каждому из некромантов и научиться противостоять им, сминая на своем пути.

– Продолжим обучение немедленно, – с холодным азартом выговорил Сандро. – У нас всего три года, чтобы научиться всему. И колдовать, и мыслить.

– Продолжим, – согласился Трисмегист.

Только теперь он получил новобранца, из которого сможет воспитать настоящего воина, воина, которому будут безразличны тяготы боев и сражений...

Прорицание третье

Бывает так, что ты сорвал оковы,
Бывает так, но некуда бежать,
А ты беги, беги по небосводу,
И если надо – научись летать!

Быстрее! Быстрее! Вперед! Не останавливаясь! Коридор резко заворачивает... Налево! Надо спешить! Время – неоправданная роскошь, а промедление – смерти подобно. Поворот. Секунда – вечность, а вечность – секунда. Еще поворот! Треклятые замковые лабиринты! Пово...

Он не заметил человека с мечом в руках и, не успевая ни увернуться, ни остановиться, напоролся на острое клинка. Эхо, раздавшееся от скрежета стали о кости, отражаясь от стен, метнулось вперед по коридору, словно указывая беглецу верную дорогу. Удар не нанес некроманту никакого вреда. Сандро же, не успев и одуматься, наотмашь рубанул зажатой в руке кинжалом с искривленным зигзагообразным лезвием. Клинок скользнул в прорезь забрала, и струя крови – чужой крови – обильно оросила красным лицо мальчишки. Сандро, не обращая внимания ни на клинок, застрявший в боку, ни на осевшего позади себя человека, помчался дальше, словно за ним гналась сама смерть. Он бежал к свободе, и ничто и никто не смогли бы его остановить. Сандро, резко распахнув дверь, оказался в широкой – по-видимому, обеденной – комнате, в которой кишмя кишели лучники и арбалетчики. Понимая,

что бежать некуда, он остановился, но вмиг взметнувшихся стрел он остановить уже не смог... В страхе перед смертью Сандро закрыл глаза, но открыл их, выпрыгивая из кровати.

Он небрежно смахнул со лба выступивший пот. Уже не нуждаясь в том, чтобы встать с постели, ибо после кошмара уже оказался на ногах, прошел к рабочему столу. Сандро и не знал, радоваться ему или огорчаться тому, что к нему вернулась способность спать – кроме кошмаров, ему редко что снилось. Трисмегист оказался прав: мальчик нуждался и в сне, и в пище, но «эликсир недоросли» блокировал жизненные функции и не позволял нормально развиваться. Альберт уже три года обучал его друидизму, но еще до начала обучения заставил прекратить прием побочных эликсиров. Сандро боялся, что его тело деформируется из-за того, что живая часть продолжит расти, а мертвая – нет, но опасения оказались беспочвенными. Друид знал свое дело, и его магия позволила мальчику – даже его мертвой половине! – расти. За три года Сандро наверстал в росте все упущенное за пять лет приема тормозящего зелья. Теперь он был достаточно высок даже для восемнадцатилетнего юноши, но присущая ему и в младшие годы худощавость никуда не исчезла. Он был тощ, как тростинка. Но это мало волновало юного друида: теперь он был, как никогда, похож на человека – он рос, развивался, ощущал сонливость, голод и жажду, к нему вернулось все то, что он считал потерянным после трансформации навсегда. Он стал человеком. Но и мертвая половина – сущность полулица – никуда не делась. Арганус не оставил своих планов и также настойчиво обучал его некромантии, как Трисмегист друидизму. Сандро же проявлял одинаковое рвение и упорство к каждому из ворожений, потому что видел спасение как в магии жизни, так и в магии смерти.

Но сны. Сны не давали покоя...

* * *

Небо было чистым, словно морская гладь. Редкие облака, будто барашки волн, медленно плыли по лазурным просторам, на доли мгновений закрывая солнце, словно заставляя всевидящее око моргать. А огненное светило, день за днем, век за веком дарившее миру свои любовь и ласку, мягким теплом стелилась по серой бугристой земле.

Их было двое. Они скрылись от жгучего, пусть и осеннего, солнца в тени плакучей ивы. И, словно перебирая настроение вечной плакальщицы, вели печальный разговор.

– Аарон, мальчик мой, твой путь вместе с нами подходит к концу. Дальше ты пойдешь своей стезей. Но помни: первое, что ты должен сделать, – спасти смертельно раненного воина, который в одиночку пойдет против целого войска.

– Наставница, но какого воина, и где? – развел руками целитель.

– Пусть тебя ведет сердце.

– Но сердце велит мне оставаться с вами.

– Это не сердце велит, а ты ему. Я учила тебя делать людям добро. Ты его делал, будучи со мной рядом. Теперь должен доказать, на что способен без моих уроков и присмотра. С этого дня я посвящаю тебя в сан и наставляю на путь паломника. – Вэльве тяжело давалось расставание, но она знала: иначе быть не может. – Иди же, пилигрим Света.

– А как же Назарин? – мялся Аарон.

– Ты готов к путешествию, он – нет. Назарин многому может научиться, но все еще борется со знанием, словно с проказой. Поэтому ему нужен наставник. Я не могу его бросить сейчас. А тебе уже пора.

– Попрощаться бы с братом...

– Он знает, что ты уйдешь, и знает, как ты уйдешь. Не медли, мальчик мой, иди, и пусть скатертью стелится твой путь.

Аарон посмотрел на наставницу. Ему не хотелось уходить: его жизнь обрела рядом с Вэльвой смысл – он нашел себя в лечении людей, а прорицательница стала и матерью, и наставницей. Он знал, что момент расставания наступит, хоть и хотел оттянуть его на как

можно дальше время. Но жизнь не стоит на месте, и люди на месте стоять не должны. Ему надо идти, не зная дороги, не зная направления, но руководствуясь велением сердца.

– Я пойду, – решился-таки Аарон. И чтобы не передумать, пока решение крепко, взял котомку в руки, перекинул ее за спину и, порываясь уйти, развернулся и медленно побрел в никуда.

– Аарон! – окликнула Вельва. Паломник обернулся и сразу попал в объятия своей наставницы, которая никогда ранее не проявляла столь теплой, почти материнской нежности: – Пусть Симиона хранит тебя. Я буду молиться, молиться каждый день, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Спасибо, матушка, – коротко кивнул Аарон, не показывая своих истинных чувств, запирая нахлынувшие эмоции под замок, чтобы расставание для Вельвы не было еще больнее.

Аарон шел медленно, путаясь в траве и... в мыслях. И если с надоедливими растениями он справился, выйдя на торную дорогу, то с душевными раздумьями он не смог так просто совладать. Всю жизнь он был рядом с братом, но ушел, даже не попрощавшись. Так требовали пророчества, с которыми Аарон не мог спорить, так требовала Вельва, которую он не мог ослушаться. Она была слишком дорога, чтобы не слушать ее: Вельва стала для Аарона матерью, которой тот никогда не знал, но теперь он ушел и от нее.

Одиночество.

Он не ощущал ничего, кроме одиночества, хоть и знал, что иначе быть не может. Знания не спасали...

– Целитель! Целитель! – услышал он голос за спиной и обернулся. К нему подбежал мальчишка лет десяти. Видно было, что малец взволнован и ему с трудом даются слова. Но Аарон знал, зачем его позвали, поэтому без промедлений, сказав лишь «Веди!», помчался вслед за мальцом.

– Матери плохо, – сказал чуть позже мальчишка.

Аарону вспомнилась Вельва. Теперь его нет рядом, и он не сможет помочь, если плохо будет ей...

– Ушел? – спросил не открывая глаз Назарин, когда услышал рядом с собой шорох шагов.

– Ушел. – Голос Вельвы был тихим, приглушенным, плаксивым.

– Чего плачешь? Сама ж хотела меня с ним разлучить. Даже распрощаться не дала.

– Восемь лет назад я говорила с твоей матерью...

– Нет у меня матери! Циркач-метатель ножей промахнулся – не важно, что по велению отца, – и матери моей не стало.

– Я говорила с твоей названной матерью...

– И такой у меня нет. Никто мне в матери не назывался.

– Зачем ты так, Назарин? Ливия любила тебя самой чистой любовью.

– А, так ты о ней! – расхохотался Назарин и только сейчас, приподнимаясь на локте, открыл глаза и посмотрел на наставницу: – Ты меня с кем-то перепутала. Может, с Аароном? Ливия – его мать, но не моя.

– Считаю, как знаешь, – сдалась Вельва. Она смотрела в темно-голубые, почти черные глаза своего ученика и чувствовала холод и злобу, которые в этих глазах поселились. – Я говорила с Ливией и рассказала о том, как вы с братом умрете, что оба погибнете от руки темного мага. Но я не сказала, что темным магом окажешься ты! Если ты будешь так же упорен в своем нежелании идти по стопам Симионы, то Тьма убьет тебя, забрав душу, и от твоей собственной руки погибнет кровный брат.

– Докажи, – брезгливо бросил Назарин. Вельва не нашла, что сказать, и ученик, выждав короткую паузу, продолжил: – Я не мальчик, чтобы верить тебе на слово. Ты множество раз говорила ложные прорицания, зная, что им не суждено сбыться. И делала это только для

того, чтобы события сложились так, как тебе надо.

– Я делала это во благо...

– Постой! Ты же знаешь, что Аарон не сможет выполнить возложенной на него миссии. Нет, сможет, но сделает это ценой своей собственной жизни... Нет! Молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать: «Для достижения поставленной цели, глобальной и единственно правильной, надо научиться жертвовать». Так пожертвуй же собой! Но не моим братом! Нет, молчи. Я знаю, ты любишь его, и тебе тяжело отдавать его в руки смерти. Но, только послав его на верную гибель, ты не дашь своему пророчеству исполниться: я не убью брата – ведь к двадцати годам некого будет убивать, – а значит, и не уйду на сторону Тьмы. Ты все рассчитала правильно, но не учла одного – я не дам брату умереть, не дам ему пожертвовать собой... Молчи! Я все сказал, а слушать твою ложь и убеждения не намерен...

Вёльва смотрела, как Назарин собирается, и не знала, что сказать. Впервые за ее долгую жизнь все шло не по намеченному пути. Она воспитала хорошего Видящего – настолько хорошего, что он оказался сильнее учителя.

– Прощай, наставница! – забросив за спину котомку, попрощался Назарин и, не дожидаясь ответа, пошел вслед за братом, точно зная, куда идти.

Вёльва стояла молча. Исконные планы рушились, но она знала – нет ничего неисправимого. Она все изменит, но на этот раз сделает все правильно, учтет, что ведет игру с равным ей противником.

Прорицательница неспешно засобиравлась. Расставание оказалось не совсем удачным. Все трое пойдут одной дорогой, тайно следуя один за другим, но соблюдая каждый свой интерес. Игра заметно усложнилась, но азарт от сложности игры лишь возрастает...

Глава 19

В сговоре со звездами

Эта ночь стала для Хельхейма ночью траура, но моей победы. Выполнив приказ своего хозяина, я создал причину, которая послужила началом великой войны, войны, которая приблизила час моего освобождения...

Но тогда мне об этом еще не было известно.

Сандро Гайер. «Мемуары некроманта»

Ночь расстелилась над замком беспроглядной пеленой. Но мрак не помешал юному некроманту, который видел во тьме так же хорошо, как и среди бела дня, работать над созданием эликсира. Сандро расставил колбочки, реторты, парилки и конденсаторы на крыше замка. Там же зафиксировал линзовую установку для наблюдения за звездами. Для опыта все было готово. Но «готово» только сейчас. Два года он не потратил зря: продолжал работу над разработкой эликсира.

С удивлением Сандро обнаружил, что при изменении местоположения планет у него меняется аура. И прошлый рецепт уже не дает нужного результата. Поэтому работа над новым эликсиром началась почти с нуля. Были изменены ингредиенты, формула, последовательность, даже формы используемых колб и реторт пришлось подбирать заново, в соответствии с той планетой, в цикле которой будет проходить то или иное действие. Звезды заметно усложнили процесс создания «эликсира разрыва», зато эффект от его использования должен был быть потрясающим! Правда, созданный ранее эликсир с каждым днем становился для Сандро лишь жалким подобием того, над чем он сейчас работал. Да и эффект от предыдущего зелья с каждым мигом казался все более призрачным и туманным. Если бы у Сандро была возможность использовать другой эликсир, то он, не задумываясь, сделал это, но выбора у него не было. Для себя останется слабое несовершенство, а для Аргануса – идеал.

– Сегодня Арганус получит свободу? – не то спросил, не то констатировал Трисмегист.
– Да, Альберт. – Сандро все чаще называл своего наставника по имени, отдавая прозвищу – или титулу? – друида меньшее предпочтение.

– Воинство Арганус собрал воистину непобедимое. Кто бы мог подумать, что он прикажет Барклаю вдвое урезать «подать» и передавать под власть Короля лишь половину войск, а вторую оставлять себе, – рассуждал Трисмегист.

Чем ближе был час создания «эликсира разрыва», тем больше друида заботила активность Аргануса. Лич собирал вокруг себя людей. К нему на аудиенцию приезжали советники Гильдии, члены ордена К'йена – удивительно было и то, как молодой вампир смог объединить Высших и сплотить Орден, который все уже считали разрушенным в междоусобицах. Частым гостем был и Барклай, который с каждым новым визитом приводил очередную партию воинов. Бленхайм наводнился нежитью. Только слепой мог не заметить, что все планомерно готовилось к войне.

– Как бы там ни было, королевских войск все равно больше, – не отвлекаясь от создания эликсира, сказал Сандро. Работа началась, и остановить ее не мог уже никто, разве что планеты сойдутся с привычного курса и закружатся в обратном направлении.

– Больше, – подтвердил Трисмегист, – но все воины у границ. Сколько понадобится наместнику времени, чтобы собрать свою армию? Неделя? Две? За это время Арганус маршем пройдет по Хельхейму. Королевские войска будут дышать ему в спину, но помешать уже не смогут. Хельхельм не готов для внутренней войны, и защиты от смуты у него нет и вряд ли будет.

– Неужели Фомор не видит, что Арганус собирается напасть?

– Заговор набрал обороты. Никто не говорит наместнику о том, что тучи над его короной сгущаются. А своих шпионов и дознавателей у него нет.

– Но ведь ему достаточно спросить у самого Аргануса о его планах. Лич не сможет соврать. Магия хозяина не даст ему сделать этого...

– Фомор слеп. И глуп. Он не видит даже того, что творится у него перед носом, королевские заботы ему чужды. Фомор – самый неудачный монарх, какой только мог взойти на трон.

– Зачем же Балор Дот поставил его на свое место? – Сандро мало вникал в разговор с Трисмегистом – все его внимание было приковано к колбочкам и парилкам.

– Зачем? – машинально переспросил Трисмегист и тут же продолжил: – Кто ж знал, что магия Хозяина даст слабину? Она без малейших сбоев действовала несколько веков, пока не появился достаточно способный алхимик, чтобы эту связь разорвать.

– Это похвала? – улыбнулся Сандро.

– Это констатация факта, – обрубил Трисмегист и продолжил разъяснение сложившейся политики: – Балор Дот не рассчитывал, что кто-то сможет начать войну. Он смело ушел в Залы Аменти, даже не подозревая о возможности захвата трона.

– Альберт, а сколько времени Балор Дот проведет в чертогах Тьмы?

– Сложно сказать. Быть может, годы, быть может, десятки лет. Точной даты его возвращения тебе не сможет назвать никто.

– Но все же?

– Он может пробудиться завтра, а может не проснуться и через десятилетие.

– Значит, Арганус сильно рискует, собирая войска.

– Кто не рискует, тот не правит. И ты рискуешь, когда идешь против Аргануса, а ведь твоя жажда свободы – прямой отказ подчиняться его воле. Но разве кто-то сможет тебя отговорить и отладить от задуманной цели? – спросил друид. И сам же ответил: – Нет.

– И то верно, – согласился Сандро и перевел разговор несколько в другое русло: – Последняя фаза началась, скоро эликсир будет готов.

– День его создания – начало войны.

– День его создания – сегодня.

– Значит, будем ждать первого шага в исполнении Аргануса.

– Будем, – поддержал Сандро и снял с парилки колбочку, в которой только что вскипела жидкость медного цвета. «Эликсир разрыва» был готов.

* * *

Сандро вошел без стука и протянул Арганусу медной браги.

– Делание оказалось сложным, но результат должен превзойти все ожидания...

– Должен? – Лич медленно поднялся из своего кресла и подошел к ученику.

В последнее время Сандро редко видел учителя вне кабинета – за тем исключением, когда лич отрывался от своих дум и проводил уроки колдовства. Но чем ближе был день создания эликсира, тем чаще Арганус уединялся, даже забывая об уроках, к которым раньше относился весьма и весьма ответственно. Юноша не подозревал, что некромант продолжал обучение, но обучал только Энин: тайному колдовству – магнетизму, готовя девушку к известным лишь ему испытаниям.

– Должен, – обрубил Сандро.

– А не хочешь сам его попробовать? – Глаза Аргануса сверкнули, выражая нетерпение и интерес. Сандро остался спокоен:

– Хочу. Но речь не идет о моих желаниях.

– У меня есть к тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

К чему клонит Арганус, Сандро даже не подозревал, но тон учителя не предвещал ничего хорошего, а предложение, которое странным образом пришло на смену приказам, лишний раз заставляло задуматься о том, что в игре лича не все чисто. Сандро молчал. Если уж Арганус начал разговор первым, то ему и карты в руки – пусть сам заканчивает партию. Некромант понял, что ученик останется невозмутимым, и продолжил:

– Готовится война... – Арганус впервые упомянул о своих тайных интригах, о которых Трисмегисту неведомо откуда всегда было известно загодя, словно Альберт читал мысли своего старинного ученика. – Моим армиям... думаю, ты заметил, что в Бленхайме скопилось немалое воинство. Так вот, моим армиям нужен генерал. Ты доказал свой ум и знание темного ремесла – теперь у тебя есть возможность доказать свои полководческие умения. Если сможешь умело командовать и прорвешь оборону короля, то часть зелья достанется тебе. Часть зелья и полная свобода.

– Но я не обучен военному ремеслу... – У Сандро уже была свобода в руках, командовать войском было нельзя. В его планы входило случайное исчезновение, которое, умело обыграв, можно было списать на бесславную гибель. Командование же подразумевало, что он будет на виду. А значит, план мог рухнуть. – Войско под моим командованием обречено на гибель.

– Слова воина! – непонятно чему обрадовался Арганус. – Ты холоден и расчетлив. Если добавить к этим качествам ум и безмерную тягу к знаниям, результат оправдает все ожидания. Из тебя получится умелый полководец. Сперва ты пойдешь под началом Барклая, затем он переложит командование на тебя, а сам присоединится к основным силам... Но об этом позже.

Арганус только сейчас взял из рук ученика эликсир. Он словно специально заставил Сандро держать свободу в руках, чтобы предложение казалось более заманчивым. Арганус побуждал пойти на верную гибель, стать щитом для главных войск, принять удар на себя. Сандро двинется маршем в заданном направлении – наместник направит на непокорного свои войска, а Арганус тем временем поведет основные силы на столицу и «малой кровью» захватит власть. Умно. Но слишком просто. Эта простота казалась наигранной, ложной.

Сандро притронулся к сумке, в которой, не снимая, носил книгу Трисмегиста. Помощь друида, даже неосязаемая, всегда укрепляла дух юного некроманта, но сейчас была недоступна. Полагаться оставалось только на себя.

– Я должен буду отвлечь Фомора и принять центральный удар? – размышлял вслух

Сандро. Он понимал, что открывает перед Арганусом свои карты, но время пришло играть ва-банк. – Наместник глуп, но не настолько. Тем более Фомор труслив. Он уйдет в глухую оборону, а в авангард поставит Гильдию. Безусловно, там найдутся ренегаты, но смогут ли они противиться магии Хозяина?

– Думаю, капля эликсира найдется и для них, – предположил Арганус, но его слова были пустыми: он не собирался делиться свободой ни с одним из заговорщиков.

Сандро все же решил опробовать почву под ногами и высказал ответное допущение:

– Конечно, но потом, получив свободу, они решат, что на роль короля ты подходишь меньше, чем они.

– Ты слишком молод, чтобы знать все. Твои потуги увлекательны и обоснованны, но без полного знания ты не получишь и точной картины. Сейчас от тебя требуется одно – согласиться или отказаться. Заметь, пока что у тебя есть шанс высказать свое мнение, дальше я ограничусь приказами. И уж поверь, лучше выбрать долю ферзя, чем пешки.

Арганус что-то знал или готовил какую-то уловку. Сандро не мог понять, чего ожидать от лича – пожалуй, самого опытного интригана, который только был в Хельхейме. Самое сложное – не знать, какие козыри в рукаве противника, самое сложное – принимать решение вслепую. Юный некромант приложил руку к книжной сумке. Сил это не прибавило: Трисмегист молчал, оставляя всю тяжесть решения на своего ученика.

– Я хочу знать одно: ты посылаешь меня на смерть? Да или нет?

– Да. Но если выиграешь – станешь свободным.

– Когда выступать? – согласился Сандро.

– Не спеши, – охладил пыл ученика Арганус. – Сперва ты должен пройти боевое крещение.

О боевом крещении Арганус рассказал вкратце. Не силой он крестил – хитростью. И уж неведомо откуда пришла традиция крестовать, расчленяя человека на четыре части при помощи веревок и лошадей, но Хельхейм ждала именно такая судьба. Арганус решил разделить всех и властвовать над всеми, словно Трисмегист, превративший в рабов всех, кто считал его недостойным править. Так и Д’Эвизвил. Сильным он давал приют и обещание в получении власти, а для слабых уготовил судьбу умерщвленных. Его план сводился к простейшему: советники были азартны, безыntересность существования и скупость в развлечениях оставили свой след в холодных и расчетливых сердцах, – лишь занятные игрища могли разжечь немалый интерес в падких на кровожадные забавы некромантов. И Арганус нашел для советников это игрище: собачьи бои. Он решил устроить в Бленхайме грандиозное представление – созвать всех некромантов для проведения огромнейшего празднования, посвященного собачьим сражениям. Ни один из высокородных некромантов не мог пропустить этого великолепного события. Прибыть в Бленхайм должны были все советники. Традиционно без армий и телохранителей. Никто не мог догадаться о существовании «эликсира разрыва». Никто и никогда не подумал бы, что прибудет на верную гибель, а не на занимательную игру.

– Учитель, ты уверен, что ловушка сработает? – засомневался Сандро.

– Придут не все, но большая часть клюнет на уловку, – без тени сомнений ответил лич.

– Но кто сможет справиться со всеми советниками разом? Они достаточно могущественны, чтобы суметь защитить себя, – не переставал ставить под сомнения слова Хозяина Сандро.

– Это уже не твоя забота. Тебе достаточно знать то, что одним из восставших будешь ты.

– Хорошо, – согласился Сандро. Все слова были сказаны, карты брошены на стол, и играть в темную уже не было смысла. Бунт, в котором Сандро примет непосредственное участие, был готов, и других вариантов, кроме как согласиться с правилами Аргануса, у юного некроманта не было. – Я пройду крещение, и если все удастся, возглавлю армию.

– Другого ответа я и не ждал. Грамоты с приглашениями будут разосланы сегодня же. Через две недели начнется война. Будь готов.

Сандро не ответил – лишь низко поклонился в знак согласия и вышел за дверь.

Война была близка, а срок указан. Через две недели он должен быть готов ко всему – как к победе, так и к поражению, как к гибели, так и к возможности бежать из Бленхайма, а возможно, и к началу боевых действий, в которых он сыграет роль генерала. Ситуация просветлела, открылись грядущие перспективы, но ни одна из них не нравилась Сандро.

Он нуждался в совете Трисмегиста.

* * *

– Альберт, что мне делать? – даже не зная, как начать разговор, выдавил из себя Сандро, как только он оказался в лаборатории, где без стеснений и опаски мог общаться со своим другом и наставником. – Ты ведь слышал, что мне предлагал Арганус.

– Слышал, – подтвердил дух. – Арганус хитер и многое от тебя утаил. Либо у него есть группа достаточно сильных магов, способных противостоять советникам, либо огромное количество темных рыцарей, иммунных к темным заклинаниям, что вряд ли. Как по мне, так Д’Эвизвил решил воспользоваться Малым Орденом, чтобы его руками расчистить для себя путь к трону. Но неизвестно, что он предложил К’йену за помощь. Цена должна быть немалой: ведь Высшие не подчиняются некромантам напрямую.

– Значит, вампиры, – решил для себя Сандро. – Альберт, все закручивается так, как мы с тобой не планировали. Ведь я должен был сделать вид, что сгинул в одном из поединков с советником. Сейчас такая возможность резко усложнилась.

– Наши с тобой планы останутся неизменными. Лишь растянутся во времени. Сперва тебе надо пройти боевое крещение, то есть «крестование», а дальше все пойдет по тому пути, который мы для тебя определили.

– Хорошо, – согласился Сандро. – Меня беспокоит только роль, которую Арганус взвалил на плечи Энин. Думаю, она, как и я, должна будет биться с советниками, но у нее нет ни достаточного опыта, ни силы.

– Защитишь ее, если понадобится. А пока... не забивай себе голову лишними размышлениями: все решится в одночасье, когда до этого дойдет дело.

– Решится, – кивнул Сандро, словно видел своего собеседника. – А когда решится, тогда придет мое время.

Трисмегист подумал, что воспитал достойного ученика, но не сказал ни слова. Все и без слов было ясно: Сандро нашел свою стезю и больше в поводеyre не нуждается.

Глава 20

Без тени сомнений

И неведомо было, откуда он появился. Говорили, Тьма послала его, но другие считали, будто светлые боги. Я же утверждаю, что его привела ко мне судьба, ибо не верю я ни во Тьму, ни в Свет.

Сандро Гайер. «Мемуары некроманта»

Он прибыл под покровом тьмы, когда людские тени сливались с ночными призрачными силуэтами в единую монотонную бездну, когда властвовали дремучий мрак и безмятежная мгла – его вечные друзья и соратники. Он безликой, незаметной для глаза тенью проник в кабинет некроманта и замер над остывшим камином. Кроме него самого в комнате было двое – человек, укутанный в черный плащ и скрывший лицо в тени капюшона, и лич, одетый в багряную бархатную мантию советника Гильдии.

Клавдий невольно вслушался в их разговор. Речь шла о неизбежной войне. С недавних пор обсуждения боевой тактики и стратегии, а также интриг и заговоров стали для правой

руки Перворожденного нормой, поэтому он, сам того не желая, сосредоточенно вслушивался в каждое слово. Мудрый слушает – слушает, чтобы знать и заставить полученные знания работать на себя.

Но удивили его речи не о войне, а о некоем зелье, способном разрушить магию Хозяина. Жаль, разговор вскользь коснулся этой темы и убежал ко все тем же военным дискуссиям.

Вскоре человек в черном ушел, оставив Аргануса в одиночестве. Клавдий еще несколько минут просидел на камине за спиной некроманта, после чего, обратившись, чтобы не привлекать внимания, в серую дымку, проскользил к окну и, отыграв спектакль своего появления, предстал пред Д'Эвизвилем.

– Приветствую, учитель! – Батури, гордо выпрямив грудь, прошествовал через кабинет и уселся в кресло напротив лица.

– Здравствуй, Клавдий, – качнул головой некромант в небрежном поклоне. Вампир ответил тем же. – С какими делами пожаловал? – перешел к делу Арганус.

– К'йен спрашивает: когда понадобятся услуги Ордена?

– Не прикидывайся обычным посланником. С этим вопросом К'йен прислал бы другого, – у тебя ко мне иное дело. Выкладывай.

Догадливость Аргануса даже не поразила Батури, который за долгие годы уже изучил своего учителя. Клавдий появился в Бленхайме, чтобы выведать то, чем занимается Арганус, выяснить, когда, как и какими силами лич собирается начать войну, по возможности пересчитать магов, рыцарей и воинов. Ничего из этого Клавдий не мог раскрыть перед учителем и Хозяином, но отговариваться как-то надо...

– За помощь в путче я хочу получить свободу.

– Нет, – коротко ответил некромант.

– Но...

– Никаких «но», – обрубил Арганус. – Не будь глупцом: мне нужен помощник, приближенный к главе Ордена, и лишаться его я не собираюсь. А теперь рассказывай, что К'йен собирается предпринимать после бунта?

– Он не посвящает меня в свои планы, – попытался увильнуть Клавдий, зная наперед, что это ему не удастся.

– Рассказывай, что видел и слышал. И о том, до чего додумался, видя и слыша. – Арганус понимал, что Батури, будучи его рабом, не может лгать – К'йен и вправду не говорил с Клавдием о делах. Но Батури не слеп, а посему видит то, чем занимается К'йен, и не глуп, поэтому может дойти до каких-то выводов и своим умом.

– К'йен готовится к войне, – отрапортовал Клавдий, выгадывая время для размышлений.

– Как готовится? – подтолкнул лич.

– Он уже собрал вокруг себя всех Высших, сплотил их – кого силой, кого хитростью. Орден силен, как в былые времена, и может выставить почти полсотни магов.

– Это все? – Арганус впился взглядом в ученика, словно удав, гипнотизирующий свою добычу. Этот взгляд был силен, и сила его необъятна. Казалось, лич при помощи одного взгляда сможет двигать горы и осушать моря.

– Нет, не все, – выдавил из себя Батури. – Каждому советнику Ордена выделена земля с людьми, которых можно, а далее – нужно обратить в вампиров. Когда начнется война, ни тебе, ни Фомору будет не до людей. К'йен получит ту силу, в которой нуждается Орден, и попрекнуть его в нарушении законов будет некому, да и самих законов уже не станет – анархия захлестнет Хельхейм.

– Кого он будет поддерживать?

– Орден не примет участия в войне. На бунте его роль закончится. Он станет камнем, который обрушит лавину, но не покатится с гор вместе с селом – К'йен не позволит.

– Ничего неожиданного, – вынес вердикт Арганус, отпуская ученика из оков своего взгляда. – К'йен хочет урвать свой кусок власти и примкнуть к победителю. Только такой

номер у него не выйдет – я не позволю. Так ему и передай. А еще скажи, чтобы свою свору через десять дней пригнал в Бленхайм. Время для войны пришло. А теперь иди. – Арганус повелительно махнул рукой, и Клавдию ничего не осталось, как выполнять приказ.

– До встречи, учитель, – выплюнул Батури и немедля выпорхнул в окно.

После разговора с Арганусом он чувствовал себя так, будто его изнасиловали, причем насильником был барон, воспользовавшийся правом «первой ночи». Лич умел поставить нерадивых на место. Раб – он и есть раб. Шпион – он и есть шпион. А Батури еще и изменник...

* * *

За минувшие три года лаборатория преобразилась. Свечи никуда не исчезли, стеллажи с книгами и препаратами тоже, но в углу залы, где раньше размещался только платяной шкаф, появились кровать и небольшое кресло для чтения. Чтобы добиться большего уюта, Сандро перетянул полки с ингредиентами для зелий широкими драпри, которые при необходимости можно было раскрыть при помощи специальных подвязок. Мозаичный пол теперь был устлан коврами, раздобытыми в кладовой Аргануса. У лича было нелегко выпросить половики, но юный некромант аргументировал свои желания тем, что кладка изображала сражение между альвами и некромантами в Фангорском лесу, которое хоть и обернулось для альвов поражением, но позже именно с этим лесом и было связано уничтожение Трисмегистова воинства. Против таких доводов Арганус не устоял и сам пожелал скрыть за тканями полотнами место, поносившее славу Хельхейма.

Но на этом преображение лабораторной залы не закончилось...

Однажды, обсуждая с Трисмегистом прошлое некромантов, а в частности замок Первейшего, Сандро узнал, что Бленхайм изобилует потайными ходами и внутризамковыми лабиринтами, словно издырявленный сыр. Мудрый наставник посвятил своего ученика в тонкости разоблачения этих лазов. Самым простым и верным способом найти тайный проход было – ориентироваться на сквозняки. «Ветер – лучший помощник» – сказал тогда Трисмегист. Даже если тайник находится в стене, есть узкие, невидимые для глаза щели, в которые просачивается воздух. По ним и можно найти проход. Другим вариантом был поиск «различий». Если механизм открывался с помощью определенной кнопки, то она всегда чище, а иногда – отполирована частыми прикосновениями до блеска, и отличить ее от других предметов или же камней стены не составляет труда. Еще одной возможностью было «простучать», но с этим способом все было не так просто. Во-первых, не всегда легко отличить пустой звук от монолитного, для этого нужны неплохой слух и опыт, во-вторых, не всем каменщикам и зодчим было по плечу избежать «пустышек» в стенах и перекрытиях, поэтому иногда возможные тайники оказывались лишь воздушными пузырями.

Сандро сразу же поспешил проверить полученные знания на практике и, к удивлению Трисмегиста, показал неплохой результат. Простучав, прощупав, вникнув в перемещение воздуха, юный некромант смог проделать неплохой воздухоотвод, доставший до самой поверхности, а «чтобы не пропадать добру», выложил камин. Первый опыт оказался превосходным: дым легко уходил из лаборатории, не скапливаясь в помещении. Камин же стал более прогрессивным и удобным заменителем для железной парилки, на которой раньше варил зелья Сандро, а ко всему прочему оказался приятной декорацией для помещения. Некогда пугающая и ужасная на вид лаборатория стала на удивление обжитой и уютной. Не каждый бы теперь поверил, что это жилище ужасного алхимика. Но не каждый и знал, что ужасный алхимик еще и некромант, правда, лишь наполовину, а ко всему прочему еще и вполне добродушный друид, хотя и друид неполноценный. Что ж, Сандро всегда был не таким, как другие. И эта непохожесть была его силой, но и слабостью...

Сандро ненавидел быть слабым. Это чувство появилось не так давно, но теперь уже казалось, что оно было всегда – просто замечать его раньше не было желания или сил.

Теперь он не был слабым – по крайней мере, хотел себя в этом убедить. И убедил. А не это ли проявление силы?

А еще... Еще Сандро ненавидел огонь, пожравший детство, любовь, мечты и... мать. Ненавидел, но все больше времени проводил у камина. Трисмегист считал, что надо «убивать страхи». И дабы избавиться от боязни, которая нет-нет, но напоминала о себе, дух друида заставлял ученика привыкать к стихии огня, стихии хоть и разрушительной, но не менее важной, чем другие. Сандро привык к пламени, немногим позже научился управлять им, а при необходимости – черпать из него силу.

– Надо бежать сейчас, – твердо выговорил Сандро. Его решение, быть может, и поспешное, казалось единственно верным. Три года назад он думал так же, но послушал наставника и остался в Бленхайме. Теперь кроткая рыжеволосая Энин превратилась в черную пантеру, с ее красотой могла сравниться лишь жизнь, но с коварством – лишь смерть. Арганус умел воспитывать... и ломать он умел. И еще не известно, что у него получалось лучше...

Столько всего изменилось за три года, столько еще изменится в недалеком будущем. А ведь все могло сложиться иначе, если бы Сандро настоял на своем и сбежал, прихватив с собой двух сестер. Но судьба устами Трисмегиста распорядилась иначе...

– Нельзя, – отрезал друид. Юноше все чаще думалось, что дух будто специально опровергает суждения ученика и советует с точностью до наоборот, а Трисмегист это лишь подтверждал: – Если тремя годами раньше Арганус только созывал в Бленхайм своих слуг и это – уже тогда – было опасным, то сейчас о побеге не стоит и мыслить. Тебя схватят раньше, чем ты покинешь земли Д'Эвизвила.

– У меня не осталось другого выбора. Не убегу сейчас – не убегу никогда. Никто не спустит глаз с командующего армией, пусть и той армией, которую ведут на убой.

– Вот именно – на убой. Когда ситуация выйдет из-под контроля, никому не будет и дела до полководца. Армия погибнет. А кому нужен генерал, если нет его войск? О тебе забудут сразу же после поражения.

– Да, так оно и есть, но кто тогда позаботится об Энин?

Энин... Трисмегист никогда не был в восторге от Энин. Сперва Альберту казалось, что она мешает воплощению его планов, чуть позже – что плохо влияет на Сандро и разрушает мальчика изнутри одним своим существованием, превращает его из многообещающего ученика в слабовольную марионетку. Так оно и было, но это свойство любви: ведь светлое чувство не всегда созидает, иногда оно – воплощение хаоса. Любовь способна разрушить не только человека, но и страну, империю, мир. Да, любовь иногда не спасает, а топит мир, топит его в крови и войнах. Трэя после десяти лет войн и хаоса пала, и все из-за украденной королевы Элейи; Атлантия погрузилась под воду из-за любви великана Треглодэна к русалке Изаэль, а вместе с Атланией канула в лето целая цивилизация... Любовь – дело опасное. Надо было спасти мальчишку.

– Энин уже нет, – как можно учтивее выговорил Трисмегист. – Ее нет с тех самых пор, как она шагнула на путь Тьмы.

– Я на него шагнул гораздо раньше.

– Ты ошибаешься, – опроверг Трисмегист. – Тебя пытались наставить на путь Тьмы, но ты всегда умело с него сворачивал. Твой разум творил темные ритуалы, но в сердце ни на миг не угасал Свет. Энин же бросилась во Тьму, словно она – единственное спасение. Ты делал то, что делал, только потому, что так требовали чужие желания, Энин все решает по собственной воле.

– Никто не может залезть в чужую шкуру и сказать, чего хочет ее хозяин, – сказал, как отрезал, Сандро, после чего продолжил уже более спокойным, размеренным голосом, словно он был наставником, а не учеником: – Альберт, ты считаешь, что я прыгну в омут любви с головой, но ты ошибаешься. Даже не ошибаешься, а путаешь меня прошлого со мной настоящим. Раньше бы я в ущерб делам насущным, поискам спасения и свободы – как для себя, так и для самой Энин – побежал с ней в Неметон или повел смотреть на «дракона».

Сейчас я бы добился расположения девушки иначе. А вместе с тем – вытащил ее из Бленхайма и разом позабыл об Арганусе и рабстве. Сделал же я все не так, как требовал здравый рассудок. Но если б я знал, куда упаду, то постелил на то место перину. Сейчас – прежде, чем начать игру – я обдумываю на шаг вперед, я научился рассчитывать и рассуждать здраво даже в сердечных делах.

Альберт, – не успокаивался Сандро. – Ты думаешь, я не вижу перемен, которые произошли с Энин? Думаешь, не замечаю, что для нее магическая сила – светлая, темная – не важно! – стоит дороже, чем жизнь сестры и собственная душа? У нее есть цель – сломить всех или быть сломленной. И она не остановится, пока не достигнет либо первого, либо второго. Я же хочу дать ей третий вариант – свободу без боя. Этот бой приму я.

– Ты все еще мальчишка, – обреченно выдохнул Трисмегист. – Быть может, умный, быть может, расчетливый и способный обдумывать на шаг вперед, но – мальчишка. Что стоят твои слова, пока ты раб? Что ты можешь противопоставить Арганусу, пока не примешь зелье «разрыва»? Ничего. А если примешь сейчас – опять ничего. Энин и не поверит твоим словам, хоть они трижды будут правильными и правдивыми. Ты для нее еще больший враг, чем Д’Эвизвил. И пока будет так, ты ничего не сможешь изменить.

– И что ты посоветуешь?

– Ждать.

– Ждать чего? – Сандро резко забросил в камин несколько поленьев, не обращая внимания на то, что огонь и без того вырывался из каменной пасти неистовым пламенем. Огонь недовольно сощурился, запрыгал, замерцал и замер. Застыл, словно кто-то остановил ток времени. Сандро не обратил на это никакого внимания – ведь все его мысли были далеки от лаборатории с ее самодельным камином. Юноша продолжил свои причитания: – Кого мне ждать?

– Возможно, меня? – поинтересовался незнакомый ласкающий, словно дюжина куртизанок, голос.

– Возможно, – холодно ответил Сандро, даже не удостоив незваного гостя своим взглядом. Юный некромант был растерян, но умело скрывал эмоции. Незвестный не должен знать его слабостей. – Но сперва вам надо назваться.

– Я Клавдий Батури Савильен де Медичи, – нарочито важно заговорил Клавдий, принимая игру, – лорд Фригоя, хранитель седьмой королевской печати, советников ордена Тени, генерал восточного гарнизона Стигии. – После короткой паузы вампир добавил: – С кем имею честь говорить?

– Мое имя Сандро Гайер, ранее – крестьянин в седьмом колене, ныне и восьмой год как – адепт темной магии, – представился Сандро, все так же сидя спиной к гостю. – Весьма рад знакомству. Чем обязан вашему визиту в мою скромную обитель в столь поздний час?

– Не посмотришь в лицо лорду?

– Вы хотели сказать: вампиру. Все ваши титулы пусты так же, как и мое прошлое. Сейчас вы такой же лорд, как я – крестьянин.

– Язык, как у гадюки! – усмехнулся Клавдий. – Арганус умеет подбирать учеников.

– Вы не ответили на мой вопрос, – стоял на своем Сандро.

– Я пришел полюбоваться на ученика Аргануса, – с запозданием ответил Клавдий, но на этом не остановился. – Смею заметить, жилище достойно добротной хозяйки, но не скрупулезного адепта Тьмы. – Новое убранство лаборатории и впрямь озадачило Батури. Ковры и драпри явно говорили о том, что Арганус размяк и позволяет своим студиям с каждым годом все больше чудачеств.

– Извините, но я не привык жить в гробу и излишней кротостью не страдаю. – В ситуациях, когда Сандро чувствовал неуверенность, он всегда начинал язвить. И сколько бы ни пытался Альберт отучить своего воспитанника от этого, Сандро продолжал в подобные моменты выпаливать колкость за колкостью.

– Вижу, вы не знаток приличных манер... – Батури начала нравиться беседа.

– У вас хорошее зрение, лорд, – подтвердил Сандро. – Но я бы предпочел перейти к

делу. Думаю, лицемерие полулича – не единственная цель вашего визита.

– Полулича? – заинтересовался Клавдий. А ведь и впрямь ходили слухи, что новый ученик Аргануса мертв лишь наполовину. Батури как-то забыл об этом, а со спины было и не разобрать, как выглядит студиоз. – Я так и не добился вашего взгляда, почтенный.

– Хватит игр. – Сандро устал от светских бесед. Он резко обернулся, вставая на ноги, и сдернул с лица капюшон: – Доволен? – Сандро и не заметил, как перешел с гостем на «ты», но играть роль воркующих ни о чем придворных голубков уже порядком поднадоело.

– Сударь, вам не хватает красных светящихся глаз! – с воодушевлением выпалил вампир. – Будь у вас эта мелочь, вами с легкостью можно было бы пугать детей.

– Можно и сейчас, – подхватил Сандро, – но пока пугают кровососами.

– Это поправимо, – оскалился, показывая клыки, Клавдий.

– Незванный гость хуже горгоротца, – выдохнул Сандро.

– Но лучше десятка стигийцев.

– Пошли его к Одноглазому, – посоветовал в голове голос Трисмегиста.

– С удовольствием, – вырвалось у Сандро прежде, чем он успел сообразить, что вампир слышит его, но не друида.

– С удовольствием – что? – не понял Клавдий.

– Укорочу тебе клыки.

– У вас, уважаемый, будет такая возможность, – обнадежил Батури. – Но сейчас у меня нет желания портить отношения с вашим Хозяином.

– С нашим общим Хозяином, – заметил Сандро. – Или ты думаешь, что кроме тебя и Аргануса об этом не знает никто? Ты ошибаешься. Вопрос в другом: что будет, когда К'йен узнает, какую змею пригрел под боком?

– Боюсь, это пустые угрозы, друг мой, – пожал плечами вампир. – Арганус не позволит открывать секретов, которые сам же и держит в тайне. Но ему будет интересно узнать, что за ищейка выведала его секрет и бросается им направо-налево.

– *Повторяй за мной*, – велел голос, звучавший лишь в сознании юного некроманта: – *Уж не та ли это ищейка, что намедни сидела над камином?* – спросил Трисмегист, и Сандро немедленно повторил вопрос, чем немало озадачил собеседника.

– Паршивец! – непонятно чему обрадовался вампир. – Думаю, из тебя получится неплохой союзник.

– Смотря что даст мне этот союз, – заинтересовался Сандро.

– Все зависит от того, что тебе от него надо.

– Покровительство и защита для двух девушек, – взял Сандро быка за рога.

– И всего-то? – удивился лорд уже несуществующего феода.

– Двух рабынь Аргануса, – уточнил юный заговорщик, в корне меняя суть дела.

– Боюсь, при всем моем желании это неосуществимо.

– *И не думай об этом!* – посоветовал Трисмегист, уже сейчас догадываясь, какую глупость решил совершить его воспитанник.

– Я дам тебе свободу в обмен на клятву помочь мне, – не последовал мудрому совету Сандро. Насчет вампира у него были свои планы.

– Клянусь, – берясь рукой за остывшее сердце, поклялся лорд. Подумаешь, одним обетом больше, одним меньше... это не изменит извечного клятвopеступника.

– Не все так просто, – огорчил некромант. – Ты скрепишь клятву печатью Эльтона. Но и это еще не все. За свободу ты отдашь мне Смерть Каэля.

– Откуда тебе известно о реликвиях? – ужаснулся Клавдий.

– У Лазаря была хорошая библиотека, пока несчастный не сгорел вместе с ней. Каждый трактат попадал к Арганусу и, проходя через его руки, оседал в этом скромном книгохранилище. – Сандро провел рукой, указывая на скрытые полотнами стеллажи, но Батури не надо было отодвигать занавесы, чтобы вспомнить неисчислимое множество арганусовских книг.

– Из тебя и впрямь получится неплохой союзник, – задумчиво протянул Клавдий. –

Будь по-твоему. Но на печати поклянемся оба.

– Договорились, – протянул руку Сандро, после чего вампир скрепил сделку рукопожатием. Теперь можно было не бояться за судьбы сестер: главное, чтобы вампиру удалось исполнить задуманное. В том, что он приложит к этому все свои усилия, сомневаться не приходилось – клеймо Эльтона свое дело знает и карает клятвopеступников не плетью, но смертью.

– Я вернусь за «свободой» через десять дней. К этому времени сюда придут все советники Гильдии, чтобы поучаствовать в «собачьих боях», но вместо развлечения получают смерть.

– Ты – свободу, а я – армию, – закончил перечисления Сандро. – Начинаются смутные времена, но без разрушения старого новое не создается. Надеюсь, общими усилиями мы добьемся того, чего каждый желает.

– Надеюсь, – скрепил сделку словом Клавдий. После чего отсалютовал и направился прочь из Бленхайма и его лаборатории.

К рассвету К'йен узнает о многом, но не обо всем. Иначе Батури не получит ни свободы, ни власти.

Глава 21

Клятвopеступление

Охота началась на охотников. Но зверем, играющим с добычей, был кровавый убийца, рушивший клятвы и ломающий печати.

Сандро Гайер. «Мемуары некроманта»

Жизнь обернулась для них проклятием. Я не убивал тела, а лишь освобождал души. И бессмертные были мне за это признательны.

Пятый граф-бастард Клавдий Батури Савильен де Медичи. «Познавший Кровь»

Неведомые силы природы перетянули алеющее предзакатное небо тяжелым тягучим покрывалом дождевых туч, казавшихся вылитыми из бронзы. Изредка то тут, то там упрямое солнце прорывалось сквозь плотное полотно и разукрашивало небеса красно-желтыми пятнами, иногда походившими на золото, но чаще на ржавчину. Разбойнически свистевший ветер на мгновение затих, а вместе с ним в ожидании дождя замерли и плавно тянущиеся тучи. Ожидание длилось недолго, и уже через мгновение пунцовые облака, оцетинившись крупными, с голубиное яйцо, кругляшками, обрушились наземь неистовым градом, больше напоминавшим исполинскую лавину.

Расчерченная изломами и трещинами, иссохшая за короткое, но знойное хельхеймское лето земля жадно всасывала в себя живительную влагу. И град, как бесконечный благодетель, утолял эту жажду, неумолимо заливая почву крупными небесными слезами. А тучи все гуще обволакивали своими черными тенями солнце, которое уже не могло прорваться сквозь мрачных стражей и осветить небосвод. Бленхайм потерялся в рокошущей не хуже весеннего селя тьме.

Вскоре захлебнулась, уже не выдерживая чужих рыданий, земля, превращаясь в хлюпающую под копытами коней жижу.

Советники Гильдии, словно Дикий Гон, мчались на пир, не обращая внимания ни на тьму, властвовавшую вокруг, ни на слезы, льющиеся по окостеневшим лицам. Воронье роверцы¹⁶ бодро месили грязь, не сбавляя аллюра, а коротконогие бойцовские псы, будто верные гончие Дикого Охотника, не отставая, трусили следом.

Бешеным зверем завыл разгоряченный непогодой ветер, и небо, будто в страхе от чудовищного воя, в одночасье утерло слезы. И лишь хлюпала, порываясь сорваться на

тошнотные всхлипы, раскисшая почва. А ветер все не умолкал. Почувствовав власть над природой, он не хотел терять приобретенной силы, с вящей грубостью обрушился на облачный занавес и разметал, разорвал его в клочья, освобождая из черных оков кровавое солнце. Красное солнце – к беде, но где может быть больше бед, чем в Хельхейме? Мутное, размытое алыми полосами светило, моргнув, скрылось из виду, отдавая свои права ночи, и небесные огни, даже не дождавшись заката, повсплывали на небе и горделиво взирали на всадников сверху вниз, но, отражаясь от луж, заискивающе глядели снизу вверх, уже без прежней гордости: на земле звезды безвластны, на земле нежити – тем паче.

Кавалькада, перекрикивающая, а порой и обгоняющая ветер, сделав последний крюк, ворвалась в пасть бленхаймского монстра. Замок застыл в глуши, но достопочтенные гости сумеют расшевелить даже мертвеца – отчасти это их работа, этим они и займутся: отыграют в захолустной обители боевое пиршество, после чего разлетятся вороньем по своим поместьям, оставив Бленхайм в прежнем гордом одиночестве осыпаться под неутомимыми ветрами.

Никто уже и не помнил расцвета горного замка, и не все могли поверить, что былое величие к нему вернется. Но оно вернется, Арганус знал это, и приход золотого века отсчитывался не годами, а днями – днями, отведенными добродушным хозяином Бленхайма до собачьих боев, на которые прибыли советники, и бунта, который не заставит себя ждать.

Вскоре все свершится.

* * *

Израэль де Гарди в компании свиты из двух весьма неординарных учеников поднимался по центральной лестнице старого замка. Ученики нынче были роскошью, за последнее столетие у де Гарди насобиралось всего два, и оба появились десятью годами ранее. Чума, разыгравшаяся тогда в Стигии, дала приток умирающих, но не мертвых. Черная смерть стала едва ли не спасением для загнивающей под дурным руководством Балор Дота Гильдии.

Израэль потратил немало времени и сил, чтобы воспитать из учеников настоящих магов, сделать из них полноценных некромантов – мастеров своего дела. И ему это удалось. Он гордился итогом своих стараний и всегда держал адептов при себе, словно верных псов, чтобы они не только овладели магией, но и не потерялись в политических интригах и кознях. Сейчас Паскваль и Альфорка знали если не все, то многое. И сегодня узнают еще больше, познакомятся со всеми советниками Гильдии за исключением Фомора, который не решился покидать тронную залу, и Луизы Конте, которая никогда не разделяла мужской жажды к развлечениям, и в частности – собачьим боям.

Первым делом де Гарди решил отправиться к Арганусу. Это не был визит вежливости. К хозяину Бленхайма и судье боев, которым по праву пригласившего оказывался Д'Эвизвил, Израэль шел для того, чтобы выяснить, что побудило извечного затворника созвать в стены своего замка всех советников. Не зная де Гарди, что Арганус бессилен против магии Хозяина, он бы решил, будто Д'Эвизвил задумал переворот. Но это невозможно. Значит, старый интриган готовится к чему-то иному. А вот к чему именно, и следует выяснить. Конечно, Арганус не раскроет своих карт, но прошупать оппонента де Гарди сможет – не первый день плетет заговоры. Помнится, еще до появления некромантов Трисмегиста, когда Израэль был первым советником стигийской короны, он разоблачал, а иногда умело замалчивал – дабы убрать со своего пути ненужных людей – готовящиеся перевороты. Но это в прошлом. Хотя талант предугадывать сохранился и по сию пору.

– Пришли, – тихо выговорил де Гарди, останавливаясь у массивных дубовых дверей. После чего дал ученикам напутствие: – Помните: Арганус – самая хитрая рыба, которая водится в водах Стикс, и самый коварный змий, который обитает в землях Хельхейма. Будьте внимательны, замечайте подозрительное и подчеркивайте очевидное, запоминайте

услышанное и увиденное. Аудиенция у Аргануса – это не дружеская беседа: это битва, которую вы должны выиграть.

– Не беспокойтесь, учитель, – кивнул Паскваль.

– Мы все сделаем, как надо, – уверил Альфорка.

Де Гарди молча открыл дверь – он был уверен в своих учениках: они не подведут.

* * *

В комнате было трое. Аргануса и Батури де Гарди знал, но третью персону – девушку с неправдоподобно бледным лицом и ярко-рыжими волосами – видел впервые. То, что Д’Эвизивил привел с собой правую руку Главы Ордена и неизвестную девицу, немного смутило советника, но и он пришел не один.

– Приветствую! – Арганус медленно встал и подошел к де Гарди. В его движениях было что-то неуловимо легкое, порхающее. Израэль знал, каково быть рабом, ибо был им. Эта обуза не позволяла вести себя легко и невозмутимо, даже если в руках есть власть, а хозяин далеко. Века служения оставляют свой след.

– Я и мои ученики приветствуем тебя! – нарочито важно выговорил де Гарди, давая понять, что пропасть между двумя некромантами велика. Но Арганус подошел вплотную и панибратски обнял лича, словно старого друга:

– Не так давно я узнал, что такое свобода. Из, ты помнишь это чувство?

– Нет, – отчеканил де Гарди, не обращая внимания, что его имя было перековеркано.

– Я могу напомнить тебе о нем.

– Свобода придет ко мне со смертью, – высокопарно изрек Израэль. – Зачем ты пригласил вампиров? – Де Гарди не был уверен, что девушка принадлежит к роду кровососов, но для того чтобы узнать больше, надо задавать открытые вопросы и позволять ответчику самому рассказывать то, о чем хочется узнать тебе.

– Они – слуги, – пространно ответил лич. – Меня волнуют господа. Ты готов получить то, о чем мечтал?

– Мои мечты останутся при мне.

– Не будь глупцом! – посоветовал Арганус. Без видимых магических манипуляций в его руке появилось пламя, готовое в любую минуту сорваться с костяных пальцев.

– Учитель, – первым встрепенулся Паскваль, проделывая тот же фокус с огнем, что и Д’Эвизвил, но де Гарди его остановил:

– Магия хозяина не даст ему напасть.

Арганус кивнул своим ученикам, и они поспешили исполнить невысказанный приказ повелителя.

Движения вампира были неуловимо быстрыми. Будь у Паскваля веки, они не успели бы и моргнуть, как перед ним оказался Батури, а его непонятно откуда возникший клинок воткнулся в светящееся красным око. Некромант даже и не понял, что умирает, как магия, скрепившая его кости, разрушается, а вместе с нею истлевает и жизнь – подобие жизни.

Смерть Каэля был самым сильным оружием в борьбе с бессмертными, но... Сейчас с кинжалом случилось непредсказуемое: он истлел вместе с костяным телом некроманта. Арганус видел это, но сделал вид, что так и должно быть. Батури заметил скользнувший взгляд учителя и остался доволен: сыновья Хрейдмара постарались на славу. Мало того что они сделали точную копию «смерти», так они еще умудрились вложить в него часть силы, которую когда-то вложил в «смерть» их родитель. Заставить карлов ковать клинок было делом сложным, но результат превзошел все ожидания...

Молниеносный поединок продолжался.

Девушка оказалась менее подготовленной, чем сын Перворожденного. Она замешкалась, но лишь на доли секунды. Два магнитных камня вырвались у нее из рук и врезались в закутанное черными одеждами тело Альфорки. Младший ученик застонал от

боли, но вскоре его крик потерялся в металлическом искаженном гудении, которое издавали древние артефакты Трисмегиста. Де Гарди знал, что Альфорку уже не спасти: юбер-орбы останавливаются лишь тогда, когда цель мертва. Он не мог спасти ни учеников, ни себя. Его сковывала магия Хозяина, и преступить через нее он не мог. Но Арганус смог. Как? Как?!

– Чего ты хочешь? – невозмутимо спросил Израэль.

Желай Арганус его смерти – он был бы мертв, но он жив. Значит, личу что-то надо, что-то или кто-то.

– Помощи, – коротко ответил Арганус.

– Что я получу взамен?

– Жизнь. И свободу.

– Заманчивое предложение...

– Тогда принимай зелье! – приказал Арганус, протягивая миниатюрную колбу с черным, как сажа, эликсиром.

– Я получу свободу – или сменю хозяина? – поинтересовался Израэль, прежде чем выполнить приказ.

– Скорее второе, но позже – если оправдаешь мои ожидания, возможно и первое, – не скрывал Арганус. Чтобы зелья хватило на все его планы, а действие было таким, каким надо ему, личу пришлось усовершенствовать изобретение ученика. К «эликсиру разрыва» он примешал эликсир «подчинения», чем заставил каждого, кто выпивает зелье, терять связь с Балор Дотом и его приспешниками, но обременял на подчинение другому повелителю, которым был сам. – Это лучше, чем быть развоплощенным, а мое обещание крепко, поэтому ты сможешь получить и полную свободу, – уговаривал некромант. – Все одно что-то – лучше, чем ничего.

Альфорка умирал медленно. Мучительно. Де Гарди смотрел на него не как на мертвого, получающего искупление, а как на плод долголетних стараний, десятки тысяч часов потраченного времени и нечто родное...

– С гибелью Балор Дота не будет запрета на учеников, – проследил за взглядом вербуемого Арганус. – Ты потратил время на обучение двоих. Но сможешь обучать десятки и сотни. В Стигии немало магов – ты знаешь, талант передается наследственно, но никогда магия не посетит того ребенка, родители которого пользовались Силой. Маг рождается у тех, в ком Сила спала всю жизнь. Сейчас в Стигии таковы все, куда не глянь. Ты воспитаешь других учеников...

– Не распинаясь зазря, – отмахнулся де Гарди. – У меня есть своя голова на плечах. Мои ученики будут твоими. Мои старания принесут пользу не мне, но тебе. А свободы мне не видать, как своих ушей. Я соглашусь на твои условия лишь в том случае, если ты дашь мне то зелье, которое принимал сам.

– Мне проще тебя убить, – задумался Арганус. – Лучше все сделать самому, чем получить союзника, который завтра же может стать врагом.

– Решение за тобой, – невозмутимо ответил де Гарди. – Я прожил долгую жизнь и не боюсь умирать. Ты жаждешь власти, но для меня она – пустой звук. Мне нужна свобода не для того, чтобы править, а для того, чтобы никому не подчиняться.

– Если ты никому не будешь подчиняться, зачем ты мне?

– Я помогу тебе свергнуть Балор Дота и занять трон, потом ты поможешь мне обосновать школу магии. Каждый десятый ученик будет моим, остальные – твои.

– По рукам! – согласился Арганус. – Клавдий, покажи нашему гостю, как принимают клятвы в Бленхайме, после чего можешь быть свободен. И поговори с К'йеном – я не хочу, чтобы во время собачьих боев возникли сложности.

Батури молча достал из-за пазухи клеймо Эльтона и протянул его де Гарди.

– Знаешь, что это? – не нуждаясь в ответе, спросил вампир. Получив утвердительный кивок, продолжил: – Клянись. И быстрее: у меня есть незаконченные дела...

– Сколько можно об одном и том же? – недовольно пробурчал Трисмегист.

– Столько, сколько нужно, – отрезал Сандро. – Возможно, сегодня последний день, когда я увижу Энин. «Бои» не за горами, начало войны тоже. Сейчас я здесь, но где буду завтра, загадывать не берусь. Клавдий поможет мне защитить Энин, но я не уверен в том, что этого будет достаточно. День, то есть ночь, будет кровавой.

– Ты много на себя берешь. – Глупость любого влюбленного уже давно вошла в легенды, но рассуждающий здраво Трисмегист, даже зная это, не мог смириться с незадачливостью своего ученика. – Энин не девочка. Если ты не забыл, она старше тебя, и у нее на плечах есть своя голова. Пусть ею и решает.

– Она не сможет решить правильно, – не согласился Сандро. – Все мы ошибаемся, все иногда выбираем не того помощника или не ту сторону на баррикадах, делаем то, чего делать нельзя, отказываемся от руки друга и жмем руку врагу. Но это не причина, чтобы друзья поступали так же и отворачивались от того, кто ошибся.

– Говоришь, друзья? – съехидничал друид.

– Любовь – в первую очередь дружба, – не задумываясь, отчеканил воспитанник, и наставнику не нашлось, что возразить. – Быть может, я совершаю глупость, помогая и опекая Энин – разумом я это понимаю, но сердцу приказать не могу. Человек... – Сандро осекся, на миг задумавшись, словно пробуя последнее слово на вкус. После недолгих сомнений продолжил: – Любой человек, даже самый умный и расчетливый, попав под колеса любви, перестает руководствоваться здравым смыслом. Его поступки вершат эмоции, и я готов с этим смириться, Альберт. Смирись и ты.

– На кону нечто большее, чем смиренность одного духа и судьба одной девушки, – твердил свое друид. – А твой союз с Батури...

– Досадная необходимость, – обрубил Сандро, не дав наставнику договорить.

– Ты о нем многого не знаешь...

– Но многое мне известно, а большего я знать не хочу.

– Но должен. Ты доверяешь ему свою спину – так будь добр знать о союзнике все.

– Хорошо, – сдался Сандро, уже сейчас ожидая долгого и ненужного разговора о том, каков Клавдий на самом деле.

– Он убил собственного отца... – начал Трисмегист.

– Вампира, изверга и изувера, – продолжил Сандро. – Причем сделал это, защищая возлюбленную. За это я его не виню, потому что на его месте поступил бы так же.

– Но это не все: он уничтожил вампирский род...

– По приказу, нарушить которого не мог. Вина командира, отдавшего дурной приказ, и солдата, выполнившего его, равносильны, но исполнитель не имеет права ослушаться. И в этом Батури не виновен.

– Клавдий преступил через десятки клятв и обетов. Ты думаешь, выполнит обещание, данное тебе?

– Данное на клейме Эльтона – да.

– Общение с самим собой – это еще нормально. Но спорить... Мальчик, ты хоть в своем уме? Не хотелось бы доверять своих тайн сумасшедшему... – Батури зашел бесшумно, впрочем, как и всегда. На лице вампира светилась ехидная улыбка – будто он подсмотрел нечто личное и получил незримый перевес в общении с собеседником.

Сандро только сейчас заметил вампира и не мог даже догадываться, сколько времени тот слушал споры новообетенного союзника. Юный некромант растерялся, но, быстро взяв себя в руки, ответил грубо – Сандро всегда грубил, когда не получалось подобрать слова или вести общение по желаемому руслу:

– Не хочешь доверять – не надо. Можешь и дальше быть подстилкой К'йена и Аргануса, бегать от одного к другому, лебезя перед каждым. Ты принес что обещал?

Вампир молча кивнул, но ликующая улыбка никуда не исчезла.

– Тогда приступим, – заполнил тишину юный некромант. – Сперва клинок.

– Сперва покажи мне эликсир.

– Сделка пройдет так, как сказал я, или не пройдет вообще. Выбирай.

– Хорошо, – пошел на уступки Батури, доставая кинжал и бросая его Сандро. – Не поранься, – обронил Высший, когда юноша отошел в сторону, даже не пытаясь поймать оружие. Сандро не рисковал: Смерть Каэля слишком мощный артефакт, чтобы, не умея этого, ловить его на лету.

– А теперь клянись на «печати», что будешь защищать Энин и ее сестру, Анэт, даже если это будет опасно для твоей жизни...

– Небольшое уточнение, – вмешался Батури: – Буду защищать их до тех пор, пока они живы или не покинули Хельхейм? Если они удумают бежать – я не пойду вместе с ними через «купол».

– Идет, – одобрил Сандро. – Также клянись не причинять мне вреда и молчать о нашей сделке.

– Еще пожелания? – ехидно спросил Батури.

– Да, – невозмутимо отчеканил Сандро. – Клинок останется у меня, и ты не попытаешься его украсть или забрать. Не хочется, знаешь ли, расставаться с ним раньше положенного срока.

– Предусмотрительно, – коротко прокомментировал вампир и на несколько секунд замолчал, сосредоточенно уставившись на Сандро.

Некромант невольно съежился, почувствовав на себе этот взгляд. Батури же смотрел не отрываясь. Кривая улыбка, застывшая на лице вампира, мелкие нечеловеческие зубы и два острых, как сталь меча, клыка – они заставляли Сандро ощущать слабость и трепет перед сильным мира сего. Он готов был пасть ниц и подставить свою шею для укуса, лишь бы стать ближе к вампирскому роду.

– Сандро, Сандро... – звал Трисмегист, но его голос был далеким и тихим. – Не давай ему контролировать себя. Он – магнетизер, но и ты тоже. Борись.

– Покажи мне зелье, – приказал Клавдий.

Хотелось подчиниться, выполнить приказ, но Сандро нашел в себе силы, чтобы поступить иначе:

– Пока не будет произнесена клятва – нет, – отрезал он.

– Не многого ли ты хочешь? – возмутился Батури, не веря, что его магия сплоховала, но продолжая невидимую волшбу. – Я поклянусь, а ты простодушно откажешься от сделки.

– Клятва вступит в силу, когда получишь эликсир, – предложил Сандро. Клавдий на мгновение задумался, но довольно быстро согласился и вытащил из-за пазухи печать Эльтона, после чего высокопарным речитативом проговорил текст обета:

– Клянусь защищать двух девушек, некромантку Энин и одержимую Анэт. Клянусь не причинять зла полуличу Сандро и не трогать, не красть, не подсылать воров, дабы украли они, клинок Смерть Каэля. – Ровный, чеканный баритон вампира убаюкивал, и в то же время каждое слово отбивалось в ушах Сандро барабанной дробью. Хотелось пуститься в сумасшедший пляс или уснуть и не просыпаться. А вампир все не умолкал: – Клянусь молчать обо всем, что было сказано здесь и сейчас. Клянусь держать в тайне соглашение, запечатанное Эльтоном. Клятва вступит в силу тогда и только тогда, когда получишь Сандро даст мне эликсир, который избавит меня от власти Хозяина и Перворожденного, и поклянется молчать о сегодняшней сделке. – Вампир замолчал и вопросительно посмотрел на изуродованного магией и огнем мальчишку. Сандро стоял, остекленевшим взглядом глядя на Батури и слегка пошатываясь, будто пребывая в трансе, но, несмотря ни на что, кивнул в знак согласия. Клавдий приложил извечно холодное, но раскаленное до предела клеймо к запястью. В одно мгновение в комнате запахло паленой кожей и болью добровольно истязающего себя; застыли раздражение и боязнь юноши, который вскоре почувствует ту же боль.

– Клятва принята, – металлическим тоном изрек Сандро, но собственный голос

показался чужим и далеким, словно кто-то иной говорил им.

– Теперь твоя часть сделки, – приказал улыбчивый вампир.

Сандро размеренным шагом подошел к своему тайнику, скрытому уже не только мозаикой, но и ковром. Чтобы отодвинуть все препятствия, понадобилось чуть больше времени, чем требовалось раньше, но вскоре «эликсир разрыва» предстал пред очи Клавдия Батури Савильена де Медичи, лорда чего-то там и генерала такого-то, советника Ордена и хранителя печати.

– Вот твой эликсир. – Сандро протянул Клавдию колбочку с черным, как помыслы вампира, содержимым. Батури, не задумываясь, выхватил из рук уродца эликсир и незамедлительно выпил. Слишком много веков он беспрекословно выполнял чужие приказы, слишком долго глотал чужое неуважение и презрение, слишком часто ощущал собственную беспомощность и ничтожность. Сейчас он избавится от этого навсегда! НАВСЕГДА!

Сандро внимательно следил за собственным экспериментом. Ему до жути не хотелось быть первопроходцем, который, рискуя собственной шкурой, решит получить свободу. Он нашел подопытную мышь, но кроме уверенности в своем зелье получил бонус: союзника, который будет помогать в насущных делах, и клинок, который сможет если не защитить от опасных врагов, то хотя бы немногим обезопасить от излишне ретивых.

– Как ты себя чувствуешь? – дождавшись, когда вампир выпьет зелье и придет в себя после побочных эффектов, которые жуткой болью отыгрались на принявшем эликсир. Что ж, небесные циклы не учтены, боль должна быть невероятной, эффект меньшим, а пока что – сумрачным, но лучше все-таки что-то, чем ничего.

– Прекрасно, – хищно усмехаясь, не обращая внимания ни на боль, ни на чужое беспокойство, вытолкнул из себя вампир. Его остекленевшие глаза казались пустыми, но огонь, горевший в них, превращал пустышки в ужасные кроваво-оранжевые пятна.

– Клинок, – протягивая руку, приказал Батури. – У меня есть незаконченное дело, которое я не смогу сделать без Смерти Каэля.

– Нет, ты поклялся, – протрезвев, резко отказал Сандро. Наваждение исчезло, теперь взгляд и голос вампира не дурманили, не заставляли делать так, как приказано свыше.

– Что ж, – делая шаг вперед и хватая полулица за руку, в которой был зажат кинжал, пробурчал Батури. – Придется брать силой.

– Но клятва! – выпуская кинжал, прорычал Сандро. – Ты нарушил клятву!

– Нет, – не согласился Батури. – Не нарушил, но ты слишком глуп, мальчишка, чтобы узнать, почему. До встречи на собачьих боях.

– Ты – труп, – зло бросил в спину уходящему вампиру Сандро. Как ни было противно, но сам юноша напасть не мог: в отличие от вампира, он был связан властью Хозяина и не имел права нападать на его учеников и слуг. Слугой Клавдий уже не был, но учеником продолжал быть...

– Уже давно труп! – усмехнулся Батури, скрываясь в тени винтовой лестницы.

– Но умрешь дважды... – пообещал пустоте Сандро.

Глава 22

Собачьи бои

Трепещите, ибо близок Тот, Кто Уничтожит Народы. Земли ваши истопчет он и веревкою их отмерит. И разрушены будут города ваши и пустыни. Нетопырь, ворон и филин поселятся в домах ваших. И змей угнездится в них.

Aen Ithlinnespeath

Сколько я видел бойцов, сражавшихся со стрелами в груди, сражавшихся рьяно, умело. Они не чувствовали боли и рубили врагов порой и лучше, чем те, что были целы и невредимы. Но стоило

*сражению закончиться, под тяжестью ран они падали
бездыханными наземь...*

Гелион Манфийский. «Виденье мира: военные годы»

Время текло неумолимо. Наставления и нравоучения Трисмегиста не успокаивали – только пуще прежнего угнетали. А дух, будто не видя этого, произносил все новые и новые колкости.

– Хватит! – не выдержал Сандро. – Перестань, немедленно! Я не намерен слушать твои поучения. Да, я ошибся. Да, я выбрал не того союзника, но я все изменю. Я найду как.

– Ищи, – огрызнулся Трисмегист и надолго замолчал.

– Альберт, – разрушил устоявшуюся тишину Сандро, почувствовав, что вспылит, – сегодня начнется война. Сегодня будет битва – моя первая битва. Может, дашь мне напутствие?

– Ты уже знаешь все, что должен знать, – добродушно ответил друид, начисто позабыв о недавней обиде. Он любил роль наставника и с готовностью дал новый урок: – Не вырывайся вперед и не открывай спину. Старайся видеть всех и делать так, чтобы никто не заметил тебя. Главное для чародея – скрытность, поэтому самое важное – правильно выбрать место для поединка...

– Альберт, – прервал тот учителя, – мне пора. Арганус зовет.

– Удачи и побед, – пожелал на прощанье друид, и Сандро ответил лишь кивком: слова были лишними.

* * *

Псы сцепились не на шутку. Массивные челюсти арганусового волкулаки, словно капкан на йотуна¹⁷, захлопнулись на шее неизвестной для Сандро породы бойцовского хельхеймца. Клыки волкулаки, специально выращенные то ли при помощи магии, то ли селекции, способны были переламывать кости. Их цель и была таковой. Если обычного пса можно было искусать и изодрать до смерти, то бойцовских собак Хельхейма, лишенных плоти, могла погубить только магия или клыки, что острее меча. Клыки волкулаки были острее.

Арганус сосредоточенно наблюдал за поединком. Но на самом деле он не просто наслаждался схваткой – он руководил своим псом, как марионеткой, отдавая тому ментальные приказы. Волкулака, схватившись за шею хельхеймца, уже не отпускал, лишь сильнее сжимал челюсть и мотал головой, медленно, но уверенно выламывая противнику шейные позвонки.

Сандро только сейчас сообразил, кто хозяин приговоренного на проигрыш пса. Им был лич, разодетый в пышные, почти женского покроя, одежды. Для того чтобы умелее руководить своим псом, советник сжимал в руке посох, но это было столь же бессмысленно, сколь очевидна неминуемая гибель его питомца.

Поединок завершился полным разгромом хельхеймца. Волкулака перекусил-таки шею противника, и голова проигравшего пустой костяшкой упала на мозаичный пол арены.

Сандро осмотрелся, прикидывая, где можно занять боевую позицию. Зала представляла собой амфитеатр с балконом. На верхних ярусах расположились ниши для зрителей, перекрытые монолитными перилами; на нижнем было поле для битв, закрытое стальными решетками толщиной с людской кулак. Советники заняли свои места на балконе, их ученики и подопечные стояли позади, чтобы не мешать хозяевам. Пространство было открытым, и Сандро, не найдя для себя подходящего укрытия, с удивлением подумал, что Арганус выбрал плохое место для бунта и магических поединков. Трисмегист говорил, что нельзя оставаться на виду. В арене все были видны, как на ладони. На что делал ставку Арганус – не ясно.

– Прекрасный поединок и прекрасный пес, – с легкой досадой в голосе произнес проигравший лич.

– Спасибо на добром слове, – одобрительно кивнул Арганус. – Думаю, если я присужу победу своему псу, никто не пожалуется на предвзятость судьи? – Д’Эвизвил знал, что никто не будет против такого судейства, но лич не преминул лишний раз доказать всем, кто хозяин в этих стенах и не только в них. – Как вижу, возражений нет. Тогда пусть начнется следующий поединок. Но прежде я хочу познакомить вас со своим учеником. Сандро!

Юный некромант, стоявший в дверях, встрепенулся. Десятки горящих мертвым огнем глаз, принадлежавших советникам и некромантам, приближенным к ним, уставились на него, и Сандро с трудом подавил в себе желание, чтобы разом не напасть на всех личей сразу. Но уже в следующее мгновение захотелось исчезнуть, чтобы не быть предметом для обсуждений и перешептываний, которые уже стали, словно первые камни лавины, рокотать, с каждым мгновением набирая силу.

– Советники! – на корню обрубил все перешептывания Арганус. – Следующий поединок я предлагаю провести иначе, чем предыдущие. Пусть в бою схлестнутся не псы, но маги! Яставляю на арену своего ученика. Кто из достопочтенных советников хочет ответить на мой вызов?

Сандро обмер. Такого поворота событий он не ожидал. Он стоял, не в силах пошевелиться, и лишь сильнее сжимал в руках посох с нечеловеческим черепом в навершии. Никто не отвечал на слова Аргануса, и казалось, время остановилось. Тишина, обрушившаяся на арену ядром катапульты и накрывшая ее, словно исполинской волной, стала невыносимой, а ожидание – нестерпимым.

– Я, Гелион Манфийский, принимаю вызов, – сказал наконец лич, который уже проиграл Арганусу в собачьих боях и сейчас, видимо, решил получить реванш. – Мой ученик Визирим примет бой.

Визиримом оказался огромных размеров лич, скрывший худощавость за серым, словно пасторская ряса, плащом. Он невозмутимо поднялся с кресла и, резво перемахнув через перила балкона, прыгнул вниз, где все еще валялся труп хельхеймца и стоял, скалясь, волкулака.

– Я жду! – выкрикнул Визирим, и Сандро почувствовал, как у него задрожали ноги. Час боевого крещения был близок, но страх, возникший в сердце, был сильнее веры в себя. Сандро шел на собачьи бои, готовый сражаться и убивать, а сейчас, будто испуганный мальчишка, трусил при виде противника. – Или ты отказываешься от поединка? – ехидно спросил Визирим, и страх Сандро сменился яростью.

Не контролируя себя, некромант призвал туман, и когда его фигура потерялась в серой дымке, он вырвался из ее сетей и пущенной стрелой метнулся на поле арены, представлявшей собой изуродованный кровавыми картинами мозаичный пол.

– Сколько раз ты умирал? – спросил Сандро, сдергивая с лица капюшон. – Сможешь победить живого?

– С легкостью, – обронил лич, начав поединок.

Огненный шар вырвался из посоха Визирима, но умер при встрече с черепом, украшавшим Сандрово оружие.

– Умеешь танцевать? – голосом, лишенным эмоций, спросил Сандро, кругом обходя противника, словно хищник, загоняющий добычу.

– Ты издеваешься? – глупо поинтересовался Визирим и повторил атаку, но на этот раз используя магию Тьмы. Черные иглы бесконечным потоком вырывались из посоха Визирима и мчались к Сандро, но ученик Аргануса, даже не защищаясь магически, быстро уходил от них. Он хохотал, будто сумасшедший, а смех был так же страшен, как зов смерти. Визирим быстро сообразил, что такая магия бессильна перед противником, и ударил более мощным, более действенным и масштабным заклинанием. Плеть Хель. Этой связкой мог овладеть далеко не каждый, но у Визирима был хороший учитель, а несколько десятков лет, проведенных в постоянных тренировках, отточили мастерство. Магия, что бьет сильнее, чем

таран Тора, ударила сразу с трех сторон. Силуэт противника поглотила тьма с черно-зеленым цветом, и Визирим знал: больше полуживому личу не суждено поганить мир своим уродством. Но он ошибся.

Никто не способен уплыть от магии, разрезая ее, словно борт корабля разрезает морскую гладь. Никто! Но не ученик Аргануса. Сандро прошел сквозь заклинание, и даже Плеть Хель отступила от него. Визирим не догадывался, что имеет дело с друидом, которому известны тайны природы и открыты секреты не только чародейства, но и волшебства. Сандро противопоставил магии Тьмы Свет: блок, который защищал от смерти и зла, разрушая черную волшбу, как вода смертельное пламя.

– Танцуй! – взревел то ли бессмертный, то ли живой колдун с маской смерти вместо лица, и череп, что венчал его посох, врезался в голову Визирима, повалив лича на пол. Сандро, позабыв про магию, отвешивал своему противнику один удар за другим. Когда дотягиваться посохом до валявшегося навзничь мага стало сложнее, друид начал бить его ногами. Сандро, сам того не замечая, при помощи животной магии, благодаря которой одни говорят с животными, но другие – повелевают, вызывал в своем противнике панику. Визирим, при всем своем желании, не мог произнести ни одного заклинания. Но и удары, пусть и тяжелые, пусть и сильные, не могли повредить немертвому. Визирим корчился на полу, извивался, словно змей, бессильный перед рогатиной змеелова. А Сандро кружился над ним, будто танцор, ведомый сумасшедшим танцем.

Все советники и приближенные к ним некроманты наблюдали за разворачивающимся действием, а черные тени, на которые никто не обращал внимания, медленно ползли от высокого купола вниз к балкону, постепенно преобразуясь в людские фигуры.

Вампиры напали внезапно, застав некромантов врасплох. Кровососов было не счесть, а вековой опыт в магии позволил тем немногим Высшим, что выжили за столетия правления Балор Дота и достигли если не голконды¹⁸, то были близки к ней, сразу снять немалую жатву некромантских душ. Но и мастера Гильдии не дали промашки: после первой атаки погибли только слуги или ученики – советники были целы и готовы сражаться.

На Сандро обрушились заклинания советников. Воспитаннику не только некроманта, но и друида пришлось вспомнить все уроки, которые он получил за восьмилетнее обучение, чтобы остаться в живых. И он выжил, хоть от одного заклинания так и не смог ни укрыться, ни увернуться. Огонь – все тот же треклятый огонь, который когда-то превратил его в нечто чуждое и миру мертвых, и миру живых – окутал жалящим покрывалом тонкий, как тростинка, силуэт полулича, превращая его черный плащ в оранжевое марево. Одежда загорелась, а оплавленный капюшон прилип к плоти и вновь уродовал нестерпимым жаром и без того обезображенное лицо. Сандро взвыл диким зверем, и его крик перекрыл весь шум и гам, царивший на арене. С немалым трудом ему удалось скинуть с себя охваченный огнем плащ. Сандро лишь сейчас осознал, что он – самая подходящая мишень для любого из магов, собравшихся в широкой зале. Он не выполнил наставления Трисмегиста – не нашел укрытия, чтобы атаковать скрытно и осторожно: наоборот, стоял на арене, как одинокое дерево посреди чистого поля. Как назло, в себя пришел Визирим и вновь попытался атаковать теперь уже безоружного противника – Сандро пришлось избавиться от посоха, чтобы освободить руки и скинуть плащ. Визирим получил преимущество, но это не означало, что воспитанник бунтаря и заговорщика, лишившись магического оружия, станет легкой добычей.

Уже не ученик, но правая рука Гелиона Манфийского не стал выдумывать и воображать новых и изощренных заклинаний – вновь ударил Плетью Хель, лишь вложил в свое колдовство больше Силы, чем прежде.

Тучи сгущались. Сандро видел, как один из некромантов, который уже нападал на него, готовит новое заклинание, но Батури, то ли специально защищая того, кого обманул, то ли случайным образом выбирая себе цель, легким движением вогнал тому в око кинжал и – дабы завершить начатое – закончил убийство магической атакой, которая в один миг превратила некроманта в пепел. Но колдовство Визирима Батури остановить уже не мог. Время шло на секунды. Чем усилить свою защиту, Сандро не знал, как противостоять Силе

Хель – тоже. Из сложившейся ситуации спас волкулака. Пес, не жалея себя, бросился на Визирима и так же, как в недавнем поединке, вцепился мертвой хваткой в шею некроманта. Наследник Манфии закричал в страхе, что позвонки не выдержат и подобие жизни оборвется. И магия, которую он готовил, чтобы уничтожить изменника, исчезла, не слетев с языка. Сандро не стал медлить. Схватил с пола свой посох и, не долго думая, вогнал древко в глазницу Визирима. Ученик Гелиона, встрепыхнувшись, застыл без движения, а в следующее мгновение волкулака закончил свое дело – и Визирим, уже после гибели, лишился головы.

Первый боевой опыт был получен. Первые боевые ранения тоже. Но сражение еще продолжалось, и надо было драться до конца. Раны не волновали, но Сандро не верил чувствам, зная, что боевой запал стирает боль...

«Сколько я видел бойцов, сражавшихся со стрелами в груди, сражавшихся рьяно, умело. Они не чувствовали боли и рубили врагов порой и лучше, чем те, что были целы и невредимы. Но стоило сражению закончиться, под тяжестью ран они падали бездыханными наземь»...

Чужой голос, возникший из ниоткуда и не желающий умолкать, мешал сосредоточиться, но Сандро понимал, что оставаться в центре арены глупо и опасно. Он метнулся к выходу, на ходу срывая с клетки, которая не позволяла псам вырваться наружу, замки и ногой вышибая дверь. Он продолжит бой так, как советовал Трисмегист: скрытно. Продолжит и защитит ту, которую любит. Но где она? Хоть Энин и научилась колдовать, ее не было в зале арены. Арганус готовит ей другую участь? Что ж, Сандро это проверит.

* * *

Арганус рассчитал все верно: сперва никто и не догадался, что заговор готовился им, а позже, сообразив это, советники все равно оказались бессильны перед Д'Эвизвилем: ведь они не могли причинить вреда одному из своих, ибо были скованы магией Хозяина.

В первую минуту сражения некроманты не успели понять, откуда пришла опасность – выместили злобу и страх на Сандро. Это было чудно, но мальчик – или уже юноша? – выстоял. Правда, позже его все же пришлось выручать с помощью волкулаки. Был бы Сандро не опытом и не шагом, приближавшим исполнение пророчества, был бы он по-настоящему мертв – из него получился бы отменный некромант. Но тратить время на полулича Арганус не желал, хоть и обучал – изредка, но обучал – мальчишку магии. И уроки не пропали даром...

Об этом Арганус подумает позже, сейчас важно не упустить ни одного советника и превратить в пепел и прах всех, кто пришел на собачьи бои, причем сделать это с максимальными потерями для вампиров – сильный Орден не с руки для того, кто позже будет повелевать в Хельхейме. Арганус бездействовал, наслаждаясь тем, как кровососы, умирая, убивали личей. Никто из слуг и рабов Балор Дота не мог ему навредить, ибо был скован магией Хозяина. Д'Эвизвиль же ничто не мешало сражаться, но зачем это ему? Пока вампиры достаточно сильны и держат верх, его вмешательства не нужно. Руководствуясь этим правилом, владыка Бленхайма восседал, не шевелясь, в своем кресле, словно на троне. И наблюдал – под звон оружия, крики умирающих – за тем, как смерть собирает свою жатву. Это было прекрасно! Вампиры пользовались чаще оружием, чем магией. Черными тенями они со скоростью молний металась от одного некроманта к другому. Скрестив мечи, отбившись от заклинаний Тьмы, враги расходились, но лишь для того, чтобы спустя мгновение вновь схватиться в поединке. Советники Гильдии, уже потерявшие своих слуг и учеников, несмотря на многолетнее обучение оказавшихся недостаточно подготовленными для настоящего сражения, умело отступали, приближаясь друг к другу, чтобы получить если не защиту, то лишиться опасности со спины и с боков, но не сбиваясь в кучу, чтобы не мешать один одному. У Высших была другая тактика. Они, будто гиены, выбирали слабых

или тех, что были далеки от союзников и лишены их помощи.

Гелион Манфийский, на глазах потерявший ученика, не успел приблизиться к остальным советникам, но умело отбивался от все новых вампиров, что пытались на него напасть. Гелион был мастером своего дела. В давние времена, когда Хельхейм еще не сковывал «купол» и правил им не Балор Дот, а Трисмегист, когда люди трепетали при одном только упоминании о некромантах, Манфия¹⁹ была сильна и грозна, а именем Гелиона – темного мага, служившего Первейшему – пугали детей. И не только крестьяне, но и короли со своими рыцарями. С тех пор Гелион не стал слабее, не стал он и менее страшен в бою. Арганусу пришлось вмешаться.

Огненные шары, росчерки молний, иглы льда, тени тьмы, клинки хаоса – все заклинания, смешавшись воедино, ударили в Гелиона. Д’Эвизвил был, может, и не самым сильным магом Гильдии, но открыто никто не решился бы выйти с ним на честный – или бесчестный – поединок. Манфияца никто не спрашивал о согласии, ему пришлось защищаться, причем в ответ нападать он не мог. И он защищался. Умело – неумело – так, как получалось: выбирать не приходилось, ибо противников было гораздо больше. Посох Гелиона раскалился до предела от того, сколько магии ему пришлось призывать. Вскоре магическое оружие стало и орудием воина. Под ногами хрустел прах вампиров, которые оказались слишком самоуверенны; перед глазами стояли тени, что в любую минуту могли обратиться в очередного врага, и Арганус, который посылал все новые и новые заклинания, чтобы сломить защиту гильдмастера²⁰. И никто не спешил на помощь, и ждать, что поспешит, не приходилось. Гелион рассчитывал лишь на собственные силы, но они его подвели, когда на горизонте появился К’йен. Перворожденный, осознав, что без его вмешательства Орден лишится слишком многих подданных, решил самолично рассчитаться с тем, кто был на голову сильнее других Высших. Был бы у него клинок, который носил его имя, убить первого советника не составило бы труда, но кинжал по непонятным причинам разрушился – так свидетельствовал Клавдий, который не мог врать «отцу рода», и Арганус, которому не было смысла покрывать того, кто его неоднократно предавал. Но и без смертоносного оружия Перворожденный обладал немалыми силами.

К’йен ударил острыми, как когти рыси, ногтями, вложив в удар заклинание разрушения. Гелион, не заметивший возникшего из пустоты вампира, не успел отбить выпад, но ему все же удалось увернуться так, чтобы удар пришелся не в лицо, куда целил Высший, а в плечо. Правда, и это стало для некроманта роковой оплошностью. Удар в один миг оторвал у лица конечность с такой же легкостью, с какой нож разрезает масло. Гелион выпустил посох, пропуская еще один выпад вампира.

– Остановись! – взмолился некромант. – Арганус использует тебя! Тебя и весь твой род!

– А я использую Аргануса. Все учтено, – обрубил К’йен, готовясь решительным ударом прервать жизнь некроманта, но ему помешали.

Клавдий, завидев, что Перворожденный отвлекся от сражения и разводит бесцельные разговоры с добычей, а значит, теряет защищенность, решил действовать.

Клятвы, связавшие его с Арганусом, обеты и заклания, наложенные на него при перевоплощении, смысла сила, которую малолетний алхимик вложил в свое творение. Впервые за пять столетий Клавдий был свободен, свободен от всего на свете, и лишь одно не давало ему покоя – Перворожденный, который словно точильный червь стачивал род изнутри.

К’йен, что К’йеном уже не являлся, превратил вампиров в марионеток, а Совет в сборище трусов, боящихся сказать лишнее слово. Диктатор должен быть сломлен, а его власть обязана перейти в руки свободного, который подарит равноправную свободу и всем другим.

И бунт, что завязал один, станет ключом к победе для другого. Все было подготовлено. Карлы выковали обманку, копию Смерти Каэля, и К’йен заглотнул наживку, которую подготовил для него Клавдий, а Арганус, ничего не подозревая, засвидетельствовал ложь.

Перворожденного погубит тот, кто его воскресил, тот, кому он больше всего доверяет, но сделает это не из жажды власти, как любой другой на его месте, а из желания справедливости.

Лишь один клинок мог уничтожить Перворожденного, и он был зажат в руке Батури. Клавдий слышал голос своего прародителя и видел, как тот навис черным силуэтом над обреченной на гибель жертвой – гильдмастером Хельхейма.

– Гелион, прежде чем я превращу тебя в отруби, ты увидишь конец Гильдии, – сказал К'йен, а гильдмастер, смотря ему за спину, обронил:

– А возможно, и конец Ордена...

Не дожидаясь разоблачения, Клавдий атаковал. Он был быстр, как ветер, и холоден, как сталь, но острие его клинка рассекло не тело, а воздух. Казль, пусть и в новом облиции, оставался самим собой, и века забвения не украли у него способности нутром чутать опасность.

К'йен резко шарахнулся в сторону, легко уходя от выпада Клавдия и пропуская противника вперед, затем вдогонку саданул ему ногой по спине. От удара Батури с трудом устоял на ногах, но не удержал равновесия, когда на него навалился новый груз – К'йен, словно дикая кошка, запрыгнул на заговорщика-неудачника и прибил его к земле, после чего стал методично расцарапывать спину противника, и удары его были сильнее ударов йотуна, а когти, что разрезали плоть – острее когтей рыси. Мечты Клавдия задохнулись, а спасение рода вмиг стало для Батури делом, от него не зависящим.

– Почему? – сокрушенно спросил К'йен, когда ярость утихла, а адреналин, заливший все эмоции, схлынул. Он мог поверить в предательство любого, но не Клавдия.

– Ты уничтожаешь... род... изнутри... – выплевывая со словами кровь, ответил побежденный.

– Что? – не поверил услышанному К'йен.

– Ты уничтожаешь род, – повторил Клавдий, но уже отчетливее: вампирская регенерация не знала себе равных, особенно если Высший сыт и полон сил. – Своим правлением, – уточнил чуть позже Батури. – Сколько собратьев полегло в этих стенах? Ты не видишь? Арганус использует тебя, а ты – род. Когда я воскрешал тебя, то надеялся, что Перворожденный приведет род к изобилию, но власть тебя заботит больше, чем собственные потомки. Тебе плевать на тех, кто положит за тебя головы, тебе плевать на всех, кроме себя самого...

– Глупец! – взорвался К'йен, и казалось, он вновь начнет избивать беспомощно трепыхающегося под непосильным грузом заговорщика, но Перворожденный обуздал свой гнев и заговорил спокойно и с расстановкой: – Порой, чтобы укрепить созданное, надо его испытать. Огнем и мечом: они сплотят разрозненных. А в слабой войске, не способном ни на что, кроме разговоров, нет силы.

Заговорившись, К'йен не заметил магического удара. Высший даже не успел сообразить, откуда пришла опасность. Его отбросило в сторону, а в следующее же мгновение ему пришлось отбиваться от старого противника, на которого высокопарные речи не произвели должного впечатления.

Заговоры и поединки под куполом арены набирали обороты...

* * *

Слома голову Сандро неся по коридорам замка. Юный некромант, даже не догадываясь, что архитектором Бленхайма был сам Трисмегист, с удовольствием мечтал, как проломил бы зодчему голову. А дверь, открывающая путь на балкон, была так же далека, как звезды, которые он так и не успел подарить Энин. Насколько велико оказалось удивление, когда он увидел у желанного входа возлюбленную, можно было легко прочесть по вмиг округлившимся глазам. Быстро переборов оцепенение и трепет, которые непонятно почему

всегда появлялись при виде первой любви, он попытался ворваться на второй ярус «зала боев», но Энин остановила его грубым движением, прибившим к стене, и резкими словами, которые заставили стоять неподвижно:

– Никто не войдет и не выйдет! – грозно пояснила она, после чего добавила: – Приказ Аргануса.

– Он приказывал тебе, но не мне, – дерзко ответил Сандро и сам удивился той легкости, с какой шел против слов единственного и неповторимого, чарующего и обворожительного создания во всей вселенной, но свою следующую реплику он запомнил надолго: – Уйди, иначе мне придется войти силой. И быстро: это мой приказ.

– И что ты мне сделаешь, мелочь? – нагло ухмыльнулась Энин.

Сандро хотел напомнить ей, что обучался у Аргануса на пять лет дольше и знаний у него гораздо больше, чем у нее, что до уроков магии Энин не умела ни писать, ни читать, а ему не пришлось тратить на это познание времени, но он не сказал ничего – лишь щелкнул посохом по идеальному лбу девушки, вложив в удар, больше походивший на прикосновение, заклинание оцепенения. С немым укором и необъятной ненавистью глядя на обидчика, Энин замерла, словно изваяние. Сандро знал, что пожалеет о содеянном, но непонятная сила тянула его в «зал боев», и он не мог противиться этому зову. В следующий миг он вошел под купол арены.

Первым, кого он увидел, был вампир, сидевший на своей добыче, словно на вороном жеребце. Сперва Сандро не разобрал, кого оседлал Высший, но, приглядевшись, распознал в нем Клавдия и, не зная, что делает: то ли помогает врагу, который его обманул, то ли другу, который спас от гибели, – юный чародей сплел первое заклинание, пришедшее на ум, и атаковал неизвестного вампира. Цель была достигнута, Высший, даже не успев поставить магический блок, отлетел от Клавдия на несколько шагов. Батури было достаточно избавиться от непосильной ноши, чтобы он вновь схлестнулся со своим обидчиком в поединке. Вампиры сцепились, и им было уже не до Сандро.

– Спаси, – взмолился непонятный комок под ногами. Присмотревшись, юный чародей распознал в груди разрозненных костей гильдмастера. – Спаси, именем Гильдии. Ты должен вытащить меня отсюда, чтобы я восстановил силы и...

– Убей его! – громом прогремел в голове голос Аргануса. Очередной приказ хозяина, но на этот раз Сандро исполнил его с немалым удовольствием.

– Ты умрешь... как и Гильдия, – спокойным тоном изрек чародей и, прежде чем Гелион успел выговорить хоть какое-то заклинание, чтобы обезопасить себя, вогнал в красную зеницу лица древко посоха, заставив от удара треснуть и череп. Костяное тело некогда великого мага рассыпалось, как шаманские кости. Гильдмастер был мертв, и на этот раз окончательно.

Сандро слишком долго мялся перед побежденным манфийцем и едва не пропустил нацеленное на него колдовство: Огонь Гхекены. Личи не боялись этого заклинания, ибо оно сжигало жизненную оболочку, а мертвые были таковой лишены. Ученик Аргануса был наполовину жив, поэтому эта магия легко могла превратить его в тлен. Или в полноценного лича. От Огня мог спасти лишь один блок – Воды Мистели, и ни один некромант не смог бы овладеть этой волшебной силой: ведь она принадлежала друидскому учению. Но Сандро не был обычным некромантом, поэтому сумел сплести необходимую формулу и защитить себя от неминуемой гибели. Справившись с заклинанием, он спрятался за монолитной балюстрадой балкона. Камень не сможет защитить от магии, но скроет цель из виду, а с тем, кого не видишь, сражаться трудно. Правда, и самому Сандро теперь будет сложнее атаковать, но скрытность необходима, осторожность – тоже.

Над головой зашипело пламя, и прежде чем некто смог ударить повторно, юный чародей, высунувшись из укрытия, ответил нападавшему его же монетой – огнем, но огнем природной стихии, – после чего вновь скрылся за каменным щитом. Где-то послышался крик, сменившийся недовольными возгласами. Некроманты, которых осталось уже немного, дорожили каждым и болезненно воспринимали потери. Сандро поверг – не убил, но сломил

защиту одного из оборонявшихся, на йоту ослабляя и всех остальных. Дело завершили вампиры – растерзали поверженного лича, превратив его в пепел так же быстро и рьяно, как огонь пожирает сухую солому.

Одним врагом стало меньше, но теперь на Сандро обратили внимание – трудно было не заметить волшбы, не сродной магии смерти, – и заклинания посыпались в сторону чародея одно за другим. Друиду-недоучке пришлось ползком смещаться в сторону, чтобы перила, не дай Созидательница, не рухнули под градом магических ударов.

Время остановилось. Когда-то Сандро не верил книгам, которые твердили, будто минуты во время боя тянуться дольше, а мир словно замирает и живет медленной, тягучей, как патока, жизнью. Теперь он точно убедился в правоте этих слов. Время для него если и не остановилось, то стало медленным, а движения казались заторможенными, будто перемещаешься в плотной, вязкой жидкости.

Сандро казалось, что все внимание советников было направлено на него, а остальные участники заговора, будь то вампиры или сам Арганус, бездействуют намеренно. Возможно, так оно и было, но о бедах Сандро никто не задумывался. Вампиры были увлечены поединком верхов своего Ордена, Арганус же наслаждался сражением, вновь не вмешиваясь в его ход.

Не останавливаясь, Сандро продолжал ползти в сторону. За спиной обвалилась кладка, и немалая часть балкона рухнула. Если так будет продолжаться и дальше, то убежать не удастся. Надо было что-то решать, причем немедленно. Решение пришло само собой, когда чародей наткнулся на железную печать с витой ручкой. Без труда он распознал в этом комке металла клеймо Эльтона. Сандро поблагодарил разом и Созидательницу, и пресвятого Эстера – знай он других богов, свою долю благодарности получили бы и они. Недолго думая, чародей взял в руки печать и заговорил тихим речитативом:

– Клянусь не говорить о разговоре, который произошел между мной и Батури в стенах лаборатории, клянусь держать в тайне наш с ним союз, – прошептал он и приложил печать к руке.

Холодный металл жег плоть, словно был раскален до предела. Сандро стиснул зубы, чтобы не закричать, но все же не выдержал и завыл диким волком, причитающим на луну. Эльтон принял клятву. Печать тут же остыла, перестав ранить плоть. Несостоявшаяся сделка с Клавдием только сейчас вступила в силу – тогда, когда была сказана и вторая часть обета. Теперь вампир и полулич были повязаны.

В перила исполинским тараном ударило чье-то заклинание, земля под ногами заходила ходуном, и Сандро уже обрек себя на гибель, но каменный нимб, окруживший арену, выдержал. Не скрываясь, Сандро вскочил на ноги и рванулся вперед: оставаться на прежнем месте означало заживо похоронить себя под обломками, а в том, что балкон выдержит еще один удар, чародей сомневался, причем не без оснований. Краем глаза он заметил двух вампиров, дерущихся между собой, и без труда узнал в них К'йена и Клавдия. Батури отступал, открыв спину перед некромантами, рискуя погибнуть если и не от руки своего прародителя, то от заклинаний личей. Сейчас этот поединок мало волновал магов-скелетов, ибо все их внимание приковал к себе юнец, убивший гильдмастера, но стоит им вмешаться – и Клавдию придет конец.

Сандро остановился и резко рванулся назад. Он должен потянуть для Батури время, привлечь на себя как можно больше внимания. Этот маневр спас жизнь Сандро. Сделай он еще шаг – попал бы под Плеть Хель, но облако тьмы ударило в стену, сделав в ней небольшую трещину и покрыв тонкой кромкой льда. Тьма, хлад и смерть. Они были близки, как никогда, но фортуна, как возлюбленная или любящая мать, улыбнулась Сандро, подарив ему жизнь. А чародей уже бежал туда, откуда нет возврата, загоняя самого себя в тупик. Впереди ширился обвал, позади спорили между собой заклинания магии смерти, выбирая, какому из них убить наглеца. Жизнь повисла на волоске, а грубый нож Хель уже был занесен, чтобы перерезать спасительную нить.

Помог случай.

Энин, придя в себя, попыталась исправить допущенную ошибку и остановить Сандро. Заклинание оцепенения угасало медленно, но девушка уже могла двигаться и, шатаясь, вошла в «зал боев». Сандро наткнулся на нее и упал на пол, увлекая вместе с собой и Энин, а уже в следующее мгновение в место, на котором только что стояла некромантка, ударили разом огонь и молния.

Ситуация дала отсрочку, но смерть была так же близка, как и раньше.

Ни о чем не спрашивая Энин, Сандро потащил ее за собой, выволакивая прочь с арены. Для боевого крещения он сделал достаточно, терять жизнь в борьбе ни за что он не собирался, рисковать жизнью возлюбленной – тем более...

* * *

Клавдий сжимал в ладони крис. Откуда не возьмись в руке К'йена возник стилет. Поединок шел почти на равных, но Батури из раза в раз приходилось отступать, чтобы держать хоть какую-то – насколько позволяли короткие кинжалы – дистанцию. К'йен же наседали, навязывая свою тактику и бой вплотную. Каэль был мастером оружия – века тренировок сделали свое дело, там, где пасовали врожденные умения, выигрывали опыт и знания. Батури тоже неплохо владел оружием, но он отдавал предпочтение магии, за что мог сейчас поплатиться жизнью.

К'йен наступал, и с каждым разом его удары были точнее и вывереннее, а отбивать их становилось все сложнее. Клавдий пытался, уходя в глухую защиту и даже не надеясь на контратаку, спиной чувствуя, что каждый шаг назад приближает его к некромантам, а значит – к неминуемой гибели.

– Ты сам обрек себя на смерть. – К'йен сместил центр тяжести вправо, но, отпружинив одной ногой, метнулся влево, делая резкий выпад.

– Я мертв, – тяжело выдохнул Батури, отпрыгивая назад.

Отец – как давно это было... – говорил, что нельзя отпрыгивать, надо парировать, но стоять на месте, или ходить во время боя по кругу, чтобы не начать отступать и не дать сопернику преимущества. Его слова и давние уроки не помогали. Места, чтобы «кружить», не было, а иначе, кроме как шарахнуться назад, было не спастись. Слишком умел противник. Отец, будь он жив, легко бы справился с Перворожденным в честном поединке, но граф Батури Савильен де Медичи умер – и уже давно – от руки собственного сына. Быть может, случайно, Клавдий не собирался убивать родителя, но исхода это не меняло.

– И ты умрешь. Снова, – пообещал Батури и остановился, опуская клинок. – Нападай! – приказал он, бешеным зверем глядя на прародителя.

– Все еще можно исправить. Если ты поклянешься мне в верности, я забуду о случившемся, – пошел на попятную К'йен.

– Нападай! – взревел Батури. За века он слишком возненавидел рабство, чтобы, спасая собственную жизнь, вновь стать рабом.

Клавдий сделал шаг вперед, даже не удосужившись вернуться в боевую стойку или поднять оружие. К'йен невольно отступил, но уже в следующее мгновение взял себя в руки и атаковал. Батури увильнул от молниеносного выпада и ногой ударил Перворожденного в грудь. К'йен отшатнулся, но остался стоять. Все же ему не хватило времени, чтобы прийти в себя, и он, пропустив еще один удар, повалился на пол. Клавдий склонился над ним и занес кинжал, но не успел опустить смертоносного оружия.

В это самое время Сандро, лежа на полу под прикрытием каменной балюстрады, прочел свою часть обета.

Руку Клавдия обожгло жуткой болью: Эльтон напоминал о клятве, которая была дана им в стенах этого замка. «Смерть» должна быть у Сандро. Батури неосознанно отшвырнул от себя горе-оружие, и в следующее мгновение в его плоть вонзился стилет К'йена.

В глазах помутнело. Клавдий чувствовал, как его рубаха набухает от крови, и не мог

понять, почему так больно. Неужели К'йен способен...

Стальной эфес, серебряный клинок.

Сталь не вредит вампиру, и К'йен спокойно держал рукоять, но лезвие было сделано из серебра, которое в умелых руках способно убить и Высшего.

Перворожденный нанес новый удар, но Клавдий остановил его рукой. Серебряный клинок пробил ладонь насквозь, но до тела не дотянулся. Батури схватился за гарду и из последних сил дернул на себя оружие, вырывая его из рук соперника. Будь у него силы, он бы вытащил из плоти серебряное лезвие и воспользовался стилетом К'йена против него самого, но сил не было – они иссякали так же быстро, как вода под палящим солнцем. Клавдий, едва выдерживая вес собственного тела, выпрямился и, сделав несколько шагов, перевалился через перила балкона. Упав на арену, он с трудом поднялся. Шатаясь и не замечая ничего вокруг себя, побрел прочь из «зала боев».

К'йен хотел было добить предателя, но некроманты, потеряв из виду убийцу Гелиона, переключились на других врагов. Перворожденному пришлось отбиваться от темных магов, и вопрос об умерщвлении раненого отпал сам собой. С окончанием поединка между Главой Ордена и его, как казалось раньше, верным помощником вспомнили о своих задачах и Высшие. Вновь над куполом арены замельтешили тени, каждая из которых могла стать для некроманта смертью. Советников осталось четверо, вампиров было впятеро больше, но они не лезли на рожон и нападали только тогда, когда были уверены, что останутся живы. К'йен, отбившись от магов, взмыл к куполу и присоединился к своим единомышленникам, став еще одной тенью.

* * *

Арганус наблюдал за разворачивающейся картиной и был ею весьма доволен. На его глазах гибла Гильдия, а Орден терял свою силу. Вскоре в Хельхейме не останется ни одного противника, способного преградить Д'Эвизвилу путь к трону. Но...

Вампиры, не закончив начатого, стремглав покинули «зал боев», оставив Аргануса и выживших советников друг против друга. Хозяин Бленхайма был готов к предательству К'йена, но уже и не думал, что оно случится.

Некроманты приблизились друг к другу, закрыв одного лица своими телами. Арганусу не понадобилось долгих размышлений, чтобы понять, что советники обращаются к Фомору. Они решили выпросить у наместника право на убийство предателя. Что ж, и к этому Д'Эвизвил был готов. Надо лишь потянуть время. А если учесть, что на ментальный контакт с Фомором придется затратить немало сил и разговор с тупоголовым наместником будет не из быстрых, оно у него было.

– Нравится ли вам, достопочтенные советники, представление? – нахально спросил заговорщик, даже не пытаясь атаковать, хоть и зная, что на него напасть не могут. – Я долго к нему готовился, и, смею предположить, оно удалось на славу! – Некроманты молчали, сосредоточенно глядя по сторонам и ожидая нового подвоха. Не дождавшись ответа, Арганус продолжил: – Но самое интересное я оставил на десерт. Вы показали свою силу и достойны того, чтобы стать советниками не загнивающей Гильдии, а новой конфессии, живущей во славу Тьмы. Пока еще у вас есть право решать, править и дальше, но получив привилегии, которых, несмотря на статус, у вас никогда не было. Или же сложить головы, защищая того, кто эксплуатировал вас, как мулов.

– Что ты делаешь? И для чего?! – не выдержал Рэгвилл, самый молодой из советников, если шесть веков можно считать молодостью. Арганус не ожидал увидеть его среди выживших, считая, что магические таланты пятого советника малы и ничтожны, и хуже колдовства в нем развиты лишь умения лидера.

– Убираю соперников, – прямо ответил Д'Эвизвил. – Без самих советников их войска ничто, и Фомору не на кого будет опереться, чтобы выстоять под моим натиском. В

Хельхейм пришли перемены, но вы еще можете стать острием меча, а не отрубленной рукой.

– Ты связался с Орденом... – оскалился, будто волкулака, Рэгвилл. Арганусу показалось, или советники сделали этого слабака своим предводителем?

– Тем самым ослабив и его, – обрубил Д’Эвизвил. – Передавайте Фомору мое почтение. Надеюсь, мои гонцы все же успеют стать для него вестниками моей воли, прежде чем будут им уничтожены. Но даже если и не успеют, сути дела это не изменит. Хельхейм мой! И если кто-то из вас не решит сейчас, на чьей стороне ему быть, он будет убит, если выберет неверную сторону – тоже. У вас минута на то, чтобы решить, и ни секундой больше.

В «зале боев» повисла тишина. Шепот: «Готово», – прозвучал в этой тиши громогласно, но, даже получив право на убийство, личи медлили. Слишком большая цена стояла на кону: вечная жизнь. А четверо погибших советников и втрое больше учеников и других темных магов, пришедших на пир, без слов доказывали, что Арганус не шутит. Его замыслы были неизвестны, уловки, на которые он мог пойти, тоже. Кто знает, быть может, Высшие намеренно покинули арену, чтобы, вернувшись, закончить начатое, или же Д’Эвизвил придумал нечто более изощренное? Время замерло в тяжких размышлениях для каждого, плотная тишина, нависшая над залом, стала невыносимой даже для бессмертных, немало повидавших на своем веку. Долг и честь требовали убить Аргануса, но здравый смысл говорил иное. С другой стороны, честь была потеряна много столетий назад, желание исполнять долг – еще раньше, а умение рассчитывать на шаг вперед со временем стало лишь крепче.

– Время истекло, – будто отсчитывая каждую секунду, отмерил Арганус.

– Ты умрешь, как пес, которым и являешься! – ответил за всех Рэгвилл, но Д’Эвизвил видел, что это мнение разделяют не все.

– Что ж, ты решил, но что ответят другие? – с усмешкой в голосе обронил лич.

– Предателю – смерть, – вывел свой вердикт Хамруд.

– Смерть, – попытожил Лиэр.

Но последний советник решил иначе. Ничего не сказав, он отошел в сторону и стал напротив Аргануса с другой стороны кругового балкона, так что другие некроманты оказались между ним и хозяином замка.

– Сиквойя? – удивился Рэгвилл, но советник лишь пожал костяными плечами. – Петь под дудку предателя в твоём духе, – взял себя в руки предводитель уцелевших. – Продолжим поединок?

– Минутку, – выиграл еще несколько секунд Арганус, а в двери, ведущие на балкон, с трех сторон вбегали скелеты. Они не были для советников реальной угрозой, но в пылу боя могли отнять драгоценное время и дать врагу преимущество. В финале за спинами закованных в сталь скелетов возник Рыцарь Смерти – глава восточного приграничного гарнизона.

– Лорд Барклай... – Отвесив скромный поклон, Арганус обратился к воину и полководцу, получившему титул не за что иное, как за боевые заслуги: – Начинайте.

Скелеты без видимых приказов ринулись в бой. Им не было числа. Они набросились на советников, словно блохи на безродную дворнягу. Некроманты методично уничтожали всех, кто подошел достаточно близко, но на место одного убитого становился другой, причем паразитов меньше не становилось. Все закончилось, когда в дело вмешался Арганус и ренегат Израэль де Гарди. Д’Эвизвил припас отступника для особого случая, и сейчас он настал. Сиквойя не нападал: его все еще связывали узы рабства, нарушить которых он не мог.

Советники утонули в море огня и стали. Они сопротивлялись настолько долго, насколько могли, они истратили все силы, которые имели, но этих сил было недостаточно, чтобы переломить ход сражения. Как и обещал Арганус, никто против его воли не покинул арены...

Глава 23

Черная смерть

Чума, иначе черным мором называемая, происходит обычно от черного колдовства, и с ветром зараза переносится из одного места в другое.

Еще черный мор случается от мертвого тела, кое не похоронили, и когда оно начинает разлагаться и гнить, то испускает миазмы, и их ветром разносит.

Случается, что у человека достаёт жизненной силы, чтобы одолеть чуму, и он безо всяких лекарств, хотя и ценою страшных мук, выздоравливает. Посему надобно поддерживать силы заболевших и надеяться на счастливый жребий.

«Черная смерть». Пастор Серапис

– Еще раз ко мне прикоснешься – и ты мертвец! – пригрозила Энин, когда Сандро выволок ее из «зала боев». Крики и шум за стеной быстро стихли – казалось, битва закончилось, но юному чародею мнилось, что дело обстоит иначе. И он не ошибся. Спустя несколько минут по коридору замка прошествовали скелеты и, не останавливаясь, дружной колонной промаршировали на арену.

– Говоришь, никого не впускать и не выпускать? – съехидничал юноша. За три года знакомства с Энин и ее сестрой Сандро так и не научился общаться с живыми. Девушки его все чаще избегали либо просто отмалчивались, когда он с ними заговаривал. Энин была холодна, как камень, и так же черства. На уроках магии она даже не смотрела в сторону Сандро, и казалось, будто вовсе его не замечает. Это угнетало юношу, но не удивляло. Он же все верил, что сердце Энин растает и она посмотрит на него другими глазами, он ждал этого момента, как божественного благословения, но боги не спешили со своим покровительством.

– Как Анэт? – В крепнувшем молчании Сандро не нашел ничего более подходящего, чтобы спросить. Из зала вновь донесся шум сражения, но юношу это уже не волновало. Все его мысли и мечты, грезы и желания были отданы той, которая стояла перед ним и косо глядела в его сторону.

– В порядке! – отмахнулась Энин, а Сандро знал, что девушка лжет. После неудачного экзорцизма, Анэт перестала быть собой. Она то дико смеялась и металась по комнате, круша и ломая все, что подвернется ей под руку, то тихо и смиренно молилась, выпрашивая у Симионы поддержки и помощи, покоя и избавления, – безуспешно.

– Хорошо, – кивнул Сандро. Он уже и отвык о того, что Энин с ним говорит, поэтому не умолкал, наслаждаясь редкими минутами, когда может услышать чарующий, словно песнь нимфы, голос возлюбленной. – Энин, почему Арганус прекратил уроки темного искусства?

– У него много дел и мало времени, а тратить драгоценные секунды на полулица – глупо.

– Не думаю, что тратить время на *живую* разумнее, – ответил Сандро той же монетой.

– Меньше думай, иначе лопнет мозг.

Мимолетная мысль кольнула Сандро, словно иглой. Никто не обучает живых магии Тьмы! По крайней мере, если не рассчитывает, что в итоге сделает из ученика немертвого. Как столь простое умозаключение так долго не приходило на ум? Как Сандро мог быть настолько глуп, что не замечал очевидного? А ведь если б эта мысль не пришла сейчас, то потом могло быть поздно.

– Уснул? – ехидно поинтересовалась Энин.

– Тебе грозит опасность... – попытался он предупредить, но его прервал издевательский смех:

– Ты мне надоел. Ты вечно несешь ахинею. Порой мне кажется, что твоя тупость не имеет границ, а твое ребячество никогда не пройдет и ты не повзрослеешь. – Ученица некроманта выплевывала колкость за колкостью, и Сандро едва не утонул в потоке ядовитых, как укусы змеи, реплик. – Опасность! – дразнила Энин. – Ты находишь то, чего нет, зато не можешь понять того, что яснее ясного. Меня тешит и умиляет твоя юношеская влюбленность, которая не может перегореть вот уже четвертый год. Ты – дитя. И твое развитие затормозилось на десяти годах! Уйди и не попадайся мне на глаза. – Энин беспардонно оттолкнула Сандро и пошла прочь.

– Арганус хочет превратить тебя в лича! Именно поэтому он и обучает тебя магии...

– Тебя тоже? – резко обернувшись, спросила она. – Тебя он тоже решил превратить в лича и поэтому обучает? Не будь глупцом, ты и без того не блещешь умом!

Энин ушла. Как всегда. Дикое сердце билось неумолимо часто, а страх за возлюбленную, обуявший раз, уже не думал утихать. А Энин – Энин уже перестала быть собой, но ее яркий образ, изукрашенный святым ореолом, был для Сандро так же светел. Но почему?! Почему судьба так несправедлива, а любовь так нелепа? Неужели это светлое чувство обязано быть для полумертвого проклятием? Он бьется в молитвах, прося всех богов, какие только есть в этом мире, о милости, но боги молчат, а поиски благой вести заводят не иначе как в рутину. Он любит, но ответной любви не купишь ни за жизнь, ни за смерть, ни за горсть серебра. Бросить бы в ледяное пламя Хель все эмоции и чувства, забыть о любви, как о пугающем сне, и жить ради себя. Забыть бы...

Сандро резко встрепенулся, услышав Зов, похожий на крик. И, повинувшись слепому желанию исполнять приказ, он неуверенно ступил на путь, обозначенный Зовом.

Арганус быстро, словно на войне, отдавал приказы. В дверях Сандро разминулсЯ с Израэлем де Гарди, которого распознал больше по гербам, чем по внешности. Личи мало чем отличались друг от друга. Пробившись через заслон скелетов, Сандро подошел к учителю и покорно остановился перед ним, ожидая указаний. Д'Эвизвил, будто и не замечая ученика, продолжал говорить с Барклаем. Юноше потребовалось несколько мимолетных мгновений, чтобы вникнуть в разговор.

– У тебя два дня, чтобы переформировать отряды и приготовиться к маневрам.

– Не разумнее ли выступить прямо сейчас, пока Фомор не собрал своих воинов и не готов к столкновениям? – не согласился Барклай.

– Нет, – стоял на своем Арганус. – Фомору надо время, чтобы приграничные гарнизоны слились в одно войско. И я дам ему это время. Не забывай, генеральное сражение должно пройти тогда, когда в Хельгарде буду я, а для этого оттуда должен уйти Фомор.

– Все будет сделано, – отрапортовал Барклай и замолчал.

– Сандро. – Лич наконец-то обратил на ученика внимание: – С сегодняшнего дня ты будешь тенью Барклая, будешь выполнять все его приказы и наблюдать за тем, как он организует войско. Вскоре эти навыки тебе пригодятся.

Сандро лишь кивнул. Этой ночью выспаться ему не дадут. Эликсир «недоросли» сейчас мог бы помочь, но, раз отказавшись от него, алхимик уничтожил все колбочки с зельем и уже не собирался когда-либо пополнять запас.

Мысль о грядущей бессонной ночи навеяла усталость. Захотелось зевнуть, но Сандро сдержался. Этой ночью он выбросит из головы сон, выбросит при помощи образа возлюбленной. Энин же будет спать, разделяя ложе с сумасшедшей сестрой, но не с изуродованным полуличем...

– Сиквойя! – позвал ренегата Д'Эвизвил. – Пойдешь со мной – получишь свою долю свободы...

Свободы, которую дарит Сандро руками своего учителя, дарит всем, но не может подарить себе и той, что украла покой...

* * *

Эс Сид не отправлялся в дорогу без лозы рябины и выпивки. Сегодня о доставке подати побеспокоился лич, которого Сид видел впервые, но у того было послание, написанное Арганусом Д'Эвизвилем и закрепленное его же печатью. Сомневаться, что неизвестный лич – доверенное лицо хозяина Бленхайма, не приходилось. Конечно, время сбора подати еще не настало, но приказ получен, поэтому надо было отправляться, и отправляться немедленно – так было сказано в послании, – даже несмотря на то что на дворе ночь.

Печально вздохнув, Эс Сид влил в большую дубовую кружку хмельного вина и закинул в налитое несколько ягод. Одним махом осушил сосуд и, методично заработав челюстью, разжевал плоды рябины. Закончив с выпивкой и собравшись с духом, Эс Сид вышел из своей старой, покосившейся избы и, усевшись на луку стоявшей при входе телеги, взялся за поводья.

Отправляться он не спешил: надо было выждать, пока тепло от вина не разольется по всему телу. Чтобы ускорить эффект, сборщик подати еще раз приложился к предусмотрительно захваченной с собой бутылки вина. На этот раз он не избавлялся от горько-терпкого вкуса – организм уже привык к благородному напитку, который многие – если не все – считали пойлом.

Перед тем как отправиться, Эс Сид с тоской оглянулся на груз – паршиво пахнущий и еще хуже выглядящий. Старый сборщик, поседевший еще в молодые годы и в те же годы спившись, ненавидел свою работу. Когда-то. Но не сейчас. Сборщикам подати хорошо платили, и им не приходилось весь год без отдыха копошиться, словно крот, в земле и лазить по деревьям, собирая, словно белка, плоды. А самое главное – можно пить вино, заливая старые раны и злую судьбу, не заботясь о завтрашнем дне: на пост шеважника²¹ нет и не будет претендентов, все знают, что со временем у них мутится рассудок, а души перевезенных мучают во снах.

– К чертям! – крикнул Эс Сид и хлестнул кнутом запряженную в оглобли клячу.

Кобыла недовольно фыркнула, обернулась на извозчика, но с места не сдвинулась.

– К чертям, Рябина! – прикрикнул на гнедую Сид, подгоняя хлыстом.

Лошадь не торопясь тронулась с места. Скрипнули старые проржавевшие оси, заходили ходуном кривые колеса.

– Растрясешь всех мертвецов! – сетовал извозчик, жадно глотая крепленое вино из пузатой бутылки. Когда он доедет до Бленхайма, хмель будет настолько велик, что Сид не ощутит ни ужаса, ни страха.

Благодаря молодой напиток за чудодейственные свойства, Сид поцеловал бутылку и еще крепче приложился к ее содержимому.

* * *

Несмотря на ожидания, Барклай отпустил своего подопечного на ночевку задолго до рассвета. Полночи Сандро ходил за Рыцарем Смерти по пятам и выпитывал, словно губка, все знания и умения, которыми делился с ним знатный полководец, заслуживший своими способностями и славой, и почет. Барклай, будучи бдительным генералом, обошел каждого из своих воинов, лично проверил прочность доспехов и остроту мечей – это съело львиную долю потраченного времени, – после чего отдал необходимые приказы и распрощался с новоиспеченным адъютантом.

До рассвета оставалось не меньше двух часов, и Сандро с удовольствием потратил бы это время на сон, но Трисмегист решил иначе:

– Мне надо с тобой поговорить. И тема разговора весьма серьезна, – стоило Сандро вернуться в лабораторию, тут же ошарашил его Альберт.

– Я весь внимание, – скрывая усталость, ответил маг.

– В храме Сераписа есть тайник. В нем находится Змеиный крест – посох, силы которого если не безграничны, то весьма велики. Ты должен отыскать его.

– Неужели это не подождет до рассвета? – попытался увильнуть от очередного задания Сандро.

– Боюсь, что нет. Вскоре у тебя не будет времени даже на то, чтобы сходить по нужде: Арганус начнет готовить тебя к войне, Барклай тоже. У тебя не будет и минуты, чтобы передохнуть. О поисках тогда не может быть и речи. Ты должен все сделать сейчас.

– Хорошо, – не стал упорствовать Сандро. – Только сперва надо сходить в «зал боев».

– Зачем?

– Я скрепил клятву, данную Батури. Теперь мы повязаны, и он не может хранить у себя Смерть Каэля. Если повезет, я найду клинок там, – размышлял Сандро.

– Возможно, – согласился друид. – Но нам надо поторопиться: время – роскошь.

Сандро недолго думая положил «книгу духа» в заплечную сумку и, перекинув ее через плечо, ушел искать артефакты, которые должны и обязаны ему вскоре пригодиться.

* * *

Израэль де Гарди исполнил приказанное Арганусом с точностью до мелочей. В этом не приходилось и сомневаться: ведь именно в этих мелочах и была заложена сама суть.

Единственным упущением было то, что шеважник, несмотря на настоятельные требования и даже угрозы, опоздал. Он приехал ближе к рассвету, когда солнце еще не успело взойти на небосводе, но уже ясно давало понять, что скоро это сделает. Израэль решил проблему, заставив сборщика подати самостоятельно выгружать гниющие тела. Тем временем лич колдовал. Его заклинания были сложными и витиеватыми, их редко кто использовал за полной ненадобностью, но сейчас именно эти пассы были необходимы, чтобы достичь требуемого эффекта. Когда разгрузка и магические манипуляции подошли к концу, де Гарди отпустил в стельку пьяного шеважника восвояси, заранее зная, что тому осталось жить считанные дни. Затем ренегат, имя которого связывали с Покровителем Крыс, призвал целое полчище пасюков. Серые комки, казавшиеся в сереющем мраке тенями, быстро сбегались к ногам скелета и останавливались, шатаясь от дурманящей магии, словно пьяные. Одним едва различимым движением де Гарди приказал крысам поедать отравленное гниением мясо. Серое воинство, повинуясь повелителю, накинулось на мертвецов и за считанные минуты обглодало их почти до костей. Вторым движением Израэль направил зачарованных пасюков в Бленхайм, третьим – оживил бесплотные тела, и последним – приказал неупокоенным искать добычу, имя которой было Сандро. На этом роль ренегата в плане Аргануса не закончилась: чтобы завершить начатое, де Гарди надо было вернуться в замок, что он и сделал.

* * *

Энин с трудом открыла отяжелевшие веки. Мир вокруг казался серым и безжизненным. Слабость сковала тело, но девушка пересилила себя и поднялась на ноги. Голова закружилась, – Энин пошатнулась и присела на кровать. Перед глазами все поплыло, но мир понемногу приобрел краски, – вот только неправдоподобные, неправильные краски. Серость и угрюмость комнаты переливались поочередно то кроваво-алыми цветами, то желто-коричневыми, потом укутывались в бледно-серые одеяния.

Энин не могла сидеть в комнате: небольшое помещение давило и угнетало. Девушка встала. Слабые ноги передвигались с трудом, предательски дрожали, но стоять на месте было выше ее сил. Не закончившая обучения колдунья, качаясь из стороны в сторону, вышла из кельи и, пройдя мимо лича в гербах Атлины и даже не заметив его, направилась по

замковым коридорам в неизвестном направлении.

Сознание играло с девушкой в сумасшедшие игры, глаза ежесекундно перерисовывали мир, наделяли его все новыми неестественными красками. Энин чувствовала немощь и слабость: чужая магия полностью высосала из ее тела силы и волю.

Вскоре колдунья вышла к лестнице и, не обращая внимания на стоявших у перил зомби, спустилась вниз. Ею овладело чувства голода, вечный недостаток пищи проснулся в исхудавшем теле с необычной силой. Во рту пересохло, захотелось смочить горло. Повинуясь желаниям, девушка прошла на кухню, начала рыскать по шкафам и буфетам, вытряхивать их негодное для еды содержимое, разбрасывать бесполезные пустые полки. Она так ничего и не нашла. С нескончаемой надеждой Энин посмотрела на последний шкаф, одиноко притаившийся в углу кухни, и подошла к нему. Девушка долго билась над дверью, пытаясь ее открыть, и когда ей наконец удалось справиться с замком, вместо полок она обнаружила винтовую лестницу, уползающую во тьму.

Энин и сама не поняла, что заставило ступить ее на первую ступень, но она это сделала. И, сделав первый шаг, уже не смогла остановиться.

Лестница вывела ее в ужасную лабораторию, освещенную тысячью свечей. Яркий свет после крошечной тьмы туннеля ослеплял – Энин невольно прищурила глаза. От противного запаха химических препаратов с новой силой закружилась голова, девушка едва пересилила себя, чтобы не упасть в обморок.

К ее ногам неиссякаемым потоком поползли взъерошенные, измазанные гнилостной водой, вперемешку с кровью грызуны. Энин не видела пасюков – она так и не смогла привыкнуть к яркому свету. Последние силы покинули ее. Так и не открыв глаз, она упала в скопище крыс...

* * *

Изрезанная веками глыба монастыря нависла над Сандро угрюмым каменным монстром. Юный чародей до жути ненавидел это место, пропитанное злом и смертью. Но Трисмегист решил, что ученику некроманта, который некогда приходил для обучения темному искусству в храм Сераписа еженощно, вновь надо вернуться на учебное ристалище, чтобы найти древний реликт, который числился потерянным вот уже пять веков. Но Сандро отыщет его, он не сомневался. Ведь и клинок Первовампира некогда считали сгинувшим навсегда, но сейчас его холодная сталь преспокойно висела, покачиваясь в ножнах, на поясе чародея. А скоро в его руках появится еще и древний посох.

Сандро в нерешительности замер перед развалинами. Как бы он ни был в себе уверен, входить внутрь полуразрушенного монастыря не хотелось. Время тянулось медленно. Ночная тьма понемногу серела, скрытые в тени руины приобретали фантастические очертания, возбуждая в воображении страшные картины пожаров и битв, окутавших некогда храм Сераписа...

...С криками «Ведьмы!» и «Смерть!» стигийцы несокрушимой волной обрушились на аббатство, превращая Храм, защитой которому была лишь светлая магия, в руины и пепел. Стигийцы были безжалостны и жестоки, они боялись Тьмы и не догадывались, что на святое место их понудили напасть козни некромантов. Верховная жрица Сераписа прокляла людей, обрекла их на служение тем, кто привел их с мечом в замоленные веками стены...

Проклятье сбылось.

На останках монастыря Трисмегист обучал некромантов, медленно, но уверенно пропитывал священный источник темной магией, мечтая испортить его добрую сущность. И

когда ему это удалось, он зачерпнул в Змеиный крест оскверненную магию, сковал в проклятом оружии души всех жриц...

Мальчик смотрел, как вдали, у горизонта, маячил краешек огненного диска, разрушая ночные сумерки. Древние руины не позволяли ему осветить проклятое темными магами место, поздняя осень не давала согреть промозглую землю. Тусклое солнце лишней раз напоминало о скором приходе холодов, снежных вихрей и ледяной смерти – коварной Хельхеймской зимы.

– Тебе пора, время не терпит, – побуждал к действию Трисмегист, а Сандро все не мог собраться с силами и войти в храм Сераписа: что-то его останавливало, но что именно – он не знал.

– Тревожно как-то, – пролепетал юный некромант. – Словно намеренно иду в ловушку. Альберт, ты уверен, что в Храме мне ничто не угрожает?

– Ни в чем нельзя быть уверенным, – не стал юлить друид. – Опасность есть, но кто живет в страхе – тот раб своего бессилия. Ты справишься, что бы ни повстречал.

– Справлюсь, – подтвердил Сандро и, прежде чем войти в Храм, еще раз обернулся к Бленхайму. Именно это его и спасло.

Откуда не возьмись появились зомби и скелеты. Сандро едва успел отскочить от неупокоенного, который пытался схватить его за плащ. Чародей шарахнулся в сторону и, древком посоха ударив о каменный пол, пустился бежать. Зомби и скелеты наткнулись на невидимый барьер, наколдованный некромантом. Им стоило немалых трудов пробиться сквозь преграду. Первым это удалось высокоподнятым зомби. Когда поле ослабло, сквозь него смогли пройти и скелеты, но к этому времени Сандро был уже далеко. Он скрылся в храме Сераписа, взбежал по лестнице и застыл в ожидании первого немертвого, который падет бесславной смертью.

Хромая на одну ногу, из дверного проема вышел зомби, за ним тут же показался второй, идущий более уверенно. Некромант произнес вертевшуюся на языке формулу, сосредоточил в заклинании крупный магический поток, и незримой волной колдовство сковало тела поднятых, разрушая все связи с хозяином, изламывая магию, которая подарила мертвецу вторую жизнь. Огненно-красные глаза зомби померкли, погасли, немертвые повалились наземь.

Из арки в одночасье выбежали три зомби, следом за ними, толкаясь и мешая друг другу, выскочило целое полчище скелетов.

Некромант ударил древком о ступень и побежал выше.

Более догадливые зомби, в мозгах которых еще сохранились зачатки мысли, расталкивая скелеты спустились с лестницы, не желая снова пробиваться сквозь незримую преграду. Скелеты ринулись дальше, напарываясь на силовую волну.

Когда мальчик был на втором лестничном ярусе, он выкрикнул заклинание и махнул посохом через перила. Два скелета осыпались. С тихим стуком их кости покатались вниз по ступеням. Преграждающая магия угасла, исчерпав отведенное ей время. Немертвые дружным скопом помчались вслед за юным некромантом.

Сандро выбежал на второй этаж, распахнул одряхлевшие деревянные двери и оказался посреди широкого балконного коридора. Секунду помедлив, выбирая путь, помчался дальше. Скользнул в первый попавшийся поворот и, напорвшись на двух зомби, не успел сориентироваться и защитить себя. Рука неупокоенного, словно исполинский таран, крепко приложилась к голове некроманта. Сандро по инерции пробежал еще несколько шагов, прежде чем темная пелена встала перед глазами. Голова закружилась. Мальчик, сам того не замечая, напоролся на балюстраду и перелетел через перила.

Маги не способны летать, да и левитировать тоже, но они умеют замирать в падении, замедлять его. Некромант спохватился в последний момент, когда до пола – до торчащих из него камней – оставалось всего ничего. Он изрек заклинание и на секунду остановился над землей, уменьшив скорость падения. И тут же рухнул между камнями, которые шипами

повылезли из пола. Сандро застрял меж двух глыб, не в состоянии даже пошевелиться.

Какой бы сильной магией ни создавались зомби, сколько бы ума ни вкладывал в их головы хозяин, поднятым неведом страх перед смертью. Оба неупокоенных сиганули вслед за некромантом. Сандро видел, как прямоком на него летит разлагающийся труп, и понимал, что зомби просто-напросто его раздавит.

В экстренных ситуациях мозг работает лучше и быстрее, чем в обычных, не подкрепленных адреналином и страхом. Чародей соткал заклинание, которого никогда не знал, но волшебство подействовала весьма и весьма эффективно: зомби разлетелся на мириады мелких частей. Второй немертвый упал на камень. Острый шип проткнул его насквозь, не позволяя двинуться ни вправо, ни влево.

Сандро с трудом выбрался из-под гниющих останков и подошел к беспомощному зомби. Наскоро прочитав заклинание, он прикоснулся к неупокоенному навершием посоха. Но немертвый не умер второй смертью, как планировал чародей, а вместо этого попытался дотянуться до юноши переломанными костяшками пальцев. И это ему почти удалось. Некромант неожиданно для самого себя размахнулся и ударил древком по голове зомби, произнося формулу «Dispersio» – рассеивающего заклинания. Безголовый монстр опустил конечности и замер, получая в подарок вторую смерть.

Сандро огляделся. Пол изрезали каменные глыбы, словно вырвавшиеся из-под земли. В дальнем углу была одна-единственная дверь, ведущая прочь из странной залы. Перед нею, возвышаясь над землей, разместился округлый парапет. Он был единственным уцелевшим строением, которое не сумели проткнуть каменные иглы. И – что самое важное – в центре возвышения парил над землей посох с навершием в виде разъяренной кобры.

Чародей недолго думая пошел к помосту. Пробриться через каменные шипы и наросты стоило немалых усилий, но желаемый результат был достигнут. Когда он поднялся на круг, то был шокирован обилием магических потоков, которые соединились в одном месте. На полу разместился сигил, который покорила энергетические линии всего Сераписа, сплел всю магию древнего Храма в один неразделимый узел.

На верхнем этаже показались скелеты и зомби. Они мялись и толкались, прыгали вниз, ударялись об острые камни, но магия надежно скрепила их кости: они не умирали от падения – вставали и шли в сторону некроманта.

Сандро встал в центр круга и ощутил, как магия вливается в его жилы, перемешивается с кровью и одаривает первозданной силой. Он выбросил свой посох и взял тот, что покоился в Храме. Сперва показалось, что ничего не изменилось, но стоило некроманту с головой окунуться в источник, понестись по его стремительным водам, зачерпнуть энергии, живущей в древних стенах – и Сандро понял, на что способно его новое оружие.

Некромант читал заклинания, направляя посох на все прибывающие и прибывающие скелеты, и немертвые падали, осыпались, умирали, так и не сумев приблизиться к колдуну.

В последний раз взмахнув посохом, Сандро замер. Больше некого было убивать: не осталось живых мертвецов – всех их поглотила вторая смерть, унесла их мученические души прочь из людского мира, отдала на съедение Теням.

Чародей присел на одно колено. Сила и слабость слились в одно. Откат от тяжелых заклинаний подавлял, но магический источник восстанавливал силы вдвойне.

Сандро закрыл глаза. Внутреннему взору предстала страшная картина. Полчища изуродованных болезнью крыс окутали спящую Энин, уже начинали кусать ее плоть, грызть пальцы и мочки ушей. Видение было настолько реальным, что некромант не совладал с собой – сплел заклинание, которое пожирало грызунов, превращало их в прах.

Магия высосала из чародея последние силы. Тьма поглотила недавнее ведение, окутала сознание некроманта непроглядной пеленой, погрузила в забытие.

А Энин лежала без движения на матово-черном полу среди тлена и пыли. И не ясно было – спит она или уже...

Глава 24

Солнце и потерянное время

Со стороны восхода солнца так было устроено весьма маленькое окно, что днем, когда вносили статую Солнца для приветствия Сераписа, в специально рассчитанное время с появлением статуи солнечный луч, проникая через это окошко, освещал рот и губы Сераписа, так что смотрящему народу казалось, будто солнце поцелует приветствует Сераписа. Был также и другой обман вот какого рода. Известно, что природа магнита такова, что он привлекает и притягивает к себе железо. Фигура Солнца как раз для того была выполнена мастером из тончайшего железа, чтобы камень, в чьей силе, как мы сказали, притягивать железо, закрепленный на потолке, когда статуя оказывалась как раз под лучом солнца, природной силой притягивал к себе железо, и народу бы казалось, будто статуя поднимается и повисает в воздухе. И чтобы скорое падение не изобличило эту хитрость, пособники обмана говорили: «Взошло солнце, чтобы, поздоровавшись с Сераписом, уйти восвояси». Однако и многие другие обманы в прежние времена были созданы в том месте, которые теперь долго перечислять.

«Церковная история» кн. 2(11), гл. 23. Руфин Аквилейский

Рассветные лучи перечерчивали небо светлыми пятнами. Перепончатые крылья дракона расправились в подобии движения, а тусклый огненный диск, слабеющий в предзвонной агонии, мертвым пламенем вырывался из разинутой пасти зачарованного веками ранее гордого существа, которое уже не сможет взмыть над землей и насладиться душой полета. Тьма не смогла совладать с животным, не смогла высосать жизнь из магически созданной твари, зато сумела заковать его в каменные оковы, заставляя жить вечно, но жить без движения.

– Ты сделал все, как я просил? – Арганус стоял, выпрямив спину, и перебирал пальцами, словно считая их и проверяя, все ли на месте.

– Сид и девушка заражены. Люди предупреждены об опасности. Мальчик сражается с зомби. Не знаю, прощен ли Трисмегист и нашел ли твой ученик посох, но немертвые ушли к Храму. Смею предположить, что они загонят-таки мальчика куда надо, – отпрапортовал де Гарди, кутаясь в плащ с гербами Атлины, словно чувствуя холод, и с тоской посмотрел на дракона, который, защищая королеву альвов, стал камнем. Израэль сожалел об участии последнего Вечного, живущего на землях Хельхейма, но ничего не мог изменить в его судьбе, – да и стоило ли менять?

– Трисмегист прощен, – проведя секунду в задумчивости, прошептал Арганус и, сложив ладони лодочкой, будто в молитвенном жесте, закончил: – Сандро жив. Все идет по плану.

– Девушка еще не перевоплощена, – напомнил де Гарди.

– Но она уже близка к посвящению в личи, пусть сама об этом еще и не догадывается. Иди и закончи начатое, – приказал Д’Эвизвил, протягивая ренегату колбу с бледной мутной жидкостью. – Спаси ее от смерти, – ухмыльнулся лич, и если б он мог показать радость, то оскалился бы самой ужасной улыбкой в своей жизни и смерти.

* * *

Эс Сид проснулся в хлеву. С похмелья голову ломило противной тянущей болью, мозг гудел протяжным воем, не дающим ни покоя, ни расслабления. Сборщик подати с трудом совладал с памятью, выуживая последние не стершиеся воспоминания.

– Опять трупы возил, – припомнил он.

Надломившийся картавый голос казался болезненным и чужим. Старый шеважник недовольно перевалился набок. Из-за неловкого движения на ладони лопнул гнойник. Эс Сид осмотрел рану на руке – он понимал, что ее необходимо прижечь, чтобы зараза не распространилась по телу, но слабость и нежелание разжигать огонь пересилили требование разума. Оглядевшись, он понял, что так и не дополз до дома: уснул прямо в хлеву. Хотя какая разница, где спать, когда организм переполнен сладостным для души вином? Сборщик довольно растянулся на полу, едва припорошенном сеном. Дело сделано, теперь целый месяц можно пить и спать, спать и пить, не задумываясь о работе и завтрашнем дне. Имеется только одна проблема: чтобы жизнь стала краше, надо сходить в погреб и набрать вина.

Снаружи послышались чьи-то приглушенные шаги. Эс Сид вопросительно посмотрел на старую клячу Рябину и едва слышно прохрипел:

– Кто пожаловал?

Шаги не умолкали. Наоборот, с каждой секундой становилось все громче и отчетливее, людей снаружи становилось все больше.

Вскоре шарканья утихли – и в тот же миг разом все окна хлева закрылись деревянными щитами, одновременно захлопнулись ворота, и в уши ударил пронзительный гул стучащих молотков. По хлеву расползлась безликая серость, разрушаемая лишь тонкими лучами света, пронизавшими худую крышу.

Эс Сид кряхтя поднялся на ноги. Удивленно посмотрел вокруг, не понимая, что происходит. Опустил взгляд на место ночевки и с ужасом заметил, что спал в луже крови и гноя. Изучающе уставился на собственное тело, которое утыкали гнойные бубоны. От ужаса и страха чумной закричал во все горло. Ему вторила старушка Рябина, учуявшая запах гари.

Перепуганный шеважник подбежал к воротам, попытался открыть, но их надежно забили снаружи. Метнулся к окну, но и тут его ждал тот же результат. Теперь он понял: сжигают живьем.

Рябина фыркала, била копытом. Эс Сид орал во всю глотку проклятья. А огонь быстро расползлся по хлеву. Языки пламени молниеносно перебегали с одной доски на другую. Жадно искрилось и полыхало сено. Под ногами стелился густой угарный туман.

Отданный в руки смерти сборщик подати даже не знал, какую услугу оказывают ему люди. От его тела не останется и следа – он не переродится в уродливого монстра. Но сейчас это мало утешало Эс Сид. Закашлявшись, он упал на колени посреди охваченного пламенем хлева. Последний раз он проклял своих убийц, и обвалившаяся балка придавила чумного к полу.

* * *

Энин проснулась в лаборатории Аргануса, сама не зная как здесь оказалась. Вокруг нее бегали едва живые крысы. Энин вскрикнула и вскочила на ноги, попыталась пинками отбить от себя пасюков, но в этом не было нужды: они не обращали на потуги девушки никакого внимания – с пасторским безразличием терпели удары и продолжали вяло, будто сонно, бродить вокруг нее.

Пересилив волну страха, Энин взяла себя в руки. Осмотрела себя и ужаснулась: ее плоть была изранена укусами грызунов, а уже засохшая кровь испачкала и тело, и одежду. Скривив гримасу, которой испугался бы и мертвый, она одним движением заставила магическое пламя охватить своими жаркими сетями серое воинство, которое и без того было обречено на смерть, лишь более долгую и мучительную. Чуть позже Энин попыталась заживить свои раны, но это у нее не получилось – магия была бессильна. Это казалось удивительным и неправильным: юная магичка уже успела овладеть целебным колдовством, которое было частью учения Тьмы, но оно – по непонятным причинам – не помогало против ран.

– Учитель, – ментально обратилась к своему наставнику Энин.
– Слушаю тебя, – послышался в ответ знакомый голос.
– Я в лаборатории, – начала излагать ученица. – Меня покусали крысы, и я не могу исцелить ран...

– Дура! – Энин показалось, что голос Аргануса приобрел эмоциональность, но этого не могло произойти при общении в ментале. – Сандро разводил чумных крыс и проделывал над ними алхимические опыты, добиваясь того, чтобы разносимую ими чуму не могли излечить никакие заклинания. Дура! – Вновь голос лица прозвучал эмоционально и... больно.

Девушка упала на пол. Ноги не держали.

– Учитель, спасите... – взмолилась Энин, преодолевая боль, которая пульсирующими волнами раздирала тело изнутри, обжигала – и в то же время холодила – снаружи.

– Я не могу тебе помочь, это выше моих сил, – убивал без ножа Арганус.

– Помогите! – едва сдерживая крик, умоляла Энин.

– Есть только один способ...

– Плевать на способы! Помогите!

– Жди. И не умирай раньше времени, – велел Д'Эвизвил, и Энин отдала бы все на свете – лишь бы суметь исполнить этот приказ.

Все, что произошло с ней дальше, слилось в болезненную пытку, и лишь ослабевшее сознание, когда витаешь не то во сне, не то наяву, не замечая, что твориться вокруг, успокаивало бесконечную ломоту в теле и душевные страдания. Энин лежала на полу, вокруг нее кудесил лич, которого она не знала, но уже видела в Бленхайме. Ничего не понимая, она приняла у него из рук эликсир, не зная, чем он поможет, – она выпила содержимое мутной колбочки до дна. И стоило последней капли исчезнуть на языке, как забытие поглотило девушку всецело. Она даже не догадывалась, что испила собственную смерть, а разом с ней и вечную жизнь, что де Гарди проделал старинный ритуал посвящения, а зелье было не чем иным, как эликсиром бессмертия.

Энин уснула. Уснула, чтобы не проснуться, но ожить. Ожить в виде лица.

Ее тело судорожно изгибалось, а плоть медленно истлевала, оголяя кости и скрепляя останки магическими узлами, не позволяя умереть, не давая помутиться рассудку, но изменяя его по своим – не ведомым никому – правилам.

С этого дня Энин прекратит свое существование... для мира живых. Но родится в другом мире – мире Хель.

* * *

– Нет! – вскрикнул Сандро, разлепляя глаза.

Он спал, и сны его были поистине ужасны... Он утратил счет времени и не знал, приснилось ли ему то, что он видел, или случилось наяву. Ему снился старый шеважник, умирающий в пожаре, Энин, которую Израэль де Гарди превратил в себе подобную. Сандро даже не понимал, была ли та битва с зомби, которая его привела в сердце Сераписа, или она тоже была лишь игрой воображения. Все воспоминания перетянула пелена призрачного мрака.

Наконец Сандро избавился от туманной дымки, окутавшей сознание, пришел в себя, но по-прежнему не ощущал под собой пола. Лишь позже он сообразил, что магия подхватила его, подняла над землей. Некромант почувствовал нежное тепло, почувствовал, как мелкими, словно песочное золото, крупинками по жилам течет энергия, выводя из организма слабость и неспособность.

Сандро слышал об источнике магии, центром которого был храм Сераписа, но также он знал, что этот источник исчерпан, а его энергетические линии расслоились, рассеялись вокруг монастыря. Это сделал еще Трисмегист, обучая в разрушенных стенах своих учеников. Но сегодня Сандро убедился, что Исток не покинул Сераписа.

Тем временем магический поток, ослабев, медленно и плавно опустил Сандро на пол. Изувеченное темной волшбой тело коснулось твердого, но непривычно теплого камня. Чародей встал на ноги и поднял с пола Змеиный крест. Несколько секунд он стоял без малейшего движения, копаясь в памяти и извлекая из нее последние произошедшие события.

— Энин в опасности, — вспомнил он картину, которая вмиг затмила мир и всецело поглотила сущее. Сандро подкинул посох, с тихим стуком схватил его мертвецкой рукой и уверенными шагами вышел в единственную в зале дверь.

За дверью ему открылись витиеватые коридоры, что изрезали друг друга, превращая катакомбы Храма в сеть непроходимых лабиринтов. Сандро шел вперед, не зная, куда заведет его дорога, петлял из одной стороны в другую, заходил в тупики, разворачивался и шел обратно. Казалось, поискам не будет конца и ему никогда не выбраться из подземелий, но неожиданно один из коридоров вывел Сандро в хорошо освещенную галерею. Пол ее был выстлан, казалось, монолитным камнем. Кругом было настолько чисто, что подумалось, будто тут живут люди и ухаживают за своей обителью: не было ни паутины, ни грязи, ни даже пыли. Низкий потолок не украшала центральная люстра, зато на стенах меж множества картин висели светильники, которым не было числа. Сандро только сейчас обратил внимание на то, что в рамках картин вместо привычных холстов жили вовсе не нарисованные духи. Они молча наблюдали за некромантом, провожали его ненавидящими упрямыми взглядами.

— Чего вам надо? — злобно выдавил Сандро, скрывая за хладнокровным голосом беспредельный страх. — Чего уставились? — спрашивал он, но не получал ответа. — Кто вы такие?

— Сестры Храма, — ответил тонкий женский голос.

Сандро развернулся. Из картинной посеребренной рамки, лишенной холста, на него смотрела безразличным взглядом молодая девушка. Черные лиановидные растения сплелись вокруг ее шеи, сковали живыми кандалами кисти рук. Девушка держала в одной ладони кровоточащее сердце, в другой — лепестки черной розы.

— Кто? — переспросил Сандро, не нуждаясь в повторном ответе. Он тянул время, чтобы совладать с удивлением и прийти в себя. Некромант крепче сжал посох, которому с недавних пор доверял больше, чем себе.

— Мы жрицы Сераписа. Ты в наших владениях, мертвый. Ты наш, — оскалилась гнилыми желтыми зубами девушка.

— Я не боюсь картин, — ехидно улыбнулся Сандро, скрывая за ухмылкой ужас.

— И зря. — Девушка с картины оскалила улыбку еще страшнее предыдущей и шагнула вперед. Лианы, обвившие ее горло и кисти, разрезали иллюзорное тело. Из тонких разрезов полилась кровь, но в следующее же мгновение кровотечение остановилось, кожа срослась, не оставив ни ран, ни шрамов.

Призрак протянул к некроманту мертвецкие руки, схватил за шею, крепкой хваткой сдавливая горло.

— Сестры! — тонким протяжным воем позвал призрак, и в одно мгновение из рамок выползли бестелесные духи, окружая Сандро со всех сторон.

Некромант выпустил посох, схватился обеими руками за шею в тщетной попытке разорвать крепкие тиски мертвых ладоней, но слишком поздно сообразил, что не сможет совладать с бестелесным, что не способен на подобные манипуляции.

В висках заломило, нехватка кислорода обволокла сознание непроглядной тьмой. Свет десятка свечей померк, в глазах быстро помутнело, будто на них накинули вуаль, что чернее ночи.

— Остановитесь... — еще услышал Сандро, прежде чем мгла пожрала последние отголоски реальности и яви.

– Черный мор – вечный спутник армии нежити, – выговорила высокая женщина, лицо которой скрыла вуаль.

– Мальчик заражен, – заметила другая жрица с белой, словно полотно, кожей.

– Исток уже очистил его тело от миазмов, – заключила третья жрица, руки и ноги которой сковали тонкие растения с острыми шипами.

– Но он мертв. Исток не терпит нежити, – возразила бледная, как сама Смерть, жрица.

Сандро наблюдал за происходящим, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой: его словно сковали чужеродной магией, покорили своим желаниям чужие силы. Даже голос не повиновался юному некроманту.

– Значит, нет, – упорствовала женщина в вуали – верховная жрица, сан которой запрещал показывать свой облик даже после смерти.

Сандро сосредоточился на разговоре. Он вспомнил слова Трисмегиста о том, что, общаясь с духами, надо переходить на их сферу восприятия, и последовал мудрому совету. Отделил свой разум от тела, выпорхнул из изуродованной огнем и темной магией оболочки.

– Я полумертвый-полуживой. Ваш спор бесполезен, – лишая свой голос малейших эмоций, выговорил Сандро в ментальных потоках.

– Прорезался голос? – гневно уставилась на мальчика белокожая.

– Пусть так. И что ты мне сделаешь? Убьешь? Я уже мертв, второй смерти я не боюсь...

– Смелый, но мертвый? – презрительно обронила жрица.

– Немертвый, – поправил он.

– Тихо! – прервала перипетию верховная. – С какой целью ты пришел в сердце Храма? – спросила она у некроманта. – Зачем привел за собой неупокоенных?

– Я не искал сюда дорог и поднятых не звал. Они хотели меня убить, я всего лишь защищался, – сам не замечая, как переходит на оправдания, ответил Сандро.

– Верю, – кивнула женщина в вуали.

– А я – нет...

– Помолчи, Эллин, – приказала верховная жрица.

– Но, наставница Агнэс, у него в руках посох Зла. Ему нельзя верить, – убеждала белокожая жрица.

– Ты не веришь Истоку? Этот чародей связан с Трисмегистом. Исток простил своего врага, и мы должны поступить так же. Исток помог мальчику, значит, и мы должны ему помочь.

– Будь по-вашему, – поклонившись, растворилась в воздухе жрица.

– Я поговорю с ней, – заговорил до сего молчаливый фантом девушки, тело которой изрезали шипастые, словно терновые ветви, лианы.

– Не надо. Она все поймет сама, – остановила жрица, и, махнув рукой, добавила: – Можешь идти.

Послушница растворилась, истаяв без следа. Покинула галерею, оставляя Сандро и наставницу Агнэс наедине.

– В Стигию пришла болезнь, – грустно выговорила верховная жрица, обращаясь к Сандро.

Болезнь... Сандро только сейчас сообразил, откуда появились крысы: у них началась зимняя миграция, а вместе с ними пришла и чума, переносчиками которой они являлись. Но откуда взялись зомби? Неужели это всего лишь еще одна из проверок Аргануса? В том, что это его рук дело, сомневаться не приходилось, но что бы было, если бы неупокоенные победили в схватке с некромантом? Арганус лишился бы генерала и помощника... или именно этого он и хотел?

– Твоя спутница заражена. Если ты ничего не изменишь, она умрет, – вырвала Сандро из мира мыслей верховная жрица.

– Но что я могу сделать? – сокрушился Сандро. – Что я могу противопоставить чуме?!

– Это твои заботы, – грубо ответила иллюзорная женщина, зная о болезни девушки, но не об ее перевоплощении в лича. Сменив гнев на милость, добавила: – Воспользуйся своим талантом в алхимии.

– Но у меня нет времени для необходимых приготовлений. Да и нет лекарства от «черной смерти»...

– Ты готов отдать жизнь за ту, которую любишь? – казалось бы невпопад спросила жрица.

Чародей опешил от неожиданного вопроса, но он недолго сомневался в том, как ответит:

– Готов.

– Не смей! – вмешался в разговор Трисмегист. Дух туманным силуэтом возник из книги. В считанные мгновения он принял образ пожилого мужчиной с пепельно-русыми волосами и идеально правильными чертами лица. – Ты не имеешь права забирать его жизнь. На его плечах слишком важная ноша, чтобы ты, Агнэс, посмела забрать его в свою обитель. Тут ему не место.

– Не место, – согласилась жрица, нагло уставившись на Альберта. – Но и среди живых, куда ты, Претемнейший, собрался его вывести, ему тоже нечего делать.

– Это не тебе решать! – отрубил Трисмегист. – И я не позволю тебе сделать это.

– Интересно, как? – усмехнулась наставница мертвого храма. От ее святости не осталось и следа – века забвения превратили ее в того, против кого она всегда боролась: в немёртвие²². Зато тот, кто принес в ее дом смерть, поменялся в лучшую сторону.

– Злом ты осквернишь Исток. Я получил прощение и одобрение. Моя миссия чиста, твоя – нет.

– Хорошо, – задумчиво протянула жрица. – Но для того, чтобы осуществить мой план, мне нужна жизнь, иначе не повернуть время вспять.

– Отматывай время настолько, насколько хватит сил без жертвоприношений, – заявил Трисмегист. – И посох вернешь нынешнему владельцу.

– За ним он придет позже.

– Может, объясните мне, о чем вы говорите? – встрял Сандро, но никто не стал утруждать себя разъяснениями.

– Узнаешь позже, – уверил Альберт.

– До возвращения мальчика ты останешься здесь, – поставила Трисмегисту свое условие Агнэс.

– Действуй, – потребовал Альберт, и жрица не стала медлить.

Одним неуловимо быстрым движением она рукой отсекла у Трисмегиста голову, вторым отрубила конечности, а дальше, впитав его силы, начала сумасшедше диким криком вещать слова заклинания. Время остановилось. Огонь свечей замер, а воздух, что неожиданно стал тяжелым, как металл, сжимал Сандро со всех сторон. Он хотел помочь Альберту, отгородить его от обезумевшей жрицы, вытащить его из лап чудовища, которое скрывалось за женским обликом, но тягучий, как патока, воздух не дал ему и пошевелиться. Заледеневший огонь неожиданно резко вырвался из тонких фитилей, окутав галерею душным жаром. Сандро закрыл глаза, но даже сквозь замкнутые веки он видел ужасающе опасный свет. Однако вскоре яркость пламени померкла, а охолодевшая тьма заволокла сознание юноши своими сетями.

Сандро не видел этого, но в тот самый миг солнце взошло, чтобы, поздоровавшись с Сераписом, уйти восвояси. Арганус только сейчас повстречался с де Гарди на крыше Бленхайма, к Эс Сиду только сейчас пришли купленные ренегатом люди, чтобы сжечь лишнего свидетеля.

Солнце, пробудившись от ночного сна, поднялось на небосвод, но лишь для того, чтобы скрыться за пеленой магии и повернуть вспять. А вместе с солнцем и время качнулось назад, заставляя всех и каждого заново пережить сегодняшнюю ночь.

Глава 25

Огонь и вода

Мне не нужен друг, который в огонь и в воду – меня. Мне нужен друг, который в огонь и в воду – со мной.

Сандро Гайер. «Мемуары некроманта»

Соединились огонь и вода, сплелись жизнь и смерть. И утонули секунды в вечности, возвращая то, что было, залечивая те раны, которые не имели права открыться. Но Судьбу не обмануть, а раз брошенный жребий не перекинуть, не изменить то, чему быть судилось.

«Временные грани». Пастор Серапис

Безумный крик и иступленный плач, нечеловеческий вопль, молящий о спасении и проклинающий за бездействие, рев, переходящий во всхлипы, заставил его разлепить глаза. И он разжавшейся пружиной выскочил из кровати.

Сердце сумасшедше колотилось, отбивая едва ли не барабанную дробь, чувство животного страха и собственного бессилия сковали грудь, душу изрезали когти неведомого монстра, и зверь поселился внутри. Сандро помнил то, что должно произойти, помнил, как красота и человечность его возлюбленной обрастают темной магией, превращающей ее в исчадье смерти. Он помнил и не мог понять, правда это или всего лишь дурной сон. Он многое бы отдал, чтобы все оказалось сном, но должен и обязан был проверить наверняка – безграничное чувство тревоги требовало этого.

– Трисмегист? – неловко разрушил тишину лаборатории Сандро, но ему никто не ответил. – Альберт? Ты тут? – жадно спрашивал юноша в надежде услышать знакомый голос, – тщетно.

Тревога усилилась. Друид, как и любой дух, никогда не спал и, как добрый наставник, всегда отвечал на призывы. А сейчас молчал, будто и не было его вовсе. Или впрямь не было? И без того бешено колотившееся сердце забилося еще учащеннее.

Альберт в Храме. Иного и быть не может. Значит, сны все же были явью. Надо спешить. Надо спасти ни в чем не повинную девушку от неминуемой гибели. Но как? Разве Сандро хватит сил, чтобы противостоять Арганусу? Причем не только ему, но и его слугам?

Отчаянная мысль кольнула, будто игла, давая ответы на незаданные вопросы. Смерть Каэля. Однажды Сандро уже нашел клинок в «зале боев». Сейчас привычного металла под плащом не было. Не тратя времени на пустые размышления, чародей прошел к своему тайнику и вытащил зелье, которое берег для себя уже больше трех лет. Затем, несколько раз глубоко вздохнув и выровняв дыхание, успокаиваясь, твердой походкой направился к винтовой лестнице, которая выведет его в сердце Бленхайма. Он найдет зачарованное оружие – и, если придется, использует его во смерть врагам и во благо Энин.

* * *

Девушка мирно проснулась в своей скромной обители. Ничто не предвещало беды, и она сама не знала, что именно заставило ее проснуться. Она еще не догадывалась, что за дверью притаилась смерть, которая пришла за ней в облики некроманта в мантии с гербами Атлины.

Де Гарди начал свою волшбу, и внутренние силы в один миг покинули Энин. Она стала марионеткой, куклой в умелых руках кукловода, которая повинуется малейшим подергиваниям нитей. Девушка безвольно поднялась с кровати и вышла из кельи. Не имея

власти над собственным телом, она спустилась по центральной лестнице на кухню и, без особых усилий разгадав, как работает механизм кухонного шкафа, открыла потайную дверь. Темная сила подтолкнула Энин в спину, и она ступила на первую ступень, ведущую в лабораторию. И, сделав первый шаг, уже не смогла остановиться.

Сойдя по идеально ровным ступеням вниз, она оказалась в хорошо освещенной зале, которая несколько лет служила пристанищем для полумертвого мальчика. Нет, уже не мальчика: он вырос, хоть и остался для Энин все тем же мальчишкой, пугливым и стеснительным, милым и добрым, но в то же время – лжецом, предавшим ее мечты и разбившим самые хрупкие чувства, которые только могли родиться в измученном страхом и отчаянием сердце.

Она пришла в его дом. Но вместо домашних питомцев в нем жила бесчисленная стая изуродованных и больных крыс. Они гнилосно-черными комками сгрудились у ног Энин. А она, будто и не замечая грызунов, прикрыла рукой глаза, заслезившиеся от яркого света, и продолжала стоять без движения. Темная магия отняла у девушки последние силы, и она, потеряв сознание, упала в скопище крыс...

* * *

Розовея над кронами деревьев и окрашивая далекие горы алым, на востоке медленно поднялось солнце. Хлопнули крылья окаменевшего витязя природы, которому Тьма уготовила жизнь в каменных оковах. Изверг пламя огнедышащий дракон, который сейчас казался вулканом. Ожили тени на его могучей спине, а туман, что стелился у перепончатых лап, поднялся выше, окутывая торс мощного создания полупрозрачной дымкой.

– Ты сделал все так, как я просил? – заговорщики поинтересовался Арганус, скрываясь в тени беседки и наблюдая за иллюзорной жизнью дракона, которого веками раньше превратил в камень Первейший, ознаменовав начало нового рода – рода некромантов.

– Сид и девушка заражены. Люди предупреждены об опасности. Зомби ушли по следу мальчишки. Ему от них не скрыться. Но я все же не уверен, что им удастся загнать мальчика в Храм. Если у него достанет сил, они не смогут выкурить его из Бленхайма.

– Ему не хватит сил, – уверил Арганус. – Я обучал его борьбе против магов, но не поднятых.

– Значит, все идет по плану, – резюмировал Израэль. – Только девушка...

– Что девушка? – перебил Д'Эвизвил.

– Она еще не превращена, – напомнил де Гарди.

– Спаси ее от смерти, – протягивая ренегату колбочку с бледно-белым содержимым, ухмыльнулся Арганус, и если б он мог показать радость, то оскалился бы самой ужасной улыбкой в своей жизни... и смерти.

* * *

Было непонятно, откуда пришли зомби и кто их прислал. Ясно было только одно – история повторялась, и надо во что бы то ни стало изменить ход событий. Необходимо поспешить, пока де Гарди не превратил Энин в немертвую. Но разом избавиться от всех зомби казалось невозможным – уж слишком много их скопилось на арене. Они выследили Сандро, будто кто-то пустил их по следу. Было несложно догадаться, у кого достаточно сил, чтобы найти Сандро по ментальным линиям: на это способен только Хозяин или тот, кому он дал возможность читать силовые поля своих слуг. Но если так, то почему он не пришел сам и одним махом не уничтожил того, на кого натравил убийц? Для него это не составило бы труда...

Сандро отбросил в сторону несвоевременные мысли. Сейчас надо думать о другом: как

справиться с неупокоенными и спасти Энин? В Храме с немертвыми помог совладать Исток, в «зале боев» его не было. Приходилось рассчитывать только на свои силы, которых, как оказывается, не так уж и много.

Сандро вытащил из груды пепла, что остался от Высшего, клинок и попытался скрыться вместе с находкой. Безуспешно: зомби обошли его полукольцом, оставляя только один путь к отступлению – в левое крыло замка. Его Сандро не удосужился изучить за все восемь лет, проведенных в рабстве Аргануса. Но, даже редко там бывая, чародей знал, что в левой части замка нет ничего, кроме бесконечных коридоров, заканчивающихся тупиками, и выхода в западную область крепости. Петлять по неизвестным коридорам, кишмя кишевшим нежитью, было неразумно, покидать Бленхайм – тоже.

Сандро пошел ва-банк.

Он рванулся в сторону, прижимаясь к стене и пытаясь ускользнуть от идущих на него немертвых. Чтобы обезопасить прорыв, он сплел огненное заклинание, и едкое пламя заглотнуло в свою утробу трех неупокоенных, стоящих сбоку, не нанеся им, впрочем, особого вреда. Некромант, натравивший немертвых, очень хорошо побеспокоился о защите своих рабов. Два зомби, которых люди ошибочно считали медлительными и нерасторопными, загородили ему путь. Сандро, не останавливаясь, выговорил новое заклинание и наотмашь рубанул кинжалом. Сталь превратила одного немертвого в истлевающие останки, второй застыл ледяной глыбой. Чародей уже уверовал в свое спасение, но непонятно откуда взявшийся скелет сбил его с ног. Сандро распластался на полу и, не поднимаясь, развернулся лицом к противникам.

Неупокоенные стремительно приближались. Чародей, вычерчивая Смертью Каэля сигилы и свободной рукой проделывая магические пассы, стал читать одно заклинание за другим. Его чары окутывали мертвецов, которым де Гарди подарил подобие жизни, то хладом, то жаром, то огнем, то льдом, то тьмой, то сетью молний – все безуспешно. И тут Сандро вспомнил первые уроки темной магии, азы и начала, которых не должен был забывать. Надо оборвать связь с хозяином, снять защитные чары – и тогда немертвые станут слабы и уязвимы.

Память слишком поздно подкинула необходимые знания. Не дав Сандро совершить необходимые действия, на него запрыгнул скелет – и то ли специально, то ли случайно прижал руку, в которой был зажат кинжал, к полу, после чего начал избивать неудачливого чародея. Тут же подоспел второй скелет, и в ход пошли удары ногами. Сандро попытался скинуть с себя седока, но безрезультатно. Защититься от выпадов тоже не получалось, как, впрочем, и сплести заклинание: постоянные удары не давали сконцентрироваться.

Казалось, пришел конец и Сандро уже не сможет помочь возлюбленной, но судьба подарила чародею еще один шанс. Ни с того, ни с сего скелет, оседлавший Сандро, рассыпался грудой костей. Два других немертвых, что были ближе остальных к чародею, последовали вслед за первым. У разочаровавшегося в собственных способностях мага появилась новая возможность доказать свое превосходство.

Недолго думая Сандро вскочил на ноги и встал в боевую стойку. Теперь он не собирался убегать, теперь победа в неравном поединке была делом чести. Юный некромант быстро нащупал нити, связавшие поднятых и призывающего. В мгновение ока проанализировал способ воскрешения и уже готов был разорвать связи и защитные заклинания, но неупокоенные без всякого вмешательства стали валиться замертво на холодные плиты пола. Сандро непонимающе уставился на место недавней схватки: он не произнес ни одного заклинания, способного уничтожить скелетов и зомби, а они уже были мертвы – окончательно мертвы.

– Благодарностей не надо, – услышал чародей знакомый голос. Считая его обладателя злодеем и предателем, он все же был рад встрече.

– Доброй ночи, Клавдий, – кивнул Сандро, не видя собеседника.

– Злой ночи, полумертвый, – насмешливо уточнил вампир, и тяжелая рука опустилась юноше на плечо. – Не в ту сторону киваешь, – продолжал ехидничать Батури, но Сандро не

обращал на колкости Высшего никакого внимания: сейчас было не до них.

– Энин в опасности, – перешел к делу некромант. – Ее сестра – тоже.

– Знаю, – вмиг посерьезнел вампир и добавил к первой новую ложь: – Именно поэтому я здесь.

– Значит, так: ты вытащишь Анэт, я спасу Энин. Встретимся у храма Сераписа.

– Хорошая постановка вопроса, но тебе не кажется, что со спасением Энин лучше справлюсь я? Анэт, собственно, ничто и не угрожает...

– Когда исчезнет одна сестра, вторая окажется в еще большей опасности, – не согласился Сандро. – А тебе не известно то, что должно произойти с Энин. Мне – известно.

– В пророки записался? – съязвил Батури, но позже, передумав, добавил: – Делай как знаешь. Умрет Энин – меньше ноши на мои плечи. Умрут обе – и того лучше.

– Вперед! – поторопил Сандро и выбежал из арены в коридоры замка. Безликой тенью за ним последовал и Высший.

* * *

Де Гарди не спешил. Медленным шагом он спускался по винтовой лестнице, которая выведет его в лабораторию. Исполнению его планов уже никто не помешает: Энин полужива и бессильна, Анэт безумна и сама не ведает, что творит, Сандро, если еще не мертв, то на грани гибели – поднятые об этом позаботятся, а идеальные защитные заклинания сможет разрушить далеко не каждый даже умелый и опытный некромант, не говоря уже о бездарном полуличе. Других же фигур в сегодняшней партии не предвиделось. Этой ночью атлинец еще на полшага приблизиться к своей свободе и на шаг – к новым высотам власти. А пока его ждало неспешное шествие по спирали лестницы и каменные ступени, сменяющие одна другую.

Вскоре он вышел в лабораторию, которая его встретила обилием света и красок. Пестрые драпри и вычурные ковры раздражали. Такое жилище было недостойным уважающего себя некроманта – подобными издевательствами над собственным домом страдал разве что Лазарь, которому так и не открылись тайны темной магии. Неужто бессильные и безвольные маги скрывают свою немощность за яркими красками? В этом ученик Аргануса и целитель-библиотекарь были похожи, да и книги они, по-видимому, любили с одинаковой пылкостью...

Де Гарди перестал изучать залу, которая с момента его последнего визита кардинально изменилась. Если Арганус мирился с этим уродством, то ему, Израэлю, не стоит проявлять излишнего педантизма. Декорации – всего лишь пыль в глаза. Тем более что здесь он не за тем, чтобы оценивать работу украшателя.

Лич перевел свой холодный, как зимняя ночь, взгляд на лежащую на полу девушку.

– Если бы темная магия умела сохранять красоту, – мечтательно прошептал Израэль. – Жаль портить столь прелестный цветок, но ему суждено увянуть.

Девушка, словно услышав слова некроманта, пробудилось ото сна, но слабость не дала ей сразу прийти в себя. Израэль протянул ей эликсир бессмертия. Энин безропотно приняла подношение. Сопrotивляться безмолвным, но от этого не менее действенным внушениям темного мага она не могла. Не задумываясь, она осушила колбочку с зельем. И без того слабое тело вовсе перестало слушаться. Энин пребывала в сознании, но немало отдала бы за то, чтобы упасть в обморок. Жуткая, душераздирающая боль конвульсивными припадками пробегала по телу, заставляя девушку корчиться в муках. Безумный крик и иступленный плач, нечеловеческий вопль, молящий о спасении и проклинаящий за бездействие, рев, переходящий во всхлипы, вырывался из ее рта и, эхом отражаясь от стен, умер под сводами лаборатории.

Ритуал перевоплощения начался.

Продолжая церемонию посвящения, де Гарди стал нараспев читать заклинания. Его

костяные руки быстро двигались, вырисовывая в воздухе изощренные знаки, его мерный говор перерос в монотонное жужжание, а магия, созданная Тьмой, становилась все сильнее, все ужаснее. Энин извивалась пойманной змеей, не ощущая ничего, кроме дикой боли. Смерть и вечная, но проклятая жизнь были близки, как никогда.

* * *

До завершения ритуала оставались считанные мгновения, когда Израэль неожиданно остановился на полуслове и кубарем покатился по ковровому полу лаборатории. Сандро, сам того не желая, налетел на лича, сбивая его с ног и падая вместе с ним. Он почти опоздал, но, даже успев вовремя, не знал, что будет делать дальше.

– Паршивец! – недовольно взревел Израэль, поднимаясь на ноги и пинком отшвыривая лежащего рядом Сандро. – Теперь придется прочесть заклинание с самого начала.

– Я не дам тебе этого сделать, – оскалился юный чародей.

– Да? – наигранно удивился лич. – И что же ты предпримешь?

– Увидишь, – пообещал Сандро, сам не зная, как будет воплощать угрозы в жизнь.

– Что ж, раб, я посмотрю на твои старания. – Израэль всего лишь взмахнул рукой, и Сандро отбросило в другой конец лаборатории. Следующий пасс впечатал юношу в стену, придавливая его к ровному камню и не позволяя даже шелохнуться. – Но посмотри позже. А сейчас у меня есть другое, куда более важное дело.

Некромант вернулся к чтению заклинания. Вновь его руки закружились, рисуя сигилы, вновь зазвучал его монотонный речитатив. Личу пришлось сконцентрироваться на заклинании, и его магия, сковавшая Сандро, быстро теряла силу. Но даже если бы она исчерпала себя, юный чародей все равно оказался бы бессилен против де Гарди, ибо тот был рабом Аргануса, а нападать на них Сандро не имел права. Вскоре оковы ослабли настолько, что чародей смог двигаться. И этого ему было достаточно.

Не задумываясь над тем, что будет дальше, Сандро достал из нагрудного кармана зелье, которое хранил вот уже три года, и одним большим глотком выпил его до дна. «Эликсир разрыва», которым не так давно он поделился с Батури, подействовал моментально. Голова слегка закружилась, тело сковал приступ боли, который, впрочем, быстро отступил. И на этом закончилась пора восьмилетнего рабства. Свобода, которая была так желанна, так близка и в то же время далека, была достигнута. Она разлилась по телу непривычным теплом, дрожью пробежала по коже. Казалось, ничто не изменилось, но незримые рабские путы пали, умерли, как под солнечным светом умирают тени.

Тем временем магия де Гарди быстро теряла силу. Вскоре колдовская сеть, приковавшая Сандро к стене, истлела, давая ему полную свободу. Свободу! Сандро улыбнулся – хищно, словно дикий зверь, и медленно пошел в сторону некроманта, пригибаясь, будто барс, готовый броситься на свою добычу.

Де Гарди ворожил, не обращая внимания на слабого, как он считал, чародея, а Сандро украдкой, на цыпочках, заходил к некроманту со спины. Он медленно, чтобы ни единый шорох не прервал тишины лаборатории и монотонного говора колдуна, вытащил из-за пазухи клинок. Сандро был уже достаточно близко, чтобы одним ударом лишить некроманта жизни. Он остановился всего в шаге от цели и занес смертоносное оружие.

Энин вскрикнула. Напряглась от боли и расслабилась. Тело не слушалось, не повиновалось. Оно не принадлежало ей. Боль, сумасшедшая, душераздирающая боль накатывалась, будто волны на скальный берег, с каждой минутой становясь все невыносимее. Припадки учащались. Израэль уже заканчивал чтение своего заклинания. Еще мгновение – и на свет появится новый некромант. Одним личем, одним рабом станет больше. Лишь последнее предложение – и заминивание...

Но ему вновь помешали. Де Гарди даже не сообразил, откуда пришла смерть. Искривленное лезвие, пробив черепную коробку, вышло наружу через глазницу. Ритуал

оборвался. Руки Израэля опустились, так и не завершив необходимых манипуляций, его голос умолк, так и не дочитав финальной фразы. Мгновением позже его тело осыпалось грудой костей, но даже они истлели, оставив после себя лишь прах.

Де Гарди был мертв, а Энин спасена. Но что с ней будет после принятия эликсира бессмертия, Сандро даже не догадывался, а о том, что будет с ним самим после того, как он стал свободен, юноша пытался и не думать. Арганус не спустит ему с рук убийства соратника и измены. Никогда. Надо было убираться из Бленхайма, пока еще не слишком поздно, но как сделать это, когда на тебе лежит ответственность за беспомощную девушку, не способную пошевелить ни рукой, ни ногой?

Не углубляясь в размышления, Сандро взвалил на себя Энин и потащил ее наверх по винтовой лестнице. Он наполовину мертв, его неживая сущность гораздо сильнее и выносливее, чем человеческая. Этих сил должно хватить, чтобы вытащить Энин из замка и донести до храма Сераписа. Там будет ждать Батури, который сможет помочь, который обязан помочь, ибо он поклялся это делать.

Опираясь одной рукой о крутые ступени, а второй удерживая девушку на своей спине, Сандро медленно полз вверх. Он спасет Энин, спасет во что бы то ни стало, и остановить его сможет разве что смерть. Ах, если бы эликсир бессмертия не заставлял девушку корчиться в муках и извиваться от боли, – вытащить ее было гораздо проще, но никакие сложности не заставят Сандро бросить свою ношу: ведь нет ничего на свете дороже нее.

Несмотря на трудности, Сандро без лишних приключений донес свою возлюбленную до поверхности. Злоключения начались немногим позже – когда он уже вышел на крепостную площадь и посмотрел на замковые ворота. Юный чародей только сейчас вспомнил свое собственное напутствие, которое тремя годами раньше он давал двум сестрам: «Я бы не советовал убегать. Слуги Аргануса никого не выпускают за крепостные стены». Ворота охранялись. И на что Сандро надеялся, когда пытался инкогнито скрыться из замка? На что надеяться теперь?

Выбрасывая из головы панические мысли, Сандро остановился и опустил Энин на землю. Несмотря на нечеловеческую силу мертвой половины тела, полулич чувствовал усталость. Спина затекла, руки ослабли. Даже мысли отказывались выстраиваться в правильную цепочку.

Сандро еще раз посмотрел на ворота, разделявшие свободу и рабство. На первый взгляд казалось, что там никого нет, но чародей знал, что это не так. Стоит сунуться в пасть Бленхайма – и гибели от мечей и стрел не миновать. Если не ему, то Энин – точно.

Собравшись, наконец, с мыслями, юноша взвалил на себя свою ношу и пошел в сторону ворот. Не дойдя до цели десятка метров, чародей окутал и себя, и девушку «вуалью тьмы». Энин громко застонала и, сжавшись в комок от очередного приступа боли, потеряла сознание. Темная магия, навороженная Сандро, высосала из девушки последние силы. Но иного выхода не было.

Им все же удалось покинуть Бленхайм, но в последний момент защитные заклинания, о которых Сандро даже не подозревал, разрушили «вуаль», открыв глаза всем немертвым. Охранные наговоры были направлены на тех, кто входит, – только поэтому Сандро и смог выбраться так далеко. Но на этом везение закончилось.

Скелеты, застывшие в бойницах, словно статуи, в один миг пробудились, натянули луки и отпустили тетивы. Сандро резко рванулся вперед, закрывая себя огненной аурой. Большая часть стрел сгорела, не долетев до цели, но магия чародея быстро угасла под силой более мощных защитных заклинаний. Одна стрела оцарапала Сандро бедро, вторая вошла под лопатку. Попали ли стрелы в Энин, Сандро предпочитал и не думать. Пересиливая боль и отчасти заглушая ее магией, он помчался еще быстрее и вновь окутал себя огненной аурой. Теперь она не истлевала и не слабела. Защищенная темной магией часть пути была пройдена, и лучники были уже не опасны. Но им на помощь пришли мечники. Они, копошась, словно муравьи, выбежали из крепостных ворот и помчались вслед за Сандро.

Юноша отругал себя за излишнюю самонадеянность. Батури с освобождением Энин

справился бы гораздо лучше. Но сделанного не воротишь и Сандро со всех ног неся вперед через разграбленное некромантами кладбище, чтобы скрыться от преследователей в стенах Храма. Впереди маячили руины монастыря, позади с мечами наперевес догоняли немертвые. Сил почти не осталось, их уже не хватало даже для того, чтобы приглушать боль от ран, но Сандро бежал к спасительным развалинам, выматывая себя до конца. И когда уже не осталось веры в успех, на выручку вновь пришел Батури.

Восходящее солнце не позволило вампиру превратиться в кожана, но и без крыльев его скорости можно было позавидовать. Он быстро приближался. Завидев спасение и решив потянуть время, Сандро выговорил упокаивающее заклинание и тут же упал без сил. Дело сделано. Побег удался. Дальше Клавдий с легкостью справится с неупокоенными – сомневаться в этом не приходилось. А сейчас можно отдохнуть, отдохнуть от сумасшедшей гонки и перевести дух.

Темная дымка опустилась на глаза чародея, а тело утонуло в мягких и теплых покрывалах сладостного забытья.

Глава 26

Катакомбы Сераписа

Серапис стал эмблемой страны вечного стремления, блистающим светом своим озарявший весь мир на пути стольких столетий. Но пришел час, предначертанный судьбой, и наступил конец всему. Среди диких воплей черни и исступленных выкрикиваний фанатиков, выдававших себя за лучших служителей Бога-Света, пал древний Серапис, оплот мудрости.

Светивший тысячелетия свет из древней священной страны померк; Стигия, ее всемирная слава, ее величие и знание безмерное погрузились в область забвения, ушли туда, откуда уже нет возврата.

«Труды Лазаря» (глава, посвященная «Временным граням» Сераписа)

– Выступаешь немедленно, – приказал Арганус. – Подранок скрывается в Храме Сераписа, но скоро уйдет оттуда. Он пойдет к границе. Твоя задача отрезать ему все пути к отступлению и заставить идти на восток через Лес Мертвеца к Черному Кряжу. Там свершится его судьба. Загонишь его в Грот трех безумцев и будешь ждать дальнейших приказаний.

– Слушаюсь, – поклонился Сиквойя. Он поменял хозяина, но не привычку повиноваться. В исполнении приказов ему не было равных.

– Иди и не возвращайся без успеха.

Когда лорд Сиквойя покинул кабинет некроманта, Арганус поднялся из своего кресла, подошел к окну и посмотрел на крепостную площадь. Его мертвая армия была так велика, что не помещалась внутри замка. Недвижимым морем она застыла, охватив и внутренние, и внешние стены. Этих сил будет достаточно, чтобы сломить защиту Туманной столицы. Главное, чтобы Фомор клюнул на уловку и пошел за отвлекающей армией. А судя по сведениям, полученным от Морены, он клюнул. И уже выступил к Черным Кряжам. Наместник и его войска долго будут петлять по лабиринтам гор, а тем временем их вотчина падет в осаде. Все складывалось так, как и планировал Арганус. Единственное – Сандро, будто мелкий грызун, подпортил общую картину, но от этого игра стала лишь увлекательнее.

Арганус резко отодвинулся от окна и вышел из кабинета. Его армия выступит с заходом солнца, чтобы ознаменовать закат Хельхейма.

– Ну и кампания у меня вырисовалась... – обреченно вздохнул Батури: – Полуживой некромант, за которым гонится легион нежити. Обезумевшая от слияния с чужим духом послушница Симионы. Магичка, наполовину прошедшая инициацию и не являющаяся ни живой, ни мертвой. И ко всему прочему – дух, который при жизни был друидом, но стал личем, а после смерти воплотился в немертвии, причем добром. Вокруг одни пародии, которых не должно существовать.

– Помолчи, – посоветовал Трисмегист, стоявший рядом с вампиром в образе седовласого мужчины.

– Долго еще ждать? – не унимался Клавдий. – Или мы будем сидеть здесь, пока Арганус не соберет все силы и не сотрет Храм с лица земли?

– Может, перестанешь плакаться, словно обиженная на весь мир девчонка? – гаркнул Альберт. – Пока Исток не залечит раны Сандро, мы все равно никуда не пойдем: не будет смысла.

– А с обузами что делать? – Батури перевел взгляд на двух девушек. Энин лежала без сознания, взволнованная Анэт, перебирая пальцами, молилась Симионе за освобождение души сестры. – Ее взывания несуществующей богине мне уже изрядно надоели. Если такое придется лицезреть всю дорогу, проще сразу насадить себя на клинок. Так смерть будет более быстрой и легкой...

– Вперед. Насаживайся, – не стал его переубеждать Альберт.

– Сейчас, сейчас... – Батури снял с пояса трехгранный стилет и воткнул себе в живот. Нахмурившись и недовольно посмотрев на лезвие, опять всадил в себя оружие... – Не помогает, – резюмировал Высший. – Может, проще всадить клинок в нее? – Клавдий указал острием в сторону Анэт.

– Лучше попробуй серебро, – посоветовала возникшая из ниоткуда верховная жрица и швырнула к ногам вампира точную копию его стилета, но выполненную из чистого серебра.

– Поаккуратнее с безделушками, – оскалил ехидную улыбку Высший, но подобрал клинок и, оценивающе оглядев его, вложил в ножны взамен старому. – Скрытых магических свойств в нем нет? – поинтересовался чуть позже.

– Не больше, чем в твоём, – холодно ответила Агнэс. Присутствие в сердце Храма нежити немало раздражало ее, но она решила помочь мальчишке и должна довести дело до конца. А после вышвырнет всех немертвых и полуживых к фоморам²³.

– Думаю, этот кинжал тоже мой, – не то спросил, не то констатировал Высший.

– Думай, – отмахнулась жрица. – Я заберу его тогда, когда посчитаю нужным.

– Даже так? – сделал удивленный вид Батури. – Тогда оставь эту игрушку себе. – Вампир попытался вытащить из ножен клинок, но из этого ничего не получилось. Серебро словно приросло, слилось с ножнами в одно целое – даже нечеловеческая сила не помогла Высшему справиться с задачей. – А, Длиннорукий с тобой, немертвая, – отмахнувшись, бросил бесполезное занятие Клавдий и сел на пол, прислонившись спиной к стене.

– Как Сандро? – нашел в себе силы, чтобы спросить, Альберт.

– Мальчик серьезно ранен и потерял немало крови, но жить будет. Он на удивление силен и упорен в своих стремлениях.

– Скорее упряй, – обронил Клавдий. – Сделали бы так, как предлагал я, и ничего подобного не случилось.

– Но случилось, поэтому заткнись, – не стерпел друид и, сменив тон беседы, обратился к жрице: – Агнэс, когда мы сможем выступить? Время не ждет.

– И я о том, – поддержал Батури.

– Уже скоро. Альберт, мне надо переговорить с тобой. С глазу на глаз.

– А вот секреты внутри команды мне не нравятся, – нахмурился Батури. – Как же мы будем доверять друг другу, храня тайны?

– Тебя эта тайна не касается, – холодно выговорила Агнэс, и от ее тона поежился даже

вампира. Жрица указала Трисмегисту рукой в сторону, и они вместе проследовали в указанном направлении, не замечая ни стен, ни преград.

С их уходом Батури облегченно вздохнул: он уже и сам устал от роли язвительного и безразличного монстра. Но никто не должен знать, что творится у него внутри, никто не должен видеть эмоций, которые переполняют замерзшее сердце.

* * *

– Мы спасли одну душу, но погубили тысячи, – без предисловий начала Агнэс.

– Не понимаю, о чем речь.

– Черный мор вышел за пределы Бленхайма, и огнем его уже не остановить. Мы породили хаос и смерть, беспредельный хаос и тысячи смертей.

– Высокая цена, – холодно согласился Трисмегист. – Но люди должны ее заплатить.

– Ты сгреб жар моими руками и сделал меня воплощением смерти, – без каких-либо чувств и эмоций выговорила Агнэс, но в этой опустошенности читалось желание умереть повторно – лишь бы не быть свидетельницей того, что должно произойти. – Не понимаю, почему Серапис согласился помочь тебе.

– Он смотрит в века и видит дальше, чем ты. Если он рассудил так, значит, тому и быть, – утешал Альберт, но от его утешений не становилось легче.

– Так тому и быть... – задумчиво повторила Жрица. – Твой воспитанник проснулся. Пришел час расставания, – грустно улыбнулась послушница Сераписа, но вуаль, которую она обязана была носить не снимая даже после смерти, скрыла ее улыбку.

– Спасибо, Агнэс, спасибо тебе за помощь и... И прости. За все, – будто мальчик, сбивчиво изъяснялся Альберт.

– Ты уже прощен.

Трисмегист больше не сказал ни слова. Несколько мгновений простоял без движения, лишь безуспешно пытаясь взглянуть в черты давно знакомого лица и не веря, что в ее смерти виновен он сам. Так же без слов Альберт опустил взгляд и пошел в обратную дорогу, где его ждали вечность и давние обеты.

* * *

Сандро очнулся от сна отдохнувшим и полным сил. Он витал в магическом потоке, который бодрил и снимал усталость, но стоило ему проснуться – и Исток плавно опустил его на пол. Сандро поклонился, благодаря магию Сераписа, мощи которой нет предела. Было даже удивительно, почему Храм пал под оружием черни, но сейчас не время копаться в пыли истории: ждут настоящее и будущее.

Уверенной походкой некромант вышел в единственную в зале дверь, предчувствуя долгие блуждания по лабиринтам бесконечных коридоров. Но предчувствия не оправдались. Довольно быстро он вышел в небольшую комнату, где его уже ждали Клавдий и Альберт. Приглядевшись, он заметил еще две фигуры, застывшие в углу. Двух девушек, ради которых он рисковал жизнью. Без промедлений он прошел к той, что украла покой.

Энин лежала без сознания. Сандро наскоро осмотрел ее, переживая, что в нее могли угодить стрелы защитников крепости. Но девушка была цела.

– Как она? – на мгновение оторвавшись от осмотра, спросил Сандро то, что должен был спросить прежде всего.

– Сумасшедшая, – развел руками Батури, будто не понимая, о ком идет речь. – Молится без конца, утомила уже. Может, покончить с ее причитаниями раз и навсегда? – сверкнул клыками Высший.

– Плохо, – ответил Трисмегист, не обращая внимания на выходку вампира. – Эликсир

медленно, но уверенно пожирает ее жизненные силы. Она еще борется. Но если ничего не изменить, тьма победит. И еще... – Альберт понизил голос, переходя на едва слышимый шепот: – Она больна чумой.

– Как это произошло? – Сандро не верил тому, что слышит, но не показывал рвущих изнутри эмоций. Он должен быть сильным: ведь от его решений зависит уже не только его судьба.

– Магия, – коротко ответил Трисмегист.

– И что теперь делать?

– У меня есть ответ на этот вопрос, – вмешался в разговор Клавдий. – Всего один укус – и эликсир, а разом с ним и болезнь, будут бессильны.

– Только посмей – и я превращу тебя в пепел, – прошипел, будто разъяренная кобра, Сандро. – Прикоснись к ней хоть пальцем – и ты не жилец.

– Какой грозный, – расхохотался Батури. – Мое дело правое – предложить. Остальное на ваше усмотрение.

– Альберт, что скажешь? – с надеждой посмотрел на своего наставника чародей.

– Не знаю, Сандро, – покачал головой друид. – У нее нет шансов.

– Не верю! – злобно выкрикнул юноша, сам не зная, кому адресована его злоба. – Она будет жить...

– Всего один укус, – напомнил Высший, чем вызвал новый приступ праведного гнева:

– Бездушная тварь, ты хоть знаешь, что такое «любить»?

– Ты будешь удивлен, но знаю.

– Тогда помолчи и не мешай. Мне нужно время, чтобы придумать способ ее спасти.

– У нас нет времени, – поторопил Альберт.

– Пока я не буду знать, что Энин ничто не угрожает, я не сдвинусь с места.

– Агнэс не позволит тебе остаться, – попытался переубедить Альберт. Он понимал, что каждая минута на счету, и если помедлить сейчас – завтра умрут все.

– Мальчик и девушки могут остаться, но кровосос и убийца, пусть и раскаявшийся, должны покинуть Храм, – вынесла свой вердикт верховная жрица. Она знала все, что происходит в ее обители, и ничего от нее нельзя было скрыть. Она появлялась тогда, когда надо ей, и не показывалась, когда это было лишним. Но контроль не прекращался ни на мгновение.

– Мы уйдем все, но при одном условии... – Сандро старался быть твердым и хладнокровным. Это получалось с трудом, но получалось.

– Условия здесь ставлю я, – не согласилась жрица, даже не выслушав предложения чародея.

– Спаси ее, – с отчаянием в голосе попросил Сандро, и от его хладнокровности не осталось и следа. – Позволь Истоку избавить ее от болезни и выпитого эликсира.

– Я не позволю ей приближаться к Истоку. Ее душа темна, как полуночный мрак. Своим злом она осквернит его.

– Иначе она умрет! – вспыхнул Сандро, но быстро взял себя в руки, чтобы не продолжить истерики.

– На все воля Сераписа, – пожала иллюзорными плечами Агнэс.

– Твоя душа еще темнее, чем у Энин. А твой бог не добрее, раз допускает подобное в своем святилище.

– Не тебе учить меня, мальчик. Каждый из нас защищает свои интересы и не отступится от них ни на шаг.

– Я просто хочу жить, жить рядом с ней и знать, что нашей любви ничто не угрожает.

– Ты уверен, что она пожелает жить с тобой? А любить.... Она уже не способна любить: ее душа погрязла во Тьме.

– Быть может, и так, но я знаю, насколько тонка грань между добром и злом, между Тьмой и Светом. Позволь ей пройти очищение – и я сделаю все возможное, если придется, то пожертвую жизнью, но научу ее добру.

– Я верю тебе. – Жрица снисходительно прикоснулось к плечу некроманта, и он почувствовал не теплую ладонь, а мертвецкий холод. – Ты готов пожертвовать всем, лишь бы девушка не пострадала. Теперь мне понятно, почему Исток принял тебя: твоя любовь держит тебя на стороне Света. Умрет она – умрет и Свет в тебе.

– Значит, ты разрешишь ей очиститься? – почувствовав, что цель близка, жадно спросил Сандро.

– Прости, но нет. Я не имею права рисковать.

– Что? Что мне сделать, чтобы ты выполнила мою просьбу?!

– Спаси ее сам. Она – твоя ноша, не моя.

– Хорошо, – холодно выговорил Сандро. – Она будет жить, поможешь ты мне в этом или нет, но она будет жить...

– Иди. У тебя и у тех, кто тебе доверился, уже нет времени.

– Спасибо за помощь. Несмотря ни на что – спасибо.

– Спешу, – протягивая Сандро посох с изголовьем в виде разъяренной кобры, поторопила Агнэс. – Посох поможет тебе найти выход из Сераписа. Спешу.

Сандро принял Змеиный крест и учтиво поклонился, после чего посмотрел на своих друзей, а если не друзей – то на тех, кто разделит с ним путь. Если он помедлит, их жизни окажутся под угрозой. Если уйдет, Энин не выжить... Надо было решить, что делать, решить немедленно. И Сандро решил. Сегодня он покинет земли Аргануса и уже никогда сюда не вернется, даже если для этого придется пожертвовать жизнью. Но сделает это лишь тогда, когда будет уверен, что Энин не угрожает гибель.

– Наставница Агнэс, мне нужны клубни мандрагоры и цикория, лепестки трехцвета, олово, ртуть, медь, свинец и место, где бы я мог заняться алхимией. Это возможно?

– Что ты задумал? – вопросом ответила жрица.

– Ты сказала, чтобы я спасал Энин сам. Именно этим я и займусь.

– Сколько тебе понадобится времени?

– Три, от силы четыре часа, – на мгновение задумавшись, ответил Сандро.

– Хорошо, – согласилась Агнэс. – Все необходимое, включая парилки, реторты и другой инструментарий, ты найдешь в библиотеке. Туда тебя проведет твоя знакомая – Эллин. Она же даст тебе нужные ингредиенты.

– Благодарю, наставница. Можно ли Альберту пойти со мной? Его помощь будет не лишней.

– С тобой пойдут все, – копнула глубже верховная жрица. Сандро хотел опротестовать ее решение, объяснив это тем, что другие будут мешать, но, подумав, оставил слова при себе. – У тебя три часа – и ни мгновением больше. Это не моя прихоть. Дальнейшее твое пребывание в Храме ставит под угрозу нашу безопасность.

С этими словами Агнэс растворилась. Эта ее привычка – появляться и исчезать без предупреждения – сильно напоминала Сандро давнюю привычку Трисмегиста. Для чародея эти две персоны были в чем-то похожи, но Сандро так и не смог определить, в чем именно.

– Опять задерживаемся... – недовольно пробурчал Батури.

– Ты можешь идти, – резко ответил Сандро.

– Освобождаешь меня от обета? – сверкнул глазами вампир.

– Нет, но права уйти у тебя никто не забирал. Ты волен решать, остаться и делать так, как говорю я, или уйти и умереть, если с девушками что-либо случится и ты не попытаешься их защитить.

– Великолепный выбор! – усмехнулся Батури. – Я остаюсь, но у меня нет желания сойти с ума, как и эта ущербная, – мотнул вампир головой в сторону Анэт. – А если она продолжит свои сумасшедшие молитвы, то мы все рискуем уподобиться ей.

– У тебя есть предложения, как этого избежать? – раздраженно поинтересовался Сандро.

– Я его уже озвучивал, но за это меня обозвали бездушной тварью.

– Потому что ты и есть бездушная тварь, – огрызнулся чародей.

– Ты думаешь, вампиры бездушны? – спросил Батури и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Только Высшие знают, где начинается и где заканчивается душа вампира. Она у нас есть. Но магия крови загнала ее в глухой угол, сделала слабой и немощной. Мы чувствуем, мы способны даже любить... но не пылать от любви... – понижая голос, будто вспоминая о старых ранах, выговорил Клавдий.

– Постой, – задумчиво протянул Сандро. – Ты умеешь пользоваться магией крови, а значит, и манипулировать душами?

– К чему ты клонишь? – не сразу понял Клавдий.

– Загони дух Черной Вдовы так глубоко, как только можно – так, чтобы она никогда не смогла продрасться к сознанию Анэт.

– К чему мне это? Я могу почти любого превратить в марионетку, загнав его сознание в глухой угол, но сталкиваться с двудушными мне не приходилось. А лезть на территорию Черной Вдовы – самоубийство. На такую глупость я не пойду.

– Ты клялся помогать ей, – напомнил чародей.

– Нет, – покачал головой Батури. – Я клялся не помогать, а защищать. Вдова же ей не угрожает.

– Пока, – уточнил Сандро. – Но что будет, если Вдова проснется тогда, когда тратить на нее время будет опасно тебе самому? Ты обещал защищать девушек даже ценой своей жизни. Не лучше ли заранее побеспокоиться о собственной безопасности?

– Хм, ловкач! – усмехнулся Клавдий. – И вроде все верно говоришь, но лезть на рожон заранее неохота.

– Так будет проще не только нам, но и тебе, – уговаривал Сандро, и Клавдий наконец сдался:

– Я сделаю все, что в моих силах. Но если почувствую, что Вдова сильнее, умою руки.

– Иного я и не ожидал, – признался чародей. – Действуй.

Клавдий, не размениваясь на слова, подошел к Анэт и грубым движением отдернул ее от сестры. Сандро хотел было вмешаться, чтобы поумерить пыл вампира, но все же решил предоставить его самому себе. Батури силой заставил Анэт посмотреть в его глаза. Девушка сопротивлялась, пыталась отвести взгляд, кричала и вырывалась, но вампир, единожды поймав жертву в сети своего взора, уже не отпускал. Анэт расслабилась и повисла на руках Клавдия. Вампир аккуратно уложил ее на пол и склонился над предметом своей магнетической волшбы. Он не говорил ни слова, не читал заклинаний, не выводил сигиллов и других магических знаков – он просто смотрел в закатившиеся глаза своей жертвы. И казалось, будто ничего не происходит, а Клавдий лишь издевается над зрителями, но вскоре ситуация изменилась. Анэт забилась в конвульсивных припадках, начала царапать камень пола, ломая ногти и раздирая плоть до крови. Она выкрикивала проклятья и бранилась, но ее голос был чужим и принадлежал скорее изгоняемому духу, нежели самой Анэт. Сандро спокойно наблюдал за разворачивающейся картиной. Если девушка освободится, дорога станет проще, если умрет – проще вдвойне, но Сандро предпочитал, чтобы случилось все же первое. А сейчас ему ничего не оставалось, кроме как смотреть и надеяться на лучшее. Вампир, ни на секунду не отводя взгляда, упорно всматривался в глаза девушки, но казалось, что в саму душу. Батури копошился в самом сокровенном, что есть у человека, как на полках шкафа, выворачивая содержимое наизнанку и запихивая обратно, но уже в своем, определенном им самим порядке. И эти перестановки дали результат. Анэт стала успокаиваться. Медленно, но верно Батури побеждал в схватке со Вдовой.

Эллин, которая должна была провести гостей Храма в библиотеку, появилась в самое неподходящее время, когда травля Черной Вдовы и освобождение одержимой от чужого воздействия подходили к своему завершению. С криком: «Я не допущу темного колдовства в стенах Храма», – жрица бросилась к Батури. Оборвать его ментальную связь с Анэт сейчас означало лишь усугубить и без того тяжелое состояние одержимой. Не раздумывая, Сандро скользнул в потустороннюю сферу, лишив свое тело души, и, став духом наподобие самой жрицы, преградил ей путь.

– Не тронь его, иначе твоя сущность пополнит число тех, кого сковал в себе Змеиный крест, – пригрозил Сандро, поигрывая в руках посохом. За его спиной возник Трисмегист, сложив руки на груди, но уже приготовившись к нападению.

Угроза подействовала. Эллин остановилась, не успев помешать вампиру, но в тот же миг воззвала к своим сестрам. Духи появились из ниоткуда, будто они были здесь и раньше, но не раскрывали своего присутствия.

– Сказанное ранее касается всех, – очертя посохом собравшихся, прошипел, точь-в-точь копируя змеиное шипение, Сандро. Его по-кошачьи зеленые глаза излучали свет и всех, кто попадал под их сияние, охватывали паника и страх. – Идите туда, откуда пришли, и не возвращайтесь, пока душа одержимой не будет спасена! – Призрак некроманта обводил взглядом каждую жрицу, и они исчезали одна за другой, не в силах устоять перед леденящим взглядом.

– Остановись, – не то попросила, не то приказала Агнэс.

Сандро встрепенулся, будто просыпаясь ото сна. Свет его глаз померк, а ненависть и злость, которые обуяли его минутой раньше, отступили.

– Простите, наставница, – чувствуя безмерную вину в том, что совершил, искренне извинился Сандро. – Я не хотел, но мне пришлось защищаться...

– Объяснения лишни. Никому не позволено прибегать к темной магии в стенах Храма. Ты и твой друг нарушили законы этого места и должны уйти. Немедленно.

– Наставница, прошу, дайте мне хотя бы те ингредиенты, о которых я просил.

– Ты их получишь. Но как только они будут у тебя, вы уйдете.

– Благодарю, – поклонился Сандро и только сейчас заметил под ногами собственное тело.

Агнэс вновь растворилась, чтобы вскоре вернуться с реактивами для опытов некроманта. Тем временем Сандро вернулся в свое тело. С каждым разом переход из одной сферы бытия в другую давался все проще, но Альберт еще ранее говорил, что это опасно, и, пройдя один раз, обратно можно не вернуться. Сейчас Сандро вернулся в мир живых с удивительной легкостью, но придавать этому значения не стал. Для этого просто не было времени.

Чародей подошел к сидевшему рядом с девушкой вампиру. Анэт лежала без сознания, Клавдий был при памяти, но выглядел весьма потрепанным и ослабевшим.

– Как успехи? – садясь рядом с Высшим, поинтересовался Сандро.

– Неплохо, – улыбнулся Батури. – Даже лучше, чем я думал. Что будет со второй? Теперь ты не сможешь поставить опыты.

– Смогу, – опроверг Сандро заблуждения вампира, – только сделаю это чуть позже, когда мы будем вне Храма.

– Рискуешь, – был немногословен Клавдий.

– Рискую, – согласился Сандро. – Но иного выхода нет. Я не могу дать ей погибнуть. Ты тоже.

Вампир ничего не ответил – лишь прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

– Спасибо тебе, – неожиданно выпалил Сандро.

– Проснется – сама поблагодарит.

– Нет. Спасибо тебе за то, что дважды спас мне жизнь. До этого момента у меня не было возможности поблагодарить.

– Не стоит благодарностей, – не открывая век, обронил Батури. – Позже расквитаемся.

– Не хочу прерывать столь трогательный момент, но вам пора, – вернулась с пустыми руками Агнэс. Ответив на немой вопрос Сандро, она добавила: – Вещи найдете у выхода из катакомб.

– А что насчет проводника? – поинтересовался Батури.

– Я знаю дорогу, – уверил Трисмегист.

– Тогда в путь, – не стал задерживаться в недоброжелательной обители Сандро.

Вампир сам с трудом поднялся на ноги, но все же взвалил на себя Анэт. Его примеру

последовал и Сандро, взяв на руки свою возлюбленную.

– Не серчай, если что, – обронил Батури, глядя на призрачное лицо, скрытое за вуалью. – И до встречи.

– Надеюсь, не скорой, – беззлобно ответила Агнэс. – Удачи вам в пути.

– Всего доброго, наставница, – попрощался Сандро.

– Прощай, Агнэс, – простился Альберт и, не дожидаясь ответа, поплелся впереди группы, указывая спутникам верную дорогу.

Путь из плена начался, но Сандро еще не знал, что часть армии Аргануса, в которой верховодил Сиквойя, уже зашла вперед и преградила подступы к границе, а другая армия, которой руководил сам Фомор, выступила ей навстречу.

Их ждало нелегкое путешествие.

Глава 27 Бегство

*...Море мертвое выйдет из зимы Хель
И утопит славу Валлийскую,
В клочья порвет,
Завяжет сетями,
Кинет останки
В свою утробу.
Море мертвое выйдет из зимы Хель,
И свершится то, что предначертано в Эддах.
Эпир резал руны.
Эпирская надпись*

Без сна и усталости, без конца и начала мерно двигалась мертвое море, в котором водой стали скелеты и зомби, а солью – оружие и доспехи. Арганусово воинство под предводительством Сиквойи маршировало, заняв все пространство единственной дороги, которая соединяла Бленхайм с другими областями Хельхейма. Мертвые двигались уверенно, но не спеша, словно шли они не на войну, а на прогулку.

За шествием наблюдал Батури, спрятавшись у обочины в зарослях кустарника с красными, словно кровь, шипами. Он и его спутники уже второй день продирались через заросли хельхеймского терна, не решаясь спуститься ниже к дороге, чтобы не быть замеченными армией нежити. А бесчисленный легион мертвых и не думал заканчиваться: казалось, он бесконечным потоком будет выходить из Бленхайма до самого скончания веков. Сперва Сандро хотел обогнать неуспокоенных и как можно скорее прорваться к северной границе, но сегодня стало ясно, что это не удастся. Тогда было решено ждать, пока армия Сиквойи не пройдет дальше и не откроет проход. На решение повлиял и тот факт, что Энин и Анэт были слишком слабы, чтобы передвигаться самостоятельно, а тащить девушек на себе было делом изнурительным если не для Клавдия, то для Сандро – точно.

С появлением времени юный некромант начал готовить зелья, которые позволят Энин прийти в себя после заражения черной смертью и снимут действие эликсира бессмертия. Батури следил за легионом мертвых и ждал, когда он иссякнет, чтобы сообщить об этом остальным. Но что-то во всем их побеге не нравилось Клавдию – он не мог уловить, что именно, но странное предчувствие не давало покоя...

Сиквойя был в Бленхайме чужаком и не знал тайных ходов и лазов, которые вели к замку, считал, что центральная дорога – единственная возможность подобраться к крепости. Он ошибался. Батури, обучаясь в Бленхайме более двадцати лет, успел изучить прилегающую местность, как свои пять пальцев. И знал каждый куст, каждую тропинку, каждый выступ, грот, впадину. Поэтому ему казалось странным, что Сиквойя не позаботился о том, чтобы

разослать разведывательные отряды, которые оповестят основные силы в случае опасности. Напрашивалось всего два вывода: то ли некромант знал, что вблизи Бленхайма его армии ничто не угрожает, то ли был слишком уверен в собственной непобедимости. Удивляло Батури и то, что Д'Эвизвил не искал беглецов. Он никак не мог поверить, что Арганус даст им уйти безнаказанно. Это казалось неправильным, обманным.

Тяжкие думы не давали ему покоя. Клавдий погрузился в них с головой и чуть не оставил без внимания едва слышимый шорох позади себя. Батури быстро, но без лишнего шума развернулся и настороженно посмотрел в глубь зарослей. Спустя мгновение он увидел то, что и ожидал увидеть. Зомби. Сиквойя все-таки позаботился о безопасности. И сделал это в самый неподходящий для беглецов момент. Это была ловушка, не иначе.

Легким шагом Батури упокоил немертвого, но за первым зомби показался второй, за ним – третий. Все они – без особых магических усилий – повторили судьбу предшественника, но выполнили возложенную на них роль – стали сигналом, который раскрыл убежище вампира. Некромант-полководец чувствовал всех своих подопечных, контролировал каждого из них. Стоило Клавдию разорвать связь между рабами и хозяином – и Сиквойя узнал, где скрылась его цель.

В одно мгновение мертвое море изменило свое русло – потекло в направлении того, кто ворожил. Батури слишком поздно понял свою оплошность: нельзя было разрывать связь, нельзя было упокаивать немертвых – надо было заморозить их, погрузить в магический анабиоз или навести заклинание оцепенения. Но для самобичевания не осталось времени, а тратить драгоценные мгновенья на ненужные выдумки, которые уже ничего не изменят, Клавдий не собирался. Метнув на прощанье огненный шар в приближающиеся скелеты, он сломя голову помчался к своим спутникам. Но вампир еще не знал, что опоздал с предупреждениями.

* * *

– Что посоветуешь? – спросил Сандро у пустоты.

– Не могу и представить, чем тебе помочь... – обреченно выдохнул Альберт. – Излечить чуму невозможно.

– Знаю, – отвернулся юноша, будто видя своего собеседника. – Но кто раньше мог сказать, что избавиться от магии хозяина реально, а заставить расти мертвое – возможно? Да, я не смогу излечить чуму, но сумею ее остановить. Эликсир «недоросли» сделает это лучше любого лекарства, но что делать с эликсиром бессмертия?

– Возможно, поможет промывание желудка? – предположил Альберт, и, будь у Сандро такая возможность, он бы обязательно отвесил духу затрещину.

– Все гениальное просто... Но ты не мог предложить этого раньше? Сейчас уже поздно! – не сдержавшись, повысил голос некромант, но, быстро взяв себя в руки, продолжил уже спокойным тоном: – Есть другие предложения?

– Есть, – без промедлений ответил Альберт. – Создать эликсир жизни...

– Значит, предложений нет, – не дав духу договорить, резюмировал Сандро, помня о том, что философский камень смог сотворить только Амагрин Овен, а сейчас верховный друид так же недостижим, как звезды. – Ладно, для начала разберемся с чумой, а дальше что-нибудь придумаем.

Решив не тратить время на аккуратность, Сандро вытряхнул на землю содержимое тюка, который, как и обещала Агнэс, он нашел на выходе из катакомб Сераписа. Верховная жрица не поскупилась – с излишком дала каждого из ингредиентов, мало было только металлической ртути, но в эликсире «недоросли» она не использовалась, а в том, что она вообще пригодится, юный алхимик сомневался. И вообще, говоря о ртути, он имел в виду совсем не ту, которую дала Жрица. Да и ладно. Зато Агнэс выделила немало инструментария, а в сложившейся ситуации он был куда важнее. Сандро осмотрел свои

новые рабочие принадлежности и остался довольным: петли, газопроницаемые и герметичные пробки, шпатели, бусины, спиртовка и даже стеклянные пробирки – как они не разбились, когда их вытряхивали из тюка, осталось загадкой, – тут было все, что могло пригодиться в опытах.

Разложив все в понятном ему одному порядке, Сандро принялся за работу. Пройдя по ближайшим кустам и насобирав опавших листьев и сучьев, развел небольшой огонь. Тут же зачаровал пламя, чтобы оно не выдало беглецов ни дымом, ни треском, а заодно и горело достаточно долго. Из веток повыше и покрепче Сандро сделал треногу и кое-как приладил к ней железный чан с неглубоким дном. С припасами дела обстояли неважно – спонтанное бегство не дало провести необходимые сборы. Несмотря на это, Сандро не поскупился и влил почти все запасы воды в чан, после чего щедро сыпанул туда сушеного трилистника. Пока отвар закипал, алхимик мелко порубил клубни цикория и мандрагоры и ссыпал их в стальную ступку. Затем растолок порубленные куски, добившись того, чтобы они превратились в однородную кашу, и залил их остатками воды. Смесь получилась желтовато-зеленого цвета. После выпаривания, лишившись части свойств, она изменит свой цвет на ярко-зеленый, а после смешивания с трилистником станет еще более яркого оттенка.

Делая зелье, Сандро надеялся нигде и ничего не упустить, работал аккуратно, не спеша. Когда-то он знал пропорции наизусть и смог бы сделать эликсир «недоросли» даже с закрытыми глазами, но с того времени, когда некромант готовил зелье в последний раз, прошло уже три года, и знания несколько потускнели, размылись. Сложившаяся ситуация заставила вспомнить старые формулы, но изготовление зелья затянулось.

– Альберт, найди еще воды и шиповника, – попросил Сандро, почувствовав, что закончит еще не скоро. – До приема эликсира «недоросли» сделаем промывание. Оно, конечно, не поможет, но и хуже не сделает. А фортуна может и улыбнуться.

Дух скрылся, ничего не ответив. Можно было бы подумать, что друид даже не услышал слов некроманта, но Сандро уже научился чувствовать, когда Трисмегист находится рядом. Даже не видя своего наставника, юноша различал, когда он на него смотрит, а порой и угадывал, где находится мастер.

Сандро вернулся к своим изысканиям. Отвар трилистника уже закипел и был немедленно снят с огня. Алхимик поставил кипятиться смесь цикория и мандрагоры, обдумывая и сопоставляя необходимые пропорции.

Протопин, содержащийся в цикории, подобно наркотику, замедлит сердцебиение. Используя его в опытах, главное не перестараться, чтобы ненароком сердце не остановилось, но замедлилось настолько, насколько это возможно. Сок мандрагоры был, в принципе, не так уж необходим, но он усилит необходимые в зелье свойства цикория и ослабит ненужные. Но и в этой подборке важно не ошибиться, чтобы мандрагора не изменила своих свойств и не начала вызывать «галлюцинации наяву»...

Однажды во время опытов у Сандро дрогнула рука, и он влил в отвар трехцветного слишком много мандрагоры. Чтобы не тратить понапрасну ингредиенты, он накипятил новую порцию трилистника, но случайно ошибся с пропорциями. Эффект от зелья оказался весьма необычным. Целый день Сандро проходил, будто в трансе, часто на него накатывались видения, то появлялись, то исчезали незнакомые люди. И все происходило настолько явно, что казалось – они рядом, они есть. А потом люди растворялись. Им на смену приходили другие. К вечеру стал изменяться и замок. Он превращался то в лес, то в пустыню, то в одинокие кельи, в которых томились неизвестные Сандро наложницы. Девушки разговаривали с ним, рассказывали о своих бедах, о том, как родственники отказались от них и продали в рабство некроманту. Только через год после этого Сандро познакомился с Анэт и Энни и узнал, что и до их появления в замке у Аргануса были наложницы. С того момента прошло уже четыре года, но Сандро до сих пор не мог понять, видения прошлого приходили к нему в тот день или же плоды больного, подверженного галлюциногенному наркотику воображения.

Сандро снял с огня закипевшую кашу и замер. Он явственно почувствовал на себе чужой взгляд. Упорный, но неуверенный, испытывающий, но смущенный. Без труда Сандро определил, кому он принадлежит. Энин не могла так быстро оправиться от принятого эликсира бессмертия, зато Анэт от ворожбы вампира – легко.

– Как самочувствие? – не оборачиваясь, спросил Сандро. Анэт, не ожидавшая, что про ее пробуждение известно, замялась и ничего не ответила.

– Как самочувствие, спрашиваю? – повысил голос некромант.

– Хорошо... – растерянно ответила девушка. Сандро услышал за своей спиной сперва неловкое копошение, а затем шум шагов, который затих в паре метров от него. Анэт застыла, не шевелясь, нависла над некромантом, пытаясь разглядеть, чем он занят.

– Что стала столбом? Не мешай! – раздраженно рыкнул алхимик. Он ненавидел, когда стоят над душой и из-за спины наблюдают за его работой.

– Прости, я не хотела мешать. – Анэт шаркнула на несколько шагов назад. Сандро резко обернулся и посмотрел на нее разгневанным взглядом:

– А чего хотела? – выронил он, чувствуя, как закипает. Сандро не мог не проявлять своей неприязни к той, которая своими нелепыми выдумками разрушила его мечты.

– Поблагодарить, – замялась девушка. – И извиниться...

– Благодарю, только быстро. Как видишь, я занят. А свои извинения оставь при себе.

– Я позже...

– Как знаешь, – пробурчал Сандро, возвращаясь к работе над зельем.

Смесь закипела. Несколько минут алхимик ничего не предпринимал. Когда почувствовал, что клубы выпарились достаточно, снял загустевшую кашу с огня и поставил остывать.

За работой остыл и сам Сандро. Первый гнев на Анэт угас, и юноша, повернувшись, спросил у новообращенной спутницы:

– Не обижаешься за то, что накричал? – Девушка замотала головой. – Вот и правильно, – одобрил Сандро. – Нам уготована неблизкая дорога, так что пора тебе привыкать к моему обществу.

– А куда мы идем? – глупо спросила Анэт.

– Сядь, – приказал Сандро: ему надоело смотреть на собеседницу снизу вверх. Девушка незамедлительно выполнила указание. – Убегаем из Хельхейма. К северной границе.

– Убегаем? – удивилась Анэт. – Но нас выследят и убьют.

– Пока не выследили, – улыбнувшись, констатировал известный факт некромант.

– А где Энин? – деланно, будто не озабочилась осмотром раньше, заозиралась девушка, выискивая сестру.

– Там спит. – Сандро мотнул головой в сторону терновых зарослей и добавил: – Пока спит – не беспокой.

– А когда проснется? – Анэт вытянула шею, чтобы убедиться в том, что Энин действительно там, куда указал некромант.

Сандро чуть не вспыхнул и не ответил: «Никогда!» – но вовремя взял себя в руки:

– Присмотрись, поднаберется сил, тогда и очнется. – Разговор не клеился и уже начинал бесить юношу, поэтому он незамедлительно сменил тему беседы: – Ты поблагодарить хотела – за что?

– За то, что избавил меня от ведьмацкого духа. Только сейчас понимаю, какие вещи творила. И помнится все, как во сне. Дымкой окутано. Долго он во мне сидел?

Сандро задумался. У девушки сильная воля, если она смогла перенести трехгодичную одержимость и не сойти с ума. Но как ей объяснить, что она провела в беспамятстве три года? Помнится, Альберт рассказывал, что бесноватые не помнят ничего, что с ними происходило. Анэт – помнила, хоть и размыто. Интересно, а о судьбе сестры она хоть догадывается? Почему не спрашивает, в каких лекарствах нуждается Энин? Ведь все это для Анэт должно быть загадкой.

– Значит, долго, – не дождавшись ответа, заключила она, но на этом не успокоилась: – Дни? Недели? Месяцы?

– Годы... – шокировал ее Сандро.

– Годы? – переспросила Анэт, не веря услышанному.

– Три года, – подтвердил юноша, и тут девушку прорвало:

– Пресвятая Симиона! – воскликнула она. – Три года проваляться беспамятной обузой! Быть безумным мясом!..

Сандро помрачнел. За три года он так и не решился довести экзорцизм до конца, натолкнувшись на упрямое нежелание Энин. Оставил свою затею. Он чувствовал свою вину в том, что одержимость Анэт продлилось столь долго. Хотя мог ли он совладать с духом, не повредив сознание девушки, раньше? Вряд ли. Но мог попытаться, даже несмотря на то, что Энин была против.

– Три года сестра со мной маялась. Выхаживала, лелеяла... – не останавливаясь, причитала Анэт.

А ведь Энин не маялась. Она и вовсе забыла про сестру, оставила все надежды на то, что к ней когда-нибудь вернется память, полностью погрузилась в изучение магии, искала спасения в ней, а помощи – у бессмертного Хозяина.

– Успокойся. – Испытывающим взглядом Сандро уставился на девушку. Сам того не желая, влился в ее сознание, силой заставил исполнить свой приказ. Анэт замолчала, замерла, глядя в глаза некроманта. – Дыши глубже. Все плохое позади. Дальше будет только лучше. Верь мне.

– Верю, – выдохнула девушка, расслабляясь. Напряженное волнение быстро растворилось в теплом чувстве защищенности, в твердой вере в слова мальчишки, уже выросшего за последнее время, возмужавшего.

– Расскажи, что случилось за то время, пока я... была одержима? – Последние слова прозвучали для самой Анэт дико – она до сих пор не могла поверить, что все приключившееся произошло именно с ней. Казалось, будто она наблюдала со стороны, за другой девушкой, которой сама не являлась, а мутные воспоминания лишь усиливали эту убежденность.

– Расскажу, но позже, – пообещал Сандро. – Я должен закончить зелье, чтобы напоить им Энин. Тогда и поговорим.

– А что с ней? – опомнилась девушка.

– Больна. Сильно. Обо всем – позже.

Сандро отвернулся и взял в руки ступку с остывшей смесью мандрагоры и цикория. Взяв весы и по унциям вымерив пропорции, сыпанул туда серы и капнул каплю алхимической меди. Затем влил туда же отвар трилистника и тщательно размешал. Закончил создание эликсира простейшей магической формулой, закрепляющей текущие свойства веществ, чтобы по прошествии времени они не ослабли.

К этому моменту вернулся Трисмегист. Воды он не принес, зато нашел источник, в котором можно было пополнить запасы. Не было при нем и плодов шиповника. В округе этого кустарника было предостаточно, но сезон плодоношения давно минул.

– Значит, промывание отменяется. – Сандро быстрым шагом пошел в сторону спящей Энин.

Но остановился на полпути: в одно мгновение им овладело чувство опасности. Настолько явное, что казалось – из-за ближайших кустов вот-вот вынырнет монстр. Сандро заозирался, пытаясь выяснить, что его тревожит, но ничего не заметил. Он сделал несколько аккуратных шагов вперед, словно идя по тонкому льду. Остановился и вновь огляделся. Все было тихо и спокойно. Ничто не предвещало беды.

Завидев неуверенность Сандро, Анэт поддалась его волнению.

– Что-то с Энин? – тихим шепотом спросила она, но юноша не проронил ни слова. – Сандро... ответ... – молила она, а чародей не обращал на нее внимания. Медленно, будто плывя над землей, вернулся к своему тюку и взял в руки посох. С оружием в руках он стал

чувствовать себя увереннее и защищеннее и не скрываясь, бодрой походкой пошел в сторону Энин.

Как ни странно, ничего неожиданного не произошло. Сандро подошел ко все еще не очнувшейся девушке, опустился рядом с ней на колени и, запрокинув ей голову, насильно влил в горло едко-зеленую жидкость. Энин напряглась, рефлекторно попыталась выплюнуть зелье, но Сандро сдал ей скулы, заставив выпить. Энин мелко задрожала, сжалась в комок, но вскоре расслабилась и задышала ровно.

Несколько секунд юноша смотрел на свою возлюбленную, так и не понимая, кого он на самом деле любит. Сейчас Энин спала, тихо, беззаботно. Сандро готов был смотреть на нее вечно, не отрываясь. Он мечтал наслаждаться ее спокойствием, ее красотой, хотел жить ради нее, и только ради нее. Но стоит ей проснуться, стоит заново начать свои бесконечные споры, язвительные выпады, стоит ей вернуться к темным изысканиям, которые обозлили ее на весь мир, сделали марионеткой в руках Аргануса, – как любовь меркнет. Он любил не ту Энин, которая была сейчас: он любил ее образ, оболочку, выдуманную им самим. Умом он это понимал, но сердце верило в то, что Энин станет такой, как прежде. Снова будет той доброй и наивной девушкой, которая, живя в ненависти, умела любить. И любила. Наверное. Сандро отдал бы все на свете – лишь бы Энин могла спать вечно, а он мог вечно сидеть с нею рядом и молча стеречь ее сон. Он бы ожил в ее сновидениях, стал бы ими, сам поселился там. Но...

Почему она не может спать вечно? Почему не может быть такой, какой бы хотел ее видеть Сандро? Почему она другая? Почему?

Казалось, он никогда не закончит задавать вопросы, на которые нет ответа, но его резко вырвал из задумчивости возглас Трисмегиста:

– Берегись! – прогремел в сознании Сандро его голос. Юноша резко обернулся и увидел несущейся на него меч. Он отпрянул в сторону, но уже не успел увернуться от удара.

Меч прошел вскользь, зацепив лишь правое предплечье и локоть. Лезвие разрезало ткань плаща, но навредить некромантским костям не сумело. Сандро ответил магией оцепенения. Скелет замер в искореженной позе, не в силах пошевелиться. В тот же миг за спиной послышался женский крик. Сандро невольно выругался: Анэт в опасности, но оставлять Энин одну нельзя. Чародей подхватил девушку на руки и побежал на крик. Одновременно он попытался телепатически дотянуться до Батури, сообщить ему об опасности и позвать на помощь, но кто-то блокировал магические потоки.

Время измерялось мгновеньями. Выбежав на поляну, на которой не так давно проводил опыты, Сандро увидел невеселую картину. Анэт стояла на коленях, закрыв лицо руками. Над ней возвышались два скелета. Один из них ударил девушку, и она упала навзничь, а второй уже занес меч для решительного удара. Не выпуская из рук Энин, Сандро при помощи стихийной магии заставил скелет с занесенным оружием замереть. Сперва с ним не случилось никаких видимых изменений, но позже на желто-белых костях проступила корка инея. Со страху перестаравшись, чародей заколдовал и второй скелет. Сандро облегченно выдохнул, посчитав, что опасность миновала, но из зарослей стали выходить все новые и новые неупокоенные. Им не было числа, справиться с ними, не упокаивая, не используя темной силы, было крайне сложно. Даже невозможно. Сандро не знал, что Батури, ошибшись, уже открыл их местонахождение, и планировал замести следы, не оборвав связи ни одного из немертвых с их хозяином.

– Посох! – окликнул Трисмегист, ведя по воздуху оставленное в зарослях оружие. Чародей аккуратно положил Энин на землю и, взяв посох, приготовился к защите. Сандро шагнул вперед, прикрывая собой обеих девушек. Скелеты, выбравшись на поляну, остановились, будто и не собираясь нападать. Их спокойствие немного обескуражило чародея: немертвые, получившие приказ убивать, должны делать это. Первая агрессия доказывала, что пленных брать никто не собирался, но почему неупокоенные медлят сейчас – оставалось загадкой. Возможно, получали новые приказы? Но Сиквойя не должен был знать о том, что сейчас приключилось, не должен был знать о разоблачении беглецов:

Сандро не оставлял ментальных следов на рабах некроманта. Обстановка накалялась. Немертвые стояли, не нападая, Сандро ждал, перепуганная Анэт подползла к Энин и тихо плакала за спиной чародея. Хотелось заткнуть ей рот, но юноша понимал ее состояние и не показывал своей нервозности: сейчас его спокойствие – такое же оружие, как и магия.

Один из скелетов сделал шаг вперед. Сорвавшись, Сандро напал. Едко-красное пламя окутало немертвого, пройдя и по рядам тех, кто стоял за его спиной, выжигая все на своем пути. Оголив мечи и клинки, перехватив алебарды и копья, неупокоенные ринулись в атаку, заходя полукольцом.

Сандро взмахнул посохом, вырисовывая рунические надписи, наугиз плавно перетек в кеназ и сменился халагазом. Аметистовые глаза кобры, венчавшей посох, загорелись ярко-красным огнем. Пассы, сделанные магом, надписи, которые он вывел, застыли в воздухе красными линиями. Сандро поставил точку в заклинании, начертав соуло²⁴, и в тот же миг поляна погрузилась в пламенное море, окуталась первозданным огнем, который выжигает все живое и неживое. В последний момент Сандро успел закрыть себя и девушек защитным коконом, но тот быстро истлевал, и приходилось тратить все силы на его поддержание.

Вскоре бушующее море огня, сменившись штилем, затихло, истаяло так же быстро, как было рождено. В округе не осталось ни одного скелета, но Сандро не сомневался – скоро от немертвых здесь будет не продохнуть.

Наскоро он собрал разбросанные им же самим алхимические принадлежности, сложил их в дорожную сумку, аккуратно, чтобы не просочилось ни капли, перелил эликсир «недоросли» в кожаную флягу и повесил ее себе на пояс.

– Возьми посох, – приказал он, взглянув на Анэт. Девушка не могла прийти в себя, сидела на коленях перед сестрой и ревела во все горло. – Успокойся! – рыкнул Сандро и, присев на корточки, отвесил Анэт пощечину. Девушка встрепенулась и посмотрела на обидчика глупым, непонимающим взглядом. Почувствовав, что не добился результата, Сандро отвесил новую пощечину. Анэт все еще плакала, но взгляд стал более осмысленным. – Посох возьми, – повторил требование чародей, и на этот раз его указание было выполнено.

– Идем, даст Симиона, не заблудимся. – Сандро закинул котомку за спину, взял на руки Энин и пошел в глубь зарослей. Он знал эти чащи, но чем дальше они были от замка, тем сложнее вытягивались из памяти воспоминания. Отходить от дороги было неразумно, но иного выбора не осталось. – Или другие боги, если их помощь будет надежнее... – едва слышно добавил чародей, надеясь больше на удачу, чем на знания.

* * *

Молнией домчавши до поляны, на которой не так давно расположился отряд беглецов, Батури не обнаружил ничего, кроме выжженной травы и груды обугленных костей. Он, будто охотничий пес, чуял приближающихся немертвых и понимал всю безысходность своего положения. И зачем он поклялся помогать живым? У них не осталось шансов на выживание теперь, когда многотысячная армия была на хвосте. Как просто было превратиться в летучую мышь и скрыться, но он обязан защитить двух сестер, если понадобится – ценой собственной жизни.

Выругавшись, Клавдий пошел по следу живых – следу крови, текущей в людских жилах. И он не сомневался, что не сойдет с пути.

– А мальчик не слаб, – усмехнулся вампир, оставив выжженную дотла поляну за спиной.

Глава 28

На краю жизни... и смерти

*...Море мертвое выйдет из зимы Хель,
Остановится на краю мира,
Глянет вниз,
Упадет водопадом,
Накроет волною
Людские земли.
Море мертвое выйдет из зимы Хель,
Трепещите же, люди, скор ваш конец.
Эпирская надпись*

Бежать! Бежать без оглядки, не останавливаясь! Бежать!

Колючий кустарник терзал плоть, раздирал ее до крови, изукрашивая рваными ранами. Сперва Сандро выжигал землю впереди себя и мчал по хрустящему под ногами пеплу, но магия забирала силы, которые сейчас были слишком важны, чтобы расходовать их впустую. Приходилось терпеть боль и прорываться через терн, не защищая слабую кожу. Как мог, он прикрывал Энин, но все его потуги не приносили особого результата. Кустарник делал свое дело и резал одежду и плоть, как ножом. Анэт бежала позади, и ей доставалось едва ли не больше, чем сестре. Отодвинутые некромантом ветки били по ней особо рьяно, шипы застревали в теле, цеплялись за ткань платья – неудобного для бегства платья, – мешали бежать следом. Постепенно Анэт стала отставать. Требование чародея поспешить не дало результата. Многогодичное заключение без всяческих физических нагрузок ослабило девичье тело, лишило его природной выносливости. Тяжелая дорога быстро выматывала, а надоедливый терн пожирал последние силы и веру в успех.

– Не могу больше... – выдавила сквозь стиснутые зубы Анэт и, выпустив из рук некромантский посох, упала на колени.

– Вставай! – взревел, останавливаясь, Сандро. – Не время разводить сопли.

Анэт послушалась. Сделав над собой усилие, поднялась на ноги и продолжила путь. Ради себя, ради сестры. Дикая гонка, забирающая все силы, вымела из души последние эмоции. Девушка бежала вперед, не обращая внимания ни на усталость, ни на боль: она превратилась в пустышку, у которой всего одна цель – переставлять ноги и делать это как можно быстрее. Анэт абстрагировалась от мира, не видела ничего вокруг себя, лишь бежала, бежала вперед и даже не надеялась на окончание гонки. Неожиданно она ударилась обо что-то и застыла на месте, не сразу сообразив, что напоролась на Сандро.

– Передохни, – позволил перевести дух некромант, но что-то в его голосе было не таким, как раньше: в нем явственно читались нотки страха и досады.

Заросли кустарника не давали ей разглядеть ничего, кроме спины Сандро, но она не обрадовалась, если б увидела то, что видел перед собой чародей.

Заросли кустарника резко заканчивались обрывом. Сандро, не выпуская из рук Энин, застыл на самом краю. Впереди, насколько хватало взгляда, раскинулся густой лес. Далеко внизу, в кронах деревьев, скрылось основание скалы. Всего один шаг мог превратить бегство в самоубийство. Всего один шаг... Вдали, возвышаясь над всем миром, стоял Бленхайм, и только угрюмый замок мог добавить уверенности некроманту, привыкшему подчиняться, и человеку, которому было чуждо рабство и покорность.

– Вправо, живо! – скомандовал Сандро и, поудобнее перехватив свою ношу, помчался впереди. Краем глаза Анэт заметила бездну, у которой они остановились, и сердце заколотилось быстрее. Девушка ничего не сказала: слова были лишними. В том, что ситуация стала безысходной, не оставалось сомнений. Но если уж судьбе угодно закончить жизненный путь Анэт сегодня, то, спорь – не спорь, будет так. Если же у богини другие планы насчет своей рабыни, то она покорно примет и другую участь.

– Не отставай! – подгонял Сандро, и девушка, вновь вырвав себя из мира, лишившись эмоций, понеслась вслед за некромантом, подстраиваясь под его скорость и ритм. Будь что будет.

С виду опасности не было, не было и преследователей, но чувство нависшей угрозы не давало покоя. Дорога пошла ухабами. Некромант бежал, спотыкаясь. Ноги скользили на мелком гравии, на котором, в принципе, не должен был расти терн, но он рос. Анэт не отставала – бежала за поводырем след в след. Некромантским посохом она пользовалась как щитом, закрывала им лицо, когда не успевала увернуться от терновых ветвей, но нередко шипы все же царапали нежную кожу.

Дальше дорога стала еще ужаснее. То тут, то там в земле появлялись трещины и провалы, мелкий гравий местами превратился в песок, местами его сменили валуны. Угодив в яму и едва удержавшись на ногах, Сандро перешел на шаг, но шел довольно быстро, срываясь, где позволяли редевшие заросли и выровнявшаяся дорога, на бег.

Как назло, куда-то запропастился вампир, задачей которого было отслеживать мертвых и сообщать об опасности. Предать он не мог, но брезгливо и неточно выполнять свою клятву – пусть и не по злему умыслу – было в его силах. Надеяться на Батури не приходилось: за века одиночества он привык заботиться в первую очередь о себе. Главное, чтобы не подвел в решающий момент.

Словно почувствовав, что его обсуждают, пусть и мысленно, из терновых чащоб выскочил Клавдий, едва не сбивая Сандро с ног.

– Плохи дела, – без предисловий выдавил вампир, облачиваясь, будто от усталости, руками о колени. – Сиквойя нас выследил. Его прихвостни идут со всех сторон.

– Не убежим, – мысленно вынес свой вердикт Сандро, но вслух сказал совсем иное: – Будем уходить. Остановимся, только если окажемся в западне.

– Мы уже в западне, – спокойным тоном изрек Батури, чувствуя в сложившейся ситуации и свою вину.

– Знаю, но... – Сандро едва заметно кивнул в сторону Анэт, давая понять, что не стоит раньше времени разрушать последние надежды. – Будем уходить.

– Поспешите, а я пока повоюю. – Батури скрылся в зарослях терна.

Не зная, какие планы роились в голове вампира и чем поможет его новобретенная отважность, да и не сильно задумываясь над этим – не до того, – Сандро продолжил бегство. Анэт, не нуждаясь в дополнительных указаниях, побежала следом.

В лицо хлестал колючий ветер, били острые, скрюченные к концам шипы терна. За спиной слышались шаркающие шаги Анэт – она уже устала, выдохлась – и дыхание неизбежной смерти. В воздухе повисла тяжелая пелена опасности. Грубой и неизбежной.

Погони не было видно, но Сандро чувствовал ее нутром, чувствовал, как на него смотрят сотни и тысячи горящих глаз, мечтающих об убийстве, жаждущих крови. Ожидание опасности стало нестерпимым. Уже казалось, что проще встретиться с врагов лицом к лицу, чем бегать от него. И эта встреча, наконец, произошла.

То ли Батури не уследил и не остановил скелеты, то ли их было слишком много, чтобы он совладал со всеми, но путь чародею преградили трое неупокоенных. Сандро резко остановился и медленно попятился назад. Не от испуга – от неожиданности. За время бегства он уже десятки раз прокрутил эту встречу, но, повстречав, растерялся, все заготовленные заклинания вмиг забылись, рассеялись, словно туман под лучами солнца.

За спинами трех мертвых возникли новые неупокоенные. Они не спешили нападать, будто чувствовали исходящую от некроманта опасность. Но этим тварям неведом страх, они умрут, не задумавшись, если так пожелает хозяин. Значит, хозяин не желал смерти беглецам. Этим можно было воспользоваться, но Сандро не был до конца уверен в своих рассуждениях.

Энин недовольно заерзала в руках некроманта, потянулась и открыла глаза. Сандро два дня только и мечтал о том, чтобы девушке стало лучше, чтобы она смогла прийти в себя и поговорить с ним, он хотел услышать ее голос, успокоить себя, узнать, что с ней все в порядке, – но сейчас все изменилось. Энин была слаба, объяснять ей что-либо не было времени.

– Где я?.. – Энин никак не могла сфокусировать взгляд. Голова кружилась от выпитых эликсиров и усталости. Тело саднило от многочисленных ран и ссадин, не слушалось. Энин не сразу и сообразила, что ее держат на руках. Спустя несколько мгновений мир прояснился, и девушка увидела перед собой некроманта: – Ты?! Но как? Где мы?..

– Сестра, все в порядке, он хочет помочь, – не дав Сандро обмолвиться и полусловом, вмешалась Анэт.

Юноша перевел взгляд с Энин на мертвых, с мертвых на Анэт, потом опять на застывших перед собой врагов. Вернул взгляд на Энин:

– Спи, – приказал некромант.

Девушка, против своих желаний, провалилась в глубокий, беспокойный сон. Это было неправильно, но тратить время на оправдания и споры не было возможности.

– Потом все разъяснишь сестре, – обратился он к Анэт.

Немертвые сделали шаг вперед. Сандро невольно отшатнулся. Где Батури? Почему его никогда нет, когда он нужен? Хотя появляться тогда, когда не ждут – тоже мастерство, которое требует таланта.

Вампир возник внезапно. Зайдя сзади, он двумя движениями серебряного клинка отправил в мир теней два скелета. Заколдовав еще троих, пробился вперед и, прикрывая собой Сандро и девушек, повернулся лицом к оставшимся неупокоенным.

– Ты вовремя, – с облегчением выдохнул Сандро.

– Они везде. Не убежим, – упрямо твердил свое Батури.

– Прорвемся, – утешал себя некромант, хоть и не верил своим словам.

Тем временем скелеты атаковали. И не было понятно, против кого направлена их агрессия – против всех беглецов или же только против вампира. Батури без особых усилий совладал с тремя неупокоенными из шести, с остальными разобрался Сандро. Оставив место битвы позади, спутники двинулись дальше в призрачной надежде, что им удастся убежать.

Надежды не оправдались.

Следующий отряд неупокоенных они повстречали не дальше чем через сто шагов. На этот раз их было больше, и напали они сразу со всех сторон. Сражение было жарким, но быстрым. Батури колдовал за двоих: Сандро, державший на руках девушку, заметно запаздывал с магическими манипуляциями. Но вампир не нуждался в помощи. При необходимости он мог совладать и с сотней мертвых, и с двумя, если, конечно, не будет поблизости некроманта, способного защитить своих рабов.

Поток мертвых иссяк. Но бежать дальше не было смысла – некуда. Армия Сиквойи слишком растянулась по бленхаймской дороге и сейчас наступала по всем направлениям.

– К фоморам бегство – примем бой, – выдохнул Сандро, приняв решение.

Аккуратно он уложил Энин на землю и вытянул в требовательном жесте руку. Без слов Анэт поняла, что от нее требуется, и вложила посох в ладонь некроманта. Резное дерево удобно, будто было высечено специально для Сандро, улеглось в костяной руке. Приятное тепло пробежало по телу, разнося магическую силу и уверенность в себе.

Некромант заводил посохом, вычерчивая магические руны, сплетая их в единое колдовство, наполняя пассы Силой. Аметистовые глаза кобры светились красным огнем, оставляли по своему следу кровавые линии. Чародей ударил посохом оземь, и неистовый жар пробежал по земле, поднимаясь огненным облаком, прокатился волной в человеческий рост, выжигая все на своем пути. Сандро не знал, скольких мертвых он убил этим заклинанием, и убил ли? Но терн, мешавший обзору, превратился в пепел, открыв взгляду широкий полукруг гари.

– Прикрывай правую сторону, я возьму левую, – распорядился некромант, мельком глянув на Клавдия.

– Дай клинок – с ним у меня будет больше сил. А значит, и больше шансов выжить у всех нас.

Улыбнувшись, Сандро снял с пояса клинок и протянул его вампиру.

– К оружию! – Улыбка мигом стерлась с его лица, взгляд некроманта стал жестким и

упрямым, готовым встретить любую опасность и, если понадобится, даже смерть. Опасность закаляла лучше тренировок.

Из обгорелых зарослей вышли неупокоенные.

Не дожидаясь, когда они приблизятся, чародей атаковал. Магия тьмы требовала анализа связи между хозяином и немертвым рабом. Сандро, наплевав на правила, бил тем заклинанием, которого никогда не знал, но, не зная, уже использовал на одном из уроков Аргануса. Стертое знание пришло само собой, будто ждало в голове некроманта своего времени и наконец дождалось. Чародей ворожил, не обращая внимания на удивленный взгляд вампира, пользовался неограниченной силой, которую дала ему универсальная магия упокоения. Немертвые падали, словно по их ногам прошли косой, и моментально, окутанные тьмой, превращались в прах, умирали, возвращая заблудшие души в привычный ток мироздания. Батури, быстро совладав с удивлением, решил было помочь, но понял, что это лишнее, что все немертвые, которые были достаточно близки, уже умерли последней смертью. А Сандро, словно обезумев, продолжал колдовать, не останавливаясь, не разбирая, против кого направлена его магия.

– Успокойся! – Батури грубо встряхнул чародея за плечи, вырывая того из боевого транса. – Уже никого нет...

– Будут, – хищно улыбнулся Сандро, опьяненный жадой убийств.

И оказался прав. Чащи раздвинулись, и, словно вода, всегда и везде находящая себе дорогу, на выжженную поляну вытекло мертвое море.

Без раздумий и сговоров вампир и некромант ударили волной Тьмы, сминая первые ряды. На смену выпавшим из строя пришли другие, чтобы повторить судьбу предшественников. Сандро чертил в воздухе сигилы; слева от него, сконцентрировавшись, кудесил Батури; у его ног лежала беспамятная Энин, которую в порыве ужаса и страха сжимала в крепких объятьях сестра. Скелеты, наталкиваясь на магию смерти, погибали, но их число не уменьшалось – наоборот, они все прибывали, с каждым мгновением их становилось все больше. Мертвое море остановилось, словно напоревшись на нерушимую плотину, скапливалось, набирало силы, чтобы разрушить непокорный заслон. Но Сандро и Клавдий стояли несокрушимо, слабея, но не показывая этого.

Битва набирала обороты. Сандро колдовал, уже не задумываясь над своим колдовством: он превратился в машину, выполняющую монотонную работу, стал воистину немертвым, лишенным чувств и эмоций. Рядом с ним бок о бок стоял вампир, уже показавший себя не в одном сражении.

Но неведомый кукловод, невидимо руководивший миром, сегодня не соблаговолил. Скелеты – или их полководец, – поняв, что напором не выиграть битвы, пустили в ход луки. И стреляли они наобум, поверх голов своих немертвых соплеменников. Вмиг в воздухе появились сотни и тысячи стрел, обрушившись водопадом стали на оборонявшихся. В последний момент Сандро успел закрыть себя и своих спутников огненной аурой, выжигающей с равным успехом и дерево, и сталь. Но новое заклинание вернуло способность мыслить. Механизм, позволяющий некроманту быть машиной для убийств, заклинило. Замешательство длилось всего мгновение, но его было достаточно, чтобы немертвые прорвали заслон. Батури, прикрывая напарника, задушил накатывающую волну огнем. Сандро, переборов смятение, вернулся к привычному делу, однако новый град стрел вновь заставил его на мгновение остановиться.

– Уходи! – превратив в пепел очередной залп, выдавил Сандро. – Уводи девушек!

– Обоих не смогу. – Клавдий ответил ментальным голосом, и чародей только сейчас заметил, что горло вампира насквозь пронзила стрела. С ужасом понял, что следующего залпа может и не отбить.

– По очереди, – приказал Сандро, срывая с пояса кожаную флягу, наполненную эликсиром «недоросли», и кидая ее вампиру: – Первой – Энин.

Поймав подношение, Батури, как истинный воин, молча выполнил приказ. Отодвинул в сторону обомлевшую от страха Анэт и, подхватив Энин, метнулся вниз с обрыва.

Сандро колдовал, не останавливаясь, но, оставшись без поддержки, не мог сдерживать напора немертвых. С каждый мгновением неупокоенные приближались. Они продвигались медленно, шаг за шагом, но остановить прорвавшуюся плотину чародею уже не удавалось. Сил было все меньше, магия давалась все сложнее, а на смену боевому пылу и азарту приходила усталость.

Ситуация выходила из-под контроля.

Сандро изо всех сил сжал посох, до боли в левой руке, на которой еще сохранилась плоть, бледная, как свежий лист бумаги, и такая же тонкая кожа. Костяшки пальцев покраснели. Жилы на шее юноши напряглись, набухая. И без того ужасающее лицо исказилось, превратив чародея в монстра.

Яростная магия сама собой слетела с посоха. Аметистовые глаза кобры озарили выжженную поляну красным светом, столь ярким, что перед ним померк бы и свет маяка. Змей, такой же, каких девятилетний мальчик из Стигии запускал со своими сверстниками, лишь в сотни раз больший и вылитый из жаркого пламени, вырвался из древнего посоха и накрыл собой поляну, погребая в огненной утробе скелеты и зомби, мечников и стрелков.

На долгое мгновение в округе воцарилась тишина. Тихо шумел ветер, внизу, под обрывом, мерно шелестели пожухлые в предзимних холодах листья и вечнозеленая хвоя деревьев, хрипло вырывался воздух из ополовиненных легких и едва слышались всхлипы перепуганной девушки. Мир погрузился в забытие. Жил лишь огонь, никак не желающий гаснуть. Горел на сотни шагов вперед, справа, слева, прожигая саму землю. И медленно, лязгая оружием и доспехами, навстречу шагали новые отряды нежити. Их ноги плавилась в огненном море. Но немертвые, не ведая страха, шли, по песчинке теряя конечности, шли неуклюже, порой даже смешно, и от этого еще более пугающе.

Огонь погас.

И в следующее же мгновение мир ожил. С неистовым, утробным ревом мертвое море двинулось в атаку, пошли в ход новые заклинания, взмыли стрелы, заходила ходуном земля, словно могучий великан бил внизу по отвесной скале.

Бой вернулся в привычный ритм. Сандро вздохнул с облегчением. Он и сам испугался своей волшбы, испугался той мощи, той ненависти, которые он вложил в свое заклинание. Испугался, что эти мощь и ненависть когда-то обернутся против него самого. Если «когда-то» наступит...

Немертвые приближались, с каждым мигом их становилось все больше. Но Сандро уже не паниковал, не боялся спокойной ярости, горящей в огненных глазах. Он был сильнее, мудрее, везучее всех тех, кто пытался до него дотянуться. Неупокоенные падали за десяток шагов перед некромантом, падали и уже не вставали, выстилая своими смертями путь другим. Другие падали уже за пять шагов, за шаг, за полшага.

Анэт, словно переняв внутреннюю уверенность чародея, стояла, гордо выпрямив спину, и смотрела в лицо приближающейся смерти. Она хотела притронуться к юноше, чтобы ощутить его силу, чтобы слиться с ним в его холодной мощи и быть с ним. Сандро шагнул назад, приближаясь к Анэт. Девушка вытянула руку, почти касаясь спрятанного за черными одеяниями плеча. Немертвые приблизились на шаг, и чародей вновь отступил, почувствовал боязливое касание чужой руки. Испугался, что это Энин и она в опасности. Обвел посохом круг, убивая врагов, и ринулся атаку.

Не боясь, скелеты рвались вперед, гибли, напарываясь на несокрушимого мага, но войско не отступало, даря чародею новые жертвы. Усталость сменилась эйфорией, вновь измором выросла на тело, словно ракушки на каменистый берег, отягощая.

Битва обещала быть долгой. Бесконечной. Осознание этого утомляло больше, чем телесная слабость. Но Сандро шел вперед, разметаю врагов – молча, рьяно. И остановился. Тяжело дыша, падая от усталости. Сил больше не осталось даже для того, чтобы стоять на ногах: ноги подкосились, и чародей упал на колени. Он больше не мог сражаться и отдал себя на растерзание победителю. Закрыв глаза...

– Очнись! – приказывал знакомый голос, крепкие руки теребили, не позволяя погрузиться в забытие – такое желанное, такое теплое, мягкое. – Очнись! – Его потащили по земле – нагло, грубо. От такой неслыханной дерзости, которую к нему проявляли, Сандро разлепил веки. – Очухался? – укоризненно спросил вампир.

– Отбились? – Сандро ничего не видел, кроме острых оскаленных клыков.

– Как же! Жди! – фыркнул Клавдий. Юноша только сейчас заметил застывших в ледяных оковах неупокоенных и других немертвых, мечами убивающих своих же, пытаюсь пробить себе дорогу.

Сандро высвободился из цепкой хватки вампира и выпрямился, приходя в себя и выкидывая из головы наваждение.

Чувство опасности пришло внезапно. Чародей готов был поклясться, что видел огонь, рвущийся на него, на Батури и Анэт, пожирающий, умертвляющий, но понял, что это видение. И все же выговорил заклинание «ледяного биома», способное защитить от этого пламени.

Спустя мгновение появился огонь, который сейчас уже не мог навредить. Ледяной щит затрещал по швам, загудел, ломаясь, как скорлупа. Но лопнул, сдержав чужую магию.

– Как ты догадался?

– Я сын Видящей, – твердо зная, что так оно и есть, ответил Сандро.

– И что будет дальше?

– Но не пророк, – добавил, помолчав.

То, что произошло дальше, Сандро часто вспоминал, сидя в темном замке на краю мира, и винил себя, потому что не смог увидеть будущего и помочь. Тьма, словно щупальца кракена, окутала вампира, сдавливая, сжимая, и тараном отбросила далеко назад, скидывая с обрыва. Клавдий, не успев издать ни звука, черным коконом рухнул с утеса. Сандро не пытался ему помочь: знал – не сумеет, бессмысленно потратит драгоценное время. Он обернулся, чтобы защититься от магии, но не успел. Тьма сковала его по рукам и ногам, опрокинула наземь, но душить, как душила вампира, не стала.

И в этот миг перед Сандро предстал повелитель Арганусова воинства, советник преданной Гильдии – Сиквойя. Некромант важно прошествовал через заслон своих слуг – рабов Аргануса – и остановился у поверженного чародея:

– Ты хорошо сражался, но недостаточно хорошо, чтобы победить.

– Отпусти, – приказал – не попросил – Сандро, почти не веря, что приказ будет исполнен.

– С какой стати?

– Ты хотел поговорить. Иначе я был бы уже мертв. Значит, я тебе нужен. А раз так, то тебе придется меня освободить. Или ты не услышишь ни слова.

Сиквойя задумался. Несмотря на молодость и отсутствие опыта, мальчик был силен. Рисковать не хотелось.

– Нет, – решил-таки некромант.

– Помолчим.

– Ты меня выслушаешь...

– Нет.

– Или твоя спутница умрет, – пригрозил Сиквойя.

– Пусть умирает.

Анэт содрогнулась, напряглась. Она уже похоронила себя, разуверившись в спасении, но это не дало ожидаемой храбрости. Посох полководца-мага запульсировал, будто собираясь прервать ток девичьей жизни, но вместо этого опали бесцветной пылью магические цепи, сковавшие полулица. Сандро поднялся, не выпуская из рук своего оружия.

– Если попытаешься сопротивляться, немертвые завершат начатое – никакая магия не поможет.

Сандро кивнул:

– Говори.

– Арганус приказал убить тебя... – соврал Сиквойя. Он волновался, словно перед ним был не юный мальчишка, а всезнающий властелин, и от этого был многословен. – Но мне ты нужен живым. Д’Эвизвил никому не рассказывает о своих планах, но он не самый хитрый игрок, хоть и считает себя таковым. Его самоуверенность делает его слабым, – шептал, будто боясь, что его услышат посторонние уши, некромант. Сандро стоял молча, обдумывая свои дальнейшие действия. Он получил отсрочку, у него появилось время, но это не давало ровным счетом ничего. Он окружен. Впереди – бесчисленная армия нежити, позади – смертельная пропасть. Сандро еще не знал, что выторговывает Сиквойя, но уже сейчас предчувствовал неладное. – Но я нашел способ обойти старого проныру, – продолжал тем временем некромант. – Лазарь слишком любит... любил, – поправил себя лич, – книги. Я дал ему книгу Эреба, и за нее он не поскупился на информацию, рассказав мне весьма многое – даже то, что мне было абсолютно ненужным. Так я посчитал тогда. А сейчас... я благодарен Лазарю за его болтливость. Он поведал мне о мальчике, который в алхимии превзошел своего учителя. Я не сразу понял, что речь шла о тебе. Это ты изобрел эликсир неподчинения, ты дал своему Хозяину свободу. Если сделаешь это зелье для меня, я позволю тебе уйти, даже сам проведу до границы. В моих руках армии Аргануса. – Часть армий, причем меньшая, но Сиквойя посчитал, что говорить об этом не стоит. – Он не сможет тебе навредить.

– Где гарантии, что ты не убьешь меня, как только я создам эликсир? – безучастно спросил Сандро, оттягивая время, обдумывая, что делать дальше.

– Гарантии – мое честное слово.

– Пустышка.

– Это лучше, чем смерть.

– Лучше? – поднял единственную бровь Сандро, искоса глядя на некроманта.

Взгляд заставил Сиквойю помедлить с ответом. Юный чародей занял образовавшуюся паузу тихим словом, которого некромант не смог разобрать. Прежде чем Сиквойя понял свою оплошность, его отшвырнуло назад, – магические щиты спасли от верной гибели.

– Лучше? – повторил вопрос Сандро и ответил: – Нет. Что жизнь, что смерть! – разворачиваясь, прорычал он и, схватив Анэт за руку, сиганул вниз с обрыва.

– ...Что смерть?.. смерть... смерть... – вторил приглушенным эхом безмолвный утес, унося вниз, к кронам деревьев, два людских тела. С хрустом одно из них ударилось о камень и мешком покатило по склону, второе, не коснувшись скалы, быстро приближалось к зеленым чащам, но в том, что оно повторит судьбу первого, не было сомнений. – Что смерть?.. смерть...

Мертвое море, на мгновение застыв над бездной, постояв, получило неслышимый приказ и вернулось в свое первичное русло. У него были другие цели, нежели поиск самоубийц. Зомби и скелеты – не живые и не мертвые, – они, как и Сандро, не знали, что такое жизнь и что означает смерть. Но продолжали тянуть бремя своего существования.

А юный чародей, распрощавшись с ярмом, стал истинно свободным, ожил в падении, в свободном падении – и уже не боялся хруста ломающихся костей. Он, не веря в богов и богинь, начертал в воздухе молитвенный круг и, отдаваясь на милость высшим силам, закрыл глаза.

«Будь что будет...» – подумал он, обрушившись в сплетение вековых крон, насаживаясь на пики дубовых ветвей.

Комментарии

1

Эбэнис (от греческого *ebenos* – «черное дерево») – совершенный изолятор, не вступающий в реакции с большинством веществ даже при больших температурах.

2

Салютарис – высшая степень познания, когда душа познавшего соединяется с духом Валии (в учениях культа Симионы – с духом Созидательницы). Это слияние позволяет достигшему салютариса повелевать силами природы (в культе Симионы – воскрешать умерших и менять ток событий).

3

Ветлы – белые ивы (не отличающиеся пышным цветением).

4

Ликтор – чтец королевских указов.

5

«Божественное дуновение» – как храм Симионы, так и церковь Эстера – две наиболее многочисленные религиозные группы, верующие в единого бога, – несмотря на различность канонов, имели и некоторые схожести в своих учениях. Так, симионцы верили, что Созидательница вылепила из глины куклу, эстеры же считали, что Создатель изваял человека из камня, но и те, и другие сходились в том, что Ёдин (единый бог, в данном случае Симиона и Эстер) «вдохнул» в человека душу, дав ему чувства и дар мыслить.

6

Хель – царство мертвых и проклятых. Грешники, не искупившие своих грехов и не оправданные на Суде, попадали в Хель, где вечно томились в бесконечных и нескончаемых душевных страданиях и телесных муках.

7

Манипула – основное тактическое подразделение легиона. Численность манипул не была строго фиксированной.

8

Ковчег – ящик, короб, сундук,местилище для чего-либо.

9

Великое Делание – алхимический процесс получения так называемого *философского камня*, способного превращать ртуть и другие металлы в золото и серебро. На самом деле процесс Великого Делания несет в себе более серьезный смысл: он перерождает самого алхимика, делая его практически бессмертным, а получение философского камня (Золотого Льва, Серебряного Льва и т. д.) – явление всего лишь сопутствующее. По легендам, Великое Делание получилось у Раймунда Луллия, графа Сен-Жермена и др., в том числе у Френсиса Бэкона, которого многие считают основателем Ордена розенкрейцеров Кристианом Розенкрейцем, который позже воплощался в Сен-Жермена и других живущих бесконечно долго.

10

Геард – магический знак.

11

Квеитизм – полная отрешенность, спокойное, лишенное аффектов пассивное поведение.

12

Луковица – куб для перегонки спиртов лукообразной формы. Отличается множественным закрытым циклом, который позволяет получать высокоградусные спирты.

13

Собачьи бои – некроманты выращивают определенные породы собак, после чего убивают их по специфическому ритуалу и оживляют. Такие собаки превосходные бойцы, и некроманты, выставив двух собак для сражения, делают ставки на победу одной из них. Ни одно празднование или пиршество не проходит без собачьих боев.

14

Хель – Богиня смерти, именем которой называют страну мертвых.

15

Волкулаки – порода боевых собак, которыми славилась область Бленхайм.

16

Роверцы – порода коней, выведенная в Хельхейме и предназначенная для немертвых наездников. Роверцы не боятся нежити и сами наполовину мертвы. Порода достаточно редкая и дорогая, поэтому позволить ее себе могут далеко не все. Особенности роверских жеребцов являются их бесплодность и крутизна норова. Новые особи выводятся путем скрещивания полукровок родиримиан и гоготов с единственной в своем роде роверской кобылой Мимит.

17

Йотун – дикий зверь, обитавший в лесах Стигии, позже встречался и в лесах Хельхейма. Вес взрослого йотуна колеблется от 10 до 15 пудов, а рост составляет 8-10 футов. Йотуны всеядны. Чаще питаются ягодами и плодами, но в зимнее время, когда другой пищи нет, не брезгают и мясом. Не имея естественных врагов, зимой йотуны особо опасны. Часто нападают на людей. Во время атаки становятся на задние лапы и наносят удары передними, передвигаются на четырех.

18

Голконда – рай для вампира, когда солнечный свет не вредит, а жажда и необходимость пить кровь исчезает полностью или достигает минимума.

19

Манфия – область Хельхейма.

20

Гильдмастер – первый советник Гильдии.

21

Шеважник – от слова «шеваж» – подушная подать.

22

Немёртвие – дух колдуна или колдуньи, способный даже после смерти использовать магию и без особых усилий передвигать материальные предметы.

23

Фоморы – существа, представляющие темные силы хаоса. Считают, что слово фоморы означает «подводные»; в любом случае фоморы всегда тесно связывались с морем: их короли всегда живут где-то за морем, недоступная башня Конанда, одного из царей фоморов, находится на «стеклянном острове посреди океана». Но вообще фоморы – обитателями потустороннего мира.

24

Руны, обозначающие соответственно: желание, воплотить, разрушение. Последняя по тексту – руна «достигнуто».